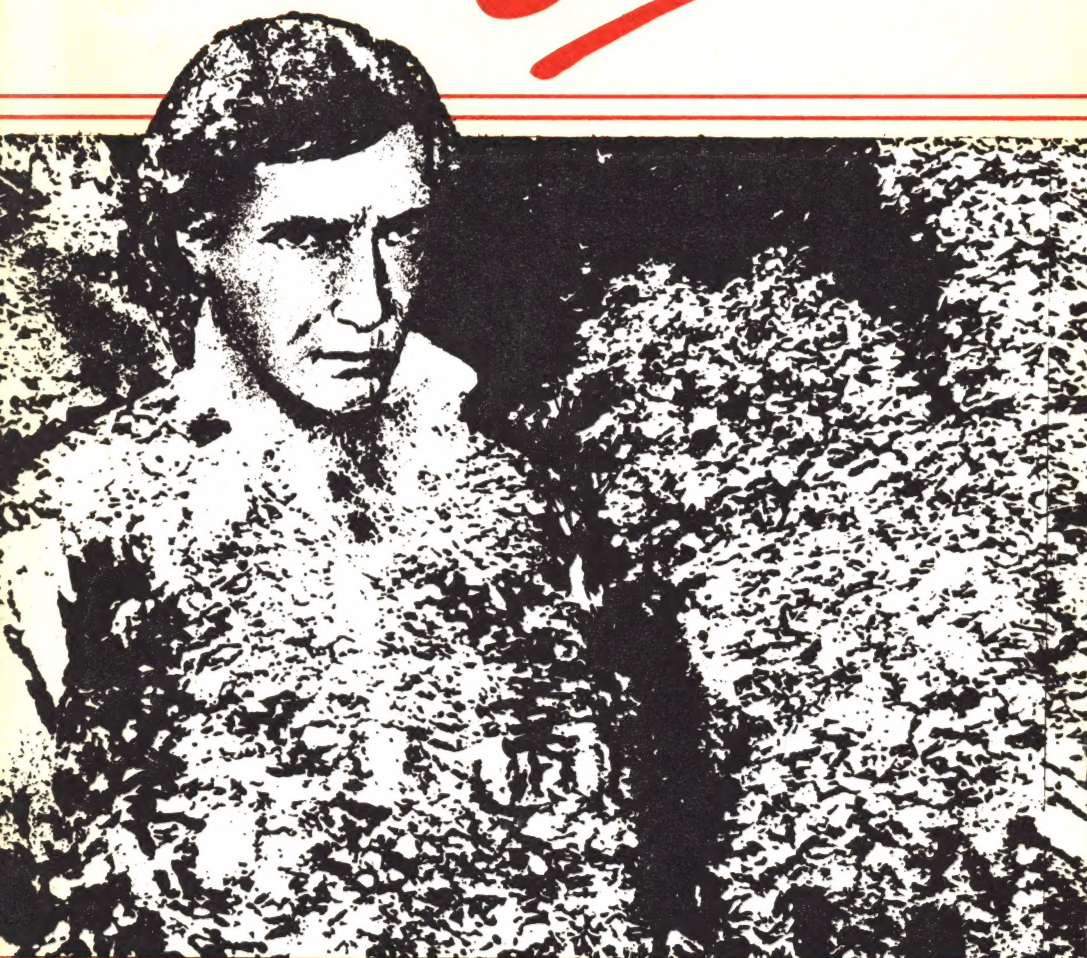

М.АРЦЫБАШЕВ

СДЖИЖ

Rarity Reprints No. 10

М. АРЦЫБАШЕВ

M. Artsybashev

САНИН

SANIN

BRADDA BOOKS
Letchworth, Hertfordshire
1969

М.АРЦЫБАШЕВ

СЛНИН

Репринтное издание

Совместное советско-западногерманское
предприятие „Вся Москва”

1990

САНИН

*Только это нашёл я, что Богъ
создалъ человека правымъ, а люди
пустились во многіе помыслы.*

7. 29.

Екклѣзіастъ

I.

То, самое важное въ жизни, время, когда подъ вліяніемъ первыхъ столкновеній съ людьми и природой складывается характеръ, Владиміръ Санинъ прожилъ внѣ семьи. Никто не слѣдилъ за нимъ, ничья рука не гнула его и душа этого человѣка сложилась свободно и своеобразно, какъ дерево въ полѣ.

Онъ не былъ дома много лѣтъ и когда пріѣхалъ, мать и сестра Лида почти не узнали его: чертами лица, голосомъ, манерами онъ измѣнился мало, но въ немъ сказывалось что-то новое, незнакомое, что созрѣло внутри и освѣтило лицо новымъ выраженіемъ.

Пріѣхалъ онъ къ вечеру и такъ спокойно вошелъ въ комнату, какъ будто вышелъ изъ нея пять минутъ тому назадъ. Въ его высокой свѣтловолосой и плечистой фигурѣ, съ спокойнымъ и чуть-чуть, въ однѣхъ только уголкахъ губъ, насмѣшливымъ выраженіемъ лица, не было замѣтно ни усталости, ни волненія, и тѣ шумные восторги, съ которыми встрѣтили его мать и Лида, какъ то сами собой улеглись.

Пока онъ ѣлъ и пилъ чай, сестра сидѣла противъ него и смотрѣла, не сводя глазъ. Она была влюблена въ брата, какъ могутъ влюбляться только въ отсутствующихъ братьевъ

молодых экзальтированных дѣвушки. Лида всегда представляла себѣ брата человѣкомъ особеннымъ, но особеннымъ именно тою особенностью, которая съ помощью книгъ была создана ею самою. Она хотѣла видѣть въ его жизни трагическую борьбу, страданіе и одиночество непонятнаго великаго духа.

— Что ты на меня такъ смотришь? — улыбаясь, спросилъ ее Санинъ.

Эта внимательная улыбка, при уходящемъ въ себя взглядѣ спокойныхъ глазъ, была постояннымъ выраженіемъ его лица.

И, странно, эта улыбка, сама по себѣ красивая и симпатичная, сразу не понравилась Лидѣ. Она показалась ей самодовольной и ничего не говорящей о страданіяхъ и переживаемой борьбѣ. Лида промолчала, задумалась и, отведя глаза, стала машинально перелистывать какую-то книгу.

Когда обѣдъ кончился, мать ласково и нѣжно погладила Санину по головѣ и сказала:

— Ну, расскажи, какъ ты тамъ жилъ, что дѣлалъ?

— Что дѣлалъ? — переспросилъ Санинъ улыбаясь; — чтожъ... пилъ, ѣлъ, спалъ, иногда работалъ, иногда ничего не дѣлалъ...

Сначала казалось, что ему не хочется говорить о себѣ, но когда мать стала спрашивать, онъ, напротивъ, очень охотно сталъ рассказывать. Но почему-то чувствовалось, что совершенно безразлично, какъ относятся къ его рассказамъ. Онъ былъ мягокъ и внимателенъ, но въ его отношеніяхъ не было интимной, выдѣляющей изъ всего міра близости родного человѣка, и казалось, что эти мягкость и внимательность исходятъ отъ него просто, какъ свѣтъ отъ свѣчи, одинаково равно на все.

Они вышли на террасу въ садъ и сѣли на ступенькахъ. Лида примостилась ниже и отдѣльно и молча прислушивалась къ тому, что говоритъ братъ. Неуловимая струйка холода уже прошла въ ея сердцѣ. Острымъ инстинктомъ молодой женщины она почувствовала, что братъ вовсе не то, чѣмъ она воображала его, и она стала дичиться и смущаться, какъ чужого.

Быль уже вечеръ и мягкая тѣнь спускалась вокругъ. Санинъ закурилъ папиросу и легкій запахъ табаку примѣшивался къ душистому лѣтнему дыханію сада.

Санинъ разсказывалъ, какъ жизнь бросала его изъ стороны въ сторону, какъ много приходилось ему голодать, бродить, какъ онъ принималъ рискованное участіе въ политической борьбѣ и какъ бросилъ это дѣло, когда оно ему надоѣло.

Лида чутко прислушивалась и сидѣла неподвижно, красивая и немного странная, какъ всѣ красивыя дѣвушки въ весеннихъ сумеркахъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше и больше выяснялось, что жизнь, рисовавшаяся ей въ огненныхъ чертахъ, въ сущности была простой и обыкновенной. Что-то особенное звучало въ ней, но что Лида не могла уловить. А тамъ выходило очень просто, скучно, и, какъ показалось Лидѣ, даже банально. Жилъ онъ, гдѣ придется, дѣлалъ, что придется, то работалъ, то слонялся безъ цѣли повидимому, любилъ пить и много зналъ женщинъ. За этой жизнью вовсе не чудился мрачный и зловѣщій рокъ, котораго хотѣлось мечтательной женской душѣ Лиды. Общей идеи въ его жизни не было, никого онъ ненавидѣлъ и ни за кого не страдалъ.

Срывались такіа слова, которые почему то казались Лидѣ просто некрасивыми. Такъ, мелькомъ Санинъ упомянулъ, что одно время онъ такъ бѣдствовалъ и обносился, что ему приходилось самому починять себѣ брюки.

— Да ты развѣ умѣешь шить? — съ обиднымъ недоумѣніемъ невольно отозвалась Лида, ей показалось это некрасивымъ, не по мужски.

— Не умѣлъ раньше, а какъ пришлось, такъ и выучился, — съ улыбкой отвѣтилъ Санинъ, догадавшись о томъ, что чувствовала Лида.

Дѣвушка слегка пожала плечами и замолчала, неподвижно глядя въ садъ. Она почувствовала себя такъ, точно проснувшись утромъ съ мечтою о солнцѣ, увидѣла небо сѣрымъ и холоднымъ.

Мать тоже чувствовала что-то тягостное. Ее больно кольнуло, что сынъ не занималъ въ обществѣ того почетнаго мѣста, которое долженъ былъ бы занять ея сынъ. Она начала говорить, что дальше такъ жить нельзя, что надо хоть теперь устроиться хоть сколько нибудь прилично. Сначала она говорила осторожно, боясь оскорбить сына, но когда замѣтила, что онъ слушаетъ не внимательно, сейчасъ же раздражилась и стала настаивать упрямо, съ тупымъ старушечьимъ озлобленіемъ, точно сынъ нарочно поддразнивалъ ее. Санинъ не удивился и не разсердился; онъ даже какъ будто и слышалъ

ее плохо. Онъ смотрѣлъ на нее ласковыми безразличными глазами и молчалъ. Только на вопросъ:

— Да какъ же ты жить будешь?

Отвѣтилъ улыбаясь:

— Какънибудь!

И по его спокойному твердому голосу и свѣтлымъ немигающимъ глазамъ почувствовалось, что эти два, для нея ничего не значащія слова, для него имѣютъ всеобъемлющій, опредѣленный и глубокий смыслъ.

Марья Ивановна вздохнула, помолчала и печально сказала:

— Ну, твое дѣло... Ты уже не маленькій... Вы бы пошли по саду прогулялись, теперь тамъ хорошо.

— Пойдемъ, Лида, и въ самомъ дѣлѣ... Покажи мнѣ садъ, — сказалъ Санинъ сестрѣ: — я уже позабылъ, какъ тамъ.

Лида очнулась отъ задумчивости, тоже вздохнула и встала.

Они пошли рядомъ, по аллеѣ въ сырую и уже темную зеленую глубину.

Домъ Саниныхъ стоялъ на самой главной улицѣ города, но городъ былъ маленькій, и садъ выходилъ прямо къ рѣкѣ, за которой уже начинались поля. Домъ былъ старый, барскій, съ задумчивыми облупившимися колоннами и обширной террасой, а садъ большой, заросшій и темный, какъ темнозеленая туча, прикипшая къ землѣ. По вечерамъ въ саду было жутко и тогда казалось, что тамъ, въ чащѣ и на пыльных чердакахъ стараго дома, бродитъ какой-то доживающій, старый и унылый духъ.

Въ верхнемъ этажѣ дома пустовали обширныя, потемнѣвшія залы и гостиныя, во всемъ саду была прочищена только одна неширокая аллея, украшенная лишь сухими вѣточками да растоптанными лягушками, и вся теперешняя жизнь, скромная и тихая, ютилась въ одномъ уголкѣ. Тамъ, возлѣ самаго дома, желтѣлъ посыпанный песокъ, пестрѣли кудрявыя клумбы, осыпанныя разноцвѣтными цвѣтами, стоялъ зеленый деревянный столъ, на которомъ въ хорошую погоду лѣтомъ пили чай и обѣдали, и весь этотъ маленькій уголокъ теплѣлъ простою мирной жизнью, не сливаясь съ угрюмой красотой обширнаго запустѣлаго мѣста, предоставленнаго естественному разрушенію и неизбѣжному исчезновенію.

Когда домъ скрылся въ зелени и вокругъ Лиды и Санина встали одни молчаливыя неподвижныя и задумчивыя, какъ живыя существа, старыя деревья, Санинъ вдругъ обнялъ Лиду за талию и страннымъ, не то ласковымъ, не то влюбленнымъ голосомъ сказалъ:

— А ты красавицей выросла!.. Счастливъ будетъ тотъ мужчина, котораго ты перваго полюбишь...

Горячая струйка пробѣжала отъ его мускулистой, точно желѣзной руки по гибкому и нѣжному тѣлу Лиды. Она смутилась, вздрогнула и чуть чуть отшатнулась, точно почувствовавъ приближеніе невидимаго звѣря.

Они уже вышли на самый берегъ рѣки, гдѣ пахло сыростью и водой, задумчиво раскачивалась островерхая осока и открывался другой берегъ, съ далекими потемнѣвшими полями, глубокимъ теплымъ небомъ и блѣдными искрами первыхъ звѣздъ.

Санинъ отошелъ отъ Лиды, зачѣмъ то взялся обѣими руками за толстый сукъ дерева и, съ трескомъ отломивъ его, бросилъ въ воду. Всколыхнулись и побѣжали во всѣ стороны плавныя круги, и, точно привѣтствуя Санина, какъ своего, торопливо закланялась прибрежная осока.

II.

Было около шести часовъ. Солнце свѣтило ярко, но отъ сада уже опять надвигалась мягкая зеленоватая тѣнь. Свѣтъ, тишина и тепло чутко стояли въ воздухѣ. Марья Ивановна варила варенья и подъ зеленой липой вкусно и крѣпко пахло кипящимъ сахаромъ и малиной.

Санинъ съ самаго утра возился надъ клумбами, стараясь поднять поникшія отъ зноя и пыли цвѣты.

— Ты бы бурьянъ раньше повыдергалъ, — посовѣтовала Марья Ивановна, поглядывая на него сквозь синеватую дрожащую дымку жаровни. — Ты прикажи Грунькѣ, она тебѣ и сдѣлаетъ...

Санинъ поднялъ потное и веселое лицо.

— Зачѣмъ, — сказалъ онъ, встряхивая волосами, прилипшими ко лбу, — пусть себѣ растетъ, я всякую зелень люблю.

— Чудакъ ты! — добродушно пожимая плечами, возразила мать, но почему то ей было очень пріятно то, что онъ сказалъ.

— Сами вы всё чудачки! — отвѣтилъ Санинъ тономъ полнаго убѣжденія, потомъ пошелъ въ домъ мыть руки, вернулся и сѣлъ у стола, удобно и спокойно расположившись въ плетеномъ креслѣ.

Ему было хорошо, легко и радостно. Зеленъ, солнце, голубое небо такимъ яркимъ лучемъ входили въ его душу, что вся она раскрывалась имъ навстрѣчу въ ощущеніи полнаго счастья. Большіе города, съ ихъ торопливымъ шумомъ и суетливой цѣпкой жизнью, опротивѣли ему. Вокругъ были солнце и свобода, а будущее не заботило его, потому что онъ готовъ былъ принять отъ жизни все, что она могла дать ему.

Санинъ жмурился и потягивался, съ глубокимъ наслажденіемъ вытягивая и напрягая свои здоровые, сильные мускулы.

Вѣяло тихой и мягкой прохладой, и казалось, что весь садъ вадыхаетъ кротко и глубоко. Воробьи чирикали гдѣ то, и близко и далеко, воровато и торопливо переговариваясь, о своей маленькой, страшно важной, но никому непонятной жизни; а пестрый фоксъ-терьеръ Милль, высунувъ красный языкъ и поднявъ одно ухо, снисходительно слушалъ ихъ изъ гущи свѣжей зеленой травы. Листья тихо шелестѣли надъ головой, а ихъ круглыя тѣни беззвучно шевелились на ровномъ пескѣ дорожки.

Марью Ивановну болѣзненно раздражало спокойствіе сына. Какъ и всѣхъ своихъ дѣтей, она очень любила его, но именно потому у нея кипѣло сердце и ей хотѣлось возмутить его, задѣть его самолюбіе, оскорбить, — лишь бы заставить придать цѣну ея словамъ и ея понятію о жизни. Каждое мгновеніе своего долгаго существованія она, какъ муравей, зарывшійся въ пескѣ, неустанно копошилась надъ созданіемъ хрупкаго, рассыпчатаго зданія своего домашняго благосостоянія. Это скучное, длинное и однообразное зданіе, похожее и на казарму и на больницу, составлялось изъ мельчайшихъ кирпичиковъ, которые ей, какъ бездарному архитектору, казались украшеніемъ жизни, а на самомъ дѣлѣ то стѣсняли, то раздражали, то пугали и всегда заботили ее до тоски. Но все таки она думала, что иначе жить нельзя.

— Ну, что-жъ... такъ и дальше будетъ? — спросила она, поджавъ губы и притворно внимательно глядя въ тазъ съ вареньемъ.

— Какъ, дальше? — спросилъ Санинъ и чихнулъ.

Марья Ивановнѣ показалось, что и чихнулъ онъ нарочно чтобы ее обидѣть, и хотя это было очевидно нелѣпо, она обидѣлась и надулась.

— А хорошо у васъ тутъ! — мечтательно сказалъ Санинъ.

— Недурно... — считая нужнымъ сердиться, сдержанно отвѣтила Марья Ивановна, но ей было очень пріятно, что сынъ похвалилъ домъ и садъ, съ которыми она сжилась, какъ съ родными милыми существами.

Санинъ посмотрѣлъ на нее и задумчиво сказалъ:

— А если бы вы не приставали ко мнѣ со всякими пустяками, то и еще лучше было бы.

Незлобивый голосъ, которымъ это было сказано, противорѣчилъ обиднымъ словамъ, и Марья Ивановна не знала, сердиться ей или смѣяться.

— Какъ посмотрю я на тебя, — съ досадой сказала она: — и въ дѣтствѣ ты былъ какой то ненормальный, а теперь...

— А теперь? — спросилъ Санинъ такъ весело, точно ожидалъ услышать что то очень пріятное и интересное.

— А теперь и совсѣмъ хорошъ! — колко отвѣтила Марья Ивановна и махнула ложкой.

— Ну, тѣмъ и лучше! усмѣхнулся Санинъ и помолчавъ прибавилъ: — а вотъ и Новиковъ идетъ.

Отъ дома шелъ высокій, красивый бѣлокурый человѣкъ. Его красная шелковая рубаша, плотно обтягивающая немного пухлое, но рослое и красивое тѣло, ярко вспыхивала красными огоньками подъ солнечными пятнами, а голубые глаза смотрѣли ласково и лѣниво.

— А вы все ссоритесь! — такимъ же лѣнивымъ и ласковымъ голосомъ протянулъ онъ еще издали. — И о чемъ, ей Богу!...

— Да вотъ, мама находить, что мнѣ больше шелъ бы греческій носъ, а я нахожу, что какой есть и слава Богу!

Санинъ сбоку посмотрѣлъ на свой носъ, засмѣялся и пожалъ пухлую широкую ладонь Новикова.

— Ну, еще что! — съ досадой отозвалась Марья Ивановна.

Новиковъ громко и весело засмѣялся, и круглое мягкое эхо добродушно захохотало въ зеленой чащѣ, точно кто то добрый и тихій радовался тамъ его веселью.

— Ну, я са-амъ знаю...все о твоей судьбѣ хлопоты идутъ!

— Вотъ поди-жь ты! — съ комическимъ недоумѣніемъ сказалъ Санинъ.

— Ну, такъ тебѣ и надо!

— Эге! — вскрикнулъ Санинъ: если вы за меня въ два голоса прийметесь, такъ я и сбѣжать могу!

— Я сама, кажется, скоро сбѣгу! — съ неожиданной и, больше всего для нея самой, неприятной злобой проговорила Марья Ивановна, рывкомъ дернула тазъ съ жаровни и пошла въ домъ, не глядя ни на кого. Пестрый Милль выскочилъ изъ травы, поднялъ оба уха и вопросительно посмотрѣлъ ей вслѣдъ. Потомъ почесалъ носомъ переднюю лапу, опять внимательно посмотрѣлъ на домъ и побѣжалъ куда то въглубь сада по своимъ дѣламъ.

— Папиросы у тебя есть? — спросилъ Санинъ, очень довольный тѣмъ, что мать ушла.

Новиковъ досталъ портсигаръ, лѣниво изогнувъ назадъ свое крупное спокойное тѣло.

— Напрасно ты ее дразнишь, — съ ласковой укоризною протянулъ онъ: — женщина она старая...

— Чѣмъ я ее дразню?

— Да вотъ...

— Что жъ «вотъ»?.. Она сама ко мнѣ лѣзетъ. Я, братъ, никогда отъ людей ничего не требовалъ, пусть и они оставляютъ меня въ покоѣ...

Они помолчали.

— Ну, какъ живешь, докторъ? — спросилъ Санинъ, внимательно слѣдя за изящно прихотливыми узорами табачнаго дыма, нѣжно свивавшагося въ чистомъ воздухѣ надъ его головой.

Новиковъ, думая о другомъ, отвѣтить не сразу.

— Пло-хо...

— Что такъ?

— Да такъ, вообще... Скучно. Городишко осточертѣлъ по самое горло, дѣлать нечего.

— Это тебѣ то дѣлать нечего? А самъ жаловался, что задохнуть некогда.

— Я не о томъ говорю... Нельзя же вѣчно только лѣчить да лѣчить. Есть же и другая жизнь.

— А кто тебѣ мѣшаетъ жить и другой жизнью?

— Ну, это вопросъ сложный!

— Чѣмъ же сложный?.. И что тебѣ еще нужно: человѣкъ ты молодой, красивый и здоровый.

— Этого оказывается, мало! — съ добродушной ироніей возразилъ Новиковъ.

— Какъ тебѣ сказать, — улыбнулся Санинъ: — этого, пожалуй, даже много...

— А мнѣ не хватаетъ! — засмѣялся Новиковъ; по смѣху его было слышно, что мнѣніе Санина о его красотѣ, силѣ и здоровьѣ было ему пріятно, и что онъ слегка смущенъ, точно барышня на смотринахъ.

— Тебѣ не хватаетъ одного, — задумчиво сказалъ Санинъ.

— Чего же?

— Взгляда настоящаго на жизнь... Ты, вотъ, тяготишься однообразіемъ своей жизни, а позови тебя ктонибудь бросить все и пойти, куда глаза глядятъ, ты испугаешься.

— Куда? Въ босяки? Хм!..

А хоть бы и въ босяки!.. Знаешь, смотрю я на тебя и думаю: вотъ человѣкъ, который при случаѣ способенъ за какуюнибудь конституцію въ Россійской имперіи сѣсть на всю жизнь въ Шлиссельбургъ, лишиться всякихъ правъ, свободы, всего... А казалось бы, что ему конституція?... А когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы перевернуть надобвшую собственную жизнь и пойти искать интереса и смысла на сторону, сейчасъ же у него возникаетъ вопросъ: а чѣмъ жить, а не пропаду ли я, здоровый и сильный человѣкъ, если лишусь своего жалованья, а съ нимъ вмѣстѣ сливокъ къ утреннему чаю, шелковой рубашки и воротничковъ?... Странно, ей Богу!

— Ничего тутъ страннаго нѣтъ... Тамъ дѣло идейное, а тутъ...

— Что тутъ?

— Да... какъ бы это выразиться... — Новиковъ пощелкалъ пальцами.

— Вотъ видишь, какъ ты разсуждаешь! — перебилъ Санинъ: — сейчасъ у тебя эти подраздѣленія!... Вѣдь не повѣрю же я, что тебя больше гложетъ тоска по конституціи, чѣмъ по смыслу и интересу въ собственной твоей жизни, а ты...

— Ну, это еще вопросъ. Можетъ и больше!

Санинъ съ досадой махнулъ рукой.

— Оставь, пожалуйста! Если тебѣ будутъ рѣзать палець, тебѣ будетъ больнѣе, чѣмъ если палець будутъ рѣзать у любого другого русскаго обывателя... Это фактъ!

— Или цинизмъ! — постарался Новиковъ сказать язвительно, но вышло только смѣшливо.

— Пусть такъ. Но это правда. И теперь, хотя не только въ Россіи, но и во многихъ странахъ свѣта нѣтъ не только конституціи, но даже и намека на нее, ты тоскуешь потому, что твоя собственная жизнь тебя не ласкаетъ; а вовсе не по конституціи! И если будешь говорить другое, то соврешь. И, знаешь, что я тебѣ скажу, — съ веселымъ огонькомъ въ свѣтлыхъ глазахъ перебилъ самъ себя Санинъ: — и теперь ты тоскуешь не оттого, что жизнь вообще тебя не удовлетворяетъ, а оттого, что Лида тебя до сихъ поръ не полюбила! Вѣдь правда?

— Ну, это ты уже глупости говоришь! — вскрикнулъ Новиковъ вспыхивая, какъ его красная рубашка, и на его добрыхъ спокойныхъ глазахъ выступили слезы самаго наивнаго и искренняго смущенія.

— Какія глупости, когда ты изъ за Лиды свѣта бѣлаго не видишь!... Да у тебя отъ головы до пятъ такъ и написано одно желаніе — взять ее. А ты говоришь — глупости!

Новиковъ странно передернулся и торопливо заходилъ по аллеѣ. Если бы это не говорилъ братъ Лиды, онъ, можетъ быть, тоже смутился бы, но ему было такъ странно слышать именно отъ Санина такіа слова о Лидѣ, что онъ даже не понималъ его хорошенько.

— Знаешь что, — пробормоталъ онъ: — ты или рисуешься, или...

— Что? — улыбаясь, спросилъ Санинъ.

Новиковъ молча пожалъ плечами, глядя въ сторону. Другой выводъ заключался въ опредѣленіи Санина, какъ дурного, безнравственнаго, какъ понималъ это Новиковъ, человѣка. Но этого онъ не могъ сказать Санину, потому что всегда, еще съ гимназіи, чувствовалъ къ нему искреннюю любовь. Выходило такъ, что ему, Новикову, нравился дрянной человѣкъ, а этого, конечно, быть не могло. И оттого въ головѣ Новикова сдѣлалось смутно и непріятно. Напоминаніе о Лидѣ было ему больно и стыдно, но такъ какъ Лида онъ обожалъ и самъ молился на свое большое и глубокое чувство къ ней, то не могъ сердиться на Санина за это напоминаніе: оно было и мучительно, и въ то же время жгуче пріятно. Точно кто-то горячей рукой взялся за сердце и тихонько пожималъ его.

Санинъ молчалъ и улыбался и улыбка у него была внимательная и ласковая.

— Ну, придумай опредѣленіе, а я подожду, — сказалъ онъ: — мнѣ не къ спѣху.

Новиковъ все ходилъ по дорожкѣ и видно было, что онъ искренно мучится. Прибѣжалъ Милль, озабоченно посматрѣлъ вокругъ, — и сталъ тереться о колѣни Санина. Онъ очевидно былъ радъ чему то и хотѣлъ, чтобы всѣ знали о его радости.

— Славная ты моя собачка! — сказалъ Санинъ, глядя ее.

Новиковъ съ трудомъ удерживался, чтобы не заспорить снова, но боялся, чтобы Санинъ опять не коснулся того, что больше всего на свѣтѣ его самого интересовало. А между тѣмъ, все другое, что приходило ему въ голову, казалось пустымъ, неинтереснымъ и мертвымъ при воспоминаніи о Лидѣ.

— А... а гдѣ Лидія Петровна? — машинально спросилъ онъ именно то, что хотѣлъ спросить, но чего спросить не рѣшался.

— Лида? А гдѣ ей быть... На бульварѣ съ офицерами гуляетъ. Въ это время всѣ барышни у насъ на бульварѣ.

Съ тоскливымъ уколомъ смутной ревности Новиковъ возразилъ:

— Лидія Петровна... какъ она, такая умная, развитая, проводить время съ этими чугуново-любими господами...

— Э, другъ! — усмѣхнулся Санинъ: — Лида молода, красива и здорова, какъ и ты... и даже больше, потому что у нея есть то, чего у тебя нѣтъ: жадность ко всему!... Ей хочется все извѣдать, все перечувствовать... Да вотъ и она сама... Ты только посмотри на нее и пойми!... Красота то какая!

Лида была меньше ростомъ и гораздо красивѣе брата. Въ ней поражали тонкое и обаятельное сплетеніе изящной нѣжности и ловкой силы, страстно горделивое выраженіе затемненныхъ глазъ и мягкій звучный голосъ, которымъ она гордилась и играла. Она медленно, слегка волнуясь на ходу всѣмъ тѣломъ, какъ молодая красивая кобыла, спустилась съ крыльца, ловко и увѣренно подбирая свое длинное сѣрое платье. Путаясь шпорами и преувеличенно ими позванивая, за нею шли два молодыхъ, красивыхъ офицера, въ блестящихъ сапогахъ и туго обтянутыхъ рейтузахъ.

— Это кто же красота, я? — спросила Лида, наполняя весь садъ своею красотой, женской свѣжестью и звучнымъ голосомъ. Она протянула Новикову руку и покосилась на

брата, къ которому все не могла приноровиться и понять, когда онъ смѣется, а когда говоритъ серьезно.

Новиковъ крѣпко пожалъ ея руку и такъ густо покраснѣлъ, что на глазахъ у него выступили слезы. Но Лида этого не замѣтила, она уже давно привыкла чувствовать на себѣ его робкіе благоговѣющіе взгляды и они не волновали ее.

— Добрый вечеръ, Владиміръ Петровичъ! — весело и звонко щелкая шпорами и весь изгибаясь, какъ горячій веселый жеребецъ, сказалъ тотъ офицеръ, который былъ старше, свѣтлѣе волосами и красивѣе.

Санинъ уже зналъ и то, что его фамилія была Зарудинъ, и то, что онъ ротмистръ, и то, что онъ настойчиво и упрямо добивается любви Лиды. Другой офицеръ былъ поручикъ Танаровъ, который считалъ Зарудина образцомъ офицера и старался во всемъ подражать ему. Но онъ былъ молчаливъ, не очень ловокъ и хуже Зарудина лицомъ.

Танаровъ также щелкнулъ шпорами, но ничего не сказалъ.

— Ты! — слишкомъ серьезно отвѣтилъ Санинъ сестрѣ.

— Конечно, конечно... красота и прибавь, не описанная! — засмѣялась Лида и бросилась въ кресло, скользя взглядомъ по лицу брата. Поднявъ обѣ руки къ головѣ, отчего выпукло обрисовалась высокая упругая грудь, она стала откалывать шляпу, упустила въ песокъ длинную, какъ жало, булавку и запутала въ волосахъ и шпилькахъ вуаль. — Андрей Павловичъ, помогите!... — жалобно и кокетливо обратилась она къ молчаливому поручику.

— Да, красота! — задумчиво повторилъ Санинъ, не спуская съ нея глазъ.

Лида снова покосилась на него недовѣрчивымъ взглядомъ.

— Всѣ мы здѣсь красавцы, — сказала она.

— Мы что, — блестя бѣлыми зубами засмѣялся Зарудинъ: — мы только убогая декорація, на которой еще ярче, еще пышнѣе обрисовывается ваша красота!

— А вы краснорѣчивы! — удивился Санинъ и въ его голосѣ неуволимо прозвучалъ отгѣнокъ насмѣшки.

— Лидія Петровна хотъ кого сдѣлаетъ краснорѣчивымъ! — замѣтилъ молчаливый Танаровъ, стараясь отцѣпить шляпку Лиды и дергая ее за волосы, отчего она и сердилась, и смѣялась.

— А и вы тоже краснорѣчивы! — удивленно протянулъ Санинъ.

— Оставь ихъ,— съ удовольствіемъ, неискренно шепнулъ Новиковъ.

Лида прищурившись посмотрѣла прямо въ глаза брату и по ея потемнѣвшимъ зрачкамъ Санинъ ясно прочелъ:

— Не думай, что я не вижу, кто это такіе! Но я такъ хочу! Это мнѣ весело! Я не глупѣе тебя и знаю, что дѣлаю.

Санинъ улыбнулся ей.

Шляпка наконецъ была отцѣплена и Танаровъ торжественно перенесъ ее на столъ.

— Ахъ, какой вы, Андрей Павловичъ! — мгновенно мѣняя взглядъ, опять жалобно и кокетливо воскликнула Лида, — вы мнѣ всю прическу испортили... Теперь надо идти въ домъ...

— Я этого никогда не прощу себѣ! — смущенно пробормоталъ Танаровъ.

Лида встала, подобрала платье и, возбуждающе чувствуя на себѣ взгляды мужчинъ, безотчетно смѣясь и изгибаясь, выбѣжала на крыльцо.

Когда она ушла, всѣ мужчины почувствовали себя вольнѣе и какъ то сразу опустились и ослѣди, утративъ ту нервную напряженность движеній, которую всѣ мужчины принимаютъ въ присутствіи молодой и красивой женщины. Зарудинъ вынулъ папиросу и, съ наслажденіемъ закуривая, заговорилъ. Слышно было, что онъ говоритъ только по привычкѣ всегда поддерживать разговоръ, а думаетъ совсѣмъ о другомъ.

— Сегодня я уговаривалъ Лидію Петровну бросить все и учиться пѣть серьезно. Съ ея голосомъ карьера обезпечена!

— Нечего сказать, хорошая дорога! — угрюмо и глядя въ сторону возразилъ Новиковъ.

— Чѣмъ же плохая? — съ искреннимъ удивленіемъ спросилъ Зарудинъ и даже папиросу опустилъ.

— Да что такое артистка?... — Та же публичная женщина! — съ внезапнымъ раздраженіемъ отвѣтилъ Новиковъ.

Его мучило и волновало то, что онъ говорилъ, потому что говорила въ немъ ревность, страдающая при мысли, что женщина, тѣло которой онъ любитъ, будетъ выступать передъ другими мужчинами, быть можетъ въ костюмахъ вызывающихъ, обнажающихъ это тѣло, дѣлающихъ его еще грѣшнѣе, заманчивѣе.

— Слишкомъ сильно сказано, — приподнялъ брови Зарудинъ.

Новиковъ посмотрѣлъ на него съ ненавистью: въ его представленіи Зарудинъ былъ именно однимъ изъ тѣхъ мужчинъ, которые хотятъ любимой имъ женщины, и его мучительно раздражало, что Зарудинъ красивъ.

— Ничуть не сильно... Выходить чуть не голой на сцену! Ломаться, изображать сцены сладострастія, подъ взглядами тѣхъ, кто завтра уйдетъ отъ нея такъ же, какъ уходять отъ публичной женщины, заплативъ деньги. Нечего сказать, хорошо!

— Другъ мой, — возразилъ Санинъ: — каждой женщинѣ пріятно, чтобы любовались ея тѣломъ прежде всего.

Новиковъ досадливо вздернулъ плечами.

— Что ты за пошлости говоришь!

— Чертъ ихъ знаетъ, пошлости это или нѣтъ, а только это правда. А Лида была бы эффектна на сценѣ, я бы посмотрѣлъ.

Хотя при этихъ словахъ у всѣхъ шевельнулось инстинктивное жадное любопытство, всѣмъ стало неловко. И Зарудинъ, считая себя умнѣе и находчивѣе другихъ, счелъ своимъ долгомъ вывести всѣхъ изъ неловкаго положенія.

— А что же, по вашему, женщинѣ дѣлать?... Замужъ выйти?... На курсы ѣхать и погубить свой талантъ?... Вѣдь это было бы преступленіемъ противъ природы, наградившей ее своими лучшими дарами!

— Ухъ, — съ нескрываемой насмѣшкой сказалъ Санинъ: — а вѣдь и въ самомъ дѣлѣ! Какъ это преступленіе мнѣ самому въ голову не пришло.

Новиковъ злорадно засмѣялся, но изъ приличія возразилъ Зарудину:

— Почему же преступленіе: хорошая мать или хорошій врачъ въ тысячу разъ полезнѣе всякой актрисы!

— Ну-у! — съ негодованіемъ протянулъ Танаровъ.

— И неужели вамъ не скучно всѣ эти глупости говорить? — спросилъ Санинъ.

Зарудинъ поперхнулся начатымъ возраженіемъ, и всѣмъ вдругъ показалось, что говорить объ этомъ дѣйствительно скучно и бесполезно. Но тѣмъ не менѣе всѣ обидѣлись. Стало тихо и совсѣмъ скучно.

Лида и Марья Ивановна показались на балконѣ. Лида разспышала послѣднюю фразу брата, но не поняла, въ чемъ дѣло.

— Скоро же вы до скуки договорились! — весело замѣтила она. — Пойдемте къ рѣкѣ. Тамъ хорошо теперь...

И проходя мимо мужчинъ, она чуть-чуть потянулася всѣмъ тѣломъ и глаза у нея на мгновение стали загадочны и темны, что то обѣщая, что то говоря.

— Прогуляйтесь до ужина, — сказала Марья Ивановна.

— Съ наслажденіемъ, — согласился Зарудинъ, щелкая шпорами и подавая Лидѣ руку.

— А мнѣ, надѣюсь, можно съ вами? — стараясь говорить ядовито, отчего у него все лицо приняло плаксивое выраженіе, спросилъ Новиковъ.

— А кто же вамъ мѣшаетъ? — черезъ плечо, смѣясь, спросила Лида.

— Иди, братъ, иди, — посовѣтовалъ Санинъ: — и я бы пошелъ, если бы, къ сожалѣнію, она не была слишкомъ увѣрена въ томъ, что я ей братъ!

Лида странно вздрогнула и насторожилась. Потомъ быстро окинула брата глазами и засмѣялась коротко и нервно.

Марью Ивановну покорило.

— Затѣмъ ты эти глупости говоришь? — грубо спросила она, когда Лида ушла, — оригинальничаешь все!...

— И не думаю, — возразилъ Санинъ.

Марья Ивановна посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ. Она совершенно не могла понять сына, не знала, когда онъ шутить, когда говорить серьезно, что думаетъ и чувствуетъ тогда, когда всѣ другіе, понятные ей люди думаютъ и чувствуютъ то же, или почти то же, что и она сама. По ея понятіямъ выходило такъ, что человѣкъ долженъ чувствовать, говорить и дѣлать всегда то, что говорятъ и дѣлаютъ всѣ люди, стоящіе съ нимъ наравнѣ по образованію, состоянію и социальному положенію. Для нея было естественнымъ, что люди должны быть не просто людьми, со всѣми индивидуальными особенностями, вложенными въ нихъ природой, а людьми влитыми въ извѣстную общую мѣрку. Окружающая жизнь укрѣпляла ее въ этомъ понятіи: къ этому была направлена вся воспитательная дѣятельность людей и въ этомъ смыслѣ больше всего отдѣлялись интеллигентные отъ неинтеллигентныхъ: вторые могли сохранять свою индивидуаль-

ность и за это презирались другими, а первые только распадались на группы, соответственно получаемому образованію. Убѣжденія ихъ всегда отвѣчали не ихъ личнымъ качествамъ, а ихъ положенію: всякій студентъ былъ революціонеръ, всякій чиновникъ буржуазенъ, всякій артистъ свободомыслящъ, всякій офицеръ съ преувеличеннымъ понятіемъ о внѣшнемъ благородствѣ, и когда вдругъ студентъ оказывался консерваторомъ или офицеръ анархистомъ, то уже казалось страннымъ, а иногда и неприятнымъ. Санинъ по своему происхожденію и образованію долженъ былъ быть совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ былъ, и какъ Лида, Новиковъ и всѣ, кто съ нимъ сталкивался, такъ и Марья Ивановна смотрѣла на него съ неприятнымъ ощущеніемъ обманутаго ожиданія. Съ чуткостью матери, Марья Ивановна замѣчала то впечатлѣніе, которое производилъ сынъ на всѣхъ окружающихъ, и оно было ей больно.

Санинъ видѣлъ это. Ему очень хотѣлось успокоить мать, но онъ не зналъ, какъ это сдѣлать. Сначала ему даже пришло въ голову притвориться и высказать матери самыя успокоительныя мысли, но онъ ничего не могъ придумать, засмѣялся, всталъ и ушелъ въ домъ. Тамъ онъ легъ на кровать и сталъ думать о томъ, что люди хотятъ весь міръ обратить въ монастырскую казарму, съ однимъ уставомъ для всѣхъ, уставомъ, ясно основанномъ на уничтоженіи всякой личности и подчиненіи ея могучей власти какого то таинственнаго старчества. Онъ началъ было размышлять надъ судьбою и ролью христіанства, но это показалось ему такъ скучно, что онъ незамѣтно заснулъ и проспалъ до глубокаго вечера.

Марья Ивановна, проводивъ его глазами, тяжело вздохнула и задумалась тоже. Думала она о томъ, что Зарудинъ явно ухаживаетъ за Лидой, и ей хотѣлось, чтобы это было серьезно.

— Лидочкѣ уже двадцать лѣтъ, — тихо шли ея мысли: — Зарудинъ, кажется, хорошій человѣкъ. Говорятъ, онъ въ этомъ году получить эскадронъ... Только долговъ за нимъ не оберешься! И къ чему я этотъ сонъ отвратительный видѣла... Вѣдь сама знаю, что чепуха, а изъ головы нейдетъ!

Этотъ сонъ, который приснился Марѣ Ивановнѣ въ тотъ самый день, когда Зарудинъ былъ у нихъ въ домѣ первый разъ, почему-то дѣйствительно мучилъ ее. А снилось ей, что Лида, въ бѣломъ платьѣ, шла по полю покрытому травами и цвѣтами.

Марья Ивановна сѣла въ кресло, по старушечьи подперла голову рукой и долго смотрѣла въ постепенно темнѣющее небо. Маленькія, но тягучія и докучныя мысли ползли у нея въ головѣ и ей было грустно и страшно чего-то.

III.

Когда уже совсѣмъ стемнѣло, вернулись гулявшіе. Изъ глубины сада, мягко затонувшаго въ темнотѣ, послышались ихъ оживленные яркіе голоса.

Веселая раскраснѣвшаяся Лида подбѣжала къ Марьѣ Ивановнѣ. Отъ нея пахло раздражающе свѣжимъ и молодымъ запахомъ рѣки и красавицы женщины, *возбужденной до крайняго напряженія обществомъ молодыхъ ей нравящихся, ея возбужденныхъ мужчинъ.

— Ужинать, мама, ужинать! — затормошила она ласково улыбающуюся ей мать. — А пока Викторъ Сергѣевичъ намъ споеть.

Марья Ивановна пошла распорядиться ужиномъ и уходя думала уже о томъ, что судьба такой интересной, красивой, здоровой и понятной ей дѣвушки, какъ Лида, не можетъ не быть счастливой.

Зарудинъ и Танаровъ ушли въ залъ, а Лида сѣла въ стоявшее на балконѣ кресло качалку и потянулась гибко и страстно.

Новиковъ молча ходилъ по скрипящимъ доскамъ балкона, искоса взглядывая на лицо, высокую грудь и вытянутыя изъ подъ платья стройныя ноги въ черныхъ чулкахъ и желтыхъ туфелькахъ, но она не замѣчала ни его взглядовъ, ни его самого, вся охваченная могучимъ и обаятельнымъ ощущеніемъ первой страсти. Она совсѣмъ закрыла глаза и загадочно улыбалась сама себѣ.

Въ душѣ Новикова была обычная борьба: онъ любилъ Лиду, но въ ея чувствѣ не могъ разобраться. Иногда ему казалось, что она любитъ его, иногда — нѣтъ. И тогда, когда онъ думалъ, что «да», ему казалось вполне возможнымъ, легкимъ и прекраснымъ, что ея молодое, стройное и чистое тѣло сладострастно и полно будетъ принадлежать ему. А когда думалъ, что «нѣтъ», та же мысль казалась ему безстыдной и гнусной, и тогда онъ ловилъ себя на чувственности

и называлъ себя низменнымъ, дряннымъ человѣкомъ, недостойнымъ Лиды.

Новиковъ шагаль по доскамъ и загадывалъ:

— Если ступлю правой ногой на послѣднюю доску, то «да» и надо объясниться, а если лѣвой, то...

Ему не хотѣлось думать, что будетъ тогда.

На послѣднюю доску онъ ступилъ лѣвой ногой, облился холоднымъ потомъ и сейчасъ же сказалъ себѣ:

— Фу, какія глупости! Точно старая баба... Ну... Разъ, два, три... со словомъ «три» прямо подойду и скажу. Какъ я скажу?... Все равно. Ну, разъ... два... три... Нѣтъ, до трехъ разъ... Разъ, два, три... разъ, два...

Голова у него горѣла, во рту пересохло, и сердце колоутилось такъ, что ноги дрожали.

— Да будетъ вамъ топтаться! — съ досадою сказала Лида, открывая глаза. — Слушать мѣшаете!

Только теперь Новиковъ замѣтилъ, что Зарудинъ поетъ. Молодой офицеръ пѣлъ старинный романсъ:

Я васъ любилъ, любовь моя, быть можетъ,
Въ моей груди угасла не совсѣмъ...

Пѣлъ онъ недурно, но такъ, какъ поютъ люди мало развитые: замѣняя выраженіе крикомъ и замираніемъ голоса. И гнѣвъ Зарудина показалось чрезвычайно неприятнымъ Новикову.

— Это что же, собственнаго сочиненія? — спросилъ онъ съ непривычнымъ чувствомъ злобы и раздраженія.

— Нѣтъ... Не мѣшайте! — Сидите смирно! — капризно приказала Лида. — Если музыку не любите, то на луну смотрите.

Совершенно круглая и еще красная луна, дѣйствительно, медленно и таинственно выглянула изъ за черныхъ верхушекъ сада. Ея легкій неуловимый свѣтъ заскользилъ по ступенькамъ, по платью Лиды и по ея улыбающемуся собственнымъ мыслямъ лицу. Тѣни въ саду сгустились и стали черными и глубокими, какъ въ лѣсу.

Новиковъ вздохнулъ.

— Лучше ужъ на васъ, — неловко сказалъ онъ и подумалъ: — какія я пошлости способенъ говорить!

Лида засмѣялась.

— Фу, какой дубовый комплиментъ!

— Я не умѣю комплиментовъ говорить, — угрюмо возразилъ Новиковъ.

— Да замолчите... слушайте же! — досадливо дернула плечами Лидя.

Но пусть она васъ больше не тревожить,
Я не хочу печалить васъ ничѣмъ!...

Звуки рояля звонкими кристальными всплесками отдавались въ зеленомъ сыромъ саду. Лунный свѣтъ все яснѣлъ, а тѣни становились все глубже и чернѣй. Внизу, по травѣ, тихо прошелъ Санинъ, сѣлъ подъ липой, хотѣлъ закурить папиросу, но раздумалъ и сидѣлъ неподвижно, точно зачарованный тишиной вечера, которую не нарушали, а какъ-то дополняли звуки рояля и молодого страстно поющаго голоса.

— Лидія Петровна! — вдругъ выпалилъ Новиковъ, какъ будто сразу стало очевидно, что нельзя потерять этого момента.

— Что? машинально спросила Лидя, глядя въ садъ, на луну и на черныя вѣточки, чеканящіяся на кругломъ яркомъ дискѣ.

— Я уже давно жду... хочу поговорить... — срывающимся голосомъ продолжалъ Новиковъ.

Санинъ повелъ головой и прислушался.

— О чемъ? — разсѣянно переспросила Лидя.

Зарудинъ закончилъ одинъ, помолчалъ и запѣлъ другой романсъ. Онъ думалъ, что у него рѣдкостно красивый голосъ и любилъ пѣть.

Новиковъ почувствовалъ, что краснѣетъ и блѣднѣетъ пятнами и что ему нехорошо до головокруженія.

— Я, видите ли... Лидія Петровна... хотите быть моею... женой... — заплетаясь языкомъ и чувствуя, что совсѣмъ это не такъ говорится и не то чувствуется въ такія минуты, и еще прежде, чѣмъ онъ договорилъ, какъ-то само собой стало ясно, что «нѣтъ» и что сейчасъ произойдетъ что-то постыдное, глупое, непереносимо смѣшное.

Лидя машинально переспросила:

— Чей? — и вдругъ вспыхнула, встала, хотѣла что-то сказать, но не сказала и въ замѣшательствѣ отвернулась. Луна смотрѣла прямо на нее.

— Я васъ люблю... — продолжалъ мямлить Новиковъ, чувствуя, что луна перестала свѣтить, что въ саду душно и

все валится куда-то въ безнадежную ужасную пропасть. — Я... говорить не умѣю, но это глупости и... я очень васъ люблю...

«При чемъ тутъ очень... точно я о сливочномъ мороженномъ говорю»... — вдругъ подумалъ онъ и замолчалъ.

Лидя нервно дергала листикъ, попавшій ей въ руки. Она растерялась, потому что это было совершенно неожиданно, непухно и создавало печальную, непоправимую неловкость между нею и Новиковымъ, къ которому она издавна привыкла, почти какъ къ родному, и котораго немного любила.

— Я не знаю, право... Я и не думала вовсе...

Новиковъ почувствовалъ, какъ съ тупой болью упало куда-то внизъ его сердце, поблѣднѣлъ, всталъ и взялъ фуражку.

— До свиданья! — сказалъ онъ, самъ не слыша своего голоса. Губы у него странно кривились въ нелѣпую и неумѣстную дрожащую улыбку.

— Куда же вы? До свиданья! — растерянно отвѣчала Лидя, протягивая руку и стараясь безпечно улыбаться.

Новиковъ быстро пожалъ ей руку и, не надѣвая фуражки, крупными шагами пошелъ прямо по росистой травѣ въ садъ, падая въ первую тѣнь онъ вдругъ остановился и съ силой схватилъ себя за волосы.

— Боже мой, Боже... за что я такой несчастный!... Застрѣлиться... Все это пустяки, а застрѣлиться... — вихремъ и безсвязно пронеслось у него въ головѣ, и онъ почувствовалъ себя самымъ несчастнымъ, опозореннымъ и смѣшнымъ человекомъ въ мірѣ.

Санинъ хотѣлъ было его окликнуть, но раздумалъ и улыбнулся. Ему было смѣшно, что Новиковъ дергаетъ себя за волосы и чуть ли даже не плачетъ оттого, что женщина, лицо которой, плечи, груди и ноги нравились ему, не хочетъ отдаться.

И еще Санину было пріятно, что красивая сестра не любитъ Новикова.

Лидя нѣсколько минутъ неподвижно простояла на томъ же мѣстѣ и Санинъ съ острымъ любопытствомъ слѣдилъ за ея смутно озареннымъ луною бѣлымъ силуэтомъ.

Изъ уже освѣщенныхъ лампой желтыхъ дверей дома вышелъ на балконъ Зарудинъ, и Санину ясно было слышно осторожное позвякиваніе его шпоръ. Въ залѣ Танаровъ тихо

и грустно игралъ старый вальсъ, съ расплывающимися кругообразными томными звуками.

Зарудинъ тихо подошелъ къ Лидѣ и мягкимъ ловкимъ движеніемъ обнялъ ее за талію, и Санину было видно, какъ два силуэта легко слились въ одинъ, странно колеблющійся въ лунномъ туманѣ.

— О чемъ вы такъ задумались? — тихо шепнулъ Зарудинъ, трогая губами ее маленькое свѣжее ухо и блестя глазами.

У Лиды сладко и жутко поплыла голова. Какъ и всегда, когда она обнималась съ Зарудинымъ, ее охватило странное чувство: она знала, что Зарудинъ безконечно ниже ее по уму и развитію, что она никогда не можетъ быть подчинена ему; но въ то же время было пріятно и жутко позволять эти прикосновенія сильному, большому, красивому мужчине, какъ будто заглядывая въ бездонную, таинственную пропасть съ деракой мыслью: а вдругъ возьму и брошусь... захочу и брошусь!

— Увидать... — чуть слышно прошептала она, не прижимаясь и не отдаляясь и еще больше дразня и возбуждая его этой отдающейся пассивностью.

— Одно слово, — еще прижимаясь къ ней и весь заливая съ горячей возбужденной кровью, продолжалъ Зарудинъ: — придете?

Лида дрожала. Этотъ вопросъ онъ предлагалъ ей уже не въ первый разъ и всегда въ ней что-то начинало томиться и дрожать, дѣлая ее слабой и безвольной.

— Зачѣмъ? — глухо спросила она, глядя на луну широко открытыми и налитыми какой-то влагой глазами.

Зарудинъ не могъ и не хотѣлъ отвѣтить ей правды, хотя, какъ всѣ легко сходящіеся съ женщинами мужчины, въ глубинѣ души былъ увѣренъ, что Лида и сама хочетъ, знаетъ и только боится.

— Зачѣмъ... Да посмотрѣть на васъ свободно, перекинуться словомъ. Вѣдь это пытка... вы меня мучите... Лидія... придете? — страстно придавливая къ своимъ дрожащимъ ногамъ ее выпуклое, упругое и теплое бедро, повторилъ онъ.

И отъ соприкосновенія ихъ ногъ, жгучаго какъ раскаленное желѣзо, еще гуще поднялся вокругъ теплый душный, какъ сонъ, туманъ. Все гибкое нѣжное и стройное тѣло Лиды замирало, изгибалось и тянулось къ нему. Ей было мучительно хорошо и страшно. Вокругъ все странно и непонятно

измѣнилось: луна была не луна и смотрѣла близко, близко, черезъ переплетъ террасы, точно висѣла надъ самой ярко освѣщенной лужайкой; садъ, не тотъ, который она знала, а какой-то другой, темный и таинственный, придвинулся и сталъ вокругъ. Голова медленно и тягуче кружилась. Изгибаясь съ странной лѣнью, она освободилась у него изъ рукъ и сразу пересохшими, воспаленными губами съ трудомъ прошептала:

— Хорошо...

И пошатываясь, черезъ силу ушла въ домъ, чувствуя, какъ что-то страшное, неизбѣжное и привлекательное тянетъ ее куда-то въ бездну.

— Это глупости... это не то... я только шучу... Просто мнѣ любопытно, забавно... — старалась она увѣрить себя, стоя въ своей комнатѣ передъ темнымъ зеркаломъ и видя только свой черный силуэтъ на отражающейся въ немъ освѣщенной двери въ столовую. Она медленно подняла обѣ руки къ головѣ, заломила ихъ и сладострастно потянулась, слѣдя за движеніями своей гибкой тонкой таліи и широкихъ выпуклыхъ бедеръ.

Зарудинъ, оставшись одинъ, вздрогнулъ на красивыхъ, плотно обтянутыхъ ногахъ, потянулся, страстно зажмурившись, и скаля зубы подъ свѣтлыми усами, повелъ плечами. Онъ былъ привычно счастливъ и чувствовалъ, что впереди ему предстоитъ еще больше счастья и наслажденія. Лида въ моментъ, когда она отдастся ему, рисовалась такъ жгуче и необыкновенно сладострастно хороша, что ему было физически больно отъ страсти.

Сначала, когда онъ началъ за ней ухаживать и даже тогда, когда она уже позволила ему обнять и поцѣловать себя, Зарудинъ все-таки боялся ея. Въ ея потемнѣвшихъ глазахъ было что-то незнакомое и непонятное ему, какъ-будто, позволяя ласкать себя, она втайнѣ презирала его. Она казалась ему такой умной, такой непохожей на всѣхъ тѣхъ дѣвушекъ и женщинъ, лаская которыхъ онъ горделиво сознавалъ свое превосходство, такой гордой, что обнимая ее онъ замиралъ, точно ожидая получить пощечину, и какъ то боялся думать о полномъ обладаніи ею. Иногда казалось, будто она играетъ имъ и его положеніе просто глупо и смѣшно. Но послѣ сегоднешняго обѣщанія, даннаго знакомымъ Зарудину по другимъ женщинамъ, страннымъ, срывающимся и безвольнымъ голосомъ, онъ вдругъ неожиданно почувствовалъ свою силу

и внезапную близость цѣли, и понялъ, что уже не можетъ быть иначе, чѣмъ такъ, какъ хочетъ онъ. И къ сладкому томительному чувству сладострастнаго ожиданія тонко и безсознательно сталъ примѣшиваться оттѣнокъ злорадности, что эта гордая, умная, чистая и начитанная дѣвушка будетъ лежать подъ нимъ, какъ и всякая другая и онъ такъ же будетъ дѣлать съ нею, что захочетъ, какъ и со всѣми другими. И острая жестокая мысль стала смутно представлять ему вычурно унижающія сладострастные сцены, въ которыхъ голое тѣло, распущенные волосы и умные глаза Лиды сплетались въ какую то дикую вакханалію сладострастной жестокости. Онъ вдругъ ясно увидѣлъ ее на полу, слышалъ свистъ хлыста, увидѣлъ розовую полосу на голомъ нѣжномъ покорномъ тѣлѣ и, вздрогнувъ, пошатнулся отъ удара крови въ голову. Золотые круги сверкнули у него въ глазахъ.

Было даже физически невыносимо думать объ этомъ. Зарудинъ дрожащими пальцами закурилъ папиросу, еще разъ дрогнувъ на сильныхъ ногахъ и пошелъ въ комнаты.

Санинъ, который не слышалъ, но увидѣлъ и понялъ все, съ чувствомъ похожимъ на ревность пошелъ за нимъ.

— И везетъ же вотъ такимъ животнымъ! — подумалъ онъ. — Чортъ знаетъ что такое! Лиды и онъ.

Ужинали въ комнатахъ. Марья Ивановна была не въ духѣ. Танаровъ по обыкновенію молчалъ и мечталъ о томъ, какъ было бы хорошо, если бы онъ былъ такой, какъ Зарудинъ, и его любила такая дѣвушка, какъ Лиды. И ему казалось, что онъ любилъ бы ее не такъ, какъ Зарудинъ, не способный оцѣнить такое счастье. Лиды была блѣдная, молчалива и не смотрѣла ни на кого. Зарудинъ былъ веселъ и настороженъ, какъ звѣрь на охотѣ, а Санинъ какъ всегда, зѣвалъ, ѣлъ, пилъ много водки и нестерпимо, повидимому, хотѣлъ спать. Но это не помѣшало ему послѣ ужина заявить, что спать онъ не хочетъ и, въ видѣ прогулки, пойдетъ проводить Зарудина.

Была уже совсѣмъ ночь и луна плыла высоко. Санинъ и Зарудинъ, почти молча, дошли до квартиры офицера. Санинъ всю дорогу посматривалъ на офицера и думалъ, не треснутъ ли его по фізіономіи.

— Н-да, — заговорилъ онъ уже возлѣ самаго дома: — много есть на свѣтѣ всякаго сорта мерзавцевъ!

— То есть? — вопросительно и удивленно произнесъ Зарудинъ, высоко поднимая брови.

— Да такъ, вообще... А мерзавцы — самые занимательные люди...

— Что вы! — усмѣхнулся Зарудинъ.

— Конечно. На свѣтѣ нѣтъ ничего скучнѣе честнаго человѣка... Что такое честный человѣкъ? Программа честности и добродѣтели давно всѣмъ извѣстна и въ ней не можетъ быть ничего новаго... Отъ этого старья въ человѣкѣ исчезаетъ всякое разнообразіе, жизнь сводится въ одну рамку добродѣтели, скучную и узкую. Не крадь, не лги, не предай, не прелюбы сотвори... И главное, что все это въ человѣкѣ сидитъ прочно: всякій человѣкъ и лжетъ, и предаетъ, и «прелюбы» это самое творить по мѣрѣ силъ...

— Не всякій же! — снисходительно замѣтилъ Зарудинъ.

— Нѣтъ, всякій. Стоить только вдуматься въ жизнь каждаго человѣка, чтобы найти въ ней, болѣе или менѣе глубоко, грѣхъ... Предательство, непримѣръ. Въ ту минуту, какъ мы отдаемъ Кесарево Кесарю, ложимся спокойно спать, садимся обѣдать, мы совершаемъ предательство...

— Что вы говорите! — невольно воскликнулъ Зарудинъ почти съ возмущеніемъ.

— Конечно. Мы платимъ подати и отбываемъ повинности, значить, мы предаемъ тысячи людей той самой войнѣ и несправедливости, которыми возмущаемся. Мы ложимся спать, а не бѣжимъ спасать тѣхъ, кто въ ту минуту погибаетъ за насъ, за наши идеи... мы съѣдаемъ лишній кусокъ, предавая голоду тѣхъ людей, о благѣ которыхъ мы, если мы добродѣтельные люди, должны были пеcись всю жизнь. И такъ далѣе. Это понятно!... Другое дѣло мерзавецъ, настоящій откровенный мерзавецъ! Прежде всего это человѣкъ совершенно искренній и естественный...

— Естественный?!

— Всенепременно. Онъ дѣлаетъ то, что для человѣка совершенно естественно. Онъ видитъ вещь, которая ему не принадлежитъ, но которая хороша, онъ ее беретъ: видитъ прекрасную женщину, которая ему не отдается, онъ ее возьметъ силой или обманомъ. И это вполне естественно, потому что потребность и пониманіе наслажденій и есть одна изъ немногихъ чертъ, которыми естественный человѣкъ отличается отъ животнаго. Животныя, чѣмъ больше они — животныя, не понимаютъ наслажденій и не способны ихъ добиваться. Они только отправляютъ потребности. Мы всѣ согласны съ тѣмъ,

что человѣкъ не созданъ для страданій и не страданія же идеаль человѣческихъ стремленій...

— Разумѣется, — согласился Зарудинъ.

— Значить, въ наслажденіяхъ и есть цѣль жизни. Рай — синонимъ наслажденія абсолютнаго, и всѣ такъ или иначе мечтають о раѣ на землѣ. И рай первоначально, говорятъ, и былъ на землѣ. Эта сказка о раѣ вовсе не вздоръ, а символъ и мечта.

— Да, — заговорилъ помолчавъ Санинъ: — человѣку отъ природы не свойственно воздержаніе, и самые искренніе люди это — люди, не скрывающіе своихъ вожелденій... то есть тѣ, которыхъ въ обществѣ называютъ мерзавцами... Вотъ, напримѣръ, вы...

Зарудинъ вздрогнулъ и отшатнулся.

— Вы, конечно, — продолжалъ Санинъ, притворяясь, что не замѣчаетъ ничего: — самый лучший человѣкъ на свѣтѣ. По крайней мѣрѣ, въ своихъ глазахъ. Ну, признайтесь, встрѣчали ли вы когда-нибудь человѣка лучше васъ?

— Много... — нерѣшительно отвѣтилъ Зарудинъ, который уже совершенно не понималъ Санина и которому было рѣшительно неизвѣстно, уместно ли теперь обидѣться, или нѣтъ.

— Назовите, предложилъ Санинъ.

Зарудинъ недоумѣвающе пожалъ плечами.

— Ну, вотъ, весело — подхватилъ Санинъ, — вы самый лучший человѣкъ, и я, конечно, самый лучший, а развѣ, намъ съ вами не хочется красть, лгать, и «прелюбы» сотворить.... прежде всего «прелюбы»?

Зарудинъ пожалъ плечами опять.

— Ори-ги-нально, — пробормоталъ онъ.

— Вы думаете? — съ неуловимымъ отѣнкомъ обиднаго спросилъ Санинъ. — А я и не думалъ... Да, мерзавцы — самые искренніе люди, притомъ и самые интересные, ибо предѣловъ и границъ человѣческой мерзости даже и представить себѣ нельзя... Я мерзавцу съ особеннымъ удовольствіемъ пожму руку.

Санинъ съ необыкновенно открытымъ видомъ пожалъ руку Зарудину, глядя ему прямо въ глаза, потомъ вдругъ насупился и уже совсѣмъ другимъ тономъ пробормотавъ:

— Прощайте, покойной ночи! — ушелъ.

Зарудинъ нѣсколько минутъ неподвижно простоялъ на мѣстѣ, глядя въ слѣдъ уходившему Санину. Онъ не зналъ,

какъ принять слова Санина, и на душѣ унего было смутно и непріятно. Но сейчасъ же онъ вспомнилъ Лиду, усмѣхаясь подумалъ, что Санинъ — братъ Лиды, что онъ въ сущности правъ, и почувствовалъ къ нему братскую пріязнь и дружбу.

— Занимательный парень, чертъ возьми! — подумалъ онъ самодовольно, точно Санинъ тоже до нѣкоторой степени уже принадлежалъ ему. Потомъ онъ отворилъ калитку и черезъ освѣщенный луною дворъ пошелъ къ своему флигелю.

Санинъ вернулся домой, раздѣлся, легъ, укрылся, хотѣлъ читать «Такъ говорилъ Заратустра», котораго нашель у Лиды, но съ первыхъ страницъ ему стало досадно и скучно. Напыщенные образы не трогали его души. Онъ плюнулъ и, бросивъ книгу, моментально заснулъ.

IV.

Къ жившему въ томъ же городѣ отставному полковнику и помѣщику Николаю Егоровичу Сварожичу пріѣхалъ его сынъ, студентъ-технологъ.

Онъ былъ высланъ изъ Москвы подъ надзоръ полиціи, какъ подозрѣваемый въ участіи въ революціонной организаціи. О томъ, что онъ арестованъ, просидѣлъ въ тюрьмѣ полгода и высланъ изъ столицы, Юрій Сварожичъ еще раньше извѣстилъ своихъ родныхъ письмами и его пріѣздъ не былъ для нихъ неожиданностью. Хотя Николай Егоровичъ былъ другихъ убѣжденій, видѣлъ въ поступкахъ сына мальчишеское безуміе и былъ страшно опечаленъ его исторіей, но онъ его любилъ и принялъ ласково, стараясь избѣгать разговоровъ на щекотливую тему.

Юрій ѣхалъ два дня въ вагонѣ третьяго класса, гдѣ нельзя было спать отъ духоты, дурного запаха и рева младенцевъ. Онъ очень усталъ и, едва поздоровавшись съ отцомъ и сестрою Людмилой, которую всѣ въ городу называли Лялей, какъ она сама окрестила себя въ дѣтствѣ, легъ спать въ комнатѣ Ляли на ея кровати.

Проснулся онъ уже къ вечеру, когда солнце садилось и его косые лучи красными пятнами чертили на стѣнѣ силуэтъ окна. Въ сосѣдней комнатѣ стучали ложками и стаканами, слышался веселый смѣхъ Ляли и незнакомый Юрію, пріятный, барскій мужской голосъ.

Сначала Юрію показалось, что онъ все еще ѣдетъ въ вагонъ, который позвякиваетъ буферами и оконными стеклами, и слышитъ въ сосѣднемъ отдѣленіи голоса незнакомыхъ ему пассажировъ. Но сейчасъ же онъ спомнился, быстро приподнялся и сѣлъ на кровати.

— Да, — протянулъ онъ, сморщившись и ероша свои черные, густые и упрямые волосы. — Вотъ я и пріѣхалъ!

И онъ сталъ думать, что ему не стоило сюда пріѣзжать. Ему представлялось право выбора мѣстожителѣства. Почему онъ поѣхалъ именно домой, Юрій не отдавалъ себѣ отчета. Онъ думалъ и хотѣлъ думать, что сказалъ первое, что пришло въ голову, но это было не такъ: Юрій всю жизнь жилъ не собственнымъ трудомъ, а помощью отца и ему было страшно очутиться одному безъ поддержки, въ незнакомомъ мѣстѣ, среди чужихъ людей. Онъ стыдился этого чувства и не признавался въ немъ даже самому себѣ. Но теперь онъ подумалъ, что сдѣлалъ нехорошо. Родные не могли понять и одобрить его исторію, это было ясно; къ этому долженъ былъ примѣшаться и матеріальный интересъ, — лишніе годы сидѣнія на шеѣ у отца, — и все вмѣстѣ дѣлало то, что хорошихъ, искреннихъ и согласныхъ отношеній у нихъ быть не могло. И кромѣ того, въ этомъ маленькомъ городкѣ, въ которомъ онъ не былъ уже два года, должно было быть очень скучно. Всѣхъ жителей маленькихъ уѣздныхъ городовъ Юрій огуломъ считалъ мѣщанами, неспособными не только понимать, но даже интересоваться тѣми вопросами философіи и политики, которые Юрій считалъ единственнымъ смысломъ и интересомъ жизни.

Юрій всталъ, подошелъ къ окну, отворилъ его и высунулся въ палисадникъ, разбитый подъ стѣнами дома. Весь онъ былъ покрытъ красными, голубыми, желтыми, лиловыми и бѣлыми цвѣтами, пересыпанными, какъ въ калейдоскопѣ. За палисадникомъ темнѣлъ густой садъ, сбѣгавшій, какъ и всѣ сады въ этомъ заросшемъ и рѣчномъ городкѣ, къ рѣкѣ, которая блѣднымъ стекломъ поблескивала внизу между деревьями. Вечеръ былъ тихій и прозрачный.

Юрію стало грустно. Онъ слишкомъ много жилъ въ большихъ каменныхъ городахъ, и хотя всегда думалъ, что любить природу, она оставалась для него пустынной и не смятчала его чувствъ, не успокаивала, не радовала его, а возбуждала въ немъ непонятную, мечтательную, болѣзненную грусть.

— А... Ты уже всталъ, пора! — сказала Ляля, входя въ комнату.

Юрій отошелъ отъ окна.

Тяжелое чувство отъ сознанія своего обособленнаго и неопредѣленнаго положенія, и тихая грусть, возбужденная умираніемъ дня, сдѣлали то, что Юрію было непріятно видѣть свою сестру веселой и слышать ея звонкій, беззаботный голосъ.

— Тебѣ весело? — неожиданно для самого себя спросилъ онъ.

— Вотъ тебѣ и на! — воскликнула Ляля, дѣлая большіе глаза, но сейчасъ же разсмѣялась еще веселѣе, точно вопросъ брата напомнилъ ей что то очень забавное и радостное. — Что это тебѣ вздумалось справляться о моемъ весельѣ... Я никогда не скучаю... Некогда.

И принимая серьезный видъ и видимо гордясь тѣмъ, что говорить, она прибавила:

— Такое интересное теперь время, что прямо грѣхъ скучать. Я теперь занимаюсь съ рабочими, а потомъ много времени отнимаетъ библіотека... Безъ тебя мы здѣсь народную библіотеку устроили. И хорошо пошла!

Въ другое время это было бы интересно Юрію и возбудило бы его вниманіе, но теперь что то мѣшало ему.

Ляля дѣлала серьезное лицо и забавно, какъ ребенокъ, ждала одобренія, а потому Юрій сдѣлалъ надъ собою усиліе и сказалъ:

— Вотъ какъ!

— Гдѣ же мнѣ еще скучать! довольно протянула Ляля.

— А вотъ мнѣ все скучно, — опять невольно возразилъ Юрій.

— Любезно нечего сказать! — шутя возмутилась Ляля: — всего нѣсколько часовъ дома... да и тѣ проспалъ, а уже скучаетъ:

— Ничего не подѣлаешь, это отъ Бога! — съ легкимъ отѣнкомъ самодовольства возразилъ Юрій. Ему казалось, что скучать лучше и умнѣе, чѣмъ веселиться.

— Отъ Бога, отъ Бога! — притворно дуясь, пропѣла Ляля и замахнулась на него рукой. — У-у!..

Юрій не замѣчалъ, что ему уже весело. Звонкій голосъ и жизнерадостность Ляли быстро и легко разогнали тяжелое чувство, которое онъ считалъ серьезнымъ и глубокимъ. И

Ляля безсознательно не вѣрила въ его тоску, а потому несколько не обидѣлась его заявленіемъ.

Юрій улыбаясь смотрѣлъ ей въ лицо и говорилъ:

— Мнѣ никогда не бываетъ весело!

Ляля смѣялась, точно онъ сообщалъ ей что то очень забавное и веселое.

— Ну, ладно, рыцарь печальнаго образа! Никогда, такъ и никогда. Пойдемъ лучше, я представлю тебѣ одного молодого человѣка... пріятной наружности... Идемъ!

Ляля смѣясь тянула брата за руку.

— Постой, что же это за пріятный молодой человѣкъ?

— Мой женихъ! — звонко и весело выкрикнула Ляля прямо въ лицо Юрію и въ восторгѣ отъ смущенія и радости закружилась по комнатѣ, раздувая платье.

Юрій и раньше изъ писемъ отца и самой Ляли зналъ, что молодой докторъ, недавно пріѣхавшій въ ихъ городъ, ухаживаетъ за Лялей, но не зналъ еще, что это дѣло рѣшено.

— Вотъ какъ! — протянулъ онъ удивленно, и ему было странно, что эта маленькая, такая чистенькая и свѣженькая Ляля, которую онъ все еще считалъ полудѣвочкой, уже имѣетъ жениха и скоро выйдетъ замужъ, сдѣлается женщиной, женой... Онъ почувствовалъ къ сестрѣ нѣжность и неопредѣленную тихую жалость.

Юрій обнялъ Лялю за талію и пошелъ съ ней вмѣстѣ въ столовую, гдѣ уже горѣла лампа, блестѣлъ большой, ярко начищенный самоваръ, и сидѣли Николай Егоровичъ и незнакомый, плотный, но молодой человѣкъ нерусскаго типа, съ смуглымъ лицомъ и быстрыми любопытными глазами.

Онъ развязно, любезно и спокойно поднялся на встрѣчу Юрію.

— Ну, познакомимся...

— Анатолій Павловичъ Рязанцевъ, — комически торжественно превозгласила Ляля, забавно вывертывая руку ладонью вверхъ.

— Прошу любить и жаловать, — такъ же шутя прибавилъ Рязанцевъ.

Они съ искреннимъ желаніемъ пріязни пожали руки и одну секунду думали почему то поцѣловаться, но не поцѣловались, и только дружелюбно и внимательно поглядѣли въ глаза другъ другу.

— Вотъ какой у нея братъ! — съ удивленіемъ подумалъ Рязанцевъ, ожидавшій, что у бойкой, бѣлокурой и цвѣтущей

маленькой Ляли братъ долженъ быть такой же свѣтлый и жизнерадостный. А Юрій былъ высокъ, худъ и черенъ, хотя такъ же красивъ, какъ и Ляля, и даже похожъ на нее тонкими правильными чертами лица.

Юрій же, глядя на Рязанцева, подумаль, что, вотъ, тотъ самый человекъ, который въ маленькой, чистенькой и свѣженькой, какъ весеннее утро, дѣвчкѣ Лялѣ полюбилъ женщину. Полюбилъ, конечно, совершенно такъ же, какъ и самъ Юрій любилъ женщинъ. И почему то это было непріятно и неловко было смотрѣть на Рязанцева и Лялю, точно тѣ могли догадаться объ его мысляхъ.

Они чувствовали, что многое и важное должны сказать другъ другу. Юрію хотѣлось спросить:

— Вы любите Лялю?.. Чисто ли, серьезно ли?.. Вѣдь жалко, гадко будетъ, если вы ее обманываете... Она такая чистая, невинная!

А Рязанцеву отвѣтить:

— Да, я очень люблю вашу сестру, на ее и нельзя не любить: посмотрите, какая она чистенькая, свѣженькая, хорошенькая, какъ мило она меня любитъ и какой у нея милый вырѣзъ возлѣ шеи...

Но вмѣсто этого Юрій не сказалъ ничего, а Рязанцевъ спросилъ:

— Вы высланы надолго?

— На пять лѣтъ, — отвѣтилъ Юрій.

Николай Егоровичъ, ходившій по комнатѣ, на мгновение задержался, но справился и продолжалъ ходить, черезчуръ правильными размѣренными шагами стараго военнаго. Онъ еще не зналъ подробностей высылки сына и это неожиданное извѣстіе кинулось ему въ голову.

— Чортъ знаетъ что такое! — мысленно вспыхнулъ онъ.

Ляля поняла это движеніе отца и испугалась. Она боялась всякихъ ссоръ, споровъ и непріятностей, и попыталась перевести разговоръ.

Какая я глупая, — мысленно укоряла она себя: — какъ не догадаться предупредить Толю.

Но Рязанцевъ не зналъ сути дѣла и, отвѣтивъ на вопросъ Ляли, хочетъ ли онъ чаю, опять сталъ спрашивать Юрія.

— Что же вы теперь намѣрены дѣлать?

Николай Егоровичъ хмурился и молчалъ. И вдругъ Юрій почувствовалъ его молчаніе, и прежде, чѣмъ успѣлъ

сообразить послѣдствія, въ немъ закипѣло раздраженіе и упрямство. Онъ нарочно отвѣтилъ:

— Ничего пока...

— Какъ такъ ничего? — останавливаясь спросилъ Николай Егоровичъ. Голоса онъ не повысилъ, но въ звукахъ его ясно слышался затаенный укоръ.

— Какъ ты можешь говорить «ничего», какъ у тебя хватаетъ совѣсти говорить это, точно я обязанъ держать тебя на своей шеѣ!.. Какъ ты смѣешь забывать, что я старъ, что тебѣ давно пора самому хлѣбъ зарабатывать? Я ничего не говорю, живи, но какъ ты самъ этого не понимаешь! — сказалъ этотъ тонъ.

И тѣмъ скорѣе чувствуя его, потому что сознавалъ за отцемъ право такъ думать, Юрій тѣмъ не менѣе оскорбился всѣмъ существомъ своимъ.

— Да такъ, ничего... что же мнѣ дѣлать? — вызывающе отвѣтилъ онъ.

Николай Егоровичъ хотѣлъ сказать что то рѣзкое, но промолчалъ, и только пожавъ плечами, опять сталъ ходить изъ угла въ уголъ тяжелыми размѣренными на три темпа шагами. Джентельменское воспитаніе не позволило ему раздражиться въ первый же день пріѣзда сына.

Юрій слѣдилъ за нимъ блестящими глазами и уже не могъ сдерживаться, весь оцетинившись и насторожившись, чтобы вцѣпиться въ малѣйшій поводъ. Онъ прекрасно сознавалъ, что самъ вызываетъ ссору, но уже не могъ владѣть своимъ упрямствомъ и раздраженіемъ.

Ляля чуть не плакала и растерянно переводила умоляющіе глаза съ брата на отца. Рязанцевъ, наконецъ, понялъ и ему стало жаль Лялю. Онъ послѣдно и не очень ловко перевелъ разговоръ на другую тему.

Вечеръ прошелъ скучно и натянута. Юрій не могъ считать себя виноватымъ, потому что не могъ согласиться, что политическая борьба не его дѣло, какъ думалъ Николай Егоровичъ. Ему казалось, что отецъ не понимаетъ самой простой вещи, потому что старъ и неразвитъ, и онъ безсознательно чувствовалъ его виновнымъ въ своей старости и неразвитости и злился. Разговоры, которые поднималъ Рязанцевъ, его не занимали, и, слушая въ полъуха, онъ все такъ же напряженно и злобно слѣдилъ за отцомъ своими черными блестящими глазами.

Къ самому ужину пришли Новиковъ, Ивановъ и Семеновъ.

Семеновъ былъ больной чахоткою университетскій студентъ, уже нѣсколько мѣсяцевъ жившій въ этомъ городѣ на урокъ. Онъ былъ очень некрасивъ, худъ и слабъ и на его преждевременно состарившемся лицѣ неумолимо, но жутко лежала тонкая тѣнь близкой смерти. Ивановъ былъ народный учитель, длинноволосый, широкоплечій и нескладный человекъ.

Они вмѣстѣ гуляли на бульварѣ и, узнавъ о прїездѣ Юрія, зашли поздороваться.

Съ ихъ приходомъ все оживилось. Начались остроты, шутки и смѣхъ. За ужиномъ всѣ выпили и Ивановъ больше всѣхъ.

За тѣ нѣсколько дней, которые прошли со времени его неудачнаго объясненія съ Лидой Саниной, Новиковъ немного успокоился. Ему стало казаться, что отказъ былъ случайнымъ, что онъ самъ виноватъ въ немъ, не подготовивъ Лиду. Но все-таки ему было мучительно стыдно и неловко ходить къ Санинымъ. Поэтому онъ старался видѣться съ Лидой не у нихъ, а будто случайно встрѣчаясь съ нею то у знакомыхъ, то на улицѣ. И оттого, что Лида, жалѣвшая его и чувствовавшая себя какъ будто виноватой, была съ нимъ преувеличенно ласкова и внимательна, Новиковъ опять сталъ надѣяться.

— Вотъ что, господа, — сказалъ онъ, когда они ужъ уходили: — давайте-ка устроимъ пикникъ въ монастырѣ... А?

Загородный монастырь былъ обычнымъ мѣстомъ прогулокъ, потому что стоялъ на горѣ, въ красивомъ привольномъ и рѣчномъ мѣстѣ, недалеко отъ города и дорога туда была хороша.

Ляля больше всего на свѣтѣ любившая всякій шумъ, прогулки, катанье на лодкѣ и бѣготню по лѣсу, съ увлеченіемъ ухватилась за эту мысль.

— Непремѣнно, непремѣнно... А когда?

Да хоть и завтра! — отвѣтилъ Новиковъ.

А кого же мы пригласимъ еще? спросилъ Рязанцевъ, которому тоже понравилась мысль о прогулкѣ. Въ лѣсу можно было цѣловаться, обниматься и быть въ раздражающей близости къ тѣлу Ляли, которое остро дразнило его своей свѣжестью и чистотой.

— Да кого... Вотъ насъ... шестеро. Позовемъ Шафрова.

Это кто же такой? — спросилъ Юрій.

— Юный студіозусъ одинъ тутъ есть такой.

— Ну, а Людмила Николаевна пригласить Карсавину и Ольгу Ивановну.

— Кого? — опять переспросилъ Юрій.

Ляля засмѣялась.

— Увидишь! — сказала она и загадочно выразительно поцѣловала кончики пальцевъ.

— Вотъ какъ, — улыбнулся Юрій: — посмотримъ, посмотримъ...

Новиковъ помялся и неестественно равнодушно прибавилъ:

— Саниныхъ можно позвать.

— Лиду непременно! — воскликнула Ляля не столько потому, что ей нравилась Санина, сколько потому, что знала о любви Новикова и хотѣла сдѣлать ему пріятное. Она была очень счастлива своей любовью и ей хотѣлось, чтобы и всѣ вокругъ были также счастливы и довольны.

— Только тогда прійдется и офицеровъ звать, — язвительно вставилъ Ивановъ.

Что жъ, позовемъ... чѣмъ больше народу, тѣмъ лучше.

Всѣ вышли на крыльцо.

Луна свѣтила ярко и ровно. Было тепло и тихо.

— Ну, ночь — сказала Ляля, незамѣтно прижимаясь къ Рязанцеву.

Ей не хотѣлось чтобы онъ уходилъ. Рязанцевъ крѣпко прижалъ ея круглую теплую ручку локтемъ.

— Да, ночь чудная! — сказалъ онъ, придавая этимъ простымъ словамъ особенный, только имъ двоимъ понятный, смыслъ.

— Да будетъ ей благо, — басомъ отозвался Ивановъ: — а я спать желаю. Покойной ночи синьоры!

И онъ зашагалъ по улицѣ, размахивая руками, какъ мельница крыльями.

Потомъ ушли Новиковъ и Семеновъ. Рязанцевъ долго прощался съ Лялей, подъ предлогомъ совѣщанія о пикникѣ.

— Ну, бай, бай, — шутя сказала Ляля, когда онъ ушелъ, потянулась и вздохнула, съ сожалѣніемъ покидая лунный свѣтъ, теплый ночной воздухъ и то, къ чему они звали ея молодое, цвѣтущее тѣло.

Юрій подумалъ, что отецъ еще не спитъ и что если они останутся вдвоемъ, то непріятное и ни къ чему не ведущее объясненіе будетъ неизбѣжнымъ.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, глядя въ сторону, на голубоватый туманъ, тянущійся пеленой за чернымъ заборомъ надъ рѣкой, — я еще не хочу спать... Пойду, пройдуся.

— Какъ хочешь, отозвалась Ляля тихимъ и странно нѣжнымъ голосомъ. Она еще разъ потянулась, зажмурилась, какъ кошечка, улыбнулась куда то навстрѣчу лунному свѣту и ушла. Юрій остался одинъ. Съ минуту онъ неподвижно стоялъ и смотрѣлъ на черныя тѣни домовъ и деревьевъ, казавшіеся глубокими и холодными, потомъ встрепенулся и пошелъ въ ту сторону, куда медленно ушелъ Семеновъ.

Больной студентъ не успѣлъ уйти далеко. Онъ шелъ тихо, согнувшись и глухо покашливая, и черная тѣнь бѣжала за нимъ по свѣтлой землѣ. Юрій его догналъ и сразу замѣтилъ происшедшую въ немъ перемѣну: во все время ужина Семеновъ шутилъ и смѣялся едва ли не больше всѣхъ, а теперь онъ шелъ грустно, понуро, и въ его глухомъ покашливаніи слышалось что то грозное, печальное и безнадежное, какъ та болѣзнь, которою онъ былъ боленъ.

— А, это вы! — разсѣянно и, какъ показалось Юрію, недоброжелательно сказалъ онъ.

— Что то спать не хочется. Вотъ провожу васъ, — пояснилъ Юрій.

— Проводите, — равнодушно сказалъ Семеновъ.

Они долго шли молча. Семеновъ все покашливалъ и горбился.

— Вамъ не холодно? — спросилъ Юрій, такъ только, потому что его начинало тяготить это унылое покашливаніе.

— Мнѣ всегда холодно, — какъ будто съ досадой возразилъ Семеновъ.

Юрію стало неловко, точно онъ нечаянно коснулся больного мѣста.

— Вы давно изъ университета? — опять спросилъ онъ.

Семеновъ отвѣтилъ не сразу.

— Давно, — сказалъ онъ.

Юрій началъ рассказывать о студенческихъ настроеніяхъ, о томъ, что среди студентовъ считалось самымъ важнымъ и современнымъ. Сначала онъ говорилъ просто, но потомъ увлекся, оживился и сталъ говорить съ выраженіемъ и горячностью.

Семеновъ слушалъ и молчалъ.

Потомъ Юрій незамѣтно перешелъ къ упадку революціоннаго настроенія среди массъ. И видно было, что онъ искренно страдаетъ о томъ, что говорить.

— Вы читали послѣднюю рѣчь Бебеля? — спросилъ онъ.

— Читалъ, отвѣтилъ Семеновъ.

— Ну и что?

Семеновъ вдругъ съ раздраженіемъ махнулъ своей палкой съ большимъ крючкомъ. Его тѣнь также махнула своей черной рукой, и это движеніе ея напомнило Юрію зловѣщій взмахъ крыла какой то черной хищной птицы.

— Что я вамъ скажу, — торопливо и сбивчиво заговорилъ Семеновъ: — я скажу, что я, вотъ, умираю...

И опять онъ махнулъ палкой и опять черная тѣнь хищно повторила его движеніе. На этотъ разъ и Семеновъ замѣтилъ ее.

— Вотъ, — сказалъ онъ горько: — у меня за спиной смерть стоитъ и каждое мое движеніе стережетъ... Что мнѣ Бебель!.. Болтунъ болтаетъ, другой будетъ болтать другое, а мнѣ, все равно, не сегодня завтра умирать.

Юрій смущенно молчалъ и ему было грустно, тяжело и обидно на кого то за то, что онъ слышалъ. — Вотъ вы думаете, что все это очень важно... то, что случилось въ университетѣ и что сказалъ Бебель... А я думаю, что когда вамъ, какъ мнѣ, придется умирать и знать навѣрное, что умираешь, такъ вамъ и въ голову не прійдетъ думать, что слова Бебеля, Ницше, Толстого или кого еще тамъ... имѣютъ какой либо смыслъ!

Семеновъ замолчалъ.

Мѣсяцъ по прежнему свѣтилъ ярко и ровно и черная тѣнь неотступно шла за ними.

— Организмъ разрушается... — вдругъ произнесъ Семеновъ совсѣмъ другимъ, слабымъ и жалкимъ голосомъ.

— Если бы вы знали, какъ не хочется умирать... Особенно въ такую ясную теплую ночь!.. — съ жалобной тоской заговорилъ онъ, поворачивая къ Юрію свое некрасивое, обтянутое кожей лицо, съ ненормально блестящими глазами. — Все живеть, а я умираю... Вотъ, вамъ кажется, — и должна казаться, — избитой эта фраза... А я умираю. Не въ романѣ, не на страницахъ, написанныхъ «съ художественной правдой», а на самомъ дѣлѣ умираю, и она не кажется мнѣ избитой...

Когданибудь и вамъ не будетъ казаться... Умираю, умираю и все тутъ!

Семеновъ закашлялся.

— Я, вотъ, иногда начну думать о томъ, что скоро я буду въ полной темнотѣ, въ холодной землѣ, съ провалившимся носомъ и огнившими руками, а на землѣ все будетъ совершенно такъ же, какъ и сейчасъ, когда я иду живой. Вы, вотъ, еще будете живы... Будете ходить, смотрѣть на эту луну, дышать, пройдетъ мимо моей могилы, и остановитесь надъ нею по своей надобности, а я буду лежать и отвратительно гнить. Что мнѣ Бебель, Толстой и миллионы другихъ, кривляющихся ословъ! — вдругъ со злобой рѣзко выкрикнулъ Семеновъ.

Юрій молчалъ, растерянный и разстроенный.

— Ну, прощайте, — сказалъ Семеновъ тихо: — мнѣ сюда.

Юрій пожалъ ему руку и съ глубокой жалостью посмотрѣлъ на его впалую грудь, согнутыя плечи и на его палку съ толстымъ крючкомъ, которую Семеновъ зацѣпилъ за пуговицу своего студенческаго пальто. Юрію хотѣлось что то сказать, чѣмънибудь утѣшить и обнадежить его, но онъ чувствовалъ, что ничѣмъ нельзя этого сдѣлать, вздохнулъ и отвѣтилъ:

— До свиданья.

Семеновъ приподнялъ фуражку и отворилъ калитку. За заборомъ еще слышались его шаги и глухое покашливаніе. Потомъ все смолкло.

Юрій пошелъ назадъ. И все, что еще полъ часа тому назадъ казалось ему легкимъ, свѣтлымъ, тихимъ и спокойнымъ — лунный свѣтъ, звѣздное небо, тополя освѣщенные луной и таинственныя тѣни — теперь показалось мертвымъ, зловѣщимъ и страшнымъ, какъ холодъ огромной міровой могилы.

Когда онъ пришелъ домой, тихо пробрался въ свою комнату и отворилъ окно въ садъ, ему въ первый разъ пришло въ голову, что все то, чѣмъ онъ такъ глубоко, довѣрчиво и самоотверженно, занимался, — не то, что было нужно. Ему представилось, что когданибудь, умирая, какъ Семеновъ, онъ будетъ мучительно, невыносимо жалѣть не о томъ, что люди не сдѣлались благодаря ему счастливыми, не о томъ, что идеалы, передъ которыми онъ благоговѣлъ всю жизнь, останутся непроведенными въ міръ, а о томъ, что онъ умираетъ, перестаетъ видѣть, слышать и чувствовать, не успѣвъ въ полной мѣрѣ насладиться тѣмъ, что можетъ дать жизнь.

Но ему стало стыдно этой мысли, онъ сдѣлалъ надъ собой усилие и придумалъ объясненіе.

— Жизнь и есть въ борьбѣ!

— Да, но за кого... не за себя ли, не за свою ли долю подъ солнцемъ? — грустно замѣтила тайная мысль. Но Юрій притворился, что не слышитъ, и сталъ думать о другомъ. Но это было трудно и неинтересно, мысль ежеминутно возвращалась на тѣ же круги, и ему было скучно, тяжело и тошно до злыхъ и мучительныхъ слезъ.

V.

Получивъ записку отъ Ляли Сварожичъ, Лида Санина передала ее брату. Она думала, что онъ откажется, и ей хотѣлось, чтобы онъ отказался. Она чувствовала, что ночью, при лунномъ свѣтѣ, на рѣкѣ ее будетъ такъ же властно и сладко тянуть къ Зарудину, что это будетъ жуткое и интересное наслажденіе и вмѣстѣ съ тѣмъ ей было стыдно передъ братомъ, что это будетъ именно съ Зарудинымъ, котораго братъ очевидно презиралъ отъ души.

Но Санинъ сразу и охотно согласился.

Былъ совершенно безоблачный, теплый и нежаркій день. На небо было больно смотрѣть, и оно все трепетало отъ чистоты воздуха и сверканія бѣло-золотыхъ солнечныхъ лучей.

— Кстати, тамъ барышни будутъ, вотъ и познакомишься... — машинально сказала Лида.

— А это хорошо! — сказалъ Санинъ. — И притомъ погода самая благодатная. Ыдемъ.

Въ назначенное время подѣхали Зарудинъ и Танаровъ на широкой эскадронной линейкѣ, запряженной парю рослыхъ лошадей изъ полкового обоза.

— Лидія Петровна, мы ждемъ! — весело закричалъ Зарудинъ, весь чистый, бѣлый и надушенный.

Лида, одѣтая въ легкое свѣтлое платье, съ розовымъ бархатнымъ воротникомъ и такимъ же широкимъ поясомъ, сбѣжала съ крыльца и подала Зарудину обѣ руки. Зарудинъ на мгновеніе выразительно задержалъ ее передъ собой, оглядывая ея фигуру быстрымъ и откровеннымъ взглядомъ.

— Ыдемъ, ѣдемъ, — понимая его взглядъ и стыдясь и возбуждаясь имъ, закричала Лида.

И черезъ нѣсколько времени, линейка быстро катилась по мало проторенной степной дорогѣ, пригибая къ землѣ жесткіе стебли полевой травы, которая выпрямляясь хлестала по ногамъ. Свѣжій степной вѣтеръ легко шевелилъ волосы и бѣжалъ по обѣ стороны дороги въ мягкихъ волнахъ травы.

На выѣздѣ изъ города они догнали другую линейку, въ которой сидѣли Ляля и Юрій Сварожичи, Рязанцевъ, Новиковъ, Ивановъ и Семеновъ. Имъ было тѣсно и неудобно и оттого весело и настроены всѣ были дружелюбно. Одному Юрію Сварожичу, послѣ вчерашняго разговора съ Семеновымъ, было немного неловко съ нимъ. Ему казалось страннымъ и даже намного неприятнымъ, что Семеновъ острить и смѣется такъ же беззаботно, какъ и всѣ. Юрій не могъ понять, какъ можетъ Семеновъ смѣяться послѣ всего того, что было имъ говорено вчера.

— Рисовался онъ тогда, что ли? — думалъ Юрій искоса поглядывая на больного студента. — Или онъ вовсе не такъ ужъ боленъ?

Изъ обѣихъ линеекъ посыпались перекрестныя остроты и привѣтствія. Новиковъ, дурачась, соскочилъ со своей линейки и побѣжалъ по травѣ возлѣ Лиды. Между ними какъ то установилось молчаливое соглашеніе преувеличенно выказывать дружбу. И оба были черезчуръ шутливы и дружески дерзки.

Все больше выясняясь и выростая, показалась гора, на которой блестѣли главы и бѣлѣли стѣны монастыря. Вся гора была покрыта рощей и казалась курчавой отъ зеленыхъ верхушекъ дубовъ. Тѣ же дубы росли на островахъ и внизу подъ горою и между ними текла широкая и спокойная рѣка.

Лошади свернувъ съ накатанной дороги, покатили по мягкой и сочной луговой травѣ, низко пригибая ее колесами и мягко чвакая копытами по сырой землѣ. Запахло водою и дубовымъ лѣсомъ.

Въ установленномъ мѣстѣ, на особенно свѣтлѣмъ нправящейся лужайкѣ, на травѣ, и на разостланныхъ коврикахъ, уже ожидали раньше пріѣхавшіе студентъ и двѣ барышни въ мажороссійскихъ костюмахъ, которыя со смѣхомъ готовили чай и закуску.

Лошади, фыркая и помахивая хвостами отъ мухъ, остановились и всѣ пріѣхавшіе, оживленные дорогой, воздухомъ и запахомъ воды и лѣса, разомъ высыпали изъ обѣихъ линеекъ.

Ляля стала звонко цѣловаться съ двумя готовившими чай барышнями. Лида поздоровалась сдержанно и представила имъ своего брата и Юрія Сварожича. Барышни смотрѣли на нихъ съ молодымъ тайнымъ любопытствомъ.

— Да вы и между собой, кажется, незнакомы, — вдругъ спохватилась Лида. — Это — мой братъ, Владиміръ Петровичъ, а это — Юрій Николаевичъ Сварожичъ.

Санинъ, улыбаясь, мягко и сильно пожалъ руку Юрію, который не обратилъ на него никакого вниманія. Санину былъ интересенъ всякій человѣкъ и онъ любилъ встрѣчаться съ новыми людьми, а Юрій былъ убѣжденъ, что интересныхъ людей мало и потому всегда былъ равнодушенъ къ новымъ знакомствамъ.

Ивановъ уже немного зналъ Санина и то, что онъ о немъ слышалъ, ему понравилось. Онъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на Санина и первый подошелъ и заговорилъ съ нимъ. Семеновъ равнодушно подаль ему руку.

Ну, теперь можно и веселиться! — кричала Ляля: — со скучными обязанностями покончено!

Сначала всѣмъ было неловко, потому что многіе видѣли другъ друга въ первый разъ. Когда же стали закусывать и мужчины выпили по нѣсколько рюмокъ водки, а женщины вина, неловкость исчезла и стало весело. Много пили, смѣялись, острили, — и иногда очень удачно, — бѣгали въ запуски и лазили по горѣ. Лѣсъ былъ такъ зеленъ и красивъ, вездѣ было такъ тихо, свѣтло и ярко, что ни у кого не осталось на душѣ ничего темнаго, заботнаго и злого.

— Вотъ, — сказалъ запыхавшійся Рязанцевъ: — если бы люди побольше такъ прыгали и бѣгали, девяти десятыхъ болѣзней не было бы.

— И пороковъ тоже, — сказала Ляля.

— Ну, пороковъ въ человѣкѣ всегда будетъ предостаточно, — замѣтилъ Ивановъ, и хотя то, что онъ сказалъ, никому не показалось особенно мѣткимъ и остроумнымъ, смѣялись всѣ искренно.

Пока пили чай, солнце стало садиться и рѣка стала золотой, а между деревьями потянулись длинные, косые стрѣлы красноватаго свѣта.

— Ну, господа, на лодки! — крикнула Лида и первая, высоко подобравъ платье, пустилась бѣгомъ къ берегу. — Кто скорѣе!

И кто бѣгомъ, кто болѣе солидно, всѣ потянулись за ней и съ хохотомъ и шалостями стали рассаживаться въ большой пестро раскрашенной лодкѣ.

— Отчаливай! — молодымъ безшабашнымъ голосомъ крикнула Лида.

И лодка легко скользнула отъ берега, оставляя за собой широкія полосы, плавно расходящіяся къ обоимъ берегамъ.

— Юрій Николаевичъ, что же вы молчите? — спросила Лида Сварожича.

— Говорить нечего, — улынулся Юрій.

— Неужели? — протянула Лида, закидывая голову и чувствуя, что всѣ мужчины ею любятъ.

— Юрій Николаевичъ не любитъ болтать по пустякамъ, — началъ Семеновъ — и ему...

— А, ему надо серьезную тему? — перебила Лида.

— Смотрите, вотъ серьезная тема! — закричалъ Зарудинъ, показывая на берегъ.

Тамъ, подъ обрывомъ, между узловатыми корнями стараго покосившагося дуба, чернѣла узкая и угрюмая дыра, заросшая бурьяномъ.

— Это что же? — спросилъ Шафровъ, который былъ родомъ изъ другихъ мѣстъ.

— Пещера здѣсь, — отвѣтилъ Ивановъ.

— Какая пещера?

— А чертъ ее знаетъ.. Говорятъ, что здѣсь когда то была фабрика фальшивыхъ монетчиковъ. Ихъ всѣхъ, какъ водится, переловили... Ужасно скверно, что это «такъ водится», — вставилъ Ивановъ.

— А то бы сейчасъ фабрику фальшивыхъ двугривенныхъ открылъ? — спросилъ Новиковъ.

— Затѣмъ?.. Цѣлковыхъ, другъ, цѣлковыхъ!

— Г-м... — произнесъ Зарудинъ и слегка пожалъ плечами. Ему не нравился Ивановъ и шутокъ его онъ не понималъ.

— Да... Ну, переловили, а пещеру забросили. Она завалилась и теперь туда никто не ходитъ. Когда я былъ еще младенцемъ, я лазилъ туда. Тамъ довольно интересно.

— Еще бы не интересно! — закричала Лида. — Викторъ Сергѣевичъ, пойдите туда... Вы храбрый!

У нея былъ странный тонъ, точно теперь, при людяхъ и при свѣтѣ, она хотѣла издѣваться и мстить Зарудину за то странное и жуткое обаяніе, которое производилъ онъ на нее вечеромъ наединѣ.

— Зачѣмъ? — недоумѣвая спросилъ Зарудинъ.

— Я пойду, — вызвался Юрій и покраснѣлъ, испугавшись, что подумаютъ, будто онъ рисуется.

— Дѣло — хорошее! — одобрилъ Ивановъ.

— Можеть и ты пойдешь? — спросилъ Новиковъ.

— Нѣтъ, я лучше тутъ посижу.

Всѣ засмѣялись.

Лодка пристала къ берегу и черная дыра сквозила теперь надъ самой головой.

— Юрій, не дѣлай, пожалуйста, глупостей, — приставала къ брату Ляля. — Ей Богу, глупости!

— Конечно, глупости, — шутя соглашался Юрій: — Семеновъ, передайте мнѣ свѣчу.

— А гдѣ я ее возьму?

— Да сзади васъ, въ корзинѣ!

Семеновъ флегматично досталъ изъ корзины свѣчу.

— Вы въ самомъ дѣлѣ пойдете? — спросила одна изъ барышень, высокая, красивая, съ полной грудью, дѣвушка, которую Ляля называла Зиной и фамилія которой была Карсавина.

— Конечно, отчего же нѣтъ? — притворяясь равнодушнымъ, возразилъ Юрій и самъ припомнилъ, какъ такимъ же равнодушнымъ старался онъ быть во время опасныхъ партійныхъ походовъ. Это воспоминаніе почему то было ему непріятно.

У входа въ пещеру было сыро и темно. Санинъ заглянулъ туда и сказалъ: — брр!

Ему было смѣшно, что Юрій полѣзетъ въ непріятное, опасное мѣсто потому только, что на него смотрятъ другіе люди.

Юрій зажегъ свѣчу, стараясь не смотрѣть на другихъ. Его уже мучила тайная мысль: не смѣшонъ ли онъ? Казалось, что какъ будто смѣшонъ, но въ то же время какъ то странно выходило, что не только не смѣшонъ, а удивителенъ, красивъ и возбуждаетъ въ женщинахъ то таинственное любопытство, которое такъ пріятно и жутко. Онъ подождалъ, пока разгорится свѣча, и смѣясь, чтобы обезпечить себя отъ насмѣшки, шагнулъ впередъ и сразу утонулъ въ темнотѣ. Даже свѣча какъ будто потухла. И всѣмъ стало дѣйствительно жутко за него и любопытно.

— Смотрите, Юрій Николаевичъ, — закричалъ Рязанцевъ: — тамъ, бываетъ, волки прячутся.

— У меня револьверъ! — глухо отозвался Юрій и голосъ его изъ подъ земли прозвучалъ какъ то странно, точно мертвый.

Онъ осторожно пробирался впередъ. Стѣны были низкія, неровныя и сырыя, какъ въ большомъ погребѣ. Дно то поднималось, то опускалось, и раза два Юрій чуть было сорвался въ какія то ямы. Онъ подумалъ, что лучше воротиться или сѣсть, посидѣть, а потомъ сказать, что ходилъ далеко.

Вдругъ сзади слышались шаги, скользящіе по мокрой глинѣ и прерывистое дыханіе. Кто то шелъ за нимъ. Юрій поднялъ свѣчу выше головы.

— Зинаида Павловна! — удивленно вскрикнулъ онъ.

— Она самая! — весело отозвалась Карсавина, подбирая платье, чтобы перескочить черезъ яму.

Юрію было пріятно, что это она, веселая, полная, красивая дѣвушка. Онъ смотрѣлъ на нее блестящими глазами и улыбался.

— Ну, идемте же дальше! — нѣсколько смущенно предложила дѣвушка.

Юрій послушно и легко пошелъ впередъ, уже совсѣмъ не думая объ опасности и старательно освѣщая дорогу только Карсавиной.

Стѣны пещеры, изъ коричневой сырой глины, то продвигались точно съ молчаливой угрозой, то отступали и давали дорогу. Мѣстами вываливались цѣлыя груды камней и земли, а на мѣстѣ ихъ чернѣли глубокія впадины. Громада земли, нависшая надъ ними казалась мертвой и что то страшное было въ томъ, что она не валится, а виситъ неподвижно, поддерживаемая своимъ невидимымъ могучимъ закономъ. Потомъ всѣ выходы сошлись въ одну большую и мрачную пещеру съ тяжелымъ воздухомъ.

Юрій обошелъ ее вокругъ, ища выхода, и за нимъ ходили качающіяся тѣни и пятна свѣта, глохшаго во иѣмъ. Но выходовъ было нѣсколько и всѣ завалены землей. Въ одномъ углу печально догнивали остатки деревяннаго помоста, напоминая вырытыя изъ земли и брошенныя доски стараго сгнившаго гроба.

— Мало любопытнаго! — сказалъ Юрій, невольно и самъ не замѣчая того понижая голосъ. Громада земли давила.

— А все таки! — прошептала Карсавина, блестящими отъ огня глазами оглядываясь вокругъ. Ей было жутко и она без-

сознательно держалась ближе къ Юрію, точно отыскивая у него защиты.

И Юрій это замѣтилъ и это ему было пріятно, вызывая какую то умиленную нѣжность въ красотѣ и слабости дѣвушки.

— Точно заживо погребенные, — продолжала Карсавина: — кажется, крикни... никто не услышитъ!

— Навѣрное, — усмѣхнулся Юрій.

И у него вдругъ закружилась голова. Онъ искоса посмотрѣлъ на высокую грудь, едва прикрытую тонкой малороссійской рубашкой, и круглыя покатыя плечи. Мысль, что въ сущности она у него въ рукахъ и никто не услышитъ, была такъ сильна и неожиданна, что на мгновеніе у него потемнѣло въ глазахъ. Но сейчасъ же онъ овладѣлъ собою, потому что былъ искренне и непоколебимо убѣжденъ, что изнасиловать женщину — отвратительно, а для него, Юрія Сварожича, и совершенно немыслимо. И вмѣсто того, чтобы сдѣлать то, чего ему въ эту минуту захотѣлось больше жизни, отъ чего силой и страстью загорѣлось все его тѣло, Юрій сказалъ:

— Давайте попробуемъ.

Странная дрожь въ его голосѣ испугала его, ему показалось, что Карсавина догадается.

— Какъ? — спросила дѣвушка.

— Я выстрѣлю, — пояснилъ Юрій, вынимая револьверъ.

— А не обвалится?

— Не знаю, — почему то отвѣтилъ Юрій, хотя былъ убѣжденъ, что не обвалится, — а вы боитесь?

— Нѣтъ... Ну... стрѣляйте... — немного отодвигаясь, сказала Карсавина.

Юрій вытянулъ руку съ револьверомъ и выстрѣлилъ. Сверкнула огненная полоска, дымъ, ѣдкій и тяжелый, мгновенно затянулъ все кругомъ и глухой гулъ тяжело и сердито пошелъ по горѣ. Но земля висѣла такъ же неподвижно, какъ и раньше.

— Только и всего, — сказалъ Юрій.

— Идемъ.

Они пошли назадъ и когда Карсавина повернулась къ Юрію спиной и онъ увидѣлъ ея крутыя сильныя бедра, опять то же желаніе пришло къ нему и стало трудно съ нимъ бороться.

— Послушайте Зинаида Павловна, — сказалъ Юрій, самъ пугаясь своего голоса и вопроса, но притворяясь безза-

ботнымъ, — вотъ интересный психологическій вопросъ: какъ вы не боялись со мною идти сюда?.. Вы же сами говорите, что если крикнуть, то никто не услышитъ... А вѣдь вы меня совсѣмъ не знаете....

Карсавина густо покраснѣла въ темнотѣ, но молчала.

Юрій дышалъ тяжело. Ему было жгуче пріятно точно онъ скользилъ надъ какой то бездной, и въ то же время жгуче стыдно.

— Я думала конечно, что вы порядочный человѣкъ... — слабо и нервно пробормотала дѣвушка.

— Напрасно вы такъ думали! — возразилъ Юрій, все тѣшась тѣмъ же жгучимъ ощущеніемъ. И вдругъ ему показалось, что это очень оригинально, что онъ говорить съ ней такъ и что въ этомъ есть что то красивое.

— Я бы тогда... утопилась..., еще тише и еще больше краснѣя, проговорила Карсавина.

И отъ этихъ словъ въ душѣ Юрія появилось мягкое жалостливое чувство. Возбужденіе сразу упало и Юрію стало легко.

— Какая славная дѣвушка! — подумалъ онъ тепло и искренно, и сознание чистоты этой теплоты и искренности было такъ пріятно ему, что слезы выступили на его глазахъ.

Карсавина счастливо улыбнулась ему, гордая своимъ отвѣтомъ и его безмолвнымъ передавшимся ей одобреніемъ.

И пока они шли къ выходу, дѣвушка съ страннымъ волненіемъ думала о томъ: почему ей было такъ не обидно, не стыдно, а волнующе пріятно, что онъ спрашивалъ ее объ этомъ.

VI.

Оставшіеся наверху, постоявъ у пещеры и поостривъ надъ Сварожичемъ и Карсавиной, разсѣлись на берегу. Мужчины закурили папиросы, бросая въ воду спички и наблюдая, какъ расходятся по ней широкіе ровные круги. Лида, тихо напѣвая, ходила по травѣ и взявшись за поясъ выдѣлывала какіе-то на своими желтыми маленькими ботинками, а Ляля рвала цвѣты и бросала ими въ Рязанцева, цѣлуя его глазами.

— А не выпить-ли намъ пока что? — спросилъ Ивановъ Санина.

— Проникновенная идея, — согласился Санинъ.

Они спустились въ лодку, откупорили пиво и стали пить.

— Пьяницы безсовѣстные! — сказала Ляля и бросила въ нихъ пучкомъ травы .

— Ха-арошо! — съ наслажденіемъ произнесъ Ивановъ.

Санинъ засмѣялся.

— Меня всегда удивляло, что люди такъ ополчаются на вино, — сказалъ онъ шутя: — по моему только пьяный чело-
вѣкъ живетъ какъ слѣдуетъ.

— Или какъ животное, — отозвался Новиковъ съ берега.

— Хотя бы и такъ, — возразилъ Санинъ, — а все-таки
пьяный дѣлаетъ только то, что ему хочется... хочется ему пѣть
— поеть, хочется танцовать — танцуетъ, и не стыдится своей
радости и веселья....

— Иногда и дерется, — замѣтилъ Рязанцевъ.

— Бываетъ. Люди не умѣютъ пить... они слишкомъ оз-
лоблены...

— А ты въ пьяномъ видѣ не дерешься? спросилъ Нови-
ковъ.

— Нѣтъ, — сказалъ Санинъ, я скорѣе трезвый подерусь,
а въ пьяномъ видѣ я самый добрый чело-вѣкъ, потому что
забываю много мерзости.

— Не всѣ же таковы, — опять замѣтилъ Рязанцевъ.

— Жаль, конечно, что не всѣ... Только мнѣ до другихъ,
право, нѣтъ ни малѣйшаго дѣла.

— Ну, такъ нельзя говорить! — сказалъ Новиковъ.

— Почему нельзя. А если это — правда?

— Хорошая правда! — отозвалась Ляля, качнувъ
головой.

— Самая хорошая, какую я знаю, — возразилъ за Сани-
на Ивановъ.

Лида громко зашѣла и съ досадой оборвала.

— Однако они не торопятся! — сказала она.

— А зачѣмъ имъ торопиться! — возразилъ Ивановъ: —
торопиться никогда не слѣдуетъ.

— А Зина-то... героиня безъ страха... и упрека, конечно!
— саркастически замѣтила Лида.

Танаровъ громко прыснулъ своимъ собственнымъ мыс-
лямъ и сконфузился.

Лида посмотрѣла на него, подбоченившись и упруго по-
качиваясь всѣмъ тѣломъ.

— Что жъ, можетъ быть имъ тамъ и очень весело! — загадочно прибавила она, пожимая плечомъ.

— Тс! — перебилъ Рязанцевъ.

Глухой гулъ вырвался изъ черной дыры.

— Выстрѣлъ! — крикнулъ Шафровъ.

— Что это значитъ? — плаксиво спрашивала Ляля, цѣпляясь за рукавъ Рязанцева.

— Успокойтесь, если это волкъ, такъ они въ это время смирные... да на двоихъ и не нападутъ... — успокаивалъ ее Рязанцевъ, съ досадой на Юрія и его мальчишескую выдумку.

— Э, ей Богу! тоже съ досадой крикнулъ Шафровъ.

— Да идуть, идуть... не волнуйтесь! — презрительно скрививъ губы, сказала Лида.

Послышался приближающійся шорохъ и скоро изъ темноты вынурнули Карсавина и Юрій.

Юрій потушилъ свѣчу и улыбнулся всѣмъ ласково и нерѣшительно, потому что не зналъ еще, какъ они отнеслись къ его выходкѣ. Онъ весь былъ осыпанъ желтой глиной, а у Карсавиной сильно было замазано плечо, которымъ она задѣла за стѣну.

— Ну, что? — равнодушно спросилъ Семеновъ.

— Довольно оригинально и красиво, — нерѣшительно, точно оправдываясь, отвѣтилъ Юрій. — Только проходы далеко не идуть, засыпано. Тамъ полъ какой-то догниваетъ.

— А вы выстрѣлъ слышали? — оживленно блестя глазами, спрашивала Карсавина.

— Господа, мы уже все пиво выпили и души наши повеселились въ достаточной мѣрѣ! — закричалъ снизу Ивановъ. — Вдемъ!

Когда лодка опять выбралась на широкое мѣсто рѣки, луна уже взошла. Было удивительно тихо и прозрачно; и въ небѣ и въ водѣ, вверху и внизу одинаково сверкали золотые огоньки звѣздъ и казалось, что лодка плыветъ между двумя бездонными воздушными глубинами. Лѣсъ на берегу и въ водѣ былъ черный и таинственный. Запѣлъ соловей. Когда всѣ молчали, казалось, что это поетъ не птица, а какое то счастливое, разумное, задумчивое существо.

— Какъ хорошо! — сказала Ляля, поднимая глаза вверхъ и кладя голову на круглое теплое плечо Карсавиной.

И потомъ опять долго молчали и слушали. Свистъ соловья звонко наполнялъ лѣсъ, отдавался трелью надъ задумчи-

вой рѣкой и несся надъ лугами, гдѣ въ лунномъ туманѣ чуть-ко застыли травы и цвѣты, въ даль и вверхъ къ холодному звѣздному небу.

— О чемъ онъ поетъ? — опять спросила Ляля, какъ будто нечаянно роняя руку ладонью вверхъ на колѣно Рязанцева, чувствуя, какъ это твердое и сильное колѣно вздрогнуло, и пугаясь и радуясь этому движенію.

— О любви, конечно! — полуплутливо, полусерьезно, отвѣтилъ Рязанцевъ и тихонько накрылъ рукой маленькую теплую и нѣжную ладонь, довѣрчиво лежавшую у него на колѣняхъ.

— Въ такую ночь не хочется думать ни о добрѣ, ни о злѣ, — сказала Лида, отвѣчая собственнымъ мыслямъ.

Она думала о томъ, дурно или хорошо она дѣлаетъ, наслаждаясь жуткой и влекущей игрой. И глядя на лицо Зарудина, еще болѣе мужественное и красивое при лунномъ свѣтѣ, темнымъ блескомъ отливающимъ въ его глазахъ, она чувствовала ту же знакомую сладкую истому и жуткое безволіе во всемъ существѣ своемъ.

— А совѣмъ о другомъ! — отвѣтилъ ей Ивановъ.

Санинъ улыбнулся и не сводилъ глазъ съ высокой груди и красивой бѣлющей отъ луны шеи сидящей противъ него Карсавиной.

На лодку набѣжала темная легкая тѣнь горы и, когда лодка оставляя за собой голубыя серебристыя полосы, опять выскользнула на освѣщенное мѣсто, показалось, что стало еще свѣтлѣе, шире и свободнѣе.

Карсавина бросила свою широкую соломенную шляпу и, еще больше выставивъ высокую грудь, запѣла. У нея былъ высокій, красивый, хотя и не большой голосъ. Пѣсня была русская, красивая и грустная, какъ всѣ русскія пѣсни.

— Очень чувствительно! пробормоталъ Ивановъ.

— Хорошо! — сказалъ Санинъ.

Когда Карсавина кончила, всѣ захлопали и хлопки странно и рѣзко отозвались въ темномъ лѣсу и надъ рѣкой.

— Спой еще Зиночка! — приставала Ляля: или лучше, почти свои стихи...

— А вы и поэтесса? — спросилъ Ивановъ. — Сколько можетъ Богъ одному человѣку поэзіи отпустить!

— А развѣ это плохо? — смущенно шутя, спросила Карсавина.

— Нѣтъ, это очень хорошо, — отозвался Санинъ.

— Ежели, скажемъ, дѣвица юная и прелестная, то кому же оно! — поддерживалъ Ивановъ.

— Прочти Зиночка! — упрашивала Ляля, вся нѣжная и горящая отъ любви.

Карсавина, смущенно улыбаясь, слегка отвернулась къ водѣ и, не ломаясь, прочла тѣмъ же звучнымъ и высокимъ голосомъ:

Милый, милый, тебѣ не скажу я,
Не скажу, какъ тебя я люблю,
Закрываю влюбленные очи —
Берегутъ они тайну мою...
Этой тайны никто не узнаетъ...
Знаютъ только тоскливые дни,
Только тихія синія ночи,
Только звѣздъ золотые огни,
Только тонкія свѣтлыя сѣти
Въ сказки ночи влюбленныхъ вѣтвей,
Знаютъ все.... Но не скажутъ, не скажутъ
О любви затаенной моей...

И всѣ опять пришли въ восторгъ и хлопали Карсавиной съ ожесточеніемъ, не потому, что стихи ея были хороши, а потому, что всѣмъ было хорошо и хотѣлось любви, счастья и сладкой грусти.

— Ночь, день, и очи Зинаиды Павловны, будьте столь великодушны: сообщите, не я ли сей счастливецъ! — вдругъ возопилъ Ивановъ такъ громко и неожиданно и такимъ дикимъ басомъ, что всѣ вздрогнули.

— Это и я тебѣ могу сказать, — отозвался Семеновъ: — не ты!

— Увы мнѣ! — провылъ Ивановъ.

Всѣ смѣялись.

— Плохи мои стихи? — спросила Карсавина Юрія.

Юрій подумалъ, что они очень не оригинальны и похожи на сотни подобныхъ стиховъ, но Карсавина была такъ красива и такъ мило смотрѣла на него своими темными, застѣнчивыми глазами, что онъ сдѣлалъ серьезное лицо и отвѣтилъ:

— Мнѣ показались звучными и красивыми.

Карсавина улыбнулась ему и сама удивилась, что похвала его оказалась такъ пріятна ей.

— Ты еще не знаешь мою Зиночку, — сказала Ляля съ искреннимъ восторгомъ: — она вся звучная и красивая.

— Ишь ты! — удивился Ивановъ.

— Право, — точно оправдываясь, настаивала Ляля: — голосъ у нея звучный и красивый, сама она — красавица, стихи у нея звучные и красивые... и даже фамилія — красивая и звучная!

— Ухъ, ты, Боже мой! Шикъ, блескъ и аромать, будемъ такъ гсворить! — восхитился Ивановъ. — А впрочемъ, я съ этимъ совершенно согласенъ.

Карсавина смущенно краснѣла и смѣялась, радуясь похваламъ.

— Пора домой! — рѣзко сказала Лида, которой были неприятны похвалы Карсавиной. Она считала себя и красивѣе, и интереснѣе, и умнѣе ея.

— А ты не споешь? — спросилъ Санинъ.

— Нѣтъ, — сердито отвѣтила Лида: — я не въ голосъ.

— И въ самомъ дѣлѣ — пора, согласился Рязанцевъ, вспоминая, что завтра надс рано вставать, ѣхать въ больницу и на вскрытіе.

А всѣмъ остальнымъ было жаль уѣзжать.

Когда ѣхали домой, всѣ были молчаливы и чувствовали удовлетворенную томную усталость.

Опять, но теперь уже невидимая, щелкала по ногамъ степная трава, смутно бѣлѣла позади поднятая колесами пыль и быстро ложилась на бѣлую дорогу. Поля, голубоватая отъ лунной дымки, казались ровными, пустынными и безконечными.

VII.

Дня черезъ три, поздно вечеромъ Лида вернулась домой усталая и несчастная. У нея была тоска, куда то тянуло и она и не знала и знала — куда.

Войдя въ свою комнату, она остановилась и, сжавъ руки, долго, блѣднѣя, смотрѣла на полъ.

Лида вдругъ съ ужасомъ поняла, какъ далеко зашла, отдавшись Зарудину. Она впервые почувствовала, что съ того непоправимаго и непонятнаго момента, въ этомъ, очевидно безконечно ниже ея, глупомъ и пустомъ офицерѣ появилась какая-то унижительная власть надъ нею. Она теперь не могла не прійти, если онъ потребуетъ этого, уже не играла, по своему капризу то отдаваясь его поцѣлуямъ, то отстраняясь

и смѣясь, а безвольно и покорно, какъ раба, отдавалась самымъ грубымъ его ласкамъ.

Какъ это случилось, она не могла понять: такъ же, какъ всегда, она владѣла имъ и ласки его были подчинены ей, такъ же было пріятно, жутко и забавно, и вдругъ былъ одинъ моментъ, когда огонь во всемъ тѣлѣ ударилъ въ голову какимъ-то бѣловатымъ туманомъ, въ которомъ потонуло все, кромѣ жгучаго, толкающаго въ бездну любопытнаго желанія. Земля поплыла подъ ногами, тѣло стало безсильно и покорно, передъ нею остались только темные, горящіе, и страшные и безстыдные и влекущіе глаза, ея голые ноги безстыдно и мучительно страстно вздрагивали отъ властнаго прикосновенія обнажающихъ грубыхъ рукъ, хотѣлось еще и еще этого любопытства, этого безстыдства, боли и наслажденія.

Лида вся задрожала отъ этого воспоминанія, повела плечами и закрыла лицо руками.

Она пошатываясь прошла черезъ комнату, открыла окно, долго глядѣла на луну, стоявшую прямо надъ садомъ и слушала, сама того не замѣчая, пѣвшаго гдѣ то далеко, въ софѣднихъ садахъ одинокаго соловья. Тоска ее давила. Въ душѣ была странная и мучительная смѣсь смутнаго желанія и тоскующей гордости, при мысли, что она испортила себѣ жизнь для пустого и глупаго человѣка, что ея паденіе — глупо, гадко и случайно. Что то грозное начало вставать впереди. Она старалась разогнать набѣгающія тревожныя предчувствія будущаго упрямой и злой бравадой.

— Ну, сошлась и сошлась! — сжимая брови, и съ какимъ-то болѣзненнымъ наслажденіемъ произнося это грубое слово, думала она. — Все пустяки!.. Захотѣла и отдалась!... А все таки была счастлива, была такъ... — Лида вздрогнула и, вытянувъ впередъ сжатые руки, потянулась. — И было бы глупо, если бы не отдалась!.. Не надо думать объ этомъ... все равно не вернешь!

Она съ усиліемъ отошла отъ окна и стала раздѣваться, развязывая шнурки юбокъ и спуская ихъ тутъ же на полъ.

— Что-жъ... Жизнь дана только одинъ разъ, — думала она, вздрагивая отъ свѣжаго воздуха, мягко касавшагося ея голыхъ плечъ и рукъ. — Что я выиграла бы, если бы дожидалась законнаго брака?.. Да и зачѣмъ онъ мнѣ?.. Не все ли равно, неужели я настолько глупа, чтобы придавать этому значеніе... Глупости!.. Вдругъ ей показалось, что и въ самомъ дѣлѣ все это пустяки, что съ завтрашняго дня всему этому

конецъ, что она взяла въ этой игрѣ то, что въ ней было интереснаго, а теперь вольна, какъ птица, и впереди еще много жизни, интереса и счастья.

— Захочу — полюблю, захочу разлюблю... — тихо пропѣла Лида и, прислушиваясь къ звуку своего голоса, съ удовольствіемъ подумала, что у нея голосъ лучше, чѣмъ у Карсавиной.

— Да, все глупости... Захочу такъ и чорту отдамся! — съ грубымъ и внезапнымъ для нея самой порывомъ отвѣтила она своимъ смутнымъ мыслямъ, и закинувъ голыя руки за голову, сильно и порывисто выпрямилась, такъ что грудь вздрогнула.

— Ты еще не спишь? — спросилъ голосъ Санина за окномъ.

Лида испуганно вздрогнула, но сейчасъ же улыбнулась, накинута на плечи большой платокъ и подошла къ окну.

— Какъ ты меня испугалъ... — сказала она.

Санинъ подошелъ и положилъ локоть на подоконникъ. Глаза у него блеснули и онъ улыбался.

— Вотъ это уже напрасно! — весело и тихо сказалъ онъ.

Лида вопросительно повела головой.

— Безъ платка ты была гораздо лучше... пояснилъ онъ такъ же тихо и выразительно.

Лида недоумѣвающе повернулась къ нему и инстинктивно завернулась плотнѣе въ платокъ.

Санинъ засмѣялся. Лида смущенно облокотилась грудью на подоконникъ и выставила голову за окно. Санинъ дышалъ ей въ щеку.

— Ты красавица! — сказалъ онъ.

Лида быстро взглянула на него и испугалась того, что почудилось ей въ выраженіи его лица. Она порывисто отвернулась въ садъ и всѣмъ тѣломъ почувствовала, что Санинъ смотритъ на нее какъ то особенно. И это показалось ей такъ ужасно и гадко, что у нея похолодѣло въ груди и вздрогнуло сердце. Точно также на нее смотрѣли всѣ мужчины и это нравилось ей, но съ его стороны почему то было невѣроятно, невозможно. Она сдѣлала надъ собой усиліе и улыбнулась.

— Я знаю...

Санинъ молчалъ и смотрѣлъ на нее. Когда она облокотилась на окно, рубашка и платокъ опустились и сбоку была видна верхняя часть освѣщенной луной бѣлой и неуволнимо нѣжной груди.

— Люди постоянно ограждают себя от счастья китайской стѣной, — сказалъ Санинъ, и его дрожащій и тихій голосъ былъ страненъ и еще больше, почти до ужаса, испугалъ Лиду.

— Какъ? — беззвучно спросила она, не отрывая глазъ отъ темнаго сада и боясь встрѣтиться съ нимъ взглядомъ. Ей казалось, что тогда произойдетъ то, чего даже возможности нельзя допустить.

И въ то же время она уже не сомнѣвалась и знала, и ей было страшно, гадко и интересно. Голова у нея горѣла, и она ничего не видѣла передъ собой, съ ужасомъ, омерзениемъ и любопытствомъ ощущая на щекѣ горячее и напряженное дыханіе, отъ котораго у ней шевелились волосы на вискѣ и мурашки пробѣгали по голой спинѣ подъ платкомъ.

— Да такъ... отвѣтилъ Санинъ и голосъ его сорвался.

Лиди почувствовала, точно молнія пробѣжала по всему ея тѣлу, она быстро выпрямилась и, сама не замѣчая, что дѣлаетъ, нагнулась къ столу и разомъ потушила лампу.

— Пора спать! — сказала она и потянула къ себѣ окно.

Когда лампа потухла, на дворѣ стало свѣтлѣе и отчетливо показалась фигура Санина и его лицо, освѣщенное синимъ свѣтомъ луны. Онъ стоялъ въ глубокой росистой травѣ и смѣялся.

Лиди отошла отъ окна и машинально опустилась на кровать. Все въ ней дрожало и билось и мысли путались. Она слышала шаги Санина, уходившаго по шуршащей травѣ, и прижимала рукой колотившееся сердце.

— Что я, съ ума сошла, что ли? — съ омерзениемъ подумала она: — какая гадость! Случайная фраза, а я уже... Что это, эротоманія? Неужели я гадкая, испорченная!... Какъ низко надо пасть, чтобы подумать...

И вдругъ Лиди, уткнувшись головой въ подушку тихо и горько заплакала.

— Чего же я плачу? — спрашивала она себя, не понимая причины своихъ слезъ и только чувствуя себя несчастной, жалкой и униженной. Она плакала о томъ, что отдалась Зарудину, и о томъ, что уже она не прежняя, гордая и чистая, и о томъ что ей показалось страшнаго и обиднаго въ глазахъ брата. Она подумала, что раньше онъ не могъ бы смотрѣть на нее такъ, а это потому, что она пала.

Но одно чувство было сильнѣе, горьче и понятнѣе ей: стало больно и обидно, что она — женщина и что всегда, по-

ка она будетъ молода, сильна, здорова и красива, лучшія силы ея пойдутъ на то, чтобы отдаваться мужчинамъ, доставлять имъ наслажденіе и тѣмъ больше презираться ими, чѣмъ больше наслажденія она доставитъ имъ и себѣ.

— За что? Кто далъ имъ это право... Вѣдь я такой же свободный человѣкъ... — спрашивала Лида, напряженными глазами глядя въ тусклую тѣму комнаты. — Неужели я никогда не увижу другой, лучшей жизни!

Все ея молодое сильное тѣло властно говорило о томъ, что она имѣетъ право брать отъ жизни все, что интересно, пріятно, нужно ей, и что она имѣетъ право дѣлать все, что хочетъ, съ своимъ, ей одной принадлежащимъ, прекраснымъ, сильнымъ, живымъ тѣломъ.

Но мысль билась въ какихъ то спутанныхъ сѣтяхъ, рвалась въ тискахъ и падала безсильно и тоскливо.

VIII.

Юрій Сварожичъ давно занимался живописью, любилъ ее и отдавалъ ей все свободное время. Когда то онъ мечталъ одѣлаться художникомъ, но сначала отсутствіе денегъ, а потомъ партійная дѣятельность загородили ему путь и теперь онъ занимался искусствомъ только порывами и безъ опредѣленной цѣли.

И отъ того, что у него не было опредѣленной цѣли и не было школы, живопись не доставляла ему пріятнаго удовольствія, а возбуждала въ немъ тоску и разочарованіе. Каждый разъ, когда работа не давалась ему, Юрій раздражался и страдалъ, а когда удавалась, онъ впадалъ въ тихую и мечтательную задумчивость, исходившую изъ смутнаго сознанія, что все это бесполезно и не дастъ ему успѣха и счастья.

Юрію очень понравилась Карсавина. Онъ любилъ такихъ высокихъ, красиво крупныхъ и плотныхъ женщинъ, съ красивыми голосами и нѣжными, немного сантиментальными глазами. Все то, что онъ думалъ о ея симпатичности, чистотѣ и душевной глубинѣ, передавалось ему черезъ ея красоту и нѣжность, и почему то Юрій не признавался себѣ въ этомъ и старался увѣрить самого себя, что дѣвушка нравится ему не плечами, грудью, глазами и голосомъ, а именно своею дѣвственностью и чистотой. И думать такъ ему казалось легче, благороднѣе и красивѣе, хотя чистота и дѣвственность было именно тѣмъ, что волновало его, зажигая кровь и возбуждая

желаніе. Съ перваго же вечера въ немъ выросла смутная, зна-
комая ему, но еще не сознаваемая на этотъ разъ, жестокая
жажда лишить ее чистоты и невинности, какъ выросла эта
неумолимая жажда и при видѣ всѣхъ красивыхъ женщинъ.

Потому, что его мысли теперь занимала красивая и здо-
ровая дѣвушка, полная радостной солнечной жизни, Юрію
пришло въ голову написать жизнь. Онъ, какъ всегда легко
воспламеняясь, пришелъ въ восторгъ отъ своей идеи и ему
показалось, что на этотъ разъ онъ непременно справится съ
задачей до конца.

Подготовивъ большое полотно, Юрій съ лихорадочной
поспѣшностью, точно боясь опоздать, принялся за картину.
Когда онъ клалъ первые мазки и на полотнѣ были только
красивыя сочныя пятна, все внутри его дрожало восторгомъ
и силой, и его будущая картина во всѣхъ подробностяхъ
легко и интересно встала передъ нимъ. Но чѣмъ дальше по-
двигалась работа, тѣмъ больше и больше возникало техниче-
скихъ трудностей, которыя Юрій не могъ преодолѣть. То, что
въ воображеніи представлялось ему яркимъ, сильнымъ и пре-
краснымъ, на полотнѣ выходило плоскимъ и безсильнымъ.
И уже подробности не прельщали его, а сбивали и раздража-
ли. Юрій пересталъ останавливаться на нихъ и сталъ писать
широко и небрежно, но тогда вмѣсто яркой и могучей жизни
начала выясняться пестро и небрежно наляпанная, грубая
женщина. Въ ней уже не было ничего, что казалось Юрію ори-
гинальнымъ и прекраснымъ, а все было вяло и шаблонно. И
тогда Юрій увидѣлъ, что картина его неоригинальна, что онъ
просто подражаетъ картонамъ Муха и что самая идея карти-
ны банальна.

И Юрію, какъ всегда, стало тяжело и грустно.

Если бы онъ почему-то не думалъ, что плакать стыдно,
онъ бы заплакалъ, легъ бы въ подушку лицомъ и сталъ бы
хныкать и жаловаться кому-то и на что-то, но не на свое без-
силіе. Но вмѣсто того, онъ угрюмо сидѣлъ передъ картиной и
думалъ, что жизнь вообще скучна, мутна и безсильна, что въ
ней нѣтъ ничего, что еще могло бы интересовать его, Юрія.
Тутъ онъ съ ужасомъ представилъ себѣ, что еще много лѣтъ
придется, быть можетъ, прожить тутъ, въ городкѣ.

— Тогда — смерть! — съ холодкомъ подумалъ Юрій.

И ему захотѣлось нарисовать смерть. Онъ взялъ ножъ и
съ какой-то тяжелой для него самой злобой, сталъ счищать
свою «Жизнь». Его раздражало, что то, надъ чѣмъ онъ съ та-

кимъ восторгомъ трудился, исчезаетъ съ трудомъ. Краска от-
ставала неохотно, ножъ мазалъ, соскакивалъ и два раза врѣ-
зался въ полотно. Потомъ оказалось, что уголь не рисуетъ по
масляной поверхности и это причинило Юрію острое страда-
ніе. Онъ взялъ кисть и сталъ рисовать прямо коричневой кра-
ской, а потомъ опять сталъ писать медленно, небрежно, съ
тяжелымъ, грустнымъ чувствомъ. Картина, которую онъ те-
перь задумалъ, не теряла, а выигрывала отъ его небрежности
и отъ тусклаго, тяжелого тона, красокъ. Но первоначальная
идея смерти почему-то сама собою исчезла и Юрій рисовалъ
уже «Старость». Онъ писалъ ее въ видѣ изможденной, костля-
вой старухи, бредущей по избитой дорогѣ, въ тихіе и печаль-
ныя сумерки. На горизонтѣ погасала послѣдняя заря, и въ ея
зеленоватомъ заревѣ чернѣли кресты и неопредѣленные тем-
ные силуэты. На спину старухи страшной тяжестью нале-
галъ тяжелый, черный гробъ и давилъ ея костлявыя плечи.
И взоръ у старухи былъ мутный, безотрадный и одна нога
ея уже стояла на краю черной ямы. Вся картина была суме-
речна, грустна и зловѣща.

Юрія звали обѣдать, но онъ не пошелъ и все писалъ. По-
томъ пришелъ Новиковъ и сталъ что-то рассказывать, но
Юрій не слушалъ и не отвѣчалъ.

Новиковъ вздохнулъ и утѣлся на диванъ. Онъ былъ радъ
молчать и думать, и къ Сварожичу пришелъ только потому,
что не любилъ сидѣть дома одинъ. Онъ былъ грустно и му-
чительно разстроенъ. Отказъ Лиды все еще давилъ его и
нельзя было разобрать, стыдно ли ему или грустно. Онъ былъ
очень правдивъ и лѣнивъ и не понималъ тѣхъ сплетенъ о
Лидѣ и Зарудинѣ, которыя уже мутно всплывали въ город-
кѣ. Лиду онъ ни къ кому не ревновалъ, а только страдалъ
отъ разрушенной мечты, которая одно время казалась ему
такъ близка и ярка, что онъ уже былъ счастливъ.

Новиковъ сталъ думать, что все въ жизни для него ис-
порчено, но ему все-таки не приходило въ голову, что если
это такъ, то и жить не стоитъ и надо умереть. Наоборотъ, онъ
думалъ о томъ, что теперь, когда его собственная жизнь ста-
ла однимъ мученіемъ, его долгъ, переставъ заботиться о лич-
номъ счастьѣ, посвятить свою жизнь другимъ людямъ. Онъ
не могъ отдать себѣ отчета изъ чего это вытекаетъ, но уже
смутно рѣшилъ бросить все и ѣхать въ Петербургъ, возобно-
вить сношенія съ партіей и броситься, очертя голову, на
смерть. И мысль эта показалась ему высокой и прекрасной,

а сознание того, что прекрасная, высокая мысль — его мысль, смягчило грусть и обрадовало его. Собственный образъ выросъ въ его глазахъ, окруженный милымъ, свѣтлымъ, грустнымъ ореоломъ, и невольный печальный укоръ Лидѣ чуть не заставилъ его заплакать.

Потомъ ему стало скучно. Сварожичъ все писалъ и не обращалъ на него никакого вниманія. Новиковъ лѣниво всталъ и подошелъ.

Картина была не окончена, но именно потому и производила впечатлѣніе какого-то сильного намека. Пока это было то, чего Юрій не смогъ бы окончить.

Новикову картина показалась чудной. Онъ даже слегка разинулъ ротъ и посмотрѣлъ на Юрія съ наивнымъ дѣтскимъ восторгомъ.

— Ну, что? — спросилъ Юрій, отодвигаясь.

Ему самому казалось, что хотя картина, конечно, не лишена недостатковъ и недостатки эти даже, пожалуй, очевидны и велики, но все-таки она интереснѣе всѣхъ картинъ, какія онъ когда либо видѣлъ. Почему это такъ, Юрій не отдавалъ себѣ отчета, но если бы Новиковъ сказалъ, что картина плоха, онъ искренно обидѣлся и огорчился бы. Но Новиковъ тихо и восторженно сказалъ:

— Отъ-чень хорошо!

И Юрій почувствовалъ себя гениемъ, презирающимъ свое созданіе. Онъ красиво вздохнулъ, швырнувъ кисти, измазалъ уголь кушетки, и отошелъ, не глядя на картину.

— Эхъ, братъ! — сказалъ онъ.

Онъ чуть было не признался себѣ и Новикову въ томъ смутномъ сознаніи, которое вырывало у него радость удачи, то есть въ томъ, что онъ все равно ничего не сдумаетъ сдѣлать изъ этого удачнаго наброска. Но вмѣсто того онъ подумалъ и сказалъ вслухъ:

— Ни къ чему это все!

Новиковъ подумалъ, что Юрій рисуется, но сейчасъ же его собственная разочарованная грусть кольнула его въ сердце и онъ подумалъ:

— И правда.

Но помолчавъ возразилъ:

— Какъ, къ чему?

Юрій не могъ точно отвѣтить на этотъ вопросъ и продолжалъ.

Новиковъ еще немного посмотрѣлъ на картину и легъ на диванъ.

— А я, братъ, прочелъ твою статью въ «Краѣ», — заговорилъ онъ опять: — здорово!..

— Ну ее къ черту — съ досадой, непонятной ему самому, и трипоминая слова Семенова, отозвался Юрій: — что я ею сдѣлаю?.. Такъ же будутъ казнить, грабить, насильничать... Тутъ не статьями надо дѣйствовать! Я жалѣю, что написалъ... Да и что? Ну, прочтутъ ее два-три идиота, что изъ того? Какое мнѣ, въ концѣ концовъ, дѣло?... Чего биться головой въ стѣну, спрашивается!

Передъ глазами Юрія прошли первые годы его увлеченія партійной работой: конспиративныя собранія, пропаганда, рискъ и неудачи, собственный восторгъ и полное равнодушіе именно тѣхъ, которыхъ онъ хотѣлъ спасти. Онъ прошелся по комнатѣ и махнулъ рукой.

— Съ этой точки зрѣнія и ничего дѣлать не стоитъ, — протянулъ Новиковъ и, вспомнивъ Санина, прибавилъ: — эгоисты вы всѣ, только и всего!

— Да и не стоитъ, — подъ вліяніемъ тѣхъ же воспоминаній и сумерекъ, которыя начали уже блѣднить все въ комнатѣ, горячо и искренно заговорилъ Юрій: — если говорить о человѣчествѣ, то что значать всѣ наши усилія, конституціи и революціи, когда мы даже не можемъ представить себѣ прилицительныхъ перспективъ, ожидающихъ человѣчество... Быть можетъ, въ той самой свободѣ, о которой мы мечтаемъ, заложены начала разрушенія, и человѣкъ, достигши своего идеала, пойдетъ назадъ и опять встанетъ на четвереньки.... Для того, чтобы начать все сначала?.. А если думать даже только о себѣ, то... то чего я могу добиться? Въ самомъ лучшемъ случаѣ я могу своими талантами и дѣлами стяжать себѣ славу, упиться почтеніемъ людей, еще ниже и ничтожнее меня, то есть именно тѣхъ, которыхъ я не могу уважать и до почтенія которыхъ, въ сущности, мнѣ и дѣла не должно быть... А потомъ жить, жить, до могилы... не дальше! И лавровый вѣнокъ подъ конецъ такъ приростетъ къ лысому черепу, что даже надоѣстъ...

— Только о себѣ! — притворно насмѣшливо пробормоталъ Новиковъ: — такъ!

Но Юрій не разслышалъ и продолжалъ, съ грустью и болѣзненнымъ удовольствіемъ прислушиваясь къ своимъ собственнымъ словамъ, которыя казались ему мрачными и кра-

сивыми и возбуждали въ немъ самолюбивое подъемное чувство:

— А въ худшемъ случаѣ, буду непризнаннымъ гениемъ, смѣшнымъ мечтателемъ, объектомъ для юмористическихъ разсказовъ... нелѣпымъ, никому не нужнымъ...

— Ага! — съ торжествомъ перебилъ Новиковъ и даже привсталъ: — «никому ненужнымъ» — значить ты самъ со- знаешь!

— Станный ты человѣкъ, — въ свою очередь перебилъ его Юрій: — неужели ты думаешь, что я не знаю, для чего можно жить и во что можно вѣрить!... Я, быть можетъ, и на крестъ пошелъ бы съ радостью, если бы я вѣрилъ, что моя смерть спасетъ міръ!.. Но этой вѣры у меня нѣтъ: что бы я ни сдѣлалъ, въ конечномъ итогѣ я ничего не измѣню въ ходѣ исторіи, и вся польза, которую я могу принести, будетъ такъ мала, такъ ничтожна, что, если бы ея и вовсе не было, міръ ни на югу не потерпѣлъ бы убыли. А между тѣмъ, для этой меньше чѣмъ юты, я долженъ жить и страдать и мучительно ждать смерти!

Юрій не замѣтилъ, что онъ говорилъ уже о чемъ-то другомъ, отвѣчая не на слова Новикова, а на свои странныя и тяжелыя чувства. Онъ вдругъ остановился, внезапно вспомнивъ Семенова, и почувствовалъ, что по спинѣ пробѣжало гадкое и холодное ощущеніе ужаса.

— Знаешь, меня мучаетъ эта неизбежность, — тихо и довѣрчиво сказалъ онъ, машинально глядя въ потемнѣвшее окно: — я знаю, что это естественно, что ничего противъ этого я сдѣлать не могу, но это ужасно и безобразно!

Новиковъ почувствовалъ, что это такъ, и ему стало грустно и страшно, но все таки онъ возразилъ:

— Смерть — полезное физиологическое явленіе...

— Вотъ дуракъ! — съ бѣшенствомъ подумалъ Юрій и съ раздраженіемъ возразилъ:

— Ахъ, Боже мой!... Да какое намъ дѣло, принесетъ ли наша смерть кому-нибудь пользу, или нѣтъ!

— А твоя крестная смерть!

— То другое дѣло, — нерѣшительно и мгновенно остывая возразилъ Юрій.

— Ты самъ себя противорѣчишь, — съ чувствомъ превосходства замѣтилъ Новиковъ, великодушно не глядя на Юрія.

Юрій поймалъ этотъ тонъ и весь загорѣлся. Онъ сталъ ворошить свои чрные, упрямые волосы и злиться.

— Никогда я себя не противорѣчу... Это вполне понятно, если я умираю самъ, по своему собственному желанію...

— Все одно, — продолжалъ, не сдаваясь, тѣмъ же тономъ Новиковъ: — вамъ всѣмъ просто хочется фейерверка, апшлодисментовъ... Эгоизмъ это все!...

— Ну, и пусть... это не мѣняетъ дѣла...

Разговоръ спутался. Юрій почувствовалъ, что дѣйствительно вышло что то не такъ, и не могъ поймать нити, которая еще нѣсколько минутъ назадъ казалась ему натянутой, какъ струна. Онъ походилъ по комнатѣ, сердито дыша, и, успокаивая себя, подумалъ какъ, всегда въ такихъ случаяхъ:

— Бываетъ иногда, что я какъ то не въ ударѣ... иной разъ говоришь ясно, точно все передъ глазами стоитъ, а иной разъ точно вотъ кто-то связалъ во рту языкъ... все выходитъ нескладно, грубо... Это бываетъ.

Они помолчали. Юрій походилъ по комнатѣ, постоялъ у окна и взялся за фуражку.

— Пойдемъ пройдемся, — сказалъ онъ.

— Пойдемъ, — согласился Новиковъ съ тайной надеждой, и страхомъ и радостью думая о томъ, что они могутъ случайно встрѣтить Лиду Санину.

IX.

Они прошли по бульвару разъ и другой, не встрѣтивъ знакомыхъ, и слушали музыку, по обыкновенію игравшую въ саду. Играла она нестройно и фальшиво, но издали казалось нѣжной и грустной. На встрѣчу имъ все попадались мужчины и женщины, заигрывавшіе другъ съ другомъ. Ихъ смѣхъ и громкіе, возбужденные голоса не шли къ тихой грустной музыкѣ и тихому грустному вечеру и раздражали Юрія. Въ самомъ концѣ бульвара къ нимъ подошелъ Санинъ и весело поздоровался. Юрію онъ не нравился и поэтому разговоръ не вязался. Санинъ смѣялся надо всѣмъ, что попадалось имъ на глаза, потомъ встрѣтилъ Иванова и ушелъ съ нимъ.

— Куда вы? — спросилъ Новиковъ.

— Угостить друга хочу! — отвѣчалъ Ивановъ, досталъ изъ кармана и торжественно показалъ бутылку водки.

Санинъ весело засмѣялся.

Юрію и эта водка, и этотъ смѣхъ показались неестественными и пошлыми, и онъ брезгливо отвернулся. Санинъ это замѣтилъ, но не сказать ничего.

— Благодарю, молъ, тебя, Господи, что я не таковъ, какъ этотъ мытарь! — двусмысленно усмѣхаясь, пробасилъ Ивановъ.

Юрій покраснѣлъ.

— Тоже... острить еще! — подумалъ онъ презрительно, пожалъ плечами и отошелъ.

— Новиковъ, безсознательный фарисей, пойдемъ съ нами! — присталъ Ивановъ.

— Какого чорта?

— Водку пить!

Новиковъ тоскливо оглянулъ бульваръ, но Лиды не было видно нигдѣ.

— Лида дома сидитъ и въ своихъ грѣхахъ кается, — улыбаясь, замѣтилъ Санинъ.

— Глупости, — обидчиво пробормоталъ Новиковъ: — у меня больной...

— Который умереть и безъ твоей помощи, — отозвался Ивановъ. — Впрочемъ и водку мы можемъ выпить безъ твоего согласія.

— Напиться, что ли! — съ горечью подумалъ Новиковъ и сказалъ:

— Ну, ладно... пойдемъ!

Они ушли, и Юрію еще долго слышенъ былъ грубый басъ Иванова и беззаботно ласковый смѣхъ Санина.

Онъ опять пошелъ вдоль бульвара. Его окликнули женскіе голоса. Зина Карсавина и учительница Дубова сидѣли на одной изъ бульварныхъ скамеекъ. Было уже совсѣмъ темно и въ тѣни едва виднѣлись ихъ фигуры, въ темныхъ платьяхъ, безъ шляпъ и съ книгами въ рукахъ. Юрій быстро и охотно подошелъ.

— Откуда? — спросилъ онъ здороваясь.

— Въ библиотекѣ были, — отвѣтила Карсавина.

Дубова молча подвинулась, очищая возлѣ себя мѣсто, и хотя Юрію хотѣлось сѣсть возлѣ Карсавиной, но было неловко и онъ сѣлъ рядомъ съ некрасивой учительницей.

— Отчего у васъ такое мрачное раздражительное лицо? — спросила Дубова, по привычкѣ язвительно кривя свои тонкія, сухія губы.

— Съ чего вы взяли, мрачное? Самое веселое. А впрочемъ, и въ правду, скучно что то...

— Дѣлать вамъ, видно, нечего, — насмѣшливо возразила Дубова.

— А вамъ есть, чего дѣлать?

— Да, плакать некогда.

— Я и не хочу.

— Ну, хнычете... — шутила Дубова.

— Такъ ужъ жизнь моя сложилась теперь, что я и смѣяться разучился.

Въ голосѣ его прорвались такія горькія нотки, что всѣ невольно примолкли. Юрій помолчалъ и улыбнулся.

— Одинъ мой пріятель говорилъ мнѣ, что жизнь моя назидательна, — сказалъ онъ, хотя никто этого не говорилъ.

— Въ какомъ смыслѣ? — спросила Карсавина осторожно.

— Въ смыслѣ того, какъ не слѣдуетъ жить человѣку.

— А, ну, расскажите. Авось и мы извлечемъ какую-нибудь пользу изъ этого примѣра... — предложила Дубова.

Юрій свою жизнь считалъ исключительно неудачной, а себя — исключительно несчастнымъ человѣкомъ. Въ этомъ было какое-то грустное удовлетвореніе и было пріятно жаловаться на свою жизнь и людей. Съ мужчинами онъ никогда не говорилъ объ этомъ, инстинктивно чувствуя, что они ему не повѣрятъ, но съ женщинами, особенно молодыми и красивыми, охотно и подолгу говорилъ о себѣ. Онъ былъ красивъ и хорошо говорилъ, и женщины всегда проникались къ нему жалостью и влюбленностью.

И на этотъ разъ, начавъ съ шутки, Юрій легко вошелъ въ привычный тонъ и долго говорилъ о своей жизни. По его словамъ выходило такъ, что онъ, человѣкъ огромной силы, заѣденъ средой и обстоятельствами, что его не поняли въ партіи и что въ томъ, что изъ него вышелъ не вождь народа, а обыкновенный высланный по ничтожной причинѣ студентъ, виновата роковая случайность и людская глупость, а не онъ самъ. Юрію, какъ всѣмъ людямъ съ большимъ самолюбіемъ, не приходило въ голову, что это не доказываетъ его исключительной силы и что всякій геніальный человѣкъ окруженъ такими же случайностями и людьми. Ему казалось, что только его одного преслѣдуетъ тяжелый и несодолимый рокъ.

И такъ, какъ онъ рассказывалъ очень красиво, живо и ярко, то выходило похоже на правду, и дѣвушки вѣрили ему, жалѣли и грустили вмѣстѣ съ нимъ. Музыка играла все такъ

же нестройно, но жалобно, вечеръ былъ темный, задумчивый, и имъ всѣмъ было мечтательно, грустно. Когда Юрій замолчалъ, Дубова, отвѣчая на свои собственные думы о томъ, что ея жизнь скучна, однообразна и что скоро она уже состарится, не испытавъ счастья и любви, тихо спросила:

— Скажите, Юрій Николаевичъ, вамъ никогда не приходила въ голову мысль о самоубійствѣ?

— Почему вы меня спрашиваете объ этомъ?

— Такъ.

Они помолчали.

— Вы, значитъ, были въ комитетѣ? — съ любопытствомъ спросила Карсавина.

— Да, коротко и какъ будто неохотно отвѣтилъ Юрій, но ему было пріятно признаться въ этомъ, потому что онъ думалъ, будто это придаетъ ему какой то мрачный интересъ въ глазахъ красивой и молодой дѣвушки.

Потомъ Юрій проводилъ ихъ домой. Дорогой много говорили и смѣялись и уже не было грустно.

— Какой онъ славный! — сказала Карсавина, когда Юрій ушелъ.

— Смотри, не влюбись! — погрозила пальцемъ Дубова.

— Ну, вотъ еще! — съ тайнымъ инстинктивнымъ испугомъ воскликнула Карсавина.

Юрій пришелъ домой въ возбужденномъ и хорошемъ настроеніи духа. Взглянулъ на начатую картину, ничего не почувствовалъ и съ удовольствіемъ легъ спать. А ночью ему снились сладострастные и солнечныя картины, молодыя и красивыя женщины.

Х.

На другой вечеръ Юрій пошелъ опять на то мѣсто, гдѣ онъ встрѣтился съ Карсавиной и Дубовой. Цѣлый день ему было пріятно вспоминать проведенный съ ними вечеръ и хотѣлось опять встрѣтиться, поговорить о томъ же и опять увидѣть то же выраженіе участія и ласки въ веселыхъ и нѣжныхъ глазахъ.

Вечеръ былъ совершенно ясный, тихій, жаркій. Въ воздухѣ, надъ улицами стояла мелкая сухая пыль и на бульварѣ никого не было, кромѣ случайныхъ рѣдкихъ прохожихъ.

Юрій сердито тряхнул головой на досадное чувство, поднявшееся у него въ груди, точно его кто-то обидѣлъ, и медленно пошелъ по бульвару, глядя подъ ноги.

— Скука какая, — подумалъ онъ: — что дѣлать?

Навстрѣчу ему быстрыми шагами, помахивая свободной рукой, шелъ студентъ Шафровъ и еще издали учтиво улыбался ему.

— Что вы тутъ слоняетесь? — дружелюбно спросилъ онъ, останавливаясь и подавая Сварожичу крѣпкую, широкую ладонь.

— Да скучно что-то и дѣлать нечего. А вы куда? — лѣниво и пренебрежительно спросилъ Юрій. Онъ всегда говорилъ такъ съ Шафровымъ, котораго, какъ бывший членъ комитета, считалъ наивнымъ студентикомъ, играющимъ въ революцію.

Шафровъ счастливо и самодовольно улыбнулся.

— У насъ сегодня чтеніе, — сказалъ онъ, показывая пачку тоненькихъ разноцвѣтныхъ брошюркъ.

Юрій машинально взялъ у него одну брошюрку и, развернувъ, прочелъ длинное сухое заглавіе популярной социальной статьи, давно имъ самимъ прочитанной и забытой.

— Гдѣ вы читаете? спросилъ Юрій съ той же пренебрежительной улыбкой, возвращая брошюрку.

— Въ городскомъ училищѣ, — отвѣтилъ Шафровъ, называя то училище, въ которомъ служили Карсавина и Дубова.

Юрій вспомнилъ, что Ляля уже говорила ему объ этихъ чтеніяхъ, но тогда онъ не обратилъ на нихъ вниманія.

— Можно мнѣ пойти съ вами? — спросилъ онъ Шафрова.

— Пожалуйста, — радостно улыбаясь, поспѣшно согласился Шафровъ.

Онъ считалъ Юрія настоящимъ дѣятелемъ и, преувеличивая его партійную роль, чувствовалъ къ нему почтеніе, граничащее съ возлюбленностью.

— Я очень интересуюсь этимъ дѣломъ, — счелъ нужнымъ прибавить Юрій, съ радостью думая о томъ, что вечеръ будетъ занятъ, и о томъ, что можно увидеть Карсавину.

— Пожалуйста, пожалуйста, — опять сказалъ Шафровъ.

— Ну, такъ пойдѣте.

И они быстро пошли по бульвару, свернули на мостъ, по обѣимъ сторонамъ котораго влажно пахло свѣжестью и водой, и вошли въ двухъэтажное зданіе училища, гдѣ уже собиравались люди.

Въ большомъ, еще темномъ залѣ, установленномъ ровными рядами стульевъ и скамеекъ, смутно бѣлѣлъ экранъ для волшебнаго фонаря и слышался сдержанно веселый смѣхъ. Около окна, въ которое видны были потемнѣвшее небо и верхушки темнозеленыхъ деревьевъ, стояли Ляля и Дубова. Онѣ встрѣтили Юрія радостными восклицаніями.

— Вотъ хорошо, что пришелъ! — сказала Ляля.

Дубова крѣпко пожала ему руку.

— Что же вы не начинаете? — спросилъ Юрій, украдкой оглядывая темный залъ и не видя Карсавиной. — А Зинаида Павловна не участвуетъ? — неровно и разочаровано прибавить онѣ.

Но въ эту минуту на кафедрѣ, возлѣ самаго экрана, чиркнула спичка и освѣтила Карсавину, зажигавшую свѣчи. Ея красивое и свѣжее лицо было ярко снизу освѣщено и весело улыбалось.

— Еще бы я не участвовала, — звонко откликнулась она, сверху протягивая Юрію руку.

Юрій обрадованно, но молча подаль ей руку, и она, слегка опираясь на него, мягко соскочила съ кафедры, пахнувъ въ лицо Юрію запахомъ здоровья и свѣжести.

— Пора начинать, — сказалъ Шафровъ, появляясь изъ другой комнаты.

Сторожъ, тяжело ступая большими сапогами, прошелъ по залу, одну за другой зажигая большія, свѣтлыя лампы, и залъ освѣтился яркимъ и веселымъ свѣтомъ. Шафровъ отворилъ дверь въ корридоръ и громко сказалъ:

— Пожалуйте, господа!

Послышалось сначала робкое, а потомъ торопливое топтанье ногъ, и въ двери стали входить люди. Юрій смотрѣлъ на нихъ съ любопытствомъ; привычный зоркій интересъ пропагандиста пробудился въ немъ. Это были и старые, и молодые люди и дѣти. Въ первомъ ряду никто не сѣлъ и уже потомъ его заняли какія то неизвѣстныя Юрію дамы, толстый смотритель училища и уже знакомые Юрію учителя и учительницы мужской и женской прогимназіи. А весь остальной залъ затопили люди, въ чуйкахъ, пиджакахъ, солдаты, мужики, бабы и много дѣтей въ пестрыхъ рубашкахъ и платьяхъ.

Юрій сѣлъ рядомъ съ Карсавиной за столъ и сталъ слушать, какъ Шафровъ спокойно, но дурно читалъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Голосъ у него былъ глухой и не гибкій, и все, что онъ читалъ, пріобрѣтало характеръ статисти-

ческой таблицы, но слушали его со вниманіемъ, и только сдѣвпшіе въ первомъ ряду интеллигентные люди скоро начали шептаться и шевелиться. Юрію стало досадно на нихъ и жалъ, что Шафровъ дурно читаетъ. И когда студентъ усталъ. Юрій тихо сказалъ Карсавиной:

— Давайте, я дочитаю.

Карсавина ласково, какъ то сквозь рѣсницы, взглянула на него.

— Вотъ и хорошо... Читайте.

— А не неловко? — улыбаясь ей, какъ заговорщикъ, спросилъ Юрій:

— Гдѣ же неловко! Всѣ будутъ рады.

И, воспользовавшись перерывомъ, она сказала Шафрову. Шафровъ усталъ и самъ тяготился тѣмъ, что читаетъ плохо, онъ не только согласился, но даже обрадовался.

— Пожалуйста, пожалуйста, — по своей привычкѣ повторилъ онъ и уступилъ мѣсто.

Юрій умѣлъ и любилъ читать. Не глядя ни на кого, онъ прошелъ на кафедру и началъ сильнымъ, звучнымъ голосомъ. Раза два онъ оглянулся на Карсавину и оба раза встрѣтилъ ея блестящій и выразительный взглядъ. Смущенно и радостно улыбаясь ей, онъ поварачивался къ книгѣ и начиналъ читать еще громче и выразительнѣе и ему казалось, что онъ для нея дѣлаетъ какое-то непостижимо хорошее и интересное дѣло.

Когда онъ кончилъ, изъ перваго ряда ему зааплодировали. Юрій серьезно поклонился и, сходя съ кафедры, широко улыбнулся Карсавиной, точно хотѣлъ сказать ей: — это для тебя!

Публика, топоча ногами, переговариваясь и двигая стульями, стала расходится, а Юрій познакомился съ двумя дамами, которыя сказали ему нѣсколько пріятныхъ словъ по поводу его чтенія.

Потомъ начали тушить огни и въ комнатѣ стало еще темнѣе, чѣмъ прежде.

— Спасибо вамъ, — тепло сказалъ Шафровъ, пожимая руку Юрію: — если бы у насъ всегда такъ читали!

Чтеніе было его дѣломъ и потому онъ считалъ себя обязаннымъ Юрію какъ бы за личное одолженіе, хотя и говорилъ, что благодарить его за народъ. Шафровъ выговаривалъ это слово твердо и увѣренно.

— Мало у насъ дѣлаютъ для народа, — говорилъ онъ съ такимъ видомъ, точно посвящалъ Юрія въ большую тайну: —

а если и дѣлаютъ что, такъ кое-какъ... спустя рукава. Странно мнѣ это, право: для увеселенія скучающихъ баръ нанимаютъ дюжинами первокласныхъ актеровъ, пѣвцовъ, чтецовъ, а для народа сядетъ читать вотъ такой чтецъ, какъ я... — Шафровъ съ добродушной ироніей махнулъ рукой, — и всѣ довольны... Чего же имъ, молъ, еще!

Это правда, — сказала Дубова, — противно читать: цѣлые столбцы въ газетахъ посвящены тому, какъ чудно играютъ артисты, а тутъ...

— А вѣдь какое хорошее дѣло! — задушевно сказалъ Шафровъ и любовно сталъ собирать свои книжки.

— Святая наивность! — подумалъ Юрій, но присутствіе Карсавиной и собственный успѣхъ сдѣлали его добрымъ и мягкимъ и его даже немного умилила эта простота.

— Куда же вы теперь? — спросила Дубова, когда они вышли на улицу.

На дворѣ было гораздо свѣтлѣе, чѣмъ въ комнатахъ, хотя на небѣ уже затеплились звѣзды.

— Мы съ Шафровымъ пойдемъ къ Радовымъ, — сказала Дубова, — а вы проводите Зину.

— Съ удовольствіемъ — искренно сказалъ Юрій.

И они разошлись.

Всю дорогу до квартиры Карсавиной, которая вмѣстѣ съ Дубовой снимала маленькій флигель въ большомъ, но негустомъ саду, Юрій и Карсавина проговорили о впечатлѣніи, вынесенномъ изъ чтенія, и Юрію все больше и больше казалось, что онъ сдѣлалъ что-то очень большое и хорошее.

У калитки Карсавина сказала:

— Зайдите къ намъ.

— Могу, — весело согласился Юрій.

Карсавина отворила калитку и они вошли въ маленький, заросшій травой дворъ, за которымъ темнѣлъ садъ.

— Идите въ садъ, — сказала Карсавина, смѣясь: — я бы пригласила васъ въ комнаты, да боюсь: я дома съ утра не была и не знаю, прибрано ли у насъ достаточно для пріема!

Она ушла во флигель, а Юрій медленно прошелъ въ пахучій и зеленый садъ. Далеко онъ не пошелъ, а остановился на дорожкѣ и съ жаднымъ любопытствомъ смотрѣлъ на открытыя темныя окна флигеля и ему казалось, что тамъ происходитъ что то особенное, красивое и таинственное.

На крыльцѣ показалась Карсавина, и Юрій едва узналъ ее: она сняла свое черное платьѣ и одѣлась въ тонкую, съ ши-

рокимъ вырѣзомъ и короткими рукавами малороссійскую рубашку съ синей юбкой.

— Вотъ и я... — сказала она, почему то конфузливо улыбаясь.

— Вижу... — съ таинственнымъ и понятнымъ ей выраженіемъ отвѣтилъ Юрій.

Она улыбнулась и слегка отвернулась, и они пошли по дорожкѣ между зеленыхъ, низкихъ кустовъ сирени и высокой травы.

Деревья были маленькія и больше вишневые, съ крѣпко пахнущими клеємъ молодыми листьями. За садомъ была левада, покрытая цвѣтами и высокой некошенной травой.

— Сядемъ здѣсь, — сказала Карсавина.

Они сѣли на полуразвалившійся плетень и стали смотрѣть на леваду, на прозрачную погасавшую зарю.

Юрій протянулъ къ себѣ гибкую вѣтку сирени и съ нея брызнуло мелкими капельками росы.

— Хотите, я вамъ спою? — сказала Карсавина.

— Конечно, хочу! — отвѣтилъ Юрій.

Карсавина, какъ и тогда на рѣкѣ, выпрямила грудь, отчетливо обозначившуюся подъ тонкой рубашкой, и запѣла:

Любви роскошная звѣзда...

Голосъ ея легко, чисто и страстно звенѣлъ въ вечернемъ воздухѣ. Юрій затихъ, едва дыша и не спуская съ нея глазъ. Она чувствовала его взглядъ, закрывала глаза, выше подымала грудь и пѣла все лучше и громче. Казалось, все затихло и слушало, и Юрію припомнилась та кажущаяся, внимательная и таинственная тишина, которая воцаряется, когда поетъ въ лѣсу весной соловей.

Когда она замолчала, послѣ высокой серебристой ноты, стало какъ будто еще тише. Заря совсѣмъ погасла, и небо затемнѣло и углубилось. Чуть видно и чуть слышно заколебались листья, шевельнулась трава, и плывя въ воздухѣ, что-то нѣжное и пахучее, какъ вздохъ, налетѣло съ левады и расплылось по саду. Карсавина блестящими въ сумракѣ глазами оглянулась на Юрія.

— Что же вы молчите? — спросила она.

— Ужъ очень тутъ хорошо! — прошепталъ Юрій и опять потянулъ брызгавшую росой вѣтку.

— Да, хорошо! — мечтательно отозвалась Карсавина.

— Хорошо вообще жить на свѣтѣ! — прибавила она, помолчавъ.

Въ головѣ Юрія шевельнулось что-то привычное, неискренне грустное, но не оформивалось и исчезло.

За левадой кто-то пронзительно свистнулъ два раза и опять все затихло.

— Нравится вамъ Шафровъ? — неожиданно спросила Карсавина и сама засмѣялась этой неожиданности.

Резнивое чувство шевельнулось въ груди Юрія, но онъ серьезно отвѣтилъ, немного принуждая себя:

— Онъ — славный парень.

— Съ какимъ онъ увлеченіемъ отдается своему дѣлу!

Юрій промолчалъ.

На левадѣ сталъ подыматься легкій бѣловатый туманъ и трава побѣлѣла отъ росы.

— Сыръ становится, — сказала Карсавина, пожимая плечами.

Юрій невольно посмотрѣлъ на ея круглыя, мягкія плечи и смутился, она поймала его взглядъ и тоже смутилась, но ей было пріятно и весело.

— Пойдемте.

И они съ сожалѣніемъ пошли назадъ по узкой дорожкѣ, слегка толкая другъ друга. Садъ опустѣлъ, потемнѣлъ, и, когда Юрій оглянулся, ему показалось, что, должно быть, теперь въ саду начнется своя, никому невѣдомая, таинственная жизнь: между низкими деревьями, по росистой травѣ заходятъ тѣни, сдвинется сумракъ и заговоритъ тишина какимъ то незлышнымъ зеленымъ голосомъ. Онъ сказалъ объ этомъ Карсавиной. Дѣвушка сглянула и долго смотрѣла въ темный садъ задумчивыми потемнѣвшими глазами. И Юрій подумалъ, что если бы она вдругъ сбросила одежды и нагая, бѣлая, веселая, убѣжала по росистой травѣ въ зеленую, таинственную чащу, это не было бы странно, а прекрасно и естественно, и не нарушило бы, а дополнило зеленую жизнь темнаго сада. Юрію хотѣлось сказать ей и это, но онъ не посмѣлъ, а заговорилъ о чтеніяхъ и о народѣ. Но разговоръ не вязался и умолкъ, какъ будто они гонялись совсѣмъ не то, что было нужно. Такъ, молча, дошли они до калитки, улыбаясь другъ другу и задѣвая плечами мокрые, брызгающіе росой кусты. Имъ казалось, что все притихло и все такъ же задумчиво и счастливо, какъ они.

На дворѣ попрежнему было тихо и пусто, и чернѣль открытыми окнами бѣлый флигелекъ. Но калитка на улицу была отворена, и въ комнатахъ слышались торопливые шаги и стукъ отодвигаемыхъ ящиковъ комода.

— Оля пришла, — сказала Карсавина.

— Зина, это ты? — спросила изъ комнаты Дубова, и по голосу слышно было, что произошло что то скверное.

Она вышла на крыльцо растерянная и блѣдная.

— Гдѣ ты пропадала... Я тебя ищу... Семеновъ умираетъ, — запыхавшись, торопливо проговорила она.

— Что? — съ ужасомъ переспросила Карсавина и шагнула къ ней.

— Да, умираетъ... У него кровь хлынула горломъ... Анатолий Павловичъ говорить, что конецъ... Въ больницу его повезли... И какъ странно, неожиданно... сидѣли мы у Ратовыхъ и пили чай, онъ былъ такой веселый, о чемъ то спорилъ съ Новиковымъ, а потомъ вдругъ закашлялся, всталъ, пошатнулся, и кровь такъ и хлынула... прямо на скатерть, въ блюдечко съ вареньемъ... густая, черная!..

— Что же онъ... знаетъ? — съ жуткимъ любопытствомъ спросилъ Юрій, мгновенно вспоминая лунную ночь, черную тѣнь и раздраженно грустный, слабый голосъ; «Вы еще будете живы, пройдете мимо моей могилы, остановитесь по своей надобности, а я»...

— Кажется, знаетъ, — нервно шевеля руками, отвѣтила Дубова: — посмотрѣлъ на всѣхъ и спросилъ: что это?.. а потомъ весь затрясся и проговорилъ еще: уже?.. Ахъ, какъ это гадко и страшно!

И всѣ замолчали.

Уже вовсе стемнѣло, и хотя по прежнему все было прозрачно и красиво, но имъ казалось будто сразу стало темно и уныло.

— Ужасная штука смерть! — сказалъ Юрій и поблѣднѣлъ.

Дубова вздохнула и потупилась. У Карсавиной задрожалъ подбородокъ и она жалобно и виновато улыбнулась. У ней не могло быть такого гнетущаго чувства, какъ у другихъ, потому что жизнь наполняла все ея тѣло и не давала ей сосредоточиться на смерти. Она какъ то не могла повѣрить и представить себѣ, что теперь, когда стоитъ такой ясный лѣтній вечеръ и въ ней самой все такъ счастливо и полно свѣтомъ и радостью, можетъ кто нибудь страдать и умирать. Это

было естественно, но ей почему-то казалось, что это дурно. И она, стыдясь своих ощущений, бессознательно старалась подавить их и вызвать другія, а потому больше всѣхъ выражала участія и испуга.

— Ахъ, бѣдный... что же онъ?

Карсавина хотѣла спросить: скоро ли онъ умретъ, но перхнула въ этомъ словомъ, и цѣпляясь за Дубову, задавала бессмысленные и бесполезные вопросы.

— Анатолій Павловичъ сказалъ, что онъ умретъ сегодня ночью или завтра утромъ, — глухо сказала Дубова.

Карсавина робко и тихо заговорила:

— Пойдемте къ нему... или, можетъ быть, не надо?.. Я не знаю...

И у всѣхъ явился одинъ и тотъ же вопросъ: надо ли идти смотрѣть, какъ умираетъ Семеновъ, и хорошо или дурно это будетъ. И всѣмъ хотѣлось пойти и было страшно увидѣть, и какъ будто это было очень хорошо и какъ будто бы очень дурно.

Юрій нерѣшительно пожалъ плечами.

— Пойдемте... Тамъ можно и не входить, а можетъ быть...

— Можетъ быть, онъ захочетъ кого нибудь увидеть, — облегченно согласилась Дубова.

— Пойдемъ, — рѣшительно сказала Карсавина.

— Шафровъ и Новиковъ тамъ, — какъ бы оправдываясь, прибавила Дубова.

Карсавина забѣжала въ домъ за шляпой и кофточкой, и всѣ хмурые и грустные, пошли черезъ городъ къ большому трехъэтажному дому, сѣро и плохо оштукатуренному, въ которомъ помѣщалась больница и гдѣ умиралъ теперь Семеновъ.

Въ корридорахъ, съ низкими и гулкими сводами, было темно и остро пахло карболкой и іодоформомъ. Въ отдѣленіи для сумасшедшихъ, когда они проходили мимо, кто то сердито и скоро говорилъ странно напряженнымъ голосомъ, но никого не было видно и оттого стало жутко. Они пугливо заглянули на темное квадратное окошечко. Старый и сѣдой мужикъ съ длинной бѣлой бородой, похожей на нагрудникъ, и въ длинномъ бѣломъ фартукѣ, повстрѣчался имъ въ корридорѣ, шаркая большими сапогами.

— Вамъ кого? — спросилъ онъ, останавливаясь.

— Студента къ вамъ привезли.... Семенова... сегодня... — сказала Дубова.

— Въ шестой палатѣ... пожалуйста на верхъ, сказалъ служитель и ушелъ. Слышно было, какъ онъ звучно плюнулъ на полъ и зашаркалъ ногой.

На верху было свѣтлѣе и чище и потолки были безъ сводовъ. Дверь, на которой была прибита дощечка съ надписью «кабинетъ врача», была открыта. Тамъ горѣла лампа и кто то позвякивалъ склянками.

Юрій заглянулъ туда и окрикнулъ.

Склянки перестали звенѣть и вышелъ Рязанцевъ, какъ всегда свѣжій и веселый.

— А! — сказалъ онъ громко и весело, очевидно привыкнувъ къ обстановкѣ, которая давила другихъ, — а я сегодня дежурный. Здравствуйте, барышни!

И сейчасъ же, высоко приподнявъ брови и совсѣмъ другимъ, грустнымъ и значительнымъ голосомъ, сказалъ:

— Кажется, уже безъ памяти. Пойдемте. Тамъ Новиковъ и другіе...

И пока они гуськомъ шли по корридору, черезчуръ чистому и пустынному, мимо большихъ бѣлыхъ дверей съ черными номерами, Рязанцевъ говорилъ:

— За священникомъ уже послали. Удивительно, какъ скоро его скрутило! Я даже удивился... Впрочемъ, онъ послѣднее время все простужался, а это въ его положеніи было швахъ!.. Вотъ, здѣсь онъ...

Рязанцевъ отворилъ высокую, бѣлую дверь и вошелъ. Остальныя запутались въ дверяхъ и, неловко толкаясь, пошли за нимъ.

Палата была большая и чистая. Четыре кровати были пусты и аккуратно прикрыты твердыми сѣрыми одѣялами съ прямыми складками, почему то напоминающими о гробахъ; на одной сидѣлъ маленькій сморщенный старичекъ въ халатѣ, пугливо озиравшійся и на вошедшихъ и на шестую кровать, на которой лежалъ, вытянувшись подъ такимъ же твердымъ одѣяломъ, Семеновъ. Возлѣ него, на стулѣ, сгорбившись, сидѣлъ Новиковъ, а у окна стояли Ивановъ и Шафровъ. Всѣмъ казалось страннымъ и неловкимъ въ присутствіи умирающаго Семенова здороваться и пожимать руки, но почему то было такъ же неловко и не дѣлать этого, какъ будто подчеркивая близость смерти, и потому произошла заминка. Кто поздоровался, кто нѣтъ. И всѣ остановились тамъ, гдѣ стояли, съ робкимъ и жуткимъ любопытствомъ глядя на Семенова.

Семеновъ дышалъ рѣдко и тяжело. Онъ былъ вовсе не похожъ на того Семенова, котораго всѣ знали. Онъ былъ вообще мало похожъ на живыхъ людей. Хотя у него были тѣ же черты лица, что и при жизни, тѣ же члены тѣла, что и у всѣхъ людей, но казалось, что и черты лица его и тѣло какія-то особенныя, страшныя и неподвижныя. То, что оживляло и двигало такъ просто и понятно тѣлами другихъ людей, казалось, не существовало для него. Гдѣ-то, въ глубинѣ его странно неподвижнаго тѣла, совершалось что-то торопливое и страшное, точно поспѣвая съ какой-то необходимой и уже неотвратимой работой, и вся жизнь его ушла туда, какъ будто смотрѣла не эту работу и слушала съ напряженнымъ, необъяснимымъ вниманіемъ.

Лампа, горѣвшая посреди потолка, ясно и отчетливо освѣщала неподвижныя, не глядящія, не слышащія черты его лица.

Всѣ стояли и, не спуская глазъ, смотрѣли, молча, задерживая дыханіе, точно боясь нарушить что то великое, и въ тишинѣ страшно отчетливо было слышно уродливое, свистящее и трудное дыханіе Семенова.

Отворилась дверь, и застучали дробныя старческіе шаги. Пришелъ маленькій и толстенькій священникъ съ псаломщикомъ, худымъ и чернымъ человѣкомъ. И съ ними пришелъ Санинъ. Священникъ, пскашливая, поздоровался съ докторами и вѣжливо поклонился всѣмъ. Ему какъ-то черезчуръ поспѣшно и преувеличенно учтиво отвѣтили всѣ разомъ и опять замерли. Санинъ, не здороваясь, сѣлъ на окно и съ любопытствомъ сталъ смотрѣть на Семенова и на присутствующихъ, стараясь понять, что онъ и они чувствуютъ и думаютъ.

Семеновъ дышалъ все также и не шевелился.

— Безъ сознанія? — мягко спросилъ священникъ, ни къ кому не обращаясь.

— Да... — поспѣшно отвѣтилъ Новиковъ.

Санинъ издалъ какой то неопредѣленный звукъ. Священникъ вопросительно на него поглядѣлъ, но, не услышавъ ничего отвернулся, поправилъ волосы, одѣлъ эпитрахиль и началъ тоненькимъ и сладкимъ теноркомъ, съ большимъ выраженіемъ читать, что полагалось при смерти человѣка христіанской религіи.

У псаломщика оказался хриплый и непріятный басъ, и эти два, не подходящіе другъ къ другу голоса, сплетались и

расходились и печально и странно въ своемъ диссонансѣ зазвучали подъ высокимъ потолкомъ.

Когда раздалось рѣзкое и громкое причитаніе, всѣ съ невольнымъ испугомъ оглянулись на лицо умирающаго. Новикову, который былъ ближе всѣхъ, показалось, что вѣки Семенова чуть чуть дрогнули и неглядящіе глаза немного повернулись въ сторону голосовъ. Но другимъ показалось, что Семеновъ оставался такимъ же странно неподвижнымъ.

Карсавина при первыхъ звукахъ заплакала тихо и жалобно и не отирала слезъ, которыя текли по ея молодому и красивому лицу. И всѣ поглядѣли на нее, и Дубова заплакала, а мужчины почувствовали слезы на глазахъ и старались удержать ихъ, стискивая зубы. Каждый разъ, когда пѣніе становилось громче, дѣвушки плакали сильнѣе, а Санинъ морщился и досадливо двигалъ плечами, думая, что, если Семеновъ слышитъ, ему должно быть невыносимо слушать это, тяжелое даже для здоровыхъ и далекихъ отъ смерти людей, пѣніе.

— Вы бы потише, — сердито сказалъ онъ священнику.

Священникъ сначала любезно наклонилъ ухо, но, вслушавшись, насутился и зачиталъ еще громче. Псаломщикъ строго оглянулся на Санина, и всѣ пугливо поглядѣли на него, какъ будто онъ сказалъ что то дурное и неприличное.

Санинъ съ досадой махнулъ рукой и замолчалъ.

Когда все кончилось, и священникъ завернулъ крестъ въ эпитрахиль, стало еще тяжелѣе. Семеновъ попрежнему не двигался.

И вотъ у всѣхъ стало появляться ужасное для нихъ, но неодолимое чувство: хотѣлось, чтобы все кончилось скорѣе и Семеновъ, наконецъ, умеръ. И всѣ со стыдомъ и страхомъ старались скрыть и подавить это желаніе, боясь взглянуть другъ на друга.

— Хотъ бы уже скорѣе, — тихо сказалъ Санинъ. — Тяжелая штука.

— Н-да! — отозвался Ивановъ.

Они говорили тихо и было очевидно, что Семеновъ не услышитъ, но все таки другіе съ негодованіемъ оглянулись на нихъ.

Шафровъ хотѣлъ что то сказать, но въ это время раздался новый, невыразимо жалкій и печальный звукъ, заставившій всѣхъ болѣзненно вздрогнуть.

— И... и-и... — простоналъ Семеновъ.

И потомъ, какъ будто найдя то, что было ему нужно, онъ, уже не смолкая, сталъ тянуть этотъ долгій, стенящій звукъ, прерываемый только хриплымъ и труднымъ дыханіемъ.

Сначала окружающіе какъ будто не поняли, въ чемъ дѣло, но сейчасъ же Карсавина, Дубова и Новиковъ заплакали. Священникъ медленно и торжественно сталъ читать отходную. На его пухломъ и добродушномъ лицѣ выразилось умиленіе и возвышенная печаль. Прошло нѣсколько минутъ. Семеновъ вдругъ замолчалъ.

— Кончился... — пробормоталъ священникъ.

Но въ это мгновеніе Семеновъ медленно и трудно зашевелилъ слипшимися губами, лицо его исказилось, какъ бы улыбаясь, и всѣ услышали его глухой, невѣроятно слабый и страшный голосъ, идущій, казалось, откуда то изъ самой груди его, какъ изъ подъ крышки гроба:

— На-астоящій ракло! — проговорилъ онъ, глядя прямо на священника.

Потомъ вздрогнулъ, открылъ глаза, съ выраженіемъ безумнаго ужаса, и вытянулся.

Всѣ слышали его слова, но никто не пошевелился и только выраженіе возвышенной печали мгновенно сбѣжало съ запотѣвшего краснаго лица священника. Онъ боязливо оглянулся, но никто не смотрѣлъ на него, и только Санинъ улыбнулся.

Семеновъ опять зашевелилъ губами, но звука не было, и только одинъ рѣдкій и свѣтлый усъ его опустился. Потомъ онъ опять вытянулся и сталъ еще длиннѣе и страшнѣе.

И больше не было ни одного звука, ни одного движенія.

Теперь никто не заплакалъ. Приближеніе смерти было страшнѣе и печальнѣе ея наступленія. И всѣмъ было даже какъ то странно, что это томительное, мучительное дѣло закончилось такъ скоро и просто. Они еще постояли возлѣ постели, глядя въ мертвое заострившееся лицо, какъ будто ожидая еще чего нибудь, и стараясь вызвать въ себѣ жалость и ужасъ, съ напряженнымъ вниманіемъ наблюдали, какъ Новиковъ закрылъ глаза и сложилъ руки Семенову. Потомъ стали уходить, сдержанно топоча ногами. Въ корридорѣ уже горѣли лампы и тамъ было все такъ просто и домовито, что всѣмъ вздохнулось свободнѣе. Впереди шелъ священникъ. Онъ мелко семенилъ ногами, и стараясь, чтобы задобрить молодежь, сказать какую нибудь любезность, вздохнулъ и мягко проговорилъ:

— Жаль молодого человѣка, тѣмъ болѣе, что онъ, очевидно, умеръ нераскаленнымъ... Но милосердіе Божіе, знаете, того..

— Да... конечно! — изъ вѣжливости отвѣтилъ шедшій ближе другихъ Шафровъ.

— У него семья? — спросилъ священникъ, ободряясь.

— Право, не знаю, — недоумѣвающе отвѣтилъ Шафровъ.

Всѣ переглянулись и всѣмъ показалось страннымъ и нехорошимъ, что никто не знаетъ, есть ли у Семенова семья и гдѣ она.

— Сестра гдѣ то въ гимназіи учится, — замѣтила Карсавина.

— А!.. Ну-съ до свиданья! — сказалъ священникъ, пухлыми пальцами поднимая шляпу.

— До свиданья! — отвѣтили всѣ разомъ.

Выйдя на улицу, они облегченно вздохнули и остановились.

— Ну, куда теперь? — спросилъ Шафровъ.

Сначала всѣ топтались въ нерѣшительности, а потомъ какъ то сразу стали прощаться и расходиться въ разные стороны.

XI.

Когда Семеновъ увидѣлъ кровь и почувствовалъ зловѣщую пустоту вокругъ и внутри себя, когда его потомъ поднимали, несли и укладывали и дѣлали за него то, что онъ всю жизнь дѣлалъ самъ, онъ понялъ, что умираетъ, и ему было странно, что онъ вовсе не испугался смерти.

Дубова, когда рассказывала о его страхѣ, заключила о немъ потому, что она сама испугалась, и въ этомъ состояніи испуга здороваго человѣка при видѣ смерти, не могла допустить, чтобы самъ умирающій не боялся смерти неизмѣримо больше. И его блѣдность и блуждающій взглядъ, которые происходили отъ слабости и потери крови, она, какъ и другіе, приняла за выраженіе страха. Но это не было имъ, какъ не было имъ и тотъ вопросъ «уже?», который Семеновъ задалъ доктору.

Семеновъ всегда и особенно съ тѣхъ поръ, какъ узналъ, что у него чахотка, боялся смерти. Въ первое время, когда онъ узналъ, состояніе его было ужасно мучительно и было, вѣроятно, похоже на состояніе человѣка безъ надежды на помилованіе приговореннаго къ смертной казни.

Ему почти показалось, что съ этого мгновенія міръ больше не существуетъ, что безвозвратно исчезло все то красивое, пріятное и веселое, что Семеновъ находилъ въ немъ прежде, что все умираетъ и находится въ состояніи мучительной агоніи, которая вотъ-вотъ, каждую минуту и секунду, должна разрѣшиться чѣмъ то невыносимо ужаснымъ, зівшимъ, какъ черная бездна.

Именно въ видѣ огромной, круглой, совершенно черной бездны и представлялась Семенову смерть. И куда бы онъ ни шелъ, что бы онъ ни дѣлалъ, эта круглая, черная дыра стояла передъ нимъ и въ ея черной пустотѣ терялись и исчезали всѣ звуки, краски и ощущенія.

Это было ужасное состояніе, но оно скоро стало ослабѣвать. Чѣмъ дальше шло время и чѣмъ больше приближался Семеновъ къ смерти, тѣмъ дальше, непонятнѣе и тусклѣе становилась она для него.

Все вокругъ, — всѣ звуки, краски и ощущенія — продолжали оставаться такими же, какими ихъ всегда зналъ Семеновъ.

Такъ же свѣтило солнце и такъ же дѣлали свои дѣла люди, и такъ же приходилось и важное и пустое дѣлать самому Семенову. По прежнему онъ вставалъ и старательно умывался утромъ, обѣдалъ въ полдень, находилъ пріятнымъ вкусное и непріятнымъ невкусное, попрежнему былъ радъ солнцу и лунѣ и сердился на затянувшійся дождь и слякоть, по прежнему игралъ по вечерамъ на бильярдѣ съ Новиковымъ и другими, попрежнему читалъ книги и не могъ не находить однѣ важными и интересными, другія же скучными и глупыми. Сначала ему странно, обидно и даже больно было, что все остается по прежнему не только въ природѣ и въ окружающихъ людяхъ, но и въ немъ самомъ. Онъ пробовалъ измѣнить этотъ порядокъ, заставить всѣхъ заинтересоваться имъ и его смертью, понять весь ужасъ его положенія, понять, что все кончено. Но когда онъ разсказалъ объ этомъ своимъ знакомымъ, то увидѣлъ, что разсказывать не слѣдовало. Знакомые сначала удивились, потомъ не повѣрили, хотя и высказывали сочувствіе и недовѣріе къ приговору врача, а потомъ постарались отогнать непріятное впечатлѣніе, настойчиво заговаривая о другомъ, и черезъ минуту самъ Семеновъ, не замѣчая того, уже вмѣстѣ съ ними говорилъ не о смерти, а о жизни. И всѣ усилія его втянуть весь міръ въ то, что со-

вершалось въ немъ самомъ, оказались совершенно без-
сильными.

Тогда онъ постарался уединиться, углубиться въ себя и
одинокѣ страдать полнымъ и непоколебимымъ сознаніемъ
своего ужаса своей смерти. Но именно оттого, что вокругъ и
въ его жизни все оставалось по прежнему, совершенно нелѣ-
пымъ казалось то, что можетъ быть иначе и что онъ, Семен-
новъ, не всегда будетъ существовать точно такъ же, какъ и
теперь. И мысль о смерти, сначала остро вонзившаяся ему въ
сердце, стала тупѣть и отпускать сжатую душу. Все чаще и
чаще стали набѣгать мсменты полнаго забвенія и жизнь
вновь запестрѣла красками, движеніями и звуками.

Ощущеніе близости круглой, черной дыры появлялось въ
немъ только по вечерамъ, когда онъ оставался одинъ. Ес-
ли онъ тушилъ лампу, ему казалось, что въ темнотѣ что то
безформенное и безликое немедленно встаетъ надъ нимъ и
неумолчно шепчетъ: шш... шш... шш... — и на этотъ беззвуч-
ный, непрерывный шопотъ мрака въ немъ самомъ что то от-
вѣчаетъ шопотомъ тоскливымъ и страшнымъ. И тогда онъ
чувствовалъ, будто все больше и больше сливается съ этимъ
шопотомъ, пустотою и мракомъ, и собственное тѣло колеб-
лется въ этомъ хаосѣ шопота, пустоты и мрака, какъ тонень-
кая, жалкая лучинка, каждое мгновеніе готовая растворить-
ся, исчезнуть безъ слѣда.

Тогда онъ сталъ спать при лампѣ. При ея свѣтѣ шопотъ
становился не слышимымъ, тѣма отступала и исчезало ощущение
всасывающей пустоты, потому что она наполнялась тыся-
чами жизненныхъ мелочей, привычныхъ и понятныхъ ему:
стульями, свѣтомъ, чернильницей, собственными ногами, не-
дописаннымъ письмомъ, которое нужно дописать, образомъ
съ никогда незажигаемой лампадкой, сапогами, которые Се-
меновъ забылъ выставить за дверь, и другими вещами и за-
ботами, во множествѣ копошившимися кругомъ.

Но все таки и тогда шопотъ слышался изъ тѣхъ угловъ,
куда не проникалъ свѣтъ лампы: тамъ сгущалась темнота, и
чудилась все также всасывающая, какъ бездонная трясина,
пустота. Семеновъ боялся смотрѣть въ темноту и думать о
ней. Стоило ему только вспомнить о тѣмъ и пустотѣ, какъ онъ
выступали изъ всѣхъ угловъ, наполняли комнату, обступали
Семенова, гасили лампу, заглушали заботы и закрывали отъ
него міръ непроницаемой пеленой жуткаго холодного тумана.
Это было невыразимо ужасно и мучительно. Въ такія мину-

ты хотѣлось плакать, какъ маленькій ребенокъ, и биться головой о стѣну.

Но съ каждымъ днемъ, съ тѣмъ днемъ, на который уменьшалась жизнь Семенова, эти ощущенія становились все болѣе и болѣе привычными. Онъ возрасталъ съ страшной новой силой только тогда, когда какое нибудь слово, жестъ, видъ похоронъ, кладбища, гроба, напоминалъ Семеонву, что все таки онъ умираетъ. И онъ избѣгалъ этихъ напоминаній, переставъ даже ходить по тѣмъ улицамъ, которыя вели къ кладбищу, и никогда не ложась спать на спинѣ, со сложенными на груди руками.

Въ немъ образовалось какъ бы двѣ жизни: одна прежняя, большая, явная, которая не могла вмѣстить мысли о смерти, забывала о ней, дѣлала свое дѣло и надѣялась жить во что бы то ни стало вѣчно, и другая — тайная, неуловимая, скрытая, какъ червь въ яблокѣ, которая чернымъ мракомъ просачивалась сквозь первую жизнь и, какъ ядъ, отравляла ее нестерпимой и неизбывной мукой.

Въ этой двойной жизни было нѣчто такое, что Семеновъ, когда наконецъ, лицомъ къ лицу столкнулся со смертью и понималъ, что жизнь кончена, почти не испугался.

— «Уже?» — спросилъ онъ только для того, чтобы знать навѣрное.

И понявъ по лицамъ окружающихъ, что «уже», Семеновъ только удивился, что это такъ просто и естественно, какъ конецъ труднаго, измучившаго непосильной заботой, дѣла. Но сейчасъ же особеннымъ, новымъ, внутреннимъ сознаниемъ онъ понималъ, что иначе и быть не могло, потому что смерть пришла тогда, когда въ его организмѣ не было уже силъ жить.

Ему стало только жалъ, что онъ больше никогда ничего не увидитъ. И когда его везли на извозчикѣ въ больницу, онъ молча, широко раскрытыми и полными слезъ глазами, смотрѣлъ вокругъ, стараясь однимъ взглядомъ охватить все и страдая, что не можетъ до мельчайшихъ подробностей удерживать въ памяти весь міръ, съ его небомъ, людьми, зеленью и синѣющими воздушными далями. И равно были ему невыразимо дороги и милы тѣ мелочи, которыхъ онъ никогда не замѣчалъ, и то, что онъ считалъ важнымъ и прекраснымъ: и потемнѣвшее прозрачное небо съ золотыми звѣздами, и худая спина извозчика въ продранномъ синемъ армякѣ, и Новиковъ съ печальнымъ испуганнымъ лицомъ, и пыльная доро-

га, и дома съ зажигающимися въ окнахъ блестящими огоньками, и темныя деревья, молчаливо убѣгающія назадъ, и стукъ колесъ, и вечерній теплый вѣтеръ, все, что онъ видѣлъ, слышалъ и ощущалъ.

И потомъ, въ больницѣ, онъ торопливо и жадно обѣгалъ глазами палату, слѣдилъ, запоминалъ всякое движеніе, всякое лицо и вещь, пока физическія страданія не стали вытѣснять все окружающее и одѣвать его одиночествомъ. Всѣ его ощущенія перешли куда то въ глубину груди, къ источнику страданія. Мало по малу онъ сталъ куда то отодвигаться отъ жизни. Когда что нибудь появлялось передъ нимъ, оно уже казалось ему чужимъ и ненужнымъ. Началась послѣдняя борьба между жизнью и смертью, и она наполнила все существо его образовавъ свой особый, одинокій міръ колебаній, вспышекъ жизни, паденій, замираній и отчаянныхъ усилій.

Иногда наставала минута просвѣтленія, муки затихали, дыханіе становилось глубже и спокойнѣе и сквозь бѣлую пелену проступали болѣе или менѣе ясно образы и звуки. Но они казались незначительными и слабыми, точно доносились издалека.

Семеновъ ясно слышалъ звуки, но какъ будто и не слышалъ ихъ, и какъ будто фигуры двигались беззвучно, точно тѣни въ синемаатографѣ: порой появлялись въ кругѣ зрѣнія знакомыя лица, но какъ будто они были неизвѣстными, не возбуждающими ничего въ памяти.

Около сосѣдней кровати человѣкъ, съ страннымъ бритымъ лицомъ, читалъ газету, но Семенову уже не приходило въ голову понять, почему и кому онъ читаетъ. Онъ отчетливо слышалъ, что выборы въ парламентъ отсрочены, что совершено покушеніе на великаго князя, но слова были какія то пустыя, рождающіяся и лопающіяся въ пустотѣ, какъ воздушныя пузырьки, безъ слѣда и звука. Двигались губы, скрывались и открывались зубы, вращались круглые глаза, шевелился листъ бумаги, лампа горѣла на потолокѣ ровно и какъ будто какія-то большія зловѣщія, черныя мухи беззвучно и безостановочно летали вокругъ нея.

Что то родилось въ мозгу, затлѣлось, какъ свѣтлая точка, и стало разгораться, освѣщая все больше и больше вокругъ. И вдругъ Семеновъ вполнѣ ясно и сознательно подумалъ, что теперь все уже для него не нужно и что вся та суе-

та, которая шла въ мірѣ, не могла и часа прибавить къ жизни Семенова, которому нужно умереть.

И Семеновъ снова погрузился въ колеблющіяся волны чернаго тумана, и вновь началась беззвучная смертельная борьба между двумя страшными, тайными силами, уничтожающими одна другую въ усиліяхъ незамѣтныхъ, но охватывающихъ судорогой весь его міръ.

Во второй разъ Семеновъ вернулся къ жизни, когда заплакали и заплѣли надъ нимъ, что было совершенно ненужно и не имѣло никакой связи съ тѣмъ, что происходило въ немъ. Но оно на мгновение опять родило въ немъ свѣтлую точку. раздуло ее и Семеновъ увидѣлъ и понялъ до самой глубины это возвышенно печальное лицо человѣка, которому до него и до котораго ему не было никакого дѣла.

Это было послѣднее отъ жизни, затѣмъ наступило уже совершенно непонятное и невообразимое для живыхъ людей.

XII.

— Пойдемъ ко мнѣ, въ Бозѣ почившаго помянемъ! — сказалъ Ивановъ Санину.

Санинъ молча кивнулъ головой.

Они зашли въ магазинъ за водкой и закуской и пошли дальше, догоняя Юрія Сварожича, который понурившись медленно шелъ по бульвару.

Смерть Семенова произвела на Юрія смутное и тягостное впечатлѣніе, разобраться въ которомъ казалось и необходимымъ, и невозможнымъ.

— Что жъ, все это очень просто, — пытался Юрій провести въ мозгу прямую и короткую линію: человѣка не было раньше, чѣмъ онъ родился, и это не кажется ужаснымъ и непонятнымъ... человѣка не будетъ, когда онъ умретъ и это такъ же просто и понятно... Смерть, какъ полная остановка машины, вырабатывавшей жизненную силу, вполне понятна и въ ней нѣтъ ужаса.... Былъ когда то мальчикъ Юра, который ходилъ въ гимназію, разбивалъ носы врагамъ второклассникамъ и рубилъ крапиву, у него была своя особенная удивительно сложная и занимательная жизнь... Потомъ этотъ Юра умеръ, а вмѣсто него, вотъ, ходитъ и думаетъ, совсѣмъ другой человѣкъ, студентъ Юрій Сварожичъ. Если бы ихъ свести вмѣстѣ, то Юра не могъ бы понять нынѣшняго Юрія

и даже поэтому возненавидѣлъ бы его, какъ человѣка, который, чего добраго, сдѣлается его репетиторомъ и надѣлаетъ ему кучу неприятностей!.. Значить, между ними пропасть, значить, мальчикъ Юра дѣйствительно умеръ... Умеръ Юра, умеръ я самъ, и даже не замѣтилъ этого до сихъ поръ. Такъ совершилось. Это просто и естественно!.. Да.. А то, что мы теряемъ, умирая? — что, въ сущности говоря?.. Въ жизни, во всякомъ случаѣ больше дурного, чѣмъ радостнаго... Правда, радость все-таки есть и терять ее тяжело, но то облегченіе отъ массы зла, которое приносить смерть, должно дать все таки плюсъ. Да, это очень просто и ничуть не страшно! — съ облегченнымъ вздохомъ сказалъ вслухъ Юрій, но тотчасъ же мысленно перебилъ себя съ острымъ ощущеніемъ тончайшей душевной боли: — нѣтъ!.. То, что цѣлый міръ, живой, необычайно тонкій и сложный, въ одно мгновеніе превращается въ ничто, въ бревно, въ мерзлое полѣно... Это уже не перерожденіе мальчика Юры въ Юрія Сварожича, а это нелѣпо и омерзительно противно, а потому ужасно и непонятно!..

Тонкій, холодный налетъ покрылъ лобъ Юрія.

Онъ сталъ напрягать всѣ силы своего мозга, чтобы понять то состояніе, которое каждому человѣку кажется невозможнымъ пережить, но которое все-таки каждый переживаетъ, какъ, вотъ, только что пережилъ Семеновъ.

— И онъ умеръ отъ страха! — усмѣхаясь странности этой мысли, подумалъ Юрій. — Напротивъ, онъ еще издѣвался надъ нами, съ этимъ попомъ, пѣніемъ и слезами...

Казалось, что есть тутъ какой-то одинъ пунктъ, который, если понять, вдругъ освѣтитъ все. Но какъ будто глухая и неодолимая стѣна стояла между его душой и этимъ пунктомъ. Умъ скользилъ по неуловимо гладкой поверхности и въ ту минуту, когда казалось, что смыслъ уже близокъ, мысль оказывалась опять внизу, на томъ же самомъ мѣстѣ. И въ какую бы сторону ни закидывалась сѣть тончайшихъ мыслей и представлений, въ нихъ неизмѣнно попадали всѣ тѣ же плоскія и до боли надоѣдавшія слова: ужасно и непонятно!..

Дальше мысль не шла и, очевидно, не могла идти.

Это было мучительно и ослабляло и мозгъ, и душу, и все тѣло. Къ сердцу подступала тоска, мысли дѣлались вялы и безцвѣтны, голова болѣла и хотѣлось сѣсть тутъ же на бульварѣ и махнуть рукой на все, даже на самый фактъ жизни.

— Какъ могъ Семеновъ смѣяться, зная, что черезъ нѣсколько мгновеній все будетъ кончено!.. Что онъ — герой?..

Нѣтъ, тутъ не въ геройствѣ дѣло. Значить, смерть вовсе не такъ страшна, какъ я думаю?..

Въ это время Ивановъ громко и неожиданно окликнулъ его.

— А, это вы! Куда? — вздрогнувъ, спросилъ Юрій.

— Поминать прахъ новопреставленнаго раба! — грубо и весело отвѣтилъ Ивановъ. — Пойдемте съ нами, что вы все въ одиночку окалачиваетесь!

Должно быть потому, что Юрію было страшно и грустно, Санинъ и Ивановъ не показались ему такими непріятными, какъ всегда.

— Что жъ, пойдемте! — согласился онъ, но сейчасъ же вспомнилъ свое превосходство надъ ними и сказалъ себѣ: — ну, что мнѣ съ ними дѣлать? Водку пить, пошлости говорить?

Онъ уже хотѣлъ заставить себя отказаться, но все существо его инстинктивно воспротивилось одиночеству, и Юрій пошелъ.

Ивановъ и Санинъ молчали и такъ, молча, дошли они до самаго дома Иванова.

Было уже совсѣмъ темно и у калитки, на лавочкѣ, неопредѣленно мерещилась фигура человѣка съ толстой крючковой палкой.

— А, дядько, Петръ Ильичъ! — радостно закричалъ Ивановъ.

— Я, — глухой октавой отозвался человѣкъ, и мощный голосъ его мужественно прогудѣлъ въ воздухѣ.

Юрій вспомнилъ что дядя Иванова былъ старый, пьянственный пѣвчій соборнаго хора. У него были сѣдые усы, какъ у николаевского солдата, и отъ его затасканной черной тужурки всегда скверно пахло.

— Буб-бу! — слабымъ ударомъ въ бочку отдался его голосъ, когда Ивановъ познакомилъ его съ Юріемъ.

Юрій неловко подалъ ему руку и не зналъ, что сказать и какъ держать себя съ такимъ человѣкомъ. Но сейчасъ же вспомнилъ, что для Юрія Сварожича должны быть одинаковы всѣ люди, и пошелъ рядомъ со старымъ пѣвчимъ, старательно уступая ему дорогу.

Ивановъ жилъ въ комнатѣ, больше похожей на чуланъ, чѣмъ на жильѣ, такъ много было въ ней пыли, хламу и безпорядка. Но когда хозяинъ зажегъ лампу, Юрій увидѣлъ, что всѣ стѣны увѣшаны гравюрами съ картинъ Васнецова, а кучи хламу оказались грудами книгъ.

— Любите Васнецова? спросилъ Ивановъ, и не слушая отвѣта ушелъ за посудой.

Санинъ сказалъ Петру Ильичу, что умеръ Семеновъ.

— Царство небесное, — опять загудѣло въ бочкѣ и помолчавъ Петръ Ильичъ прибавилъ:

— Ну, что жъ... и хорошо. Все, значить, исполнено.

Юрій задумчиво посмотрѣлъ на него и вдругъ почувствовалъ симпатію къ старому пѣвечему.

Пришелъ Ивановъ и принесъ хлѣбъ, соленыхъ огурцовъ на тарелкѣ и рюмки. Разставивъ все это на столѣ, покрытомъ газетной бумагой, онъ взялъ бутылку и короткимъ, почти незамѣтнымъ движеніемъ выбилъ пробку, не проливъ ни одной капли.

— Ловко! — похвалилъ Петръ Ильичъ.

— Сейчасъ видно, который человѣкъ понимающій! — самодовольно пошутилъ Ивановъ, разливая по рюмкамъ зеленовато-бѣлую жидкость.

— Ну, господа, — беря свою рюмку и возвышая голосъ заговорилъ онъ: — за упокой души и прочее!

Стали закусывать, потомъ выпили еще и еще. Мало говорили, больше пили. Въ маленькой комнаткѣ скоро стало жарко и душно. Петръ Ильичъ закурилъ папиросу и сразу затянулъ все синими полосами дурного табачнаго дыму. Отъ выпитой водки, отъ дыму и жары у Юрія стала кружиться голова. Онъ опять вспомнилъ Семенова.

— Скверная штука смерть!

— Почему? — спросилъ Петръ Ильичъ. — Смерть?... О-о!.. Но это... это необходимо!.. Смерть!.. А если бы жить вѣчно?... О-о!.. Вы остерегайтесь такъ говорить.. Вѣчная жизнь!.. Что такое?!

Юрій вдругъ подумалъ, что если бы онъ жилъ вѣчно... Ему представилась какая-то безконечная сѣрая полоса томительно и безцѣльно разворачивающаяся въ пустотѣ, какъ будто съ одного вала наматываясь на другой. Всякое представленіе о краскахъ, звукахъ, о глубинѣ и полнотѣ переживаній какъ-то стиралось и блѣднѣло, сливаясь въ одну сѣрую муть, текущую безъ русла и движенія. Это уже не было жизнью, это была та же смерть.

— Да, конечно... — пробормоталъ онъ.

— А на васъ, какъ видно, большое впечатлѣніе произвело, — замѣтилъ Ивановъ.

— А на кого же это не произведетъ впечатлѣнія? — вмѣсто отвѣта спросилъ Юрій.

Ивановъ неопредѣленно качнулъ головой и сталъ рассказывать Петру Ильичу о послѣднихъ минутахъ Семенова.

Въ комнатѣ становилось уже невыносимо душно. Юрій машинально наблюдалъ, какъ водка, блестя на свѣту лампы, переливалась въ тонкія красныя губы Иванова, и чувствовалъ что все вокругъ начинаетъ тихо кружиться и расплываться.

— А-а-а-а... заплѣло у него въ ушахъ тоненькимъ таинственнымъ печальнымъ голоскомъ.

— Нѣтъ, страшная штука смерть! — самъ того не замѣчая повторилъ онъ, какъ будто отвѣчая этому таинственному голоску.

— Черезчуръ вы нервничаете! — пренебрежительно отозвался Ивановъ.

— А вы на это не способны? — машинально спросилъ Юрій.

— Я?... Ну, н-нѣтъ!.. Помирать мнѣ, конечно, не охота: это пустое дѣло и жить не въ примѣръ веселѣе... но ежели ужъ смерть, такъ что жъ... помру въ одночасье и безъ всякихъ антимоній.

— Не умиралъ ты и не знаешь, — улынулся Санинъ.

— И то правда! — засмѣялся Ивановъ.

— Все это слыхано, — вдругъ съ тоскливымъ озлобленіемъ заговорилъ Юрій; — говорить можно все, а все-таки смерть остается смертью!.. Она ужасна сама по себѣ, и чловѣку, который... ну, отдаетъ себѣ отчетъ въ своей жизни, этотъ неизбѣжный насильственный конецъ долженъ убивать всякую радость жизни!.. Какой смыслъ!

— И это слыхано, — съ насмѣшкой перебилъ Ивановъ, тоже внезапно озлобясь. — Всѣ вы думаете, что только вы..

— Какой смыслъ? — задумчиво переспросилъ Петръ Ильичъ.

— Да никакого! — съ тѣмъ же понятнымъ озлобленіемъ закричалъ Ивановъ.

— Нѣтъ, это невозможно, — возразилъ Юрій: — ужъ слишкомъ все вокругъ мудро и...

— А по моему, ничего хорошаго нѣтъ, — отозвался Санинъ.

— Что вы говорите... А природа?

— Что жъ природа, — слабо улыбаясь, махнулъ рукой Санинъ. — Вѣдь это такъ только принято говорить, что природа совершенна... А по правдѣ говоря, она такъ же плоха, какъ и человѣкъ: каждый изъ насъ, даже безъ особаго напряженія фантазіи можетъ представить себѣ міръ во сто разъ лучше того, что есть... Почему не быть бы вѣчному теплу, свѣту и сплошному саду, вѣчно зеленому и радостному?.. А смыслъ? — Смыслъ, конечно, есть... его не можетъ не быть просто потому, что цѣль опредѣляетъ ходъ вещей, безъ цѣли можетъ быть только хаосъ. Но эта цѣль лежитъ внѣ нашей жизни, въ основахъ всего міра... Это понятно... Мы не можемъ быть ея началомъ, а слѣдовательно не можемъ быть и концомъ. Наша роль чисто вспомогательная и очевидно пассивная. Тѣмъ фактомъ, что мы живемъ, исполняется наше назначеніе... Наша жизнь нужна, а слѣдовательно и смерть нужна...

— Кому?

— А я почему знаю! — засмѣялся Санинъ: — да и какое мнѣ дѣло!.. Моя жизнь — это мои ощущенія пріятнаго и непріятнаго, а что за предѣлами — чертъ съ нимъ!.. Какую бы мы гипотезу ни выработали, она останется только гипотезой, и на основаніи ея строить свою жизнь было бы глупо. Кому нужно, тотъ пусть объ этомъ и беспокоится, а я буду жить.

— Выпьемъ по сему случаю! — предложилъ Ивановъ.

— А въ Бога вы вѣрите? — спросилъ Петръ Ильичъ, поворачивая къ Санину помутнѣвшіе глаза: — теперь никто не вѣритъ... не вѣрятъ даже въ то, что можно вѣрить....

— Я въ Бога вѣрю, — опять засмѣялся Санинъ: — вѣра въ Бога осталась во мнѣ съ дѣтства и я не вижу никакой необходимости ни бороться съ нею, ни укрѣплять ее. Это выгодноѣ всего: если Богъ есть, я принесу ему искреннюю вѣру, а если Его нѣтъ, то мнѣ же лучше...

— Но на основаніи вѣры или безвѣрія строится жизнь, — замѣтилъ Юрій.

— Нѣтъ — качнулъ головой Санинъ и лицо его сложилось въ равнодушно веселую улыбку; — я не на этомъ основаніи строю свою жизнь.

— А на какомъ же? — устало спросилъ Юрій.

«А-а-а... не надо больше пить»... — тоскливо подумалъ онъ, проводя рукой по холодно-потному лбу.

Можетъ быть, Санинъ что-нибудь отвѣтилъ, можетъ быть нѣтъ, но Юрій не слышалъ: у него закружилась голова и на секунду стало дурно.

— ...я вѣрю, что есть Богъ, но вѣра существуетъ во мнѣ сама по себѣ, — говорилъ дальше Санинъ: — онъ есть или нѣтъ, но я его не знаю и не знаю, чего ему отъ меня нужно... Да и какъ я могъ бы это знать при самой горячей вѣрѣ!... Богъ есть Богъ, а не человѣкъ, и никакой человѣческой мѣрки къ нему приложить нельзя. Въ его творчествѣ, которое мы видимъ, есть все: и зло, и добро, и жизнь, и смерть, и красота, и безобразіе... все... а такъ какъ при этомъ исчезаетъ всякая опредѣленность, всякій смыслъ, и обнаруживается хаосъ, то слѣдовательно, его смыслъ, не человѣческій смыслъ, а его добро и зло — не человѣческія добро и зло... Наше опредѣленіе Бога всегда будетъ идоло-поклонническимъ, и всегда мы будемъ одѣлять своего фетиша физиономіей и одеждами примѣнительно къ мѣстнымъ климатическимъ условіямъ... Нелѣпость!

— Такъ-съ — крикнулъ Ивановъ. — Правильно!

— Для чего же тогда и жить? — спросилъ Юрій, съ обращеніемъ отодвигая свою рюмку.

— А для чего же и умирать?

— Я знаю одно, — отвѣтилъ Санинъ: — я живу и хочу, чтобы жизнь не была для меня мученіемъ... Для этого надо прежде всего удовлетворять свои естественныя желанія... Желаніе это все: когда въ человѣкѣ умираютъ желанія — умираетъ и его жизнь, а когда онъ убиваетъ желанія — убиваетъ себя.

— Но желанія могутъ быть злыми?

— Можетъ быть.

— Тогда какъ?...

— Такъ же, — ласково отвѣтилъ Санинъ и посмотрѣлъ въ лицо Юрію свѣтлыми немигающими глазами.

Ивановъ высоко поднялъ брови, недовѣрчиво взглянулъ на Санина и промолчалъ. Молчалъ и Юрій и почему-то ему было жутко смотрѣть въ эти свѣтлые ясные глаза и почему-то онъ старался не опустить взгляда.

Нѣсколько минутъ было тихо и отчетливо слышалось, какъ одиноко и отчаянно билась съ налету о стекло окна ночная бабочка. Петръ Ильичъ грустно покачивалъ головой, опустивъ пьяное лицо къ залитой грязной газетѣ. Санинъ все улыбался.

Юрія и раздражала, и привлекала эта постоянная улыбка.

— Какіе у него прозрачныя глаза! — безсознательно подумалъ онъ.

Санинъ вдругъ всталъ, открылъ окно и выпустилъ бабочку. Какъ взмахъ большого, мягкаго крыла удивительно пріятно и легко прошла по комнатѣ волна чистаго, прохладнаго воздуха.

— Да, — проговорилъ Ивановъ, отвѣчая на собственныя мысли: — люди бываютъ всякіе, а по сему случаю, выпьемъ.

— Нѣтъ, — покачалъ головой Юрій, — я не буду больше пить.

— П-почему?

— Я вообще мало пью...

Отъ водки и жары у Юрія уже болѣла голова и хотѣлось на воздухъ.

— Ну, я пойду... — сказалъ онъ вставая.

— Куда?.. выпьемъ еще!..

— Нѣтъ, право мнѣ нужно...—разсѣянно отвѣчалъ Юрій, отыскивая фуражку.

— Ну, до свиданья!

Когда Юрій уже затворялъ двери, то слышалъ, какъ Санинъ возражая Петру Ильичу, говорилъ: — да, если не будете, какъ дѣти, но вѣдь дѣти не различаютъ добра и зла, они только искренни... въ этомъ ихъ...

Юрій затворилъ дверь и сразу стало тихо.

Луна стояла уже высоко, легкая и свѣтлая. На Юрія пахнуло влажнымъ отъ росы прохладнымъ воздухомъ. Все было соткано изъ луннаго свѣта, красиво и задумчиво. Юрію, когда онъ шелъ одинъ по ровнымъ отъ луннаго свѣта улицамъ, было странно и трудно думать, что гдѣ-то есть молчаливая черная комната, гдѣ на столѣ желтый и недвижимый лежитъ Семеновъ.

Но почему-то онъ не могъ вызвать опять тѣ тяжелыя и страшныя мысли, которыя еще такъ недавно подавляли всю его душу, заволакивая весь міръ чернымъ туманомъ. Ему было только тихо и грустно, и хотѣлось не отрываясь смотреть на далекую луну.

Проходя по пустой, при лунѣ казавшейся широкой и странно гладкой, площади, Юрій сталъ думать о Санинѣ.

— Что это за человѣкъ? спросилъ онъ и въ недоумѣніи долго колебался.

Ему было приятно, что нашелся человекъ, котораго онъ, Юрій, не могъ опредѣлить сразу, и оттого хотѣлось опредѣлить непременно дурно.

— Фразеръ, — съ недобрымъ удовольствіемъ подумалъ онъ — когда-то рисовался отвращеніемъ къ жизни, высшими непонятными запросами, а теперь рисуется животностью...

И бросивъ Санина, Юрій сталъ думать о себѣ, что вотъ онъ ничѣмъ не рисуется, а все въ немъ, и страданія и думы, особенное, ни на кого не похожее. Это было приятно, но чего-то не хватало и Юрій сталъ вспоминать покойнаго Семенова.

Онъ грустно подумалъ, что никогда больше не увидитъ больного студента, и Семеновъ, котораго онъ никогда особенно не любилъ, сталъ ему близокъ и дорогъ до слезъ. Юрій представилъ себѣ студента лежащимъ въ могилѣ, съ прогнившимъ лицомъ, съ тѣломъ наполненнымъ червями, медленно и омерзительно копошащимися въ разлагающемся мѣсивѣ, подъ позеленѣвшимъ сырымъ и жирнымъ мундиромъ. И весь вздрогнувъ отъ стравщенія, Юрій вспомнилъ слова покойнаго:

— ...Я буду лежать, а вы пройдете и остановитесь надо мною по собственной надобности...

— А вѣдь это все люди! — съ ужасомъ подумалъ Юрій, пристально глядя на дорожную жирную пыль. — Я иду и топчу мозги, сердца, глаза... охъ!

Онъ почувствовалъ какую-то противную слабость подъ колѣнями.

— Умру и я... умру и по мнѣ такъ же будутъ ходить и думать то же, что я думаю теперь... Да, надо, пока еще не поздно, жить и жить!.. Хорошо жить, такъ жить, чтобы не пропадалъ даромъ ни одинъ моментъ моей жизни... А какъ это сдѣлать?

На площади было пусто и свѣтло, и надъ всѣмъ городомъ стояла чуткая и загадочная лунная тишина.

И струны громкія Баяновъ,

Не бу-удутъ го-о-ворить о немъ... — тихо пропѣлъ Юрій.

— Скучно, грустно, страшно! — громко проговорилъ онъ, точно жалуясь, но самъ испугался своего голоса и оглянулся: не слышалъ ли кто.

— Я пьянъ.. — подумалъ онъ.

Ночь была свѣтлая и молчаливая.

Когда Карсавина и Дубова уѣхали куда то погостить, жизнь Юрія Сварожича пошла ровно и однообразно.

Николай Егоровичъ былъ занятъ хозяйствомъ и клубомъ, а Ляля и Рязанцевъ такъ очевидно тяготились чѣмъ бы то ни было присутствіемъ, что Юрію было неловко съ ними. Само собой сдѣлалось такъ, что онъ сталъ ложиться спать рано, а вставать поздно, почти къ самому обѣду. И цѣлый день, сидя то въ саду, то въ своей комнатѣ, онъ напряженно шевелилъ мыслями и ожидалъ мощнаго прилива энергіи, чтобы начать дѣлать что-то большое.

Это «большое» принимало каждый день новое выраженіе: то это была картина, то — рядъ статей, которыя, незамѣтно для самаго Юрія, должны были доказать всему міру, какую глубокую ошибку сдѣлали социаль-демократы, не представивъ Юрію Сварожичу первой роли въ партіи; иногда это было общеніе съ народомъ и живая непосредственная работа въ немъ, но всегда все было важно и сильно.

Но день проходилъ такъ же, какъ приходилъ и не приносилъ ничего кромѣ скуки. Раза два приходили къ нему Новиковъ и Шафровъ, самъ Юрій ходилъ на чтенія и въ гости, но все это было чуждо ему, разбросанно, не имѣло связи съ тѣмъ, что томилось внутри его.

Одинъ разъ Юрій зашелъ къ Рязанцеву. Докторъ жилъ въ чистой и большой квартирѣ, и въ его комнатахъ была масса вещей, предназначенныхъ для развлеченія здороваго и сильнаго человѣка: гимнастическіе приборы, гири, резины, рапиры, удочки, сѣтки для перепеловъ, мундштуки и трубки. Отъ всего пахло здоровымъ мужскимъ тѣломъ и самодовольствомъ.

Рязанцевъ встрѣтилъ его привѣтливо и развязно, показавъ ему всѣ свои вещи, смѣялся, рассказывалъ анекдоты, предлагалъ курить и пить и, въ концѣ концовъ, позвалъ его на охоту.

— У меня ружья нѣтъ, — сказалъ Юрій.

— Да возьмите у меня, у меня ихъ пять, — возразилъ Рязанцевъ.

Онъ видѣлъ въ Юріи брата Ляли и ему хотѣлось сойтись съ нимъ поближе и понравиться ему. Поэтому онъ такъ горячо и настойчиво предлагалъ Юрію взять любое изъ его ружей, такъ весело и охотно притащилъ всѣ, разбиралъ ихъ, объяс-

нять устройство и даже выстрѣлилъ на дворѣ въ цѣль, что наконецъ и Юрій почувствовалъ желаніе такъ же весело смѣяться, двигаться, стрѣлять и согласился взять ружье и патроны.

— Ну, вотъ и отлично, — искренно обрадовался Рязанцевъ. — А я какъ разъ собирался завтра на перелетъ... Вотъ и поѣдемъ вмѣстѣ, а?

— Съ удовольствіемъ, — согласился Юрій.

Вернувшись домой, онъ, самъ того не замѣчая, часа два возился съ ружьемъ, рассматривая его, пригонялъ ремень къ своимъ плечамъ, вскидывалъ прикладъ, цѣлился въ лампу и самъ старательно смазалъ старые охотничьи сапоги.

На другой день, къ вечеру, на бѣговыхъ дрожкахъ, запряженныхъ сытой гнѣдой лошады, пріѣхалъ за нимъ веселый и свѣжій Рязанцевъ.

— Готовы? — закричалъ онъ въ окно Юрію.

Юрій, нацѣпившій уже на себя ружье, патронташъ, и ягташъ и неловко путающійся въ нихъ, смущенно улыбаясь вышелъ изъ дому.

— Готовъ, готовъ, — сказалъ онъ.

Рязанцевъ былъ просторно и легко одѣтъ и съ нѣкоторымъ удивленіемъ посмотрѣлъ на снаряженіе Юрія.

— Такъ вамъ тяжело будетъ, — сказалъ онъ улыбаясь: — вы снимите это все и положите вотъ сюда. Пріѣдемъ на мѣсто, тамъ и надѣнете.

Онъ помогъ Юрію снять вооруженіе и уложить его подъ сидѣнье дрожекъ. Потомъ они быстро поѣхали, во всю рысь доброй лошади. День былъ къ концу, но было еще жарко и пыльно. Колеса дробно потряхивали дрожки и Юрію приходилось держаться за сидѣнье. Рязанцевъ безъ умолку говорилъ и смѣялся, а Юрій съ дружелюбнымъ удовольствіемъ смотрѣлъ въ его плотную спину, обтянутую пропотѣвшимъ подъ мышками чесучевымъ пиджакомъ, и невольно подражалъ ему въ смѣхѣ и въ шуткахъ. Когда они выѣхали въ поле и по ногамъ ихъ легко зашелкали полевые жесткія травы, стало прохладнѣе, легче и пыль упала.

У какой то безконечной, плоской, съ бѣлѣвшими по ней арбузами, бахчи, Рязанцевъ остановилъ запотѣвшую лошады и залившимся баритономъ долго кричалъ, приставивъ ко рту обѣ руки.

— Кузьма-а... Кузьма-а-а...

Какіе то крошечные люди, еле видные на другомъ концѣ бахчи, подняли головы и долго смотрѣли на кричавшихъ, а потомъ отъ нихъ отдѣлился одинъ и долго шелъ по рядамъ, пока не стало видно, что это высокій и сѣдой мужикъ, съ большой бородой и свисшими впередъ корявыми руками.

Онъ медленно подошелъ и широко улыбаясь сказалъ:

— Здоровъ, Анатолій Павловичъ, кричать то!

— Здравствуй, Кузьма, какъ живешь?... Лошадь у тебя пусть, а?

— Можно и у меня, — спокойно и ласково сказалъ мужикъ, беря лошадь подъ уздцы. — На охоту, гляди?.. А это кто жъ такіе будутъ? — спросилъ онъ, привѣтливо присматриваясь къ Юрію.

— Николая Егоровича сынокъ, — весело отвѣтилъ Рязанцевъ.

— А... То-то я гляжу, ровно на Людмилу Николаевну лицомъ схожи... Такъ, такъ...

Юрію почему то было пріятно, что этотъ старый и привѣтливый мужикъ знаетъ его сестру и такъ просто, ласково говоритъ о ней.

— Ну, идемъ, — весело и возбужденно сказалъ Рязанцевъ, доставая изъ передка и надѣвая ружье и сумки.

— Часъ добрый, — сказалъ имъ вслѣдъ Кузьма и слышно было, какъ тпрукалъ на лошадь, заворачивая ее подъ курень.

До болота пришлось идти съ версту и солнце уже совсѣмъ сѣло, когда земля стала сочнѣе и покрылась луговой свѣжей травой, осокой и камышами. Заблестѣла вода, запахло сыростью и стало смеркаться. Рязанцевъ пересталъ курить, широко разставилъ ноги и вдругъ сдѣлался совершенно серьезень, точно приступилъ къ очень важному и отвѣтственному дѣлу. Юрій отошелъ отъ него вправо и за камышами выбралъ нетопкое и удобное стоять мѣстечко. Прямо передъ нимъ была вода, казавшаяся чистой и глубокой отъ свѣтлой зари, отражавшейся въ ней, а за нею чернѣлъ сливавшійся въ одну темную полосу другой берегъ.

И почти тотчасъ же, откуда то неожиданно появляясь и тяжело махая крыльями, стали по двѣ, по три летѣть утки. Онѣ внезапно появлялись изъ камышей и поворачивая головки то туда, то сюда, отчетливо видныя на еще свѣтломъ небѣ, пролетали надъ головами людей. Первый, и удачно, выстрѣлилъ Рязанцевъ. Убитый имъ селезень комкомъ пе-

ревернулся въ воздухъ и тяжело шлепнулся гдѣ то въ сторонѣ, всплеснувъ воду и съ шумомъ приминая тростники.

— Съ полемъ! — звучно и довольно прокричалъ Рязанцевъ и захохоталъ.

— А онъ, въ сущности, славный парень! — почему то подумалъ Юрій.

Потомъ выстрѣлили самъ и тоже удачно, но убитая имъ утка упала гдѣ то далеко, и онъ никакъ не могъ найти ее, хотя и порѣзалъ себѣ руки осокой и попалъ въ воду по колѣно. Но неудача только оживила его: теперь все, чтобы ни случилось, было хорошо.

Пороховой дымъ какъ то особенно пріятно пахнулъ въ прозрачномъ и прохладномъ воздухѣ надъ рѣкой, а огоньки выстрѣловъ съ веселымъ трескомъ красиво и ярко вспыхивали среди уже потемнѣвшей зелени. Убитыя утки тоже красиво кувыркались на фонѣ блѣдно зеленоватаго неба, по которому расплывалась заря и слабо поблескивали первыя блѣдныя звѣздки. Юрій чувствовалъ необыкновенный приливъ силы и веселья, и ему казалось, что никогда онъ не испытывалъ ничего интереснѣе и живѣе.

Потомъ утки стали летѣть все рѣже и рѣже и въ сгустившихся сумеркахъ трудно уже было цѣлиться.

— Э-гой! — прокричалъ Рязанцевъ: — пора домой!

Юрію жаль было уходить, но онъ все таки пошелъ навстрѣчу Рязанцеву, уже не разбирая воды, шлепая по лужамъ и путаясь въ тростникахъ. Сошлись блестя глазами и сильно, но легко дыша.

— Ну, что, — спросилъ Рязанцевъ: — удачно?

— Еще бы! — отвѣтилъ Юрій, показывая полный ягдташъ,

— Да вы лучше меня стрѣляете! — какъ будто даже обрадовался Рязанцевъ.

Юрію была пріятна эта похвала, хотя онъ всегда думалъ, что не придаетъ никакого значенія физической силѣ и ловкости.

— Ну, гдѣ же лучше! — самодовольно возразилъ онъ: — просто, повезло!

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда они подошли къ куреню. Бахча утонула во мракѣ и только ближайшіе ряды мелкихъ арбузовъ, отбрасывая длинныя плоскія тѣни, бѣлѣли отъ огня. Около куреня фыркала невидимая лошадь, потрескивая горѣлъ маленькій, но яркій и бойкій костеръ изъ сухого

бурьяну, слышался крѣпкій мужицкій говоръ, бабій смѣхъ и чей то, показавшійся Юрію знакомымъ, ровный веселый голосъ.

— Да это Санинъ, — удивленно сказалъ Рязанцевъ. — Какъ онъ сюда попалъ?

Они подошли къ костру. Сидѣвшій въ кругѣ свѣта бѣлобородый Кузьма поднялъ голову и привѣтливо закивалъ имъ.

— Съ удачей, что ли? — глухимъ басомъ, изъ подъ нависшихъ усовъ, спросилъ онъ.

— Не безъ того, отозвался Рязанцевъ.

Санинъ, сидѣвшій на большой тыквѣ, тоже поднялъ голову и улыбнулся имъ.

— Вы какъ сюда попали? — спросилъ Рязанцевъ.

— Мы съ Кузьмой Прохоровичемъ давнишніе пріятели, — еще больше улыбаясь, пояснилъ Санинъ.

Кузьма довольно оскалилъ желтые корешки сѣдѣвшихъ зубовъ и дружелюбно похлопалъ Санина по колѣну своими твердыми, негибнущими пальцами.

— Такъ, такъ, — сказалъ онъ. Анатолій Павловичъ, садись, кавунца покушай. И вы, паничъ... Какъ васъ звать то?

— Юрій Николаевичъ, — нѣсколько предупредительно улыбаясь отвѣтилъ Юрій.

Онъ чувствовалъ себя неловко, но ему уже очень нравился этотъ спокойный старый мужикъ съ его ласковымъ, полурусскимъ, полухохлацкимъ говоромъ.

— Юрій Миколаевичъ, такъ... Ну знакомы будемъ. Садись, Юрій Миколаевичъ.

Юрій и Рязанцевъ сѣли къ огню, подкативъ двѣ тяжелыя, твердыя тыквы.

— Ну, покажите, покажите, что настрѣляли, — заинтересовался Кузьма.

Груда битой птицы, пятная землю кровью, вывалилась изъ ягдташей. При танцующемъ свѣтѣ костра она имѣла странный и непріятный видъ. Кровь казалась черной, а скрюченные лапки какъ будто шевелились.

Кузьма потрогалъ селезня подъ крыло.

— Жирентъ, — сказалъ онъ одобрительно, — ты бы мнѣ парочку, Анатолій Павловичъ... куда тебѣ столько!

— Берите хоть всѣ мои, — оживленно предложилъ Юрій и покраснѣлъ.

— Зачѣмъ всѣ?... Ишь, добрый какой, — засмѣялся старикъ. А я парочку... чтобъ никому не обидно! —

Подошли поглядѣть и другіе мужики и бабы. Но, подымая глаза отъ огня, Юрій не могъ разглядѣть ихъ. То одно, то другое лицо, попадая въ полосу свѣта, ярко появлялось изъ темноты и исчезало.

Санинъ поморщившись поглядѣлъ на убитыхъ птицъ, отодвинулся и скоро всталъ. Ему было непріятно смотрѣть на красивыхъ сильныхъ птицъ, валявшихся въ пыли и крови, съ разбитыми и поломанными перьями.

Юрій съ любопытствомъ слѣдилъ за всѣми, жадно откусывая ломти спѣлаго, сочнаго арбуза, который Кузьма рѣзалъ складнымъ, съ костяной желтой ручкой, ножикомъ.

— Кушай, Юрій Николаевичъ, хорошъ кавунъ... Я и сестрицу, Людмилу Николаевну и папашу вашего знаю... Кушай на здоровье.

Юрію все нравилось здѣсь: и запахъ мужицкій, похожій на запахъ хлѣба и овчины вмѣстѣ, и бойкій блескъ костра, и тыква, на которой онъ сидѣлъ, и то, что когда Кузьма смотрѣлъ внизъ, видно было все его лицо, а когда подымалъ голову оно исчезало въ тѣни и только глаза блесѣли, и то, что казалось, будто тьма виситъ надъ самой головой, придавая веселый уютъ освѣщенному мѣсту, а когда Юрій взглядывалъ вверхъ, сначала ничего не было видно, а потомъ вдругъ показывалось высокое, величественно спокойное, темное небо и далекія звѣзды.

Но въ то же время ему было почему-то неловко и онъ не зналъ, о чемъ говорить съ мужиками.

А другіе, и Кузьма, и Санинъ и даже Рязанцевъ, очевидно вовсе не выбирая темы для разговора, разговаривали такъ просто и свободно, толкуя обо всемъ, что попадалось на глаза, что Юрій только дивился.

— Ну, а какъ у васъ насчетъ земли? — спросилъ онъ, когда на минуту всѣ умолкли, и самъ почувствовалъ, что вопросъ вышелъ напряженнымъ и неумѣстнымъ.

Кузьма посмотрѣлъ на него и отвѣтилъ:

— Ждемъ пождемъ... авось что будетъ.

И опять заговорилъ о бахчѣ, о цѣнѣ на арбузы и еще о какихъ-то своихъ дѣлахъ, а Юрію почему-то стало еще болѣе неловко и еще больше пріятно сидѣть здѣсь и слушать.

Послышались шаги. Маленькая рыжая собаченка съ крѣпко закрученнымъ бѣлымъ хвостомъ появилась въ кру-

гѣ свѣта, завиляла, понюхала Юрія и Рязанцева стала тереться о колѣни Санина, погладившаго ее по жесткой и крѣпкой шерсти. За нею показался бѣлый отъ огня маленькій старичекъ, съ жиденькой клочковатой бородкой и маленькими глазками. Въ рукѣ онъ держалъ рыжее одноствольное ружье.

— Нашъ сторожъ... дѣдушка... сказалъ Кузьма.

Старичекъ сѣлъ на землю, положилъ ружье и посмотрѣлъ на Юрія и Рязанцева.

— Съ охоты... такъ... — прошамкалъ онъ, обнаруживая голыя сжеванные десны... — Эге... Кузьма, картоху варить пора, эге...

Рязанцевъ поднималъ ружье старичка и смѣясь показывалъ его Юрію. Это было ржавое, тяжелое, связанное проволокой пистонное ружье.

— Вотъ фузея! — сказалъ онъ.

— Какъ ты изъ него, дѣдушка, стрѣлять не боишься?

— Эге-жъ... Бачъ, трохи не убився... Степанъ Шавка казавъ мини, шо и безъ пыстона можетъ выстрѣлить... Эге... безъ пыстона... казавъ, какъ сѣра останется, такъ и безъ пыстона выстрѣлитъ... Вотъ я отакъ положивъ на колѣно, куроку взвивъ... куроку взвивъ, а пальцемъ отакъ... а оно какъ б-ба-бахнетъ!.. Трохи не убився!.. Эге, эге... куроку взвивъ, а оно какъ б-ба-бахнетъ... ажъ трохи не убився...

Всѣ засмѣялись, а у Юрія даже слезы на глаза выступили, такъ трогателенъ показался ему этотъ старичекъ, съ клочковатой сѣденькой бороденкой и шамкающимъ ртомъ. Смѣялся и старичекъ и глазки у него слезились.

— Трохи не убився!..

Въ темнотѣ, за кругомъ свѣта, слышался смѣхъ и голоса дѣвоку, дичившихся незнакомыхъ господъ. Санинъ въ нѣсколькихъ шагахъ, совсѣмъ не тамъ, гдѣ его предполагалъ Юрій, зажегъ спичку и когда вспыхнулъ розовый огонекъ, Юрій увидѣлъ его спокойно ласковые глаза и другое, молодое чернобровое лицо, наивно и весело глядѣвшее на Саница темными женскими глазами.

Рязанцевъ подмигнувъ въ ту сторону и сказалъ:

— Дѣдушка, ты бы за внучкой-то присматривалъ, а?

— А что за ней глядѣть, — добродушно махнулъ рукой старый Кузьма: — ихъ дѣло молодое!

— Эге-жъ, — эге! — отозвался старичекъ, голыми руками доставая изъ костра уголекъ.

Санинъ весело засмѣялся въ темнотѣ. Но женщина должно быть застыдилась, потому что они отошли и голоса ихъ стали чуть слышны.

— Ну, пора, — сказалъ Рязанцевъ вставая. — Спасибо, Кузьма.

— Не на чемъ, — ласково отозвался Кузьма, рукавомъ стряхивая съ бѣлой бороды приставшія къ ней черныя сѣмьчки арбуза.

Онъ подаль руку Юрію и Рязанцеву. Юрію опять было и неловко и пріятно пожать его жесткіе негибающіеся пальцы.

Когда они отошли отъ огня, стало виднѣе. Вверху засверкали холодныя звѣзды и тамъ показалось удивительно красиво и спокойно и безконечно. Зачернѣлись сидѣвшіе у костра люди, лошади и силуэтъ воза съ кучей арбузовъ. Юрій наткнулся на круглую тыкву и чуть не упалъ.

— Осторожнѣе, сюда... — сказалъ Санинъ: — до свиданья.

— До свиданья, — отвѣтилъ Юрій, оглядываясь на его высокую темную фигуру, и ему показалось, будто къ Санину прижалась стройная и высокая женщина. У Юрія сердце сжалось и сладко заныло. Ему вдругъ вспомнилась Карсавина и стало завидно Санину.

Опять застучали колеса дрожекъ и зафыркала добрая отдохнувшая лошадь. Костеръ остался позади и замерли говоръ и смѣхъ. Стало тихо. Юрій медленно поднялъ глаза къ небу и увидѣлъ безчисленную свѣтъ брилліантовыхъ шевелящихся звѣздъ.

Когда показались заборы и огни города и залаяли собаки, Рязанцевъ сказалъ:

— А философъ этотъ Кузьма, а?

Юрій посмотрѣлъ ему въ темный затылокъ, дѣлая усилие, чтобы изъ-за своихъ задумчивыхъ, грустно нѣжныхъ мыслей понять, что онъ говоритъ.

— А... Да... — нескоро отвѣтилъ онъ.

— Я и не зналъ, что Санинъ такой молодецъ! — засмѣялся Рязанцевъ.

Юрій окончательно опомнился и представилъ себѣ Санина и то, какъ ему показалось, удивительно нѣжное и красивое женское лицо, которое онъ увидѣлъ при свѣтѣ спички. Ему опять стало безсознательно завидно и оттого онъ вдругъ вспомнилъ, что поступки Санина по отношенію къ этой крестьянской дѣвушкѣ должны считаться скверными.

— И я не зналъ! — съ ироніей сказалъ онъ.

Рязанцевъ не понялъ его тона, чмокнулъ на лошадь, помолчалъ и нерѣшительно, но со вкусомъ сказалъ:

— Красивая дѣвка, а?.. Я ее знаю... Это того старичка внучка...

Юрій промолчалъ. Какое-то добродушное и веселое задумчивое очарованіе быстро сползло съ него и прежній Юрій уже ясно и твердо зналъ, что Санинъ дурной и пошлый человѣкъ.

Рязанцевъ какъ-то странно передернулъ плечами и головой и рѣшительно крикнулъ.

— А, чертъ... Ночь-то!.. Даже меня разобрало!.. Знаете, а не поѣхать ли намъ, а?

Юрій не сразу понялъ.

— Есть красивыя дѣвки... Поѣдемъ, а? — хихикающимъ голосомъ продолжалъ Рязанцевъ.

Юрій густо покраснѣлъ въ темнотѣ. Запретное чувство шевельнулось въ немъ съ животной жаждой, жуткія и любопытныя представленія кольнули его вспыхнувшій мозгъ, но онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и сухо отвѣтилъ:

— Нѣтъ, пора домой...

И зло прибавилъ:

— Ляля насъ ждетъ.

Рязанцевъ вдругъ сжался, какъ-то осунулся и сталъ меньше.

— Ну, да... впрочемъ... пора и въ самомъ дѣлѣ... — торопливо пробормоталъ онъ.

Юрій, отъ злобы и омерзенія стискивая зубы и съ ненавистью глядя въ широкую спину въ бѣломъ пиджакѣ, проговорилъ:

— Я, вообще, не охотникъ до такихъ походовъ.

— Ну, да... ха-ха... — трусливо и непріязненно засмѣялся Рязанцевъ и замолчалъ.

— Эхъ, чертъ... неловко вышло! — думалъ онъ.

Они молча доѣхали до дому и дорога показалась имъ безконечной.

— Вы зайдете? — спросилъ Юрій не глядя.

— Н-нѣтъ, у меня больной, знаете... а?.. Да и поздно, а? — нерѣшительно возразилъ Рязанцевъ.

Юрій слѣзъ съ дрожжекъ и хотѣлъ даже не брать ружья и дичи. Все, что принадлежало Рязанцеву, казалось ему теперь отвратительнымъ. Но Рязанцевъ сказалъ:

— А ружье?

И Юрій противъ воли вернулся, съ отвращеніемъ забралъ снаряды и птицъ, неловко подаль руку и ушелъ. Рязанцевъ тихо проѣхалъ нѣсколько сажень, и вдругъ, быстро свернувъ въ переулокъ, колеса затарахтѣли въ другую сторону. Юрій прислушался съ ненавистью и несознаваемой тайной завистью.

— Пошлакъ! — пробормоталъ онъ и ему стало жаль Лялю.

XIV.

Занеся вещи въ домъ и не зная, что съ собой дѣлать, Юрій тихо вышелъ на крыльцо въ садъ.

Въ саду было темно, какъ въ безднѣ, и странно было видѣть надъ нимъ горящее звѣздами, блестящее небо.

На ступенькахъ крыльца задумчиво сидѣла Ляля, и ея маленькая сѣрая фигурка неопредѣленно мерещилась въ темнотѣ.

— Это ты, Юра? — спросила она.

— Я, — отвѣтилъ Юрій и, осторожно спустившись внизъ, сѣлъ съ нею рядомъ. Ляля мечтательно положила голову ему на плечо. Отъ ея неприкрытыхъ волосъ въ лицо Юрію пахнуло свѣжимъ, чистымъ и теплымъ запахомъ. Это былъ женскій запахъ и Юрій съ бессознательнымъ, но тревожнымъ наслажденіемъ вдохнулъ его.

— Хорошо поохотились? — ласково спросила Ляля и помолчавъ прибавила тихо и нѣжно: — а гдѣ Анатолій Павловичъ?.. Я слышала, какъ вы подѣхали.

— Твой Анатолій Павловичъ — грязное животное! — хотѣлъ крикнуть Юрій съ внезапнымъ приливомъ злобы, но вмѣсто того неохотно отвѣтилъ. — право не знаю... къ больному поѣхалъ.

— Къ больному... — машинально повторила Ляля и замолчала, глядя на звѣзды.

Она не огорчилась, что Рязанцевъ не зашелъ къ ней: дѣвушка хотѣлось побыть одной, чтобы его присутствіе не помѣшало ей обдумать наполняющее ея молодую душу и тѣло, такое дорогое ей, такое таинственное и важное чувство. Это было чувство какого то желаннаго и неизбежнаго, но жуткаго перелома, за которымъ должна отпасть вся прежняя жизнь и должно начаться новое. До того новое, что сама Ляля должна тогда стать совсѣмъ другой.

Юрію странно было видѣть всегда веселую и смѣшливую Лялю такой тихой и задумчивой. Оттого, что онъ самъ былъ весь наполненъ грустными раздраженными чувствами, Юрію все — и Ляля, и далекое звѣздное небо, и темный садъ — все казалось печальнымъ и холоднымъ. Юрій не понималъ, что подъ этой беззвучной и неподвижной задумчивостью была не грусть, а полная жизнь: въ далекомъ небѣ мчалась неизмѣрно могучая невѣдомая сила, темный садъ изо всѣхъ силъ тянулъ изъ земли живые соки, а въ груди у тихой Ляли было такое полное счастье, что она боялась всякаго движенія, всякаго впечатлѣнія, которое могло нарушить это очарованіе, заставить замолчать ту, такую же блестящую, какъ звѣздное небо и такую же заманчиво-тайнственную, какъ темный садъ, музыку любви и желанія, которая безконечно звучала у нея въ душѣ.

— Ляля... ты очень любишь Анатолія Павловича? — тихо и осторожно, точно боясь разбудить ее, спросилъ Юрій.

— Развѣ можно объ этомъ спрашивать? — не подумала, а почувствовала Ляля, но сейчасъ же опомнилась и благодарно прижалась къ брату за то, что онъ заговорилъ съ нею не о чемъ нибудь другомъ, ненужномъ и мертвомъ для нея теперь, а именно о любимомъ человѣкѣ.

— Очень, — отвѣтила она такъ тихо, что Юрій скорѣе угадалъ, чѣмъ услышалъ, и сдѣлала мужественное усиліе, чтобы улыбкой удержать счастливыя слезы, выступавшія на глазахъ.

Но Юрію въ ея голосѣ послышалась тоскливая нотка, и еще больше жалости къ ней и ненависти къ Рязанцеву явилось въ немъ.

— За что же? — невольно спросилъ онъ, самъ пугаясь своего вопроса.

Ляля удивленно посмотрѣла на него, но не увидѣла его лица и тихонько засмѣялась.

— Глу-упый!.. За что!.. За все.... Развѣ ты самъ никогда не былъ влюбленъ?.. Онъ такой хорошій, добрый, честный...

— ...красивый, сильный! — хотѣла добавить Ляля, но до слезъ покраснѣла въ темнотѣ и не сказала.

— А ты его хорошо знаешь? — спросилъ Юрій.

— Эхъ, не надо этого говорить, — подумалъ онъ съ грустью и раздраженіемъ: — зачѣмъ?.. Разумѣется, онъ кажется ей лучше всѣхъ на свѣтѣ!

— Анатолій ничего отъ меня не скрываетъ! — съ застѣнчивымъ торжествомъ отвѣтила Ляля.

— И ты въ этомъ увѣрена? — криво усмѣхнулся Юрій, чувствуя, что уже не можетъ остановиться.

Въ голосѣ Ляли зазвучало безпокойное недоумѣніе, когда она отвѣтила.

— Конечно, а что развѣ?

— Ничего, я такъ... — испуганно возразилъ Юрій.

Ляля помолчала. Нельзя было понять, что въ ней происходитъ.

— Можетъ быть, ты что нибудь знаешь... такое? — вдругъ спросила она и странный, болѣзненный звукъ ея голоса поразилъ и испугалъ Юрія.

— Да, нѣтъ... Я такъ. Что я могу знать, а тѣмъ болѣе объ Анатоліи Павловичѣ?

— Нѣтъ... ты не сказалъ бы такъ! — звенящимъ голосомъ настаивала Ляля.

— Я просто хотѣлъ сказать, что вообще... — путался Юрій, уже замирая отъ стыда: — мы, мужчины, порядочно таки испорчены... всѣ...

Ляля помолчала и вдругъ облегченно засмѣялась.

— Ну, это-то я знаю...

Но смѣхъ ея показался Юрію совершенно неумѣстнымъ.

— Это не такъ легко, какъ тебѣ кажется! — съ раздраженіемъ и злой ироніей возразилъ онъ: — да и не можешь ты всего знать... Ты себѣ еще и представить не можешь всей гадкости жизни... ты еще слишкомъ чиста для этого!

— Ну, вотъ, — польщенно усмѣхнулась Ляля, но сейчасъ же положивъ руку на колѣно брата, серьезно заговорила: — ты думаешь, я объ этомъ не думала? Много думала и мнѣ всегда было больно и обидно: почему мы такъ дорожимъ своей чистотой, репутаціей... боимся шагъ сдѣлать... ну, пасть, что ли, а мужчины чуть не подвигомъ считаютъ соблазнить женщину... Это ужасно не справедливо, не правда-ли?

— Да, — горько отвѣтилъ Юрій, съ наслажденіемъ бичуя свои собственные воспоминанія и въ то же время сознавая, что онъ, Юрій, все-таки совсѣмъ не то, что другіе. — Это одна изъ величайшихъ несправедливостей въ мірѣ... Спроси любого изъ насъ: женится-ли онъ на публичной женщинѣ, — хотѣлъ сказать Юрій, но подумалъ и сказалъ: — на коготкѣ, и всякій отвѣтитъ отрицательно... А чѣмъ, въ сущности говоря, всякій мужчина лучше коготки?.. Та, по крайней мѣ-

рѣ, продается за деньги, ради куска хлѣба, а мужчина просто... распушенно развратничаетъ и всегда въ самой гнусной, извращенной формѣ....

Ляля молчала.

Невидимая летучая мышь быстро и робко влетѣла подъ балконъ, раза два ударилась шуршащимъ крыломъ о стѣну и съ легкимъ звукомъ выскользнула вонъ. Юрій помолчалъ, прислушиваясь къ этому таинственному звуку ночной жизни, и заговорилъ опять, все больше и больше раздражаясь и увлекаясь своими словами.

— А хуже всего то, что всѣ не только знаютъ это и молчать, какъ будто такъ и надо, но даже разыгрываютъ сложные трагикомедіи... освящаютъ бракъ... лгутъ, что называются, и передъ Богомъ и передъ людьми!.. И всегда самыя чистыя, святыя дѣвушки, — прибавилъ онъ, думая о Карсавиной, и къ кому то ревнуя ее: — достаются самымъ испорченнымъ, самымъ грязнымъ, порой даже зараженнымъ мужчинамъ... Покойный Семеновъ однажды сказалъ, что чѣмъ чище женщина, тѣмъ грязнѣе мужчина, который ею обладаетъ... И это правда!

— Развѣ? — странно спросила Ляля.

— О, еще бы! — съ взрывомъ горечи усмѣхнулся Юрій.

— Не знаю... — вдругъ проговорила Ляля и въ голосъ ея задрожали слезы.

— Что? — не разслышавъ, переспросилъ Юрій.

— Неужели и Толя такой же, какъ и всѣ! — сказала Ляля, первый разъ такъ называя Рязанцева при братѣ, и вдругъ заплакала.

— Ну, конечно... такой же! — выговорила она сквозь слезы.

Юрій съ ужасомъ и болью схватилъ ее за руки.

— Ляля, Ляличка... что съ тобой!.. Я вовсе не хотѣлъ... Милая... перестань, не плачь! — безсвязно повторялъ онъ, отнимая отъ лица и цѣлуя ея мокрые маленькіе пальчики.

— Нѣтъ... я знаю... это правда... — повторила Ляля, задыхаясь отъ слезъ.

Хотя она и говорила, что уже думала объ этомъ, но это только казалось ей: на самомъ дѣлѣ она никогда не представляла себѣ тайную жизнь Рязанцева. Она, конечно, знала, что онъ не могъ любить ее первую, и понимала, что это значитъ, но это сознаніе какъ то не переходило въ ясное представленіе, только скользя по душѣ.

Она чувствовала, что любить его и что онъ любить ее, и это было самое главное, остальное было уже не важно, но теперь, оттого, что братъ говорилъ съ рѣзкимъ выраженіемъ осужденія и презрѣнія, ей казалось, что передъ ней раскрывается бездна, что это безобразно, непоправимо, что въ ней навѣки рухнуло невозвратимое счастье и она уже не можетъ больше любить Рязанцева.

Юрій, чуть самъ не плача, уговаривалъ ее, цѣловалъ, гладилъ по волосамъ, но она все плакала, горько и безнадежно

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! — какъ ребенокъ захлебываясь слезами, приговаривала Ляля. и оттого что было темно, она казалась такой маленькой и жалкой. а слезы ея такими безпомощно горькими, что Юрій почувствовалъ невыносимую жалость.

Блѣдный и растерянный онъ побѣждалъ въ домъ, больно стукнулся вискомъ о дверь и принесъ, разливая на полъ и себѣ на руки, стаканъ воды.

— Ляличка, перестань же... Ну, можно ли такъ!.. Что съ тобой!.. Анатолій Павловичъ можетъ быть лучше другихъ... Ляля! — твердилъ онъ съ отчаяніемъ.

Ляля вся тряслась отъ рыданій и зубы ея безсильно колотились о края стакана.

— Что тутъ такое? — встревоженно спросила горничная, появляясь въ дверяхъ. — Барышня, что-й то вы!..

Ляля, опираясь на крыльцо, встала и не переставая плакать, шатаясь и вздрагивая, пошла въ комнаты.

— Барышня, голубушка, что съ вами.. Можетъ, барина позвать?.. Юрій Николаевичъ!..

Изъ своего кабинета твердой и мѣрной походкой вышелъ Николай Егоровичъ и остановился въ дверяхъ, съ удивленіемъ глядя на плачущую Лялю.

— Что случилось? — спросилъ онъ.

— Да, такъ... пустяки, — насильно улыбаясь, отвѣтилъ Юрій: — говорили о Рязанцевѣ.. ерунда!

Николай Егоровичъ пытливо посмотрѣлъ на него, что то подумалъ и вдругъ на его стариковскомъ лицѣ бывшего джентельмена выразилось крайнее негодованіе.

— Чертъ знаетъ что такое! — круто пожалъ онъ плечами и, повернувшись налѣво кругомъ, ушелъ.

Юрій страшно покраснѣлъ, хотѣлъ сказать что то грубое, но ему стало мучительно стыдно, и чего то страшно. Чувствуя оскорбленную злобу противъ отца, растерянную жалость къ

Лялѣ и болѣзненное презрѣніе къ себѣ, онѣ тихо вышелъ на крыльцо, сошелъ по ступенькамъ и пошелъ въ садъ.

Маленькая лягушенка порывисто пискнула и дернулась у него подъ ногой, лопнувъ, какъ раздавленный жолудь. Юрій поскользнулся, весь вздрогнулъ и охнувъ далеко отскочилъ въ сторону. Онѣ долго машинально теръ ногой о мокрую траву, чувствуя въ спинѣ нервный холодъ отвращенія.

Тоска въ душѣ и гадкое брезгливое чувство въ ногѣ заставили его болѣзненно морщиться. Все казалось Юрію нуднымъ и мерзкимъ. Ощупью онѣ нашелъ въ темнотѣ скамью и сѣлъ, напряженными, сухими и злыми глазами вглядываясь въ садъ и ничего не видя, кромѣ расплывчатыхъ пятенъ мрака. Въ головѣ у него копошились тусклые и тяжелые мысли.

Онѣ смотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ въ темной травѣ, гдѣ то умирала или, быть можетъ, въ страшныхъ мученіяхъ уже умерла раздавленная имъ маленькая лягушка. Тамъ принялъ конецъ цѣлый міръ, полный своеобразной и самостоятельной жизни, но дѣйствительно ужаснаго, невообразимо страдальческаго конца его не было ни слышно, ни видно.

И какими то неуловимыми путями Юрію пришла въ голову мучительная и непривычная для него мысль, что все занимающее его жизнь, даже самое важное, ради чего онѣ одно любилъ, а другое ненавидѣлъ, иное отталкивалъ противъ желанія, а иное принималъ противъ воли, все это — и добро и зло — только легкое облако тумана вокругъ одного его. Для міра, въ его огромномъ цѣломъ, всѣ его мучительнѣйшія и искреннѣйшія переживанія такъ же не существуютъ, какъ и эти невѣдомыя страданія маленькаго животнаго. Воображая, что его страданія, его умъ и его добро и зло ужасно важны кому нибудь, кромѣ него самого, онѣ нарочно и явно бессмысленно плелъ какую-то сложную сѣть между собой и міромъ. И одинъ моментъ смерти сразу порветъ всѣ эти сѣти и оставитъ его одного безъ оплаты и итога.

Опять ему вспомнился Семеновъ и равнодушіе покойнаго студента къ самымъ завѣтнымъ мыслямъ и цѣлямъ, такъ глубоко волновавшимъ его, Юрія, и миллионы ему подобныхъ, вдругъ глубоко отѣнилось тѣмъ наивнымъ и откровеннымъ любованіемъ жизнью, удовольствіемъ, женщинами, луной и соловьинымъ свистомъ, которое такъ поразило и даже непри-

ятно кольнуло его на другой день послѣ скорбнаго разговора съ Семеновымъ.

Тогда ему было непріятно: какъ могъ онъ, Семеновъ, придавать значеніе такимъ пустякамъ, какъ катанью на лодкѣ и красивымъ тѣломъ дѣвушекъ, послѣ того, какъ онъ сознательно оттолкнулъ самыя глубокія мысли и высокія понятія; но теперь Юрій легко понялъ, что иначе и быть не могло: всѣ эти пустяки были жизнью — настоящей, полной захватывающихъ переживаній и влекущихъ наслажденій жизнью, а всѣ великія понятія были лишь пустыми, ничего не предрѣшающими въ необъятной тайнѣ жизни и смерти, комбинаціями словъ и мыслей. Какъ бы они ни казались важными и окончательными, послѣ нихъ будутъ и не могутъ не быть не менѣе значительныя и послѣднія слова и мысли.

Этотъ выводъ былъ такъ несвойственъ Юрію и такъ неожиданно сплелся изъ его мыслей о добрѣ и злѣ, что Юрій растерялся. Передъ нимъ открылась какая то пустота и на одну секунду острое ощущеніе ясности и свободы, похожее на то чувство, которое во снѣ подымаетъ человѣка на воздухъ, чтобы онъ летѣлъ, куда хочетъ, озарило его мозгъ. Но Юрій испугался. Страшнымъ напряженіемъ онъ собралъ всѣ распавшіяся привычныя мысли и понятія о жизни и пугающее, слишкомъ смѣлое ощущеніе исчезло. Стало вновь темно и сложно.

Одну минуту Юрій готовъ былъ допустить, что смыслъ настоящей живой жизни въ осуществленіи своей свободы, что естественно, а слѣдовательно и хорошо жить только наслажденіями, что даже Рязанцевъ, со своей точки зрѣнія единицы низшаго разбора, цѣльнѣе и логичнѣе его, стремясь къ возможно большимъ половымъ наслажденіямъ, какъ острѣйшимъ жизненнымъ ощущеніямъ. Но по этой мысли надо было допустить, что понятіе о развратѣ и чистотѣ—сухія листья, прикрывающія молодую свѣжую траву и даже самыя поэтическія пѣломудренныя дѣвушки, даже Ляля и Карсавина, имѣютъ право свободно окунуться въ самый потокъ чувственныхъ наслажденій. И Юрій испугался своей мысли, счелъ ее грязной и кощунственной, ужаснулся тому, что она возбуждаетъ его, и вытѣснилъ ее изъ головы и сердца привычными, тяжелыми и грозными словами.

— Ну, да, — думалъ онъ, глядя въ бездонное блестящее небо, запыленное звѣздами: жизнь — ощущеніе, но люди не бессмысленныя звѣри и должны направлять свои желанія къ

добру и не давать имъ власти надъ собою... «Что, если есть Богъ надъ звѣздами!» — вспомнилъ Юрій и жуткое чувство смутнаго благоговѣнія придавило его къ землѣ. Онъ не отрываясь смотрѣлъ на большую блестящую звѣзду въ хвостѣ большой медвѣдицы и бессознательно вспомнилъ, что мужикъ Кузьма, съ бахчи, называлъ эти величавыя звѣзды «возомъ».

Почему то, тоже бессознательно, это воспоминаніе показалось неумѣстнымъ и даже какъ будто оскорбило его. Онъ сталъ смотрѣть въ садъ, послѣ звѣзднаго неба казавшійся со всѣмъ чернымъ, и опять началъ думать:

— Если лишить міръ женской чистоты, такъ похожей на первые весенніе, еще совсѣмъ робкіе, но такіе прекрасные и трогательные цвѣты, то что же святого останется въ чело-вѣкѣ?...

Тысячи молодыхъ, прекрасныхъ и чистыхъ, какъ весенніе цвѣты, дѣвушекъ въ солнечномъ свѣтѣ, на весенней травѣ, подъ цвѣтущими деревьями представились ему. Невысокія груди, круглыя плечи, гибкія руки, стройныя бедра, изгибаясь стыдливо и таинственно, мелькнули передъ его глазами и голова его сладко закружилась въ сладостраствомъ восторгѣ.

Юрій медленно провелъ рукой по лбу и вдругъ опомнился.

— У меня нервы разстроились... надо идти спать.

Неудовлетворенный, разстроенный и еще томимый мгновеннымъ сладострастнымъ видѣніемъ, Юрій съ безпредметной злобой въ душѣ, порывисто дѣлая всѣ движенія, пошелъ въ домъ.

И уже лежа въ постели и тщетно стараясь заснуть, онъ вспомнилъ Рязанцева и Лялю.

— Почему, собственно, такъ возмущаетъ, что Рязанцевъ любить Лялю не одну и не первую?...

Мысль не дала ему отвѣта, но передъ нимъ, возбуждая тихую нѣжность, и невыразимо пріятно лаская разгоряченный мозгъ, выплылъ образъ Зины Карсавиной, и какъ ни старался онъ затемнить свое чувство, стало понятно, зачѣмъ нужно ему, чтобы она была чистой и нетронутой.

— А вѣдь я люблю ее! — въ первый разъ подумалъ Юрій и эта мысль вдругъ вытѣснила всѣ остальные и вызвала на глаза влажность умиленія своимъ новымъ чувствомъ... Но въ слѣдующую минуту Юрій съ озлобленной насмѣшкой уже спрашивалъ себя: — А почему я самъ любилъ другихъ женщинъ прежде нея?.. Правда, я не зналъ еще о ея существо-

ваніи, но вѣдь и Рязанцевъ не зналъ о Лялѣ. И въ свое время мы оба думали, что та женщина, которою мы хотимъ обладать въ настоящій моментъ, и есть, «настоящая», самая нужная и подходящая намъ. Мы ошибались, но можетъ быть, ошибаемся и, теперь!.. Значить, или хранить вѣчное цѣломудріе, или дать полную свободу себѣ... и женщинѣ, конечно, наслаждаться любовью и страстью... Впрочемъ, что жъ я, — съ облегченіемъ перебилъ себя Юрій: — Рязанцевъ... не то скверно, что онъ любилъ, а то, что онъ и теперь продолжаетъ пользоваться нѣсколькими женщинами, а я нѣтъ...

Эта мысль наполнила Юрія чувствомъ гордости и чистоты, но только на мгновение, а слѣдующую минуту онъ опять вспомнилъ о чувствѣ, охватившемъ его при видѣніи тысячъ пронизанныхъ солнцемъ, гибкихъ и чистыхъ дѣвушекъ, и смутился въ полномъ безсиліи овладѣть собой и справиться съ хаосомъ чувствъ и мыслей.

Юрій почувствовалъ, что ему неудобно лежать на правомъ боку и съ неловкимъ усиліемъ повернулся.

Въ сущности, — подумалъ онъ: — всѣ женщины какихъ я только зналъ, не могли бы меня удовлетворить на всю жизнь... Значить то, что я называлъ настоящей любовью, неосуществимо и мечтать о ней просто глупо!..

Юрію стало неловко и на лѣвомъ боку, и, путаясь вспотѣвшимъ липкимъ тѣломъ въ сбившейся горячей простынѣ, онъ перевернулся опять. Было жарко и неудобно. Начинала болѣть голова.

— Цѣломудріе — идеалъ, но человечество погибло бы при осуществленіи этого идеала, — неожиданно пришло ему въ голову: — значить, это нелѣпость. А.. тогда и вся жизнь — нелѣпость! — съ такой злобой стискивая зубы, что передъ глазами завертѣлись золотые круги, почти вслухъ сказалъ Юрій.

И до самаго утра, лежа въ тяжелой и неудобной позѣ, съ тупымъ отчаяніемъ въ душѣ, Юрій ворочалъ похожія на камни, тяжелыя и противорѣчивыя мысли.

Наконецъ, чтобы выпутаться изъ нихъ, онъ сталъ увѣрять себя, что онъ самъ — дурной, излишне сладострастный и эгоистичный человѣкъ, и его сомнѣнія — просто скрытая похоть. Но это только еще тяжелѣе придавило душу, подняло въ мозгу сумбуръ самыхъ разнообразныхъ представлений и мучительное состояніе разрѣшилось, наконецъ, вопросомъ:

— Да съ какой стати я себя такъ мучаю, наконецъ?

И съ чувствомъ отвращенія къ самому процессу какого бы то ни было мышленія, въ тупой нервной усталости Юрій заснулъ.

XV.

Ляля до тѣхъ поръ плакала въ своей комнатѣ, уткнувшись лицомъ въ подушку, пока не заснула. Утромъ она встала съ больной головой и напухшими глазами.

Первой ея мыслью было то, что не надо плакать, потому что сегодня, къ обѣду, пріѣдетъ Рязанцевъ и ему будетъ неприятно, что у нея заплаканное некрасивое лицо. Но сейчасъ же она вспомнила, что все равно все кончено и нельзя больше любить, ощутила острое горе и жгучую любовь и опять заплакала.

— Какая гадость, какая мерзость! — прошептала Ляля, чувствуя, что задыхается отъ горькихъ, еще невыплаканныхъ слезъ. — За что?... За что?... — твердила она и въ душѣ у нея была неисходная грусть о навѣки ушедшемъ, невозвратимомъ счастьѣ.

Ей было удивительно и гадко, что Рязанцевъ могъ такъ легко и постоянно лгать ей.

— И не онъ одинъ, а, значитъ, и всѣ лгали, — съ недоумѣніемъ думала Ляля: — вѣдь всѣ, рѣшительно всѣ радовались нашей свадьбѣ и говорили, что онъ хорошій, честный человѣкъ!.. Нѣтъ, впрочемъ... они не лгали, а просто не считали этого... дурнымъ... Какая гадость!

И Лялѣ стало противно смотрѣть на привычную обстановку, напоминающую людей, теперь противныхъ ей. Она прислонилась лицомъ къ стеклу окна и стала сквозь слезы смотрѣть въ садъ.

На дворѣ было пасмурно и шелъ рѣдкій, но крупный дождь. Капли тяжело постукивали по стеклу и быстро сбѣгали внизъ, а Лялѣ было трудно различить, когда слезы, а когда дождевыя капли застилали передъ нею садъ. Въ саду было сыро, и повисшія мокрыя листья были блѣдны и печально вздрагивали. Стволы деревьевъ почернѣли отъ воды и мокрая трава забито прилегла къ грязной землѣ,

И Лялѣ казалось, вся ея жизнь несчастна, будущее безнадежно, прошедшее черно.

Горничная приходила звать ее пить чай, но Ляля долго не понимала ея словъ. Потомъ, въ столовой, ей было стыдно,

когда съ ней заговаривалъ отецъ. Ей казалось, что онъ говорить съ нею съ особенной жалостью, что уже всѣ знаютъ, что ее грязно и гадко обманулъ любимый человѣкъ. Во всякомъ словѣ ей слышалась эта оскорбительная жалость и Ляля ушла къ себѣ. Она опять сѣла къ окну и глядя въ плачущій сѣрый садъ, стала думать:

— Зачѣмъ онъ лицемѣрилъ?... Зачѣмъ такъ обидѣлъ?... Значить онъ не любитъ меня?... Нѣтъ, Толя меня не любить... и я его люблю! Такъ въ чемъ-же дѣло? Да, онъ обманулъ меня: онъ еще раньше любилъ какихъ-то другихъ, скверныхъ женщинъ! И онѣ любили его... Какъ я? — спросила себя Ляля съ наивнымъ и жгучимъ любопытствомъ. — Вотъ вздоръ, какое мнѣ теперь до этого дѣло? Вѣдь съ ними онъ обманулъ меня и теперь все кончено! Какая я бѣдная, несчастная.... Ну, нѣтъ мнѣ есть дѣло: онъ меня обманывалъ! Ну, а если-бы признался? Все равно! Это гадко.... онъ уже ласкалъ другихъ, какъ меня и даже больше... Это ужасно! Какая я несчастная....

Вотъ лягушка по дорожкѣ

Скачетъ вытянувши ножки!

— мысленно пропѣла Ляля, глядя на маленькій сѣрый комочекъ, боязливо прыгавшій черезъ мокрую, скользкую дорожку.

— Да, я несчастна и все кончено! — опять подумала она, когда лягушка ускакала въ траву. — Для меня это было такъ чудно, такъ хорошо, а для него! старая, привычная вещь... Потому-то онъ всегда избѣгалъ говорить о прошломъ! Оттого мнѣ казалось, что все время у него лицо такое, будто онъ что-то думаетъ... Онъ думалъ: все это я знаю, все знаю и что ты чувствуешь знаю, и то, что сейчасъ сдѣлаешь... А я то!.. Какъ стыдно, какъ гадко... Никогда, никогда, никогда я уже не буду никого любить!

Ляля заплакала и положила голову щекой на холодный подоконникъ, сквозь слезы наблюдая, въ какую сторону идутъ тучи.

— А вѣдь Толя сегодня пріѣдетъ обѣдать! — съ испугомъ вдругъ вспомнила она и вскочила съ мѣста. — Что же я ему скажу? Что надо говорить въ такихъ случаяхъ?

Ляля раскрыла ротъ и уставилась въ стѣну испуганными недоумѣвающими глазами.

— Надо спросить Юрія! — вспомнила она и успокоилась.

— Милый Юрій! Какой онъ честный и хорошій, — съ нѣжными слезами на глазахъ подумала Ляля, и такъ же стремительно, не откладывая, какъ всегда все дѣлала, пошла къ Юрію.

Но тамъ сидѣлъ Шафровъ и говорилъ о какихъ-то дѣлахъ. Ляля съ недоумѣніемъ остановилась въ дверяхъ.

— Здравствуйте, сказала она задумчиво.

— Здравствуйте, — поздоровался Шафровъ, — идите къ намъ, Людмила Николаевна... тутъ такое дѣло, что ваша помощь необходима.

Ляля, все съ такимъ же недоумѣвающимъ лицомъ, покорно сѣла къ столу и машинально стала перебирать пальцами зеленые и красные брошюры, кучами наваленныя повсюду.

— Видите ли, въ чемъ дѣло, — поворачиваясь къ ней съ такимъ видомъ, точно ему предстояло объяснить ей что-то страшно запутанное и длинное, — заговорилъ Шафровъ: — Курскіе товарищи находятся въ крайне стѣсненномъ положеніи... надо имъ непремѣнно помочь. Вотъ я придумалъ дать концертъ... а?

При этой знакомой прибавкѣ „а?“ Ляля вспомнила, зачѣмъ она пришла, и взглянула на Юрія съ довѣріемъ и надеждой.

Отчего же, это очень хорошо... — машинально отвѣтила она, удивляясь, что Юрій совсѣмъ не смотритъ на ее.

Послѣ вчерашнихъ Лялиныхъ слезъ и собственныхъ ночныхъ думъ, Юрій чувствовалъ себя разбитымъ и неготовымъ отвѣчать Лялѣ. Онъ ожидалъ, что сестра придетъ за совѣтами, и терялся въ полномъ безсиліи прійти къ какому-нибудь удовлетворительному рѣшенію. Какъ онъ не могъ отказаться отъ своихъ словъ, разубѣдить Лялю и толкнуть ее обратно къ Рязанцеву, такъ онъ не могъ и нанести рѣшительный ударъ ея наивному, птичьему счастью.

— Вотъ мы рѣшили такъ, — продолжалъ Шафровъ, еще больше придвигаясь къ Лялѣ, точно дѣло все усложнялось и запутывалось: — пригласимъ пѣть Санину и Карсавину... сначала онѣ споютъ соло, потомъ дуэтомъ... У одной контральто, у другой сопрано, это будетъ красиво... Потомъ я сыграю на скрипкѣ. Потомъ споетъ Зарудинъ, а Танаровъ будетъ аккомпанировать...

— Развѣ офицеры будутъ участвовать въ такомъ концертѣ? — такъ же машинально, думая совсѣмъ о другомъ, спросила Ляля.

— О, будутъ! — замахалъ руками Шафровъ. — Только бы согласилась Санина, а они отъ нея не отстанутъ. При томъ Зарудинъ радъ пѣть гдѣ угодно, лишь бы пѣть. А это привлечетъ къ намъ офицеровъ и мы сборъ сдѣлаемъ на славу...

Карсавину пригласите, — посовѣтовала Ляля, съ печальнымъ недоумѣніемъ глядя на брата. — Не можетъ быть, чтобы онъ забылъ, — думала она: — какъ же онъ можетъ разговаривать объ этомъ дурацкомъ концертѣ, когда я...

— Да вѣдь я же и говорю! — удивился Шафровъ.

— Ахъ да, — слабо улыбнулась Ляля. — Ну... а Лида Санина... да, впрочемъ, вы говорили...

— Ну, да, ну, да, — киваль головой Шафровъ. — Но кого бы еще, а?

— Не знаю, растерянно сказала Ляля, — у меня голова болитъ что-то.

Юрій быстро оглянулся на нее и со страданіемъ отвернулся къ книгамъ. Съ блѣднымъ личикомъ и большими потемнѣвшими глазами она показалась ему удивительно слабенькой и печальной.

— Ахъ зачѣмъ, зачѣмъ я сказалъ ей это, — подумалъ онъ: — и для меня-то самого это такъ неясно, и для всѣхъ это проклятый вопросъ, а для ея маленькой души... Зачѣмъ я сказалъ!

Онъ чуть не дернулъ себя за волосы.

— Барышня, — позвала изъ дверей горничная: — Анатолій Павловичъ пріѣхали...

Юрій опять испуганно оглянулся на Лялю и, встрѣтивъ ея остановившійся страдальческій взглядъ, растерянно сказалъ Шафрову:

— Вы читали Чарльза Брэдло?..

— Читаль. Мы вмѣстѣ съ Дубовой и Карсавиной читали. Любопытная вещь.

— Да... А развѣ онъ пріѣхали?

— Да.

— Когда? съ тайнымъ волненіемъ спросилъ Юрій.

— Еще позавчера.

— Развѣ? — переспросилъ Юрій, прислушиваясь къ тому, что дѣлаетъ Ляля. — Ему было мучительно стыдно и страшно, точно онъ обманулъ Лялю.

Ляля постояла, потрогала что-то на столѣ и нерѣшительно пошла къ двери.

— Что я надѣлалъ! — съ искреннимъ чувствомъ прислушиваясь къ ея необычнымъ неровнымъ шагамъ, подумалъ Юрій.

Ляля прошла въ залъ, чувствуя, что внутри ея все застыло въ напряженно скорбномъ недоумѣніи. Было похоже, точно она заблудилась въ туманномъ лѣсу. По дорогѣ она взглянула въ зеркало и увидѣла тамъ потемнѣвшее больное лицо.

— Ну, и пусть... пусть видитъ! — подумала она.

Посреди столовой стоялъ Рязанцевъ и говорилъ Николаю Егоровичу своимъ веселымъ, барски самоувѣреннымъ голосомъ:

Явленіе это, конечно, странное, но оно совершенно безвредно...

При звукахъ его голоса что-то вздрогнуло и оборвалось въ груди Ляли. Увидѣвъ ее, Рязанцевъ круто оборвалъ рѣчь, подошелъ къ ней и такъ подаль ей обѣ руки, точно хотѣлъ обнять, но чтобы это движеніе было замѣтно и понятно только ей одной.

Ляля снизу взглянула ему въ лицо и губы у нея вздрогнули. Она молча и съ усиліемъ высвободила свою руку и пройдя въ залъ, открыла стеклянную дверь на балконъ. Рязанцевъ съ спокойнымъ удивленіемъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ.

Моя Людмила Николаевна изволятъ сердиться, — съ шутилой важностью сказалъ онъ Николаю Егоровичу.

Николай Егоровичъ захохоталъ.

— Ну, что жъ, идите мириться!

— Ничего не подѣлаешь! — комически вздохнулъ Рязанцевъ и вышелъ за Лялей на балконъ.

Дождь все шелъ и его тонкій водяной звукъ непрестанно стоялъ въ воздухѣ. Но тучи, свѣтлѣя и рѣдѣя, уже расплывались вверху.

Прижавшись щекой къ мокрому, холодному дереву столба, Ляля выставила голову на дождь и ея волосы сразу намокли.

— Моя принцесса гнѣвается... Ляличка! — сказалъ Рязанцевъ и потянулъ ее къ себѣ, прижимаясь губами къ мокрымъ пахучимъ волосамъ.

И отъ этого прикосновенія, такого знакомаго и счастливаго, все растаяло въ груди Ляли и прежде, чѣмъ она успѣла сообразить что-нибудь, руки ея, почти противъ воли, обвилились вокругъ крѣпкой шеи Рязанцева и между долгими, дурманящими поцѣлуями Ляля сказала:

Я на тебя страшно сердита... ты гадкій!

И ей самой было странно, что ничего нѣтъ ни страшнаго, ни тяжелаго, ни непоправимаго, въ концѣ концовъ, какое ей дѣло! Лишь бы любить и быть любимой этимъ большимъ, красивымъ, съ такой широкой грудью человѣкомъ.

Но за обѣдомъ ей было стыдно смотрѣть на Юрія. съ недоумѣніемъ поглядывавшаго на сестру, и улучивъ мгновеніе, Ляля умоляюще прошептала ему:

— Я гадкая...

Юрій криво улыбнулся. Въ глубинѣ души онъ былъ радъ, что все кончилось такъ благополучно, но старался развить въ себѣ презрѣніе къ этой мѣщанской терпимости и мѣщанскому счастью. Онъ ушелъ къ себѣ въ комнату и почти до вечера просидѣлъ одинъ, а когда къ сумеркамъ посвѣтлѣло и прояснилось небо, взялъ ружье и пошелъ на охоту, на то же мѣсто, гдѣ былъ вчера съ Рязанцевымъ. О томъ, что произошло, Юрій старался не думать.

Послѣ дождя все болото ожило. Послышалась масса новыхъ, разнообразныхъ звуковъ и то тамъ, то тутъ трава шевелилась, какъ живая, отъ скрытой въ ней таинственной жизни. Лягушки дружно изо всѣхъ силъ заливались на всѣ голоса, какая то птица выводила несложныя скрипучія ноты, похожія на тррр., тррр., утки бойко крикали гдѣ-то близко, въ мокрой осоцѣ, но на выстрѣлъ не летѣли. Юрію и не хотѣлось стрѣлять. Онъ вскинулъ ружье на плечо и пошелъ домой, прислушиваясь и приглядываясь къ хрустальнымъ звукамъ и глубокимъ, то темнымъ, то яркимъ, краскамъ вечера.

— Хорошо, — думалъ онъ, — все хорошо, только чело-
вѣкъ безобразенъ.

Иадали онъ увидѣлъ огонекъ на бахчѣ и освѣщенные фигуры Кузьмы и того же Санина, сидѣвшихъ возлѣ самаго огня.

— Что онъ тутъ живеть, что ли? — съ удивленіемъ и любопытствомъ подумалъ Юрій.

Кузьма что то говорилъ и смѣялся, размахивая рукой. Смѣялся и Санинъ. Огонекъ, еще розовый, а не красный, какъ ночью, горѣлъ, какъ свѣчка; вверху мирно и мягко вызвѣждало небо. Пахло свѣжей землей и обрызнутой влагой травой.

Юрій почему то боялся, чтобы его не замѣтили, и ему было грустно, что онъ не можетъ пойти къ нимъ, что между ними и имъ стоитъ что-то непонятное, какъ будто даже несуществующее, пустое, но совершенно неодолимое, какъ пространство, лишенное воздуха,

Онъ почувствовалъ себя совершенно одинокимъ. Міръ съ его вечерними красками, огоньками, звѣздами, людьми и звуками, воздушный и свѣтлый, сталъ отдѣльно отъ Юрія, маленькаго и темнаго внутри, какъ темная комната, въ которой что-то томится и плачетъ. И чувство одинокой тоски такъ охватило его, что когда онъ проходилъ вдоль бахчи, сотни арбузовъ бѣлѣвшихъ въ сумеркахъ, напоминали ему человѣческіе черепа, разбросанные по полю.

XVI.

Лѣто развернулось, переполняясь тепломъ и свѣтомъ, и казалось, что между сверкающимъ голубымъ небомъ и истомленной отъ зноя землей дрожить и струится золотая дымка. Въ горячемъ маревѣ, размлѣвъ отъ жары и опустивъ неподвижныя листья, сонно стояли деревья и короткія, жидкія тѣни безпомощно лежали въ пыльной нагрѣтой травѣ.

Но въ комнатахъ было прохладно. Отсвѣты сада мягко зеленѣли на потолокъ, и странно живыя, когда все застыло въ знойномъ покоѣ, легко колыхались на окнахъ гардины.

Распахнувъ бѣлый китель, Зарудинъ медленно разхаживалъ изъ угла въ уголъ и съ особой, тщательно имъ выработанной, лѣнивой небрежностью, показывая крупные бѣлые зубы, дымилъ папирсой. А Танаровъ, весь взмокшій отъ поту, въ одной рубахѣ и рейтузахъ, лежалъ на диванѣ и украдкой озабоченно слѣдилъ за нимъ маленькими черными глазками. Ему до зарѣзу нужны были пятьдесятъ рублей, но онъ уже два раза просилъ ихъ у Зарудина и,

не рѣшаясь просить въ третій разъ, тоскливо ждалъ, когда Зарудинъ самъ вспомнить.

Зарудинъ помнилъ, но въ теченіе послѣдняго мѣсяца онъ проигралъ семьсотъ рублей и ему было жаль денегъ

— За нимъ же и такъ двѣсти пятьдесятъ, — думалъ онъ, не глядя на Танарова и понемногу раздражаясь отъ жары и обиды; — странно, честное слово!.. Мы, конечно, въ хорошихъ отношеніяхъ, но какъ ему не стыдно все таки... Хоть бы извинился, что много долженъ и тому подобное!.. Не дамъ! — съ жестокой радостью прибавилъ онъ мысленно.

Вошелъ деньщикъ, маленькій и веснучатый, вываленный въ пуху. Онъ криво и вяло остановился во фронтъ и, не глядя на Зарудина, сказалъ :

Вашбародъ, дозвольте доложить, что какъ ихъ благородіе требовали пива, такъ пиво все вышедши,

Зарудинъ съ вспыхнувшимъ раздраженіемъ невольно взглянулъ на Танарова.

— Ну, вотъ! — подумалъ онъ: — чортъ его знаетъ, это становится наконецъ невыносимо!.. Знаетъ, что у меня свободнаго гроша нѣтъ, а выдумываетъ еще пиво!..

— Водка опять же кончается. — прибавилъ солдатъ.

— Да, ну, пошелъ къ черту... Тамъ у тебя два рубля остались и купи, что нужно, — съ возрастающей досадой отмахнулся Зарудинъ.

— Никакъ нѣтъ, Ничего не осталось.

— Какъ такъ, что ты врешь! — останавливаясь возразилъ Зарудинъ.

— Такъ что ихъ благородіе приказали прачкѣ отдать, такъ я рубль семь гривенъ отдалъ, а тридцать копѣекъ на столъ въ кабинетѣ положилъ, вашбародъ...

— Ахъ, да... — притворно небрежно, краснѣя и волнуясь, отозвался Танаровъ: — я вчера сказалъ... неловко, знаешь... Цѣлую недѣлю баба ходитъ...

Красныя пятна появились на твердо выбритыхъ щекахъ Зарудина и подъ ихъ тонкой кожей недобро задвигались скулы. Онъ молча прошелся по комнатѣ и вдругъ остановился противъ Танарова.

— Послушай, — странно задрожавшимъ, остро-оскорбительнымъ голосомъ проговорилъ онъ: — я попросилъ бы тебя не распоряжаться моими деньгами...

Танаровъ весь вспыхнулъ и пришелъ въ движеніе.

— Гмъ, странно... такіе пустяки... оскорбленно про-
бормоталъ онъ, пожимая плечами.

— Дѣло не въ пустякахъ, — съ жестокимъ удоволь-
ствіемъ, точно мстя ему за что-то, возразилъ Зарудинъ : —
а въ принципѣ... Съ какой стати, скажи, пожалуйста!

— Я... — началъ было Танаровъ.

— Нѣтъ, ужъ я тебя попрошу! — настойчиво, тѣмъ
же угнетающимъ тономъ, перебилъ Зарудинъ : — наконецъ,
ты могъ бы мнѣ сказать... А это крайне неудобно!

Танаровъ безпомощно пошевелилъ губами и потупился,
перебирая задрожавшими пальцами перламутровый мунд-
штучекъ. Зарудинъ еще немного подождалъ отвѣта, потомъ
круто повернулся и, звеня ключемъ, полѣзъ въ столъ,

— На — купи, что нужно... — сердито, но уже спо-
койнѣе сказалъ онъ солдату, подавая сто рублей.

Слушаю, — отвѣтилъ солдатъ и, повернувшись налѣво
кругомъ, вышелъ.

Зарудинъ медленно, съ чувствомъ, щелкнулъ ключами
шкатулки и задвинулъ ящикъ. Танаровъ мелькомъ взгля-
нулъ на эту шкатулку, гдѣ лежали нужные ему пятьде-
сятъ рублей, проводилъ ихъ робкими, грустными глазами и,
вздохнувъ, скромно сталъ закуривать папиросу. Ему было
страшно обидно и въ то же время онъ боялся выразить эту
обиду, чтобы Зарудинъ не разсердился еще больше.

— Ну, что ему два рубля... — думалъ онъ : — вѣдь
знаетъ, какъ мнѣ нужны деньги...

Зарудинъ ходилъ по комнатѣ и сердце еще дрожало у
него отъ раздраженія, но понемногу онъ сталъ успокаивать-
ся, а когда деньщикъ принесъ пиво, Зарудинъ самъ съ
наслажденіемъ выпилъ стаканъ ледяной пѣнистой влаги и,
обсасывая кончики усовъ, заговорилъ, какъ будто ничего
не случилось :

А вчера у меня опять Лидка была... интересная,
братъ, дѣвка!.., Огонь!..

Танаровъ обиженно молчалъ.

Зарудинъ не замѣчая, медленно прошелся по комнатѣ
и глаза у него оживленно смѣялись какимъ то воспомина-
ніямъ. Здоровое, сильное тѣло млѣло отъ жары и горячія
возбуждающія мысли подмывали его. Вдругъ громко, точно
коротко заржавъ, засмѣялся и остановился.

Ты знаешь... вчера я хотѣлъ... — выговорилъ онъ
спеціальное, грубое и страшно унижительное для женщины

слово, — такъ она сначалаъ на дыбы встала... знаешь, у нея такой гордый огонекъ въ глазахъ иногда появляется...

Танаровъ, чувствуя, какъ быстро и жадно напрягается его тѣло, невольно распустилъ лицо въ липкую возбужденную улыбку.

— А потомъ такъ.. что меня самого чуть судороги не схватили! — вздрагивая отъ невыносимо остраго воспоминанія, докончилъ Зарудинъ.

— Везетъ тебѣ, чортъ возьми! — завистливо вскрикнулъ Танаровъ.

— Зарудинъ дома? — закричалъ съ улицы громогласный голосъ Иванова. — Можно къ вамъ?

Зарудинъ вздрогнулъ отъ неожиданности и, какъ всегда, испугался, не слышалъ ли кто-нибудь его разсказа о Лидѣ Саниной. Но Ивановъ кричалъ черезъ заборъ изъ переулка и его даже не было видно.

— Дома, дома! — крикнулъ Зарудинъ въ окно.

Въ передней послышались голоса и смѣхъ, точно туда ввалилась цѣлая толпа народу. Пришли Ивановъ, Новиковъ, ротмистръ Малиновскій, еще два офицера и Санинъ,

— Ур-ра! — оглушительно закричалъ Малиновскій, косо переступая порогъ и блеснувъ багрово краснымъ лицомъ, съ вздрагивающими налитыми щеками и пушистыми усами, похожими на два снопа ржи. — Здорово, ребята!..

— Эхъ, чортъ... опять четвертной выскочить! — съ досадой, отъ которой у него мигнули глаза, подумалъ Зарудинъ. Но онъ больше всего на свѣтѣ боялся, какъ бы ктонибудь не подумалъ, что онъ не самый щедрый, компанейскій и богатый человекъ, и потому широко улыбаясь крикнулъ:

— Откуда вы такой компаніей? Здорово!.. Эй, Черепановъ!.. Тащи водки и еще тамъ!.. Сбѣгай въ клубъ, скажи, чтобы прислали ящикъ пива... Пива хотите, господа... Жарко!

Когда появилась водка и пиво, шумъ усилился. Хохотали и гоготали, охваченные буйнымъ весельемъ, пили и кричали всѣ, Только Новиковъ былъ мраченъ и на его всегда мягкомъ и лѣнливомъ лицѣ, вспыхивало что то недоброе.

Вчера онъ узналъ, то, что до сихъ поръ оставалось для него неизвѣстнымъ, хотя уже весь городъ говорилъ объ

этомъ, и чувство невыносимой обиды и остраго ревниваго униженія въ первую минуту ошеломили его.

— Не можетъ быть! Вздоръ сплетни! — подумавъ онъ сначала и его мозгъ отказывался представить себѣ гордую, недоступно прекрасную Лиду, въ которую онъ былъ такъ чисто съ такимъ благоговѣніемъ, влюбленъ, въ безобразно грязной близости къ Зарудину, котораго онъ всегда считалъ бесконечно ниже и глупѣ себя. Но потомъ дикая животная ревность поднялась со дна души и заслонила, все. Была минута горькаго отчаянія, а потомъ страшной, почти стихійной ненависти и къ Лидѣ и главнымъ образомъ къ Зарудину. Это чувство было такъ непривычно для его мягкой, вялой души, что оно оказалось непереносимымъ и требовало исхода. Всю ночь онъ пробылъ на болѣзненной границѣ мучительной жалости къ себѣ и темной мысли о самоубійствѣ, а къ утру какъ то застылъ и странное, зловѣщее желаніе увидѣть Зарудина, одно осталось въ немъ.

Теперь, подъ выкрики шумныхъ и пьяныхъ голосовъ, онъ сидѣлъ въ сторонѣ, машинально и много пилъ пиво и каждымъ атомомъ своего напряженнаго существа слѣдилъ за всякимъ движеніемъ Зарудина, точно звѣрь, встрѣтившійся въ лѣсу съ другимъ звѣремъ, уже присѣвпій для прыжка, но притворяющійся, что ничего не видитъ.

Все, и улыбка, съ показываніемъ бѣлыхъ зубовъ, и красота, и смѣхъ, и голосъ Зарудина, било острыми толчками во что-то болѣзненное, что составляло, казалось, все существо Новикова.

— Зарудинъ, — сказалъ длинный и худой офицеръ, съ непомѣрно длинными, болтающимися передъ корпусомъ руками: — я тебѣ книгу принесъ...

И сквозь шумъ и гвалтъ Новиковъ сейчасъ же услышалъ имя Зарудина и его голосъ, точно всѣ молчали, а онъ одинъ говорилъ.

— Какую?

— Толстого „О женщинахъ“ — съ гордостью, но, какъ рапортъ отчетливо, отвѣтилъ длинный офицеръ и по его безцвѣтному длинному лицу было видно, что онъ радъ, что читаетъ Толстого и говорить о немъ.

— А вы Толстого почитываете? спросилъ Ивановъ, подмѣтивъ это гордое и наивное выраженіе.

— Фонъ-Дейцъ — толстовецъ! — пояснилъ пьяный Малиновскій и захохоталъ.

Зарудинъ взялъ тонкую красную брошюрку, перевернулъ нѣсколько страницъ и спросилъ:

— Интересно?

— А вотъ увидишь! — захлебываясь отъ восторга, отвѣтилъ фонъ-Дейцъ: — это я тебѣ доложу, голова!.. Кажется, что самъ все знаешь...

— А зачѣмъ... Виктору Сергѣевичу читать Толстого, когда собственные взгляды на женщинъ вполне опредѣлены... — негромко проговорилъ Новиковъ, не подымая глазъ отъ стакана.

— Изъ чего вы это заключаете? — осторожно спросилъ Зарудинъ, инстинктивно почувствовавъ нападеніе, но еще не догадываясь о немъ.

Новиковъ помолчалъ. Все въ немъ рвалось закричать, ударить въ лицо, въ красивое, самодовольное лицо Зарудина, сбить его съ ногъ и топтать въ дикомъ порывѣ жестокой выпущенной на волю злобы. Но слова не шли у него съ языка и самъ чувствуя, что говорить не то, что надо, и еще больше страдая и безумѣя отъ этого сознанія, Новиковъ криво усмѣхнулся и сказалъ:

— Достаточно на васъ посмотреть... чтобы заключить!

Странный зловѣщій звукъ его голоса прорѣзалъ общій шумъ и сразу все стихло, какъ передъ убійствомъ. Ивановъ догадался въ чемъ дѣло.

— Мнѣ кажется... — слегка измѣняясь въ лицѣ, но сразу овладѣвая собой, точно сѣвъ на знакомаго коня, холодно началъ Зарудинъ.

— Ну, господа... Что тамъ еще! — закричалъ Ивановъ.

— Оставь ихъ, пускай подерутся! — улыбаясь возразилъ Санинъ.

— Мнѣ не кажется, а это такъ и есть... — все не подымая головы отъ стакана и все тѣмъ же тономъ, продолжалъ Новиковъ.

Но живая стѣна криковъ, маханія руками, неестественно широко смѣющихся лицъ и уговоровъ встала между ними. Зарудина отгѣснили фонъ-Дейцъ и Малиновскій, Новикова — Ивановъ и другой офицеръ. Танаровъ началъ наливать стаканы и что-то кричать, ни къ кому не обращаясь. Поднялась фальшивая, притворно веселая суeta и вдругъ Новиковъ почувствовалъ, что у него уже нѣтъ силы продол-

жать. Онъ нелѣпо кривилъ губы въ улыбку, оглядывался на занимающихъ его разговорами Иванова и офицера и растерянно думалъ:

— Что же это я... надо бить!.. Прямо подойти и ударить!.. Иначе я останусь въ глупомъ положеніи, всѣ уже догадались, что я искалъ ссоры...

Но вмѣсто того онъ съ притворнымъ интересомъ уже слушалъ, что говорили Ивановъ и фонъ-Дейцъ.

— Во взглядъ на женщину я, знаете, съ Толстымъ не совсѣмъ согласенъ... — само овольно говорилъ офицеръ.

— Женщина — самка, и это прежде всего! — отвѣчалъ Ивановъ. — Среди мужчинъ хоть одного на тысячу еще можно найти такого, который заслужилъ названіе человѣка, а женщины... ни одной между ними!.. Голыя, розовыя, жирныя, безхвостыя обезьяны, вотъ и все!

— Оригинально сказано! — съ удовольствіемъ замѣтилъ фонъ-Дейцъ.

— И правда! — горько подумалъ Новиковъ.

— Э, милый мой! — возразилъ Ивановъ, махнувъ рукой передъ самымъ носомъ фонъ-Дейца:— скажите людямъ такъ: а я говорю вамъ, что всякая, которая посмотритъ на мужчину съ вождѣленіемъ, уже прелюбодѣйствуетъ съ нимъ въ сердцѣ своемъ... и весьма многіе подумаютъ, что слышатъ очень оригинальную вещь!..

Фонъ-Дейцъ хрипло засмѣялся, точно залаялъ лягавый песъ, и съ завистью посмотрѣлъ на Иванова. Насмѣшки онъ не понялъ и ему было только завидно, что не онъ сказалъ такъ красиво.

Новиковъ неожиданно протянулъ ему руку.

— Что? — удивленно спросилъ фонъ-Дейцъ, съ любопытствомъ и ожиданіемъ глядя въ протянутую ладонь.

— Куда? — спросилъ и Санинъ.

Новиковъ опять промолчалъ. Онъ чувствовалъ, что еще минута и рыданія, стѣснившіяся въ груди, хлынутъ черезъ край.

— Знаю я, что съ тобой, плюнь! — сказалъ Санинъ.

Новиковъ взглянулъ на него жалкими глазами, губы у него задрожали и, махнувъ рукой, онъ ушелъ, не прощаясь. Въ немъ было чувство тягостнаго безсилія, какъ у человѣка, не поднявшаго тяжести, и чтобы успокоить себя, Новиковъ подумалъ:

— Ну, что-жь... Что доказалъ бы я, побивъ морду этому

мерзавцу? Вышла бы только мерзкая драка... Да и не стоило рукъ марать!

Но чувство неудовлетворенной ревности и противнаго безсилія не проходило, и въ глубокой тоскѣ Новиковъ пришелъ домой, легъ лицомъ въ подушку и такъ пролежалъ почти весь день, мучаясь тѣмъ, что ничего другого сдѣлать не можетъ...

— Хотите въ макао? — спрашивалъ Малиновскій.

— Вали! — согласился Ивановъ.

Деньщикъ разставилъ ломберный столикъ и зеленое сукно весело засмѣялось въ глаза. Сосредоточенное оживленіе охватило всѣхъ и Малиновскій, твердо стучая короткими волосатыми пальцами, сталъ метать. Пестрыя карты ловко, правильными кругами разлетались по зеленому столу, серебряные рубли съ звенящимъ стукомъ раскатывались съ табло на табло и, какъ жадные пауки заходили во всѣ стороны пальцы, подбирающіе деньги. Слышались только короткія слова и однообразныя восклицанія, какъ бы заученной досады и удовольствія. Зарудину не повезло. Онъ упрямо ставилъ на кругъ по пятнадцати рублей и каждый разъ били комплектъ. На его красивомъ лицѣ выступали зловѣщія пятна безпредметнаго раздраженія. Въ теченіе послѣдняго мѣсяца онъ проигралъ уже семьсотъ рублей и теперь не хотѣлось даже провѣрять своего проигрыша. Настроеніе его сообщалось и другимъ. Фонъ-Дейцъ и Малиновскій обмѣнялись рѣзкостями.

— Я ставилъ на крылья, — раздраженно, но сдержанно говорилъ Фонъ-Дейцъ, искренно удивляясь, что пьяный и грубый Малиновскій смѣетъ спорить съ нимъ, умнымъ и порядочнымъ фонъ-Дейцемъ.

— Что вы мнѣ толкуете! — грубо крикнулъ Малиновскій. — Кой чортъ!.. Когда я бью, говорятъ на крылья, а когда даю...

— То есть, позвольте! — дурно выговаривая по русски, какъ всегда, когда волновался, закипятился фонъ-Дейцъ.

— Ничего не позволю... Возьмите обратно... Да нѣтъ, возьмите!..

— А я вамъ говорю! — тоненькимъ голосомъ закричалъ фонъ-Дейцъ.

— Господа! — Это чортъ знаетъ, что такое! — вдругъ вспыхнулъ Зарудинъ, пыряя карты.

Но онъ сейчасъ же испугался и своего рѣзкаго крика, и пьяныхъ, растерзанныхъ людей, и картъ, и бутылокъ, — всей обстановки грубаго армейскаго кутежа, потому что въ дверяхъ увидѣлъ новое лицо.

Высокій, тонкій господинъ, въ просторномъ бѣломъ костюмѣ и очень высокихъ тугихъ воротничкахъ, съ удивленіемъ остановился на порогѣ, глазами отыскивая Зарудина.

— Ахъ, Павелъ Львовичъ!.. Какими судьбами! — весь красный воскликнулъ Зарудинъ, поспѣшно вставая навстрѣчу.

Господинъ нерѣшительно вступилъ въ комнату и прежде всего всѣ невольно замѣтили его совершенно бѣлыя ботинки, шагнувшія въ болото пивныхъ лужъ, пробокъ и растоптанныхъ окурковъ. И весь онъ былъ такой бѣлый, чистенькій и надушенный, что среди облаковъ табачнаго дыму и пьяныхъ красныхъ людей походилъ бы на лилію въ болотѣ, если бы не былъ такъ безпомощно тонокъ, издерганно ловокъ и если бы у него не было маленькаго, съ дурными зубками и тонкими усиками, лица.

— Откуда вы?.. Давно изъ Питера? — съ излишней суетливостью и пугливо соображая, ничего ли, что онъ сказалъ «Питеръ» говорилъ Зарудинъ, крѣпко пожимая его руку.

— Вчера только пріѣхалъ, — отвѣтилъ, наконецъ, бѣлый господинъ и голосъ у него былъ самоувѣренный, но жидкій, какъ придушенный пѣтушій крикъ.

— Мои сослуживцы, — представилъ Зарудинъ: — Фонъ Дейцъ, Малиновскій, Танаровъ, Санинъ, Ивановъ... Господа, Павелъ Львовичъ Волошинъ.

Волошинъ слегка кланялся.

— Будемъ знать, къ ужасу Зарудина, отвѣчалъ пьяный Ивановъ.

— Сюда, Павелъ Львовичъ... Хотите вина, или можетъ быть пива?

Волошинъ осторожно усѣлся въ креслѣ и томно заблѣлъ на его клеенчатой грубой обивкѣ.

— Я на одну секунду... не беспокойтесь! — съ брезгливымъ холодкомъ отвѣтилъ онъ, оглядывая компанію.

— Нѣтъ, какъ же можно... Я велю подать бѣлаго... Вы, кажется, любите...

Зарудинъ вскочилъ въ переднюю.

— Надо же было этой сволочи именно сегодня притесать-ся! — съ досадой подумалъ онъ, приказывая деньщику сходить за виномъ. — Этотъ Волошинъ всѣмъ знакомымъ въ Питерѣ такого наговорить, что въ порядочный домъ не пустятъ потомъ!

Между тѣмъ Волошинъ, не скрывая, точно онъ чув-

ствовалъ себя слишкомъ неизмѣримо выше всѣхъ, продолжалъ разсматривать компанію. Взглядъ его стекляннo сѣрыхъ глазокъ былъ откровенно любопытенъ, какъ будто ему показывали какихъ-то странныхъ звѣрьковъ. Ростъ, явная сила костистыхъ плечъ и костюмъ Санина привлекъ его вниманіе.

— Интересный типъ... сила, должно быть! — съ искреннимъ расположеніемъ, которое всѣ маленькіе и слабые люди испытываютъ къ большимъ и сильнымъ, подумалъ онъ и хотѣлъ заговорить.

Но Санинъ, опершись грудью на подоконникъ, смотрѣлъ въ садъ.

Волошинъ поперхнулся начатымъ словомъ и жидкій оборванный звукъ собственного голоса оскорбилъ его.

— Хулиганы какіе-то! — подумалъ онъ.

Въ это время вернулся Зарудинъ.

Онъ усѣлся рядомъ съ Волошинымъ и сталъ разспрашивать его о Петербургѣ и заводѣ Волошина, чтобы дать понятъ окружающимъ, какой богатый и значительный человекъ этотъ гость. И на его красивомъ лицѣ большого, сильного животнаго отразилось выраженіе маленькаго, страннаго самодовольства.

— Все по прежнему, какъ видите, — небрежно говорилъ Волошинъ. — А вы какъ?...

— Что-жъ я!.. Прозябаю! — сказалъ Зарудинъ и грустно вздохнулъ.

Волошинъ молчалъ и презрительно смотрѣлъ на потолокъ, по которому неслышно ходили зеленые отсвѣты сада.

— У насъ тутъ одно развлеченіе всегда! — продолжалъ Зарудинъ, широкимъ жестомъ ловко захватывая въ одно и бутылки, и карты, и своихъ гостей.

— Да-а... — неопредѣленно протянулъ Волошинъ и въ его тонѣ Зарудину послышалось: — самъ-то ты что!

— Ну, однако мнѣ пора... Я остановился здѣсь въ гостиницѣ на бульварѣ. Мы, конечно, еще увидимся? — заговорилъ Волошинъ, мѣняя тонъ и вставая.

Какъ разъ въ эту минуту вошелъ деньщикъ, вяло уставившись во фронтъ и сказалъ:

— Вашбродъ, барышня пришли...

— Что? — вздрогнувъ переспросилъ Зарудинъ.

— Такъ точно.

— Ахъ, да... я знаю... — быстро и неловко бѣгая глазами заговорилъ Зарудинъ, чувствуя, какъ мгновенное предчув-

ствіе чего-то дурного кольнуло его въ сердце.

— Неужели Лидка? — съ изумленіемъ подумалъ онъ.

Глаза Волошина вспыхнули жаднымъ и любопытнымъ огонькомъ и его тщедушное тѣло все задвигалось подъ бѣлымъ просторнымъ костюмомъ.

— Да... Ну, до свиданья! — оскabiaя ротъ, выразительно заговорилъ онъ. — А вы все тотъ же!..

Зарудинъ криво, самодовольно, и озабоченно улыбнулся.

Провожаемый Зарудинымъ Волошинъ быстро вышелъ вонъ, мелькая бѣлыми ботинками и острымъ окомъ выглядывая вокругъ.

Зарудинъ вернулся.

— Ну, господа... Какъ же карты?... Танаровъ, закладывая за меня, а я сейчасъ... — торопливо и все мелькая глазами, заговорилъ онъ.

— Вре!.. — отозвался уже совершенно пьяный, быкообразный Малиновскій. — Мы еще поглядимъ, какая тамъ барышня!

Но Танаровъ взялъ его за плечи и силой посадилъ за столъ. Остальные поспѣшно разсаживались, почему-то стараясь не смотрѣть на Зарудина. Санинъ тоже сѣлъ, серьезно посмѣиваясь.

Онъ догадался, что къ Зарудину пришла Лида, и смутное чувство ревливой жалости къ красивой и теперь уже очевидно несчастной сестрѣ возникло въ немъ.

XVII.

На кровати Зарудина, какъ то бокомъ сидѣла Лида Саннина и растерянно дергала и мяла платокъ.

Даже Зарудина поразила происшедшая въ ней перемѣна: отъ гордой, изящной и сильной дѣвушки не осталось и слѣда, передъ нимъ сидѣла сутулая, растерянная и болѣзненно слабая женщина. Лицо ея осунулось, поблѣднѣло и темные глаза тревожно бѣгали по сторонамъ.

Когда вошелъ Зарудинъ, темные глаза быстро поднялись на него и опустились, и инстинктивно Зарудинъ почувствовалъ, что она боится его. Совершенно неожиданно злоба и раздраженіе до судорогъ поднялись въ немъ. Онъ крѣпко заперъ дверь и совсѣмъ не такъ, какъ прежде, грубо и прямо подошелъ къ ней.

— Ты удивительная особа, — едва владѣя собой и почему то чувствуя жгучее желаніе ее ударить, заговорилъ онъ: —

у меня полныя комнаты народу... братъ твой тутъ... Точно нельзя было выбрать другого времени... Это чортъ..

Темные глаза поднялись съ страннымъ вспыхнувшимъ выраженіемъ, и, какъ всегда, Зарудинъ испугался своей рѣзкости, угодливо показавъ бѣлые зубы и, взявъ Лиду за руку, сѣлъ рядомъ.

— Ну, да впрочемъ все равно, я, вѣдь, за тебя боюсь.. я радъ, я соскучился по тебѣ...

Зарудинъ поднялъ и выше перчатки поцѣловалъ ея слегка влажную и горячую руку съ тонкимъ изящнымъ запахомъ.

— Это правда? — съ непонятнымъ ему выраженіемъ произнесла Лиди и опять подняла на него глаза, говорившіе: правда ли, что ты любишь меня? Ты видишь, какая я теперь бѣдная, несчастная... совсѣмъ не такая, какъ прежде... я боюсь тебя и угадываю весь ужасъ своего униженія, но больше мнѣ не на кого опереться...

— А ты сомнѣваешься? — неувѣренно возразилъ Зарудинъ и легкая струйка холода, тяжелая для него самого, потянула отъ этихъ словъ. Онъ опять поднялъ ея руку и поцѣловалъ.

Странная и сложная путаница чувствъ и мыслей была въ немъ. Еще два дня тому назадъ, на этой самой бѣлой подушкѣ были разметаны темные волосы Лиды, извивалось въ припадкѣ страсти ея гибкое, горячее и упругое тѣло, горѣли губы и обдавали все его существо темнымъ огнемъ невыносимаго наслажденія. Въ то мгновеніе весь міръ, тысячи женщинъ, всѣ наслажденія и вся жизнь соединялась для него въ томъ, чтобы сладострастнѣе, нѣжнѣе и грубѣе, безстыднѣе и жесточе истязать именно это горящее, и требовательное и покорное тѣло, и вдругъ теперь онъ почувствовалъ, что она ему противна, что ему хочется уйти, оттолкнуть ее, не видѣть и не слышать. Желаніе это было такъ велико и непримиримо, что даже сидѣть здѣсь стало пыткой. Но въ то же время темный, извивающійся и туда и сюда страхъ передъ нею лишалъ его воли и придавливалъ къ мѣсту. Всѣмъ существомъ своимъ онъ сознавалъ, что ничѣмъ не связанъ, что обладалъ ею по ея согласію, ничего не обѣщая, давъ ей то же, что получилъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему казалось; что онъ безсильно и глубоко влипъ въ какую то вязкую, дѣбку массу, противъ которой не можетъ бороться. Онъ ждалъ, что Лиди чего-то потребуетъ отъ него и онъ долженъ будетъ согласиться, или сдѣлаетъ нѣчто гадкое, трудное и грязное. Зарудинъ почувствовалъ себя со-

вершенно безсильнымъ, точно изъ рукъ и ногъ его вынули всѣ кости, а во рту вмѣсто языка привѣсили мокрую тряпку. Это было обидно и возмущало. Хотѣлось крикнуть и сказать разъ и навсегда, что она не имѣетъ права ничего отъ него требовать, но вмѣсто того у Зарудина трусливо замерло сердце, и онъ сказалъ глупость, явную для него самого, неожиданную и вовсе не идущую къ моменту:

— О, женщины, женщины, какъ сказалъ Шекспиръ...

Лида съ испугомъ взглянула на него. И вдругъ ея голову озарилъ яркій, безпощадный свѣтъ. Въ одинъ моментъ она поняла, что пропала: то огромное, чистое и великое, что она могла дать, было отдано ею человѣку, котораго не существовало. Прекрасная жизнь, невозвратимая чистота и смѣлая гордость были брошены подъ ноги гаденькому и трусливому звѣрьку, не принявшему ихъ съ благодарностью за радость и наслаждение, а просто опакотившему ихъ въ актахъ темной, тупой похоти. Былъ одинъ мигъ, когда взрывъ отчаянія едва не бросилъ ее на полъ съ безсильнымъ рыданіемъ и ломаніемъ рукъ, но съ болѣзненной быстротой отчаяніе смѣнилось приливомъ мстительной, острой злобы.

— Неужели вы не понимаете, какъ вы глупы! — рѣзко и тихо, сквозь сдвинутые зубы, выговорила она, вся вытягиваясь къ его лицу.

Эти грубые слова и горящій злобный взглядъ такъ были неожиданны въ изящной и женственной Лидѣ, что Зарудинъ даже отодвинулся. Но онъ не понималъ всего значенія этого взгляда и попытался свести все на шутку.

— Что за выраженія! — удивленно и оскорбленно сказалъ онъ, дѣлая большія глаза и высоко поднимая плечи.

— Мнѣ не до выраженій! — горько возразила Лида и безпомощно заламила руки.

— Ну, зачѣмъ столько трагизма! — поморщившись возразилъ Зарудинъ и съ внезапно пробудившимся возбужденіемъ бессознательно слѣдилъ за выгибомъ ея круглыхъ точекъ рукъ и покатыхъ плечъ.

Этотъ жестъ отчаянія и безпомощности опять поднялъ въ немъ увѣренность собственнаго превосходства.

Было похоже, какъ будто они стояли на вѣсахъ и когда опускался одинъ, сейчасъ же подымался другой. И Зарудинъ съ острымъ удовольствіемъ почувствовалъ, что эта дѣвушка, которую онъ бессознательно считалъ выше себя и которой инстинктивно боялся даже въ минуты сладострастныхъ ласкъ, иг-

раетъ теперь, по его понятію, жалкую и позорную роль. Это чувство было ему пріятно и смягчало его. Зарудинъ нѣжно взялъ ее за опущенныя безвольныя руки и чуть чуть потянулъ къ себѣ, уже возбуждаясь и начиная горячѣе дышать.

— Ну, полно... ничего ужаснаго не случилось!

— Вы думаете? — въ ироніи пріобрѣтая силу и глядя на него странно пристальнымъ взглядомъ, спросила Лида.

— Ну, конечно! — отвѣтилъ Зарудинъ и попытался ее обнять, особымъ, возбуждающе безстыднымъ, объятіемъ, силу котораго онъ зналъ.

Но отъ нея повѣяло холодомъ и руки его ослабѣли.

— Ну, будетъ... чего разгнѣвалась, моя кошечка! — съ нѣжной укоризной проговорилъ онъ.

— Отстаньте отъ меня... Тутъ я... Отстаньте же!

Злымъ усиліемъ Лида вывернулась изъ его рукъ.

Зарудинъ физически обидѣлся за то, что порывъ страсти его пропалъ даромъ.

— Чортъ знаетъ! — подумалъ онъ: — свяжись съ ними!..

— Да что съ тобой? — раздраженно спросилъ онъ. И красныя пятна выступили у него на скулахъ.

И какъ будто этотъ вопросъ что то уяснилъ Лидѣ, она вдругъ закрыла лицо руками и совершенно неожиданно для Зарудина залилась слезами. Она плакала совсѣмъ такъ, какъ плачутъ деревенскія бабы: закрываясь руками, наклонившись всѣмъ тѣломъ впередъ и протяжно всхлипывая. Длинные космы волосъ повисли вдоль мокраго лица и стала она совсѣмъ некрасивой. Зарудинъ растерялся. Улыбаясь и боясь обидѣть ее этой улыбкой, онъ попытался отнять ея руки отъ лица, но Лида упорно и упрямо удерживала ихъ и все плакала.

— Ахъ, ты Господи! — вырвалось у Зарудина.

Опять ему захотѣлось прикрикнуть на нее, дернуть за руку, сказать что нибудь грубое.

— Да, чего ты собственно ревешь?.. Ну, сошлись со мной... ну? Вотъ горе! Да почему именно сейчасъ, что такое? Да перестань же! — визгливо крикнулъ онъ и дернулъ за руку.

Голова Лиды съ мокрымъ лицомъ и распустившимися волосами дернулась отъ толчка и она внезапно замолкла, опустивъ руки, сжавшись и съ дѣтскимъ страхомъ глядя на него снизу вверхъ. Сумасшедшая мысль о томъ, что теперь всякій можетъ ее бить, вдругъ мелькнула у нея въ головѣ. Но Зарудинъ снова ослабѣлъ и заговорилъ вкрадчиво и неувѣренно:

— Ну, Лидочка... будетъ! Ты сама виновата... Къ чему эти сцены... Ну, ты много потеряла, но за то и счастья было много..
Никогда намъ не забыть эти...

Лида опять заплакала.

— Да перестань же-е! — прокричалъ Зарудинъ.

Онъ прошелся по комнатѣ, подергивая усы надъ вздрагивающими губами.

Было тихо и за окномъ тихо качались, должно быть, тронутыя птицей, тонкія зеленыя вѣтки. Зарудинъ съ трудомъ овладѣлъ собой, подошелъ къ Лидѣ и осторожно поднялъ ее. Но она сейчасъ же вырвалась и, угловато выворачивая локоть, нечаянно такъ ударила его въ подбородокъ, что зубы отчетливо ляснули.

— А, чортъ! — воскликнулъ Зарудинъ обозлившись и отъ боли и еще больше оттого, что лясканье было очень неожиданно и смѣшно.

Хотя Лида не замѣтила этого лясканья, но инстинктивно почувствовала Зарудина смѣшнымъ и съ женской жестокостью воспользовалась этимъ:

— Что за выраженія! — передразнила она.

— Да вѣдь это хоть кого выведетъ изъ себя! — съ трусливымъ негодованіемъ возразилъ Зарудинъ: — хоть бы, наконецъ, узнать, въ чемъ дѣло!

— А вы не знаете? — съ той же ироніей протянула Лида.

Наступило молчаніе. Лида упорно смотрѣла на него и лицо ея горѣло. И вдругъ Зарудинъ сталъ блѣднѣть быстро и ровно, точно сѣрый налетъ извнѣ покрывалъ его лицо.

— Ну, что же вы?... Что же вы молчите? Говорите чтонибудь, утѣшайте! — заговорила Лида и ея голосъ перешелъ въ истерическій крикъ, испугавшій ее самое.

— Я... — проговорилъ Зарудинъ и нижняя губа его задрожала.

— Да, никто другой! Къ сожалѣнію, вы! — почти прокричала Лида, задыхаясь отъ злыхъ и отчаянныхъ слезъ.

И съ него и съ нея какъ бы сползалъ какой то покровъ изящности, красоты и мягкости и дикій растерзанный звѣрь все ярче выступалъ подъ нимъ.

Рядъ комбинацій съ быстротой молніи замелькали въ головѣ Зарудина, точно стая юркихъ мышей набѣжала туда. И первая была та, чтобы немедленно развязаться съ Лидой, дать ей денегъ, чтобы она устроила выкидышъ, и покончить исто-

рию. Но хотя онъ считалъ это лучшимъ для себя и необходимымъ, Зарудинъ не сказалъ этого Лидѣ.

— Я право не ожидалъ... — пробормоталъ онъ.

— Не ожидалъ! — дико выкрикнула Лида: — а какъ смѣли не ожидать этого?

— Лида... я вѣдь ничего не... — проговорилъ Зарудинъ, боясь того, что хотѣлъ сказать, и чувствуя, что скажетъ.

И безъ словъ Лида поняла его. Ужасъ отчаянія исказилъ ея красивое лицо. Она безпомощно опустила руки и сѣла на кровать.

— Такъ что жъ мнѣ дѣлать, — съ странной задумчивостью проговорила она какъ бы сама себѣ. — Утопиться, что ли?

— Н-ну,.. зачѣмъ же такъ... —

— А знаете, Викторъ Сергѣевичъ, — вдругъ проникновенно и пристально глядя ему въ глаза, медленно произнесла Лида: — вѣдь вы даже и очень не прочь, чтобы я утопилась!

И въ ея глазахъ и подергиваніяхъ красиваго рта было что то такое печальное и страшное, что Зарудинъ невольно отвелъ глаза.

Лида встала. Вдругъ ей стало страшно и противно, что она могла думать о немъ, какъ о спасителѣ, о томъ, чтобы жить съ нимъ всегда. Ей захотѣлось почему-то потрясти рукой, высказать ему свое презрѣніе, отомстить за униженіе, но она почувствовала, что если заговорить, то заплачетъ и еще больше унизитъ себя. Послѣдняя гордость, остатокъ красивой и сильной прежней Лиды, удержала ее, и вмѣсто того она сдавленно, но ясно и выразительно, неожиданно для себя и для Зарудина проговорила:

— Ско-тина!

И бросилась къ двери, зацѣпившись и разорвавъ кружево рукава о ручку замка.

Вся кровь прилила къ головѣ Зарудина. Если бы она крикнула «подлецъ, негодяй», онъ бы снесъ это совершенно спокойно, но слово «скотина» было такъ некрасиво и такъ противорѣчило тому представленію, которое создалъ о себѣ Зарудинъ, что онъ потерялся. Покраснѣли даже бѣлки его красивыхъ, выпуклыхъ глазъ. Онъ растерянно улыбнулся, пожалъ плечами, застегнулъ и распахнулъ опять китель, и почувствовалъ себя искренно несчастнымъ.

Но одновременно гдѣ-то внутри тѣла начало расти чувство свободы и радости, что такъ или иначе — все кончилось.

Трусливая мысль подсказала ему, что такая женщина, какъ Лида, больше никогда не придетъ. На секунду ему стало досадно, что потеряна такая красивая и вкусная любовница, но онъ махнулъ рукой.

— А и чортъ съ ней... мало ли ихъ!

Онъ поправилъ китель, еще дрожащими губами закурилъ папиросу и, удачно вызвавъ на лицѣ беззаботное выраженіе, вышелъ къ гостямъ.

XVIII.

Изъ игроковъ никто, кромѣ пьянаго Малиновскаго, не занялся игрой.

Всѣмъ было остро любопытно, какая женщина и зачѣмъ пришла къ Зарудину. Тѣмъ, которые догадывались, что это Лида Санина, бессознательно было завидно и воображеніе ихъ мѣшало играть, рисуя ея невиданную ими наготу, и ея оближеніе съ Зарудинымъ.

Санинъ недолго посидѣлъ за картами, всталъ и сказалъ:

— Не хочу больше. До свиданья.

— Постой, другъ, куда ты? — спросилъ Ивановъ.

— Пойду посмотрю, что тамъ дѣлается, — отвѣтилъ Санинъ, ткнувъ пальцемъ въ запертую дверь.

Всѣ засмѣялись его словамъ, какъ шуткѣ.

— Будетъ паясничать! Садись, выпьемъ! — сказалъ Ивановъ.

— Самъ ты — паяцъ! — равнодушно возразилъ Санинъ и ушелъ.

Выйдя въ узенькій переулокъ, гдѣ росла сочная и густая крапива, Санинъ сообразилъ, куда должны выходить окна квартиры Зарудина, осторожно, придавливая крапиву ногами, добрался до забора и легко поднялся на него. Наверху онъ едва не забылъ, зачѣмъ влѣзъ, такъ пріятно было ему съ высокаго забора смотрѣть внизъ на зеленую траву и густой садъ, и всѣми напряженными отъ усилія мускулами ощущать свѣжій и мягкій вѣтерокъ, смягчившій жаръ и свободно продувавшій насквозь его тонкую рубаху.

Потомъ онъ спрыгнулъ внизъ, попалъ въ крапиву, съ грустью почесалъ ужаленное мѣсто, и пошелъ по саду. Къ окну онъ подошелъ въ то время, когда Лида сказала:

— А вы не знаете?

И сейчас же по странному выраженію ея голоса понялъ, въ чемъ дѣло. Прислонившись плечомъ къ стѣнѣ, онъ смотрѣлъ въ садъ и съ интересомъ слушалъ измѣнившіеся, разстроенные, возбужденные голоса. И ему было жаль красивую униженную Лиду, съ прелестнымъ обликомъ которой такъ не вязалось грубое, животное и тяжелое слово — беременна. Но больше, чѣмъ разговоръ, его занималъ странный и нелѣпый контрастъ между дикими и злыми голосами людей въ комнатѣ и свѣтлой тишиной въ зеленомъ саду, данномъ природой этимъ самымъ людямъ.

Бѣлая бабочка, падая и взлетая, легко порхала надъ травой, купаясь въ солнечномъ воздухѣ, и Санинъ такъ же внимательно слѣдилъ за ея полетомъ, какъ и за тѣмъ, что слышалъ.

Когда Лида крикнула:

— Скотина!

Санинъ весело засмѣялся, откинулся всѣмъ тѣломъ отъ стѣны и, уже не думая о томъ, что его могутъ увидѣть изъ оконъ, медленно пошелъ по саду.

Ящерица, торопливо перебѣжавшая ему дорогу, привлекла его вниманіе и Санинъ долго слѣдилъ за ея гибкимъ травянымъ тѣльцемъ, ловко скользящимъ въ зеленыхъ бурьянахъ.

XIX.

Лида пошла не домой, а въ противоположную сторону.

Улицы были пусты и жаркое марево струилось въ воздухѣ. Короткія тѣни лежали подъ самыми заборами и стѣнами, уничтоженные торжествующимъ зноемъ

Только по привычкѣ закрывшись зонтикомъ и не замѣчая, жарко или холодно, свѣтло или темно, Лида быстро шла вдоль заросшихъ пыльной травой заборовъ, и, опустивъ голову сухими, блестящими глазами смотрѣла подъ ноги. Изрѣдка навстрѣчу ей попадались равнодушные, пытящіе, разваренные жаромъ люди, но ихъ было мало и лѣтняя послѣбоденная тишина стояла надъ городомъ.

Какая то бѣлая собаченка, торопливо и осторожно пригнувшись къ ея юбкѣ, увязалась за Лидой, озабоченно пробѣжала впередъ, оглянулась и помахала хвостикомъ, утверждая, что онѣ идутъ вмѣстѣ. На поворотѣ стоялъ мальчикъ,

маленькій, уморительно толстый, въ рубашенкѣ, хвостикомъ высовывающейся сзади изъ панталонъ и, напруживъ измозъзанный бузиной щеки, отчаянно пищаль въ стручокъ.

Лида помахала рукой собачкѣ, улыбнулась мальчугану, но все это скользило по поверхности сознанія, а душа ея была замкнута. Темная сила, отрѣзавшая ее отъ всего міра, быстро несла ее, одинокую и мертвую, мимо зелени, солнца и радости жизни все дальше и дальше, къ черной дырѣ, близость которой уже ощущала она въ холодной и вялой тоскѣ, залегшей у сердца.

Мимо проѣхалъ знакомый офицеръ и, увидавъ Лиду, заставилъ прыгать и поджиматься свою рыжую, чуть вспотѣвшую лошадь, на гладкой шерсти которой солнце клало кованные золотые блики.

— Лидія Петровна, — крикнуть онъ веселымъ, звонкимъ голосомъ: — куда вы въ такую жару?

Лида бессознательно скользнула по его маленькой фуражкѣ, ухарски заломленной надъ потнымъ, наполовину краснымъ, наполовину бѣлымъ лбомъ, и промолчала, только, по привычкѣ, кокетливо улыбнувшись.

И въ этотъ моментъ съ недоумѣніемъ спросила себя:

— Куда же теперь?

У нея не было ни злобы, ни думы о Зарудинѣ. Когда, сама не зная зачѣмъ, она пошла къ нему, ей казалось, что нельзя жить и невозможно разрѣшить своего горя безъ него, но теперь онъ просто исчезъ изъ ея жизни. Все это было и умерло, а то, что осталось, касается только ея и ею одной должно быть разрѣшено.

Быстро и лихорадочно отчетливо заработала ея мысль. Самое ужасное было то, что гордая и прекрасная Лида исчезнетъ, а вмѣсто нея останется маленькое, загнанное, напаскудившее животное, надъ которымъ всѣ будутъ издѣваться, и которое будетъ совершенно безпомощно передъ сплетнями и плевками. Надо было сохранить свою гордость и красоту, уйти отъ грязи туда, куда бы уже не могла дохлестнуть ея липкая волна.

И какъ только Лида уяснила это себѣ, сейчасъ же почувствовала, что вокругъ пустота, что свѣтъ солнца, жизнь и люди уже не для нея, что она одинока среди нихъ, что некуда идти и надо умереть, утопиться.

Это представилось ей такъ законченно ясно, какъ будто каменный кругъ сомкнулся между нею и всѣмъ, что было и

что могло быть. На мгновеніе исчезло даже то противное и ужасное своей ненужностью и неотвратимостью, ощущеніе внутри себя чего то, еще непонятнаго, но уже разбившаго ея жизнь, которое она не переставала чувствовать съ того момента, какъ догадалась о своей беременности.

Вокругъ образовалась легкая безцвѣтная пустота, въ которой воцарилась безразличность смерти.

— Какъ это, въ сущности, просто!.. И не надо больше ничего! — подумала Лида, оглядываясь кругомъ и ничего не видя.

Лида разомъ прибавила шагу, и ей все казалось нестерпимо медленно, хотя она уже не шла, а почти бѣжала, путаясь въ широкой модной юбкѣ.

— Вотъ этотъ домъ, а тамъ еще одинъ, съ зелеными ставнями, а потомъ пустырь...

Рѣки, моста и того, что должно тамъ произойти, Лида себѣ не представляла. Было какое-то туманное, пустое пятно, въ которомъ все окончится.

Но такое состояніе продолжалось только до тѣхъ поръ, пока Лида не взшла на мостъ. А когда она остановилась у перилъ и внизу за ними увидѣла мутную зеленоватую воду, сразу исчезло ощущеніе легкости и все существо ея переполнилось тяжелымъ страхомъ и цѣпкимъ желаніемъ жить.

И сейчасъ же она снова услышала звуки голосовъ, чирканье воробьевъ, увидѣла солнечный свѣтъ, бѣлую ромашку въ кудрявой зелени берега, бѣленькую собаченку, окончательно рѣшившую, что Лида, — ея законная госпожа. Эта собаченка усѣлась противъ Лиды, поджавъ переднюю лапку, и умильно вертѣла по землѣ бѣлымъ хвостикомъ, оставляя на пескѣ забавные іероглифы.

Лида пристально посмотрѣла на нее и чуть не схватила ее въ страстные отчаянные объятія. Крупныя слезы выступили у нея на глазахъ. И чувство жалости къ своей погибающей милой и красивой жизни было такъ велико, что у Лиды закружилась голова и она судорожно облокотилась на горячія отъ солнца перила. При этомъ движеніи она уронила въ воду перчатку и съ непонятнымъ нѣмымъ ужасомъ слѣдила за ней глазами.

Перчатка, быстро кружась, полетѣла въ воду и неслышно упала на ея ровную, сонную поверхность. Къ берегамъ пошли быстрые расширяющіеся круги и Лидѣ было видно, какъ потемнѣла намокая свѣтло-желтая перчат-

ка и медленно погрузилась въ темную зеленоватую глубину. Странно, точно въ тоскливой агоніи, она повернулась разъ и другой и стала погружаться медленными кругообразными движеніями. Лида, напрягая зрѣніе, старалась не потерять ее изъ виду, но желтое пятно все меньше и меньше виднѣлось въ зеленоватой темнотѣ воды, мелькнуло еще разъ и другой и тихо, беззвучно исчезло. По прежнему передъ глазами Лиды была одна ровная, сонная и темная глубина.

— Какъ же это вы, барышня! — сказалъ возлѣ женскій голосъ.

Лида съ испугомъ отшатнулась и взглянула въ лицо толстой курносой бабы, смотрѣвшей на нее съ любопытствомъ и сожалѣніемъ.

И хотя это сожалѣніе относилось только къ утонувшей перчаткѣ, Лидѣ показалось, что толстая, добродушная баба знаетъ и жалѣетъ ее, и на мгновеніе пришла въ голову мысль, что если бы разсказать все, то стало бы легче и проще. Но какъ бы раздвоившись въ эту минуту, Лида сознавала, что это невозможно. Она покраснѣла, заторопилась и пробормотавъ:

— Ничего... — поспѣшно и неровно, какъ полупьяная, пошла съ моста.

— Здѣсь нельзя... вытащить... — мелькнуло въ холодно опустѣвшей головѣ Лиды.

Она прошла внизъ и повернула налѣво по берегу, по узкой дорожкѣ, протоптанной въ крапивѣ, ромашкѣ, лопухахъ и горько пахнущей полыни, между рѣкой и заросшимъ плетнемъ какого-то сада.

Здѣсь было тихо и мирно, какъ въ деревенской церкви. Вербы, опустивъ тонкія вѣтки, задумчиво смотрѣли въ воду; солнце пятнами и полосами пестрило зеленый крутой берегъ; широкіе лопухи тихо стояли въ высокой крапивѣ, а цѣпкіе рѣпяхи легко цѣплялись за широкія кружева Лидиной юбки. Какая то кудрявая, высокая, какъ деревцо, трава осыпала ее мелкой, бѣлой пылью.

Теперь Лида уже заставляла себя идти туда, куда шла, вопреки могучей внутренней силѣ, боровшейся съ ней.

— Надо, надо, надо, надо... — повторяла Лида въ глубинѣ души и ноги ея, точно на каждомъ шагѣ разрывая какіе то тягучіе путы, съ трудомъ несли ее все дальше отъ моста,

къ тому мѣсту, которое вдругъ почему то нарисовалось Лидѣ, какъ конецъ пути.

И когда она пришла туда и подѣ тонкими спутанными прутьями лозняка увидѣла черную холодную воду, быстро огибавшую нависшій берегъ, Лида поняла, какъ ей хочется жить, какъ страшно умирать и какъ все-таки она умретъ, потому что ей нельзя жить. Она, не глядя, бросила оставшуюся перчатку и зонтикъ на траву и свернула съ дорожки прямо по густымъ бурьянамъ.

Въ одну минуту Лида вспомнила и перечувствовала необытно много: на самомъ днѣ ея души, давно забытая и забытая новыми мыслями, дѣтская вѣра съ наивной мольбой и страхомъ повторяла: Господи спаси... Господи помоги.... — откуда то вынырнулъ мотивъ аріи, который она недавно разѣучивала съ роялемъ и весь цѣликомъ промелькнулъ у нея въ головѣ; вспомнила она Зарудина, но не остановилась на немъ; лицо матери, въ это мгновеніе безконечно ей дорогое и милое, мелькнуло передъ нею и именно это лицо толкнуло ее къ водѣ. Никогда ни прежде, ни послѣ того, Лида не понимала съ такой ясностью и глубиной, что мать и другіе люди, любившіе Лиду, въ сущности любили не ее, такую, какъ она была, съ ея пороками и желаніями, а то, что имъ хотѣлось видѣть въ ней. И теперь, когда она обнажилась и сошла съ дороги, которая по ихъ мнѣнію была единственной для нея, именно эти люди и больше всѣхъ мать, тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе любили прежде, должны были ее истязать.

Потомъ все спуталось, какъ въ бреду: и страхъ, и желаніе жить, и сознаніе необходимости, и недовѣріе, и увѣренность въ томъ, что все кончено, и надежда на что то, и отчаяніе, и мучительное для нея признаніе мѣста, гдѣ она умирала, и человѣкъ, похожій на ея брата, быстро перелазившій къ ней черезъ плетень.

— Ничего глупѣе придумать не могла! — крикнулъ Санинъ, запыхавшись.

По неуловимому человѣческимъ мозгомъ сфѣвленію мыслей и побужденій, Лида пришла именно къ тому мѣсту, гдѣ кончался садъ Зарудина и гдѣ на полуразвалившемся плетнѣ, въ неудобной позѣ, скрытая отъ луннаго свѣта черной тѣнью деревьевъ, она когда-то отдалась Зарудину. Санинъ еще издали увидѣлъ и узналъ ее и догадался, что она хочетъ сдѣлать. Первымъ движеніемъ его было уйти и не мѣшать ей поступить, какъ знаетъ, но ея порывистыя движе-

нія, очевидно произвольныя и мучительныя, заставили его сердце сжаться жалостью и Санинъ бѣгомъ, прыгая черезъ кусты и лавочки сада, кинулся къ Лидѣ.

На Лиду голосъ брата подѣйствовалъ съ страшной силой: до нельзя напрягшіеся въ борьбѣ съ собой нервы сразу ослабѣли, голова закружилась, и все кругомъ сдвинулось съ мѣста. Лидѣ уже не могла сообразить, гдѣ она, въ водѣ или на берегу. Санинъ успѣлъ перехватить ее у самаго края и собственная ловкость и сила понравились ему.

— Вотъ такъ! — сказалъ онъ.

Потомъ отвелъ Лиду къ плетню, посадилъ на перелазъ и съ недоумѣніемъ оглянулся.

— Что жъ мнѣ теперь съ нею дѣлать? — подумалъ онъ.

Но Лидѣ сейчасъ же пришла въ себя и блѣдная, растерянная и слабая, точно надломленная, горько и неудержимо заплакала.

— Боже мой, Боже! — всхлипывая, какъ ребенокъ, проговорила она.

— Глупая ты! нѣжно и жалостливо возразилъ Санинъ.

Лидѣ не слыхала его, но когда Санинъ сдѣлалъ движеніе, она судорожно и крѣпко ухватилась за его руку и зарыдала еще громче.

— Что я дѣлаю! — съ ужасомъ подумала она: — нельзя плакать, надо обратить все въ шутку... онъ догадается!

— Ну, чего ты страдаешь! — мягко глядя ее по плечамъ, говорилъ Санинъ и ему было пріятно говорить такъ ласково и нѣжно.

Лидѣ робко, изъ подъ края шляпы, совсѣмъ по дѣтски снизу вверхъ взглянула ему въ лицо и притихла.

— Я, вѣдь, все знаю, — говорилъ Санинъ: — давно знаю... всю эту исторію...

Хотя Лидѣ знала, что многіе догадываются о ея связи, но все таки, какъ будто Санинъ ударилъ ее по лицу, дернулась отъ него всѣмъ своимъ гибкимъ тѣломъ и ея широки раскрытые, моментально высохшіе глаза, съ красивымъ ужасомъ прекраснаго затравленнаго животнаго скосились на брата.

— Ну, чего ты еще!.. Точно я тебѣ на хвостъ наступилъ! — добродушно усмѣхнулся Санинъ, съ удовольствіемъ взявъ ее за круглые мягкія плечи, пугливо дрожащіе подъ его пальцами, и опять посадилъ ее на плетень. Лидѣ покорно сѣла въ прежнюю надломленную позу.

— Что тебя, собственно, такъ огорчило? — спросилъ Санинъ: — то, что я все знаю? Такъ неужели же ты, отдавшись Зарудину, была такого сквернаго мнѣнія о своемъ поступкѣ, что даже боишься признаться въ немъ?.. Вотъ не понимаю!.. А то, что Зарудинъ не женился на тебѣ, такъ это и слава Богу. Ты и сама знаешь теперь... да и раньше знала, что это человѣчекъ, хотя и красивый и для любви подходящий, но дрянной и подлый... Только и было въ немъ хорошаго, что красота, но ею ты уже воспользовалась достаточно!

— Онъ мною, а не я... или и я... да!.. Господи, Господи! — пронеслось въ горячей головѣ Лиды.

— Вотъ то, что ты беременна....

Лида закрыла глаза и глубоко втянула голову въ плечи.

— Это, конечно, скверно, — продолжалъ Санинъ мягкимъ и негромкимъ голосомъ, — во первыхъ потому, что рожать младенцевъ — дѣло самое прескучное, грязное, мучительное и бессмысленное, а во вторыхъ потому, и это главное, что люди тебя замучаютъ... Лидочка, ты, моя Лидочка! — съ могучимъ приливомъ хорошаго любовнаго чувства перебилъ самъ себя Санинъ: — никому ты зла не сдѣлала, и если народишь хотя дюжину младенцевъ, то отъ этого никому, кромѣ тебя, бѣды не будетъ!

Санинъ помолчалъ, задумчиво покусывая усь и скрестивъ руки на груди.

Я бы тебѣ сказалъ, что надо дѣлать, но ты слишкомъ слаба и глупа для этого... У тебя не хватитъ ни дерзости, ни смѣлости... Но и умирать не стоитъ. Посмотри, какъ хорошо... Вонъ, какъ солнце свѣтитъ, какъ вода течетъ... Вообрази, что послѣ твоей смерти узнаютъ, что ты умерла беременной, что тебѣ до того!.. Значитъ ты умираешь не оттого, что беременна, а отъ того что боишься людей, боишься, что они не дадутъ тебѣ жить. Весь ужасъ твоего несчастія не въ томъ, что оно — несчастіе, а въ томъ, что ты ставишь его между собой и жизнью и думаешь, что за нимъ уже нѣтъ ничего. А на самомъ дѣлѣ жизнь остается такою, какъ и была... Ты не боишься тѣхъ людей, которые тебя не знаютъ, а боишься, конечно, только тѣхъ, кто къ тебѣ близокъ и больше всего тѣхъ, которые тебя любятъ и для которыхъ твое «паденіе», потому только, что оно произведено не на брачной кровати, а гдѣнибудь, въ лѣсу, на травѣ, что ли, будетъ ужаснымъ ударомъ. Но они, вѣдь, не поступятъ предъ тѣмъ, чтобы наказать тебя за грѣхъ твой, такъ что жъ и тебѣ въ нихъ?.. Они, значить,

глупы, жестоки и плоски, что же ты мучаешься и хочешь умереть ради глупыхъ, плоскихъ и жестокихъ людей? — Лида медленно подняла на него спрашивающіе большіе глаза и въ нихъ Санинъ увидѣлъ искорку пониманія.

— Что же мнѣ дѣлать... что дѣлать? — съ тоской проговорила она.

— У тебя два исхода: или избавиться отъ этого ребенка, никому на свѣтѣ ненужнаго, рожденіе котораго кромѣ горя, ты сама видишь, никому въ цѣломъ свѣтѣ не приноситъ ничего...

Темный испугъ показался въ глазахъ Лиды.

— Убить существо, которое уже поняло радость жизни и ужасъ смерти — жестоко, убить же зародышъ, безсмысленный комочекъ крови и мяса...

Странное чувство было въ Лидѣ: сначала острый стыдъ, такой стыдъ, точно ее всю раздѣли до нага и рылись грубыми пальцами въ самыхъ тайникахъ ея тѣла. Ей было страшно взглянуть на брата, чтобы они оба не умерли отъ стыда. Но сѣрые глаза Санина не мигали, смотрѣли ясно и твердо, голосъ не дрожалъ и былъ спокоенъ, какъ будто произносилъ самыя простыя, ничѣмъ не отличающіяся отъ всякихъ другихъ, слова. И подъ неуклонностью этихъ словъ стыдъ расплылся, потерялъ силу и какъ бы даже смыслъ. Лида увидѣла глубокое дно словъ этихъ и почувствовала, что въ ней самой нѣтъ уже ни стыда, ни страха. Тогда, испугавшись дерзкой мысли своей, она съ отчаяніемъ схватилась за виски, какъ крыльями испуганной птицы взмахнувъ легкими рукавами платья.

— Не могу... не могу я! — перебила она: — можетъ быть это и такъ, можетъ быть... но я не могу... это ужасно!

— Ну, не можешь, ну, что жъ... становясь передъ нею на колѣни и тихо отрывая ея руки отъ лица, сказалъ Санинъ: — тогда будемъ скрывать... Я сдѣлаю такъ, что Зарудинъ уѣдетъ отсюда, а ты... выйдешь замужъ за Новикова и будешь счастлива... Я вѣдь знаю, что если бы не явился этотъ красивый жеребецъ офицеръ, ты полюбила бы Новикова... къ тому шло...

При имени Новикова что то свѣтлое и милое яркимъ лучемъ промелькнуло въ душѣ Лиды. Оттого, что Зарудинъ сдѣлалъ ее такою несчастной и оттого, что она чувствовала, что Новиковъ не сдѣлалъ бы, Лидѣ на одну секунду показалось будто все это было простой и поправимой ошибкой и въ

ней ничего нѣтъ ужаснаго: сейчасъ она встанетъ, пойдетъ, что-то скажетъ, улыбнется, и жизнь опять развернется передъ нею всѣми своими солнечными красками. Опять ей можно будетъ жить, опять любить, только гораздо лучше, крѣпче и чище. — Но сейчасъ же она вспомнила, что это невозможно, что она уже грязна, измята недостойнымъ, безсмысленнымъ развратомъ.

Необычайно грубое, мало ей извѣстное и никогда не произносимое, слово вынырнуло въ ея памяти. Этимъ словомъ, какъ тяжелой пощечиной, она заклеила себя съ больнымъ наслажденіемъ, и сама испугалась.

— Боже мой... Но развѣ это такъ, развѣ я такая?.. Ну да, ну да... такая, такая... Вотъ тебѣ!..

— Что ты говоришь! — съ отчаяніемъ прошептала она брату, мучительно стыдясь своего звучнаго и прекраснаго, какъ всегда, голоса.

— А что же? — спросилъ Санинъ, сверху глядя на ея красивые спутанные волосы надъ склоненной бѣлой шеей, по которой двигался легкій золотой налетъ солнечнаго свѣта, проскользнувшего между листьями.

Ему вдругъ просто стало страшно, что не удастся уговорить ее и эта красивая, солнечная, молодая женщина, способная дать счастье многимъ людямъ, уйдетъ въ безсмысленную пустоту.

Лида безпомощно молчала. Она старалась подавить въ себѣ желанную надежду, которая, противъ воли, овладѣвала всѣмъ дрожащимъ тѣломъ ея. Ей казалось, что послѣ всего случившагося, стыдно не только жить, но даже желать жизни. Но могучее, полное солнца молодое тѣло отталкивало эти уродливыя, слабыя мысли, точно ядъ, не желая признать своими калѣченыхъ недоносковъ.

— Что же ты молчишь? — спросилъ Санинъ.

— Это невозможно... Это было бы подлю, я...

— Оставь ты пожалуйста этотъ вздоръ... — съ неудовольствіемъ возразилъ Санинъ.

Лида опять скосила на него полные слезъ и тайныхъ желаній красивые глаза.

Санинъ помолчалъ, поднявъ какую-то вѣточку, перекусилъ ее и бросилъ.

— Подлю, подлю... — проговорилъ онъ: — вонъ, тебя страшно поразило то, что я говорилъ... А почему? Ни ты, ни я на этотъ вопросъ опредѣленнаго отвѣта не дадимъ... А если

и дадимъ, то это будетъ не отвѣтъ! Преступленіе! Что такое преступленіе?

Когда, во время родовъ, матери грозитъ смерть, разрѣзать на части, четвертовать, раздавить голову стальными щипцами уже живому, готовому закричать ребенку — это не преступленіе!.. Это только несчастная необходимость!.. А прекратить безсознательный, фізіологическій процессъ, нѣчто еще не существующее, какую-то химическую реакцію, — это преступленіе, ужасъ!.. Ужасъ, хотя бы отъ этого такъ же зависѣла жизнь матери, и даже больше, чѣмъ жизнь — ея счастье!.. Почему такъ? — Никто не знаетъ, но всѣ кричатъ браво! — усмѣхнулся Санинъ. — Эхъ, люди, люди... — создادتуть, вотъ такъ себѣ, призракъ, условіе, миражъ и страдаютъ. А кричатъ: Человѣкъ — великолѣпно, важно, непостижимо! Человѣкъ — Царь! Царь природы, которому никогда царствовать не приходится: все страдаетъ и боится своей же собственной тѣни!

Санинъ помолчалъ.

— Да, впрочемъ, не въ томъ дѣло. Ты говоришь — плохо. Не знаю... можетъ быть. Но только, если сказать о твоёмъ паденіи Новикову, онъ перенесетъ жестокую драму, можетъ быть застрѣлится, но любить тебя не перестанетъ. И онъ будетъ самъ виноватъ; потому-что будетъ бороться съ тѣми же самыми предразсудками, въ которые официально не вѣрить. Если бы онъ былъ дѣйствительно уменъ, онъ не придалъ бы никакого значенія тому, что ты съ кѣмъ-то спала, извини за грубое выраженіе. Ни тѣло твое, ни душа твоя отъ этого хуже не стали... Божемой, вѣдь женился бы онъ на вдовѣ, на примѣръ! Очевидно дѣло тутъ не въ фактѣ, а въ той путаницѣ, которая происходитъ у него въ головѣ. А ты... Если-бы человѣку было свойственно любить одинъ только разъ, то при попыткѣ любить во второй — ничего бы не вышло, было бы больно, гадко и неудобно. А то этого нѣтъ. Все одинаково пріятно и счастливо. Полюбишь ты Новикова... А не полюбишь, такъ... уѣдемъ со мной. Лидочка! Жить можно вездѣ!..

Лидка вздохнула, стараясь вытолкнуть изнутри что то тяжелое.

«А можетъ быть и вправду все будетъ опять хорошо... Новиковъ... онъ милый и славный и... красивый тоже... Нѣтъ, да... не знаю»...

— Ну, что было бы, если бы ты утопилась? Добро и зло не потерпѣло бы ни прибыли, ни убытка... Затянуло бы

иломъ твой распухшій, безобразный трупъ, потомъ тебя бы вытащили и похоронили... Только и всего!

Передъ глазами Лиды заколыхалась зеленая, зловѣщая глубина, потянулись медленными змѣеобразными движеніями какія то осклизлыя нити, полосы, пузыри, стало вдругъ страшно и отвратительно.

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда... Пусть позоръ, Новиковъ, все что угодно, только не это! — блѣднѣя подумала она.

— Вонъ ты какъ обалдѣла отъ страху! — смѣясь сказалъ Санинъ.

Лида улыбнулась сквозь слезы, и эта собственная случайная улыбка, точно показавъ, что еще можно смѣяться, согрѣла ее.

— Что бы тамъ ни было, буду жить! — съ страстнымъ и почти торжествующимъ порывомъ подумала она.

— Ну, вотъ, — радостно сказалъ Санинъ и всталъ порывисто и весело. — Ни отъ чего не можешь быть такъ тошно, какъ отъ мысли смерти, но если и это плечи подымутъ и не перестанешь слышать и видѣть жизнь, то и живи! Такъ?.. Ну, дай лапку!

Лида протянула ему руку, и въ ея робкомъ, женственномъ движеніи была дѣтская благодарность.

— Ну, вотъ такъ... Славная у тебя ручка!

Лида улыбнулась и молчала.

Не слова Санина подѣйствовали на нее. Въ ней самой была огромная, упорная и смѣлая жизнь и минута молчанія и слабости только натянула ее, какъ струну. Еще одно движеніе и струна бы порвалась, но движенія этого не было и вся душа ея зазвучала еще стройнѣе и звучнѣе дерзостью, жадной жизни и безшабашной силой. Съ восторгомъ и удивленіемъ, въ незнакомой ей бодрости, Лида смотрѣла и слушала, каждымъ атомомъ своего существа улавливая ту же могучую радостную жизнь, которая шла вокругъ, въ свѣтѣ солнца, въ зеленой травѣ, въ бѣгущей, пронизанной насквозь свѣтомъ, водѣ, въ улыбающемся спокойномъ лицѣ брата и въ ней самой. Ей казалось, что она видитъ и чувствуетъ въ первый разъ.

— Жить! — оглушительно и радостно кричало въ ней.

— Ну, вотъ и хорошо, — говорилъ Санинъ: — я помогу тебѣ въ борьбѣ въ трудное время, а ты меня за это поцѣлуй. потому что ты красавица!

Лида молча улыбнулась, и улыбка была загадочная, какъ у лѣсной дѣвы. Санинъ взялъ ее за талию и чувствуя, какъ въ его мускулистыхъ рукахъ вздрагиваетъ и танется упругое, теплое тѣло, крѣпко и дерзко прижалъ ее къ себѣ.

Въ душѣ Лиды дѣлалось что то странное, но невыразимо пріятное: все въ ней жило и жадно хотѣло еще больше жизни. Не отдавая себѣ отчета она медленно обвила шею брата обѣими руками и, полузакрывъ глаза, сжала губы для поцѣлуя. И чувствовала себя неудержимо счастливой, когда горячія губы Санина долго и больно ее цѣловали. Въ это мгновеніе ей не было дѣла до того, кто ее цѣлуетъ, какъ нѣтъ дѣла цвѣтку, пригрѣтому солнцемъ, кто его грѣетъ.

— Что же это со мной? — думала она съ радостнымъ удивленіемъ: — ахъ, да... я хотѣла зачѣмъ-то утопиться... какъ глупо... Зачѣмъ?... Ахъ, какъ хорошо... ну, еще, еще... вотъ я сама цѣлую... Ахъ, какъ хорошо... и все равно кто... Только бы жить.

— Ну, вотъ... — сказалъ Санинъ, выпуская ее, — все, что хорошо, хорошо... и ничему больше не надо придавать значенія!

Лида медленно поправила волосы, глядя на него со счастливой и бессмысленной улыбкой. Санинъ подаль ей зонтикъ и перчатку, и Лида сначала удивилась отсутствіемъ другой, а потомъ вспомнила и долго тихо смѣялась, припоминая, какимъ громаднымъ и зловѣщимъ казалось ей ровно ничего не значащее утопленіе перчатки.

— И такъ все! — думала она, идя съ братомъ по берегу и подставляя выпуклую грудь горячему солнечному свѣту.

XX.

Новиковъ самъ отворилъ дверь Санину и, увидѣвъ его, насунился. Ему было тяжело все, что напоминало Лиду и то непонятно прекрасное, что разбилось у него въ душѣ, какъ тонкая ваза.

Санинъ замѣтилъ это и вошелъ, примирительно и ласково улыбаясь. Въ комнатѣ Новикова было грязно и разбросано, какъ будто вихорь прошелъ по ней, заметя полъ бумажками, соломой и всякимъ хламомъ. Безъ всякаго толку наваленные на кровати, стульяхъ и выдвинутыхъ ящикахъ комодовъ, пестрѣли книги, бѣлье, инструменты и чемоданы.

— Куда? — съ недоумѣніемъ спросилъ Санинъ.

Новиковъ, стараясь не смотрѣть на него, молча передвигалъ на столѣ какія-то мелочи.

— Ёду, братъ, на голодъ... бумагу получилъ.... — неловко и сердясь на себя за это, отвѣтилъ онъ.

Санинъ посмотрѣлъ на него, потомъ на чемоданъ, потомъ опять на него и вдругъ широко улыбнулся. Новиковъ промолчалъ, машинально пряча вмѣстѣ съ стеклянными трубками сапоги. Ему было больно и чувствовалъ онъ полное тоскливое одиночество.

— Если ты будешь такъ укладываться, — замѣтилъ Санинъ: — то приѣдешь и безъ инструментовъ и безъ сапогъ.

— А... — произнесъ Новиковъ, мелькомъ взглянувъ на Санина, и его глаза, полные слезъ, сказали: — оставь меня... видишь, мнѣ тяжело!

Санинъ понялъ и замолчалъ.

Въ окно ужеплыли задумчивыя лѣтнія сумерки и надъ легкой зеленью сада потухало ясное, чистое какъ кристаллъ, небо.

— А по моему, — началъ Санинъ помолчавъ: — чѣмъ ѣхать тебѣ чортъ знаетъ куда, лучше бы тебѣ на Лидѣ жениться!

Новиковъ неестественно быстро повернулся къ нему и вдругъ весь затрясся.

— Я тебя попрошу... оставить эти глупыя шутки! — звенящимъ голосомъ прокричалъ онъ.

Звукъ его голоса улѣтѣлъ въ задумчивый прохладный садъ и странно прозвенѣлъ подъ тихими деревьями.

— Чего ты взѣлся? — спросилъ Санинъ.

Послушай... — хрипло произнесъ Новиковъ и глаза у него сдѣлались круглые, а лицо стало совсѣмъ не похожее на то доброе и мягкое лицо, которое зналъ Санинъ.

— А ты станешь спорить, что женитьба на Лидѣ не счастье? — весело смѣясь одними уголками глазъ, спросилъ Санинъ.

— Перестань! — взвизгнувъ Новиковъ, шатаясь, какъ пьяный, бросился къ Санину, схватилъ тотъ же нечищенный сапогъ и съ невѣдомой ему силой взмахнулъ имъ надъ головой.

— Тише ты, чортъ! — сердито сказалъ Санинъ, невольно отодвигаясь.

Новиковъ съ отвращеніемъ бросилъ сапогъ и остановился передъ нимъ, тяжело дыша.

— Это меня-то старымъ сапогомъ! — укоризненно покачалъ головой Санинъ. Ему было жаль Новикова и смѣшно все, что тотъ дѣлалъ.

— Самъ виноватъ... — сразу слабѣя и конфузясь, возразилъ Новиковъ.

И сейчасъ же почувствовалъ нѣжность и довѣріе къ Санину. Тотъ былъ такой большой и спокойный и Новикову, точно маленькому мальчику, захотѣлось приласкаться, пожаловаться на то, что его такъ измучило. Даже слезы выступили у него на глазахъ.

— Если бы ты зналъ, какъ мнѣ тяжело! — сказалъ онъ прерывисто, дѣлая усилія горломъ и ртомъ, чтобы не заплакать.

— Да я, голубчикъ, все знаю, — ласково отвѣтилъ Санинъ.

— Нѣтъ, ты не можешь знать! — довѣрчиво возразилъ Новиковъ, машинально садясь рядомъ. Ему казалось, что его состояніе такъ исключительно тяжело, что никто не въ силахъ понять его.

— Нѣтъ, знаю... — сказалъ Санинъ: — хочешь, побожусь!.. Если ты больше не будешь кидаться не меня съ старымъ сапогомъ, такъ я тебѣ это докажу. Не будешь?

— Да... Ну, прости, Володя, — конфузливо пробормоталъ Новиковъ, называя Санина по имени, чего никогда не дѣлалъ.

Санину это понравилось и оттого желаніе помочь и все уладить сдѣлалось въ немъ еще сильнѣе.

— Слушай, голубчикъ, будемъ мы говорить откровенно, — заговорилъ онъ ласково, положивъ руку на колѣно Новикова: — вѣдь ты и ѣхать собрался только потому, что Лида тебѣ отказала, а тогда, у Зарудина, тебѣ только показалось, что это Лида пришла.

Новиковъ понурился. Ему показалось, что Санинъ расковыриваетъ въ немъ свѣжую, нестерпимо болѣзненную рану.

Санинъ посмотрѣлъ на него и подумалъ:

— Ахъ ты, доброе, глупое животное!

— Я тебя не стану увѣрять, — продолжалъ онъ: — что Лида не была въ связи съ Зарудинымъ, я этого не знаю... не думаю... — поспѣшно прибавилъ онъ, замѣтивъ страдальче-

ское выраженіе, промелькнувшее по лицу Новикова, точно тѣнь пролетѣвшей тучки.

Новиковъ поглядѣлъ на него со смутной надеждой.

— Ихъ отношенія начались такъ недавно, — пояснилъ Санинъ: — что ничего серьезнаго быть не могло. Особенно если принять во вниманіе характеръ Лиды... Ты, вѣдь, знаешь Лиду.

Передъ глазами Новикова встала Лиды, такая, какою онъ ее зналъ и любилъ: стройная, гордая дѣвушка, съ большими, не то нѣжными, не то грозными глазами, въ холодѣ чистоты, точно въ ледяномъ ореолѣ. Онъ закрылъ глаза и повѣрилъ Санину.

— Да если между ними и былъ обыкновенный весенній флиртъ, то теперь все это, очевидно, кончено. Да и какое тебѣ дѣло до маленькаго увлеченія дѣвушки, еще свободной и ищущей своего счастья, когда самъ ты, даже не роясь въ памяти, конечно вспомнишь десятки такихъ увлеченій и даже гораздо хуже.

Новиковъ повернулся къ нему и отъ довѣрія, переполнишаго его душу, глаза его стали свѣтлы и прозрачны. Въ душѣ его зашевелился ивой ростокъ, но такой слабый, каждую минуту готовый исчезнуть, что онъ самъ боялся неосторожнымъ словомъ или мыслью убить его.

— Знаешь, если бы я... — Новиковъ не договорилъ, потому что самъ не могъ оформить того, что хотѣлъ сказать, но почувствовалъ, какъ къ горлу подступаютъ сладкія слезы умиленія своимъ горемъ и своимъ чувствомъ.

— Что, если бы? — повышая голосъ и блестя глазами торжественно заговорилъ Санинъ: — я тебѣ только одно могу сказать, что между Лидой и Зарудинымъ ничего нѣтъ и не было!

Новиковъ растерянно посмотрѣлъ на него.

— Я думалъ... — съ ужасомъ заговорилъ онъ, чувствуя, что не вѣрить.

— Глупости ты думалъ, — съ искреннимъ раздраженіемъ возразилъ Санинъ: — ты развѣ не понимаешь Лиду: разъ она столько времени колебалась, какая же это любовь!

Новиковъ схватилъ его за руку, восторженно глядя ему въ ротъ.

И вдругъ страшная злоба и омерзеніе охватили Санина. Онъ нѣсколько времени молча смотрѣлъ на лицо человѣка, ставшаго блаженнымъ при мысли, что женщина, съ которой

онъ хотѣлъ совокупиться, не совокуплялась раньше ни съ кѣмъ. Голая животная ревность, плоская и жадная, какъ гадъ, глядѣла изъ добрыхъ человѣческихъ глазъ, преобразенныхъ искреннимъ горемъ и страданіемъ.

— О-о! — зловѣще протянулъ Санинъ и всталъ.

— Ну, такъ я тебѣ скажу вотъ что: Лида не только была влюблена въ Зарудина, она была съ нимъ въ связи и теперь даже беременна отъ него!

Звонящая тишина стала въ комнатѣ. Новиковъ, странно улыбаясь, глядѣлъ на Санина и потиралъ руки. Губы его вздрогнули, зашевелились, но только какой-то слабый пискъ вылетѣлъ и умеръ. Санинъ стоялъ надъ нимъ и смотрѣлъ въ глаза и на нижней челюсти и въ уголкахъ рта залегла у него жестокая и опасная складка.

— Ну, что жъ ты молчишь? — спросилъ Санинъ.

Новиковъ быстро поднялъ на него глаза и быстро опустилъ, такъ же молча и растерянно улыбаясь.

— Лида пережила страшную драму, тихо заговорилъ Санинъ, какъ бы разговаривая самъ съ собою: — если бы случай не толкнулъ меня, то теперь ея уже не было бы на свѣтѣ и то, что вчера было прекрасной, живой дѣвушкой, сейчасъ лежало бы голое и безобразное, изтѣденное раками, гдѣ нибудь въ береговой тинѣ... Не въ томъ дѣло, что она бы умерла... всякій человѣкъ умираетъ, но съ нею умерла бы огромная радость, которую она вносила въ жизнь окружающихъ людей... Лида... она не одна, конечно... но если бы погибла вся женская молодость, на свѣтѣ стало бы, какъ въ могилѣ. И я, лично, когда безсмысленно затравятъ молодую, красивую дѣвушку, испытываю желаніе кого-нибудь убить!.. Слушай, мнѣ все равно, женишься ли ты на Лидѣ или пойдешь къ чорту, но мнѣ хочется сказать вотъ что: ты идіотъ! — если бы подъ черепомъ твоимъ ворошилась бы хоть одна здоровая, чистая мысль, развѣ ты страдалъ бы такъ и дѣлалъ несчастнымъ себя и другихъ оттого только, что женщина, свободная и молодая, выбирая самца, ошиблась и стала опять свободной уже послѣ полового акта, а не прежде него... Я говорю тебѣ, но ты не одинъ.. васъ, идіотовъ, сдѣлавшихъ жизнь невозможной тюрьмой, безъ солнца и радости, миллионы!.. Ну, а ты самъ: сколько разъ ты самъ лежалъ на брюхѣ какой-нибудь проститутки и извивался отъ похоти, пьяный и грязный, какъ собака!... Въ паденіи Лиды была страсть, была поэзія смѣлости и силы, а ты? Какое же ты имѣешь право отво-

рачиваться отъ нея, ты, мнящій себя умнымъ и интеллигентнымъ человѣкомъ, между умомъ котораго и жизнью яко бы нѣтъ преградъ!.. Что тебѣ до ея прошлаго? Она стала хуже, меньше доставить наслажденія? Тебѣ самому хотѣлось лишить ее невинности?.. Ну?

— Ты самъ знаешь, что это не такъ... — дрожащими губами проговорилъ Новиковъ.

— Нѣтъ — такъ! — крикнулъ Санинъ: — а если не такъ, такъ что же?..

Новиковъ молчалъ.

Въ душѣ его было пусто и темно и только, какъ освѣщенное окно въ темномъ полѣ, далеко-далеко засвѣтилось тоскливое счастье прощенія, жертвы и подвига.

Санинъ смотрѣлъ на него и, казалось, ловилъ его мысли по вѣтмъ изгибаемъ изворотливаго ума.

— Я вижу, — заговорилъ онъ опять тихимъ, но острымъ тономъ: — что ты думаешь о самопожертвованіи... У тебя уже явилась лазейка: я снизойду до нея, я прикрою ее отъ толпы и такъ далѣе... И ты уже растешь въ своихъ глазахъ, какъ червякъ на падали!.. Нѣтъ, врешь! Ни на одну минуту въ тебѣ нѣтъ самоотреченія: если бы Лиду дѣйствительно испортила оспа, ты, можетъ быть, понатужился бы до подвига, но черезъ два дня испортилъ бы ей жизнь, сослался бы на рокъ и или сожжалъ бы, или заѣлъ бы ее, и шелъ бы на подвигъ съ отчаяніемъ въ душѣ. А теперь ты на себя, какъ на икону зриаешь!.. Еще бы: ты свѣтель лицомъ и всякій скажетъ, что ты святой, а потерять ты ровно ничего не потерялъ: у Лиды остались тѣ же руки, тѣ же ноги, та же грудь, та же страсть и жизнь!... Пріятно наслаждаться, сознавая, что дѣлаешь святое дѣло!.. Еще бы!..

И подъ этими словами въ душѣ Новикова трусливо сжалось въ комочекъ и умерло, какъ раздавленный червякъ, то трогательное самолюбованіе, которое начинало расцвѣтать тамъ, и мягкая душа его дала новое чувство, проще и искреннѣе перваго.

— Ты хуже думаешь обо мнѣ, чѣмъ я есть! — съ печальной укоризной сказалъ онъ: — я вовсе не такъ тупъ, какъ ты говоришь... Можетъ быть... не стану спорить, во мнѣ и сильны предразсудки, но Лидію Петровну я люблю... и если бы я зналъ, что она меня любитъ, развѣ я сталъ бы задумываться надъ тѣмъ...

Послѣднее слово онъ проговорилъ съ трудомъ и эта трудность сказать то, во что вѣришь, уже доставляла ему самому острое страданіе.

Санинъ вдругъ остылъ. Онъ задумался, прошелся по комнатѣ, остановился у окна въ сумеречный садъ и тихо отвѣтилъ:

— Она теперь несчастна, ей не до любви... Любить она тебя или не любить, кто ее знаетъ. Я только думаю, что если ты пойдешь къ ней и будешь вторымъ человѣкомъ въ мірѣ, который не казнитъ ея за ея минутное, случайное счастье, то... кто жъ ее знаетъ!...

Новиковъ задумчиво смотрѣлъ передъ собою. Въ немъ была и печаль и радость: и печальная радость, и радостная печаль создавали въ душѣ его свѣтлое, какъ умирающій лѣтній вечеръ, трогательное счастье.

— Пойдемъ къ ней, — сказалъ Санинъ: — что бы тамъ ни было, а ей будетъ легче увидѣть человѣческое лицо среди масокъ, подъ которыми звѣриныя морды... Ты, другъ мой, достаточно глупъ, это правда, но есть у тебя, въ самой твоей глупости нѣчто такое, чего нѣтъ у другихъ... Что жъ, на этой глупости міръ долго строилъ свое счастье и свои упованія... Пойдемъ.

Новиковъ робко ему улыбнулся.

— Я пойду... но только ей самой пріятно ли это будетъ?

— Ты не думай объ этомъ, — положилъ ему на плечи обѣ руки Санинъ: — если ты считаешь, что дѣлаешь хорошо — дѣлай, а тамъ будетъ видно...

— Ну, пойдемъ! — рѣшительно сказалъ Новиковъ.

Въ дверяхъ онъ остановился и, глядя прямо въ глаза Санину, съ невѣдомой въ немъ силой, сказалъ:

— И, знаешь, если это возможно, я сдѣлаю ее счастливой... Эта фраза банальна, но я не могу иначе выразить то, что чувствую...

— Ничего, другъ, — ласково отвѣтилъ Санинъ: — я понимаю и такъ!...

XXI.

Знойное лѣто стояло надъ городомъ. По ночамъ высоко въ небѣ ходила круглая свѣтлая луна, воздухъ былъ тепелъ и густъ и вмѣстѣ съ запахомъ садовъ и цвѣтовъ возбуждалъ истомныя, властныя чувства.

Днемъ люди работали, занимались политикой, искусствомъ, проведеніемъ въ жизнь разнообразныхъ идей, ѣдой, питьемъ, купаньемъ и разговорами, но какъ только спадала жара, укладывалась успокоенная, отяжелѣвшая пыль и на темномъ горизонтѣ, изъ-за дальней роши или ближней крыши показывался край круглаго свѣтло-загадочнаго диска, заливающего сады холоднымъ, таинственнымъ свѣтомъ, все останавливалось, точно скидывало съ себя какія-то пестрые одежды, и легкое и свободное начинало жить настоящею жизнью. И чѣмъ моложе были люди, тѣмъ полнѣе и свободнѣе была эта жизнь. Сады стонали отъ соловьиного свиста, травы, задѣтые легкимъ женскимъ платьемъ, таинственно качали своими головками, тѣни углублялись, въ воздухѣ душно вставала любовная истома, глаза то загорались, то туманились, щеки розовѣли, голоса становились загадочны и призывны.

И новыя поколѣнія людей стихійно зарождались подъ холоднымъ луннымъ свѣтомъ, въ тѣни молчаливыхъ деревьевъ, дышащихъ прохладой, на примятой сочной травѣ.

И Юрій Сварожичъ, вмѣстѣ съ Шафровымъ занимаясь политикой, кружками саморазвитія и чтеніемъ новѣйшихъ книгъ, воображалъ, что именно въ этомъ его настоящая жизнь, и въ этомъ — разрѣшеніе и успокоеніе всѣхъ его тревогъ и сомнѣній. Но сколько онъ ни читалъ, сколько ни устраивалъ, ему все было скучно и тяжело, и въ жизни не было огня. Зажигался онъ только въ тѣ минуты, когда Юрій чувствовалъ себя здоровымъ и сильнымъ и былъ влюбленъ въ женщину.

Сначала всѣ женщины, молодыя и красивыя, казались ему одинаково интересными и одинаково волновали его, но вотъ среди нихъ начала выступать одна и мало-по-малу она взяла себѣ всѣ краски и всѣ прелести ихъ и стала передъ нимъ отдѣльно, прекрасная и милая, какъ березка на опушкѣ лѣса, весной.

Она была очень красива, высокаго роста, полная и сильная, ходила, на каждомъ шагу подаваясь впередъ высокой и красивой грудью, голову носила приподнятой на сильной и бѣлой шѣе, звонко смѣялась, красиво пѣла и, хотя много читала, любила умныя мысли и свои стихи, но все ея существо ощущало полное удовлетвореніе только тогда, когда ей приходилось дѣлать усилія, напирать на что-нибудь упругой грудью, обхватывать изо всей силы руками, упираться ногами, смѣяться, пѣть и смотрѣть на сильныхъ и красивыхъ мужчинъ. Иногда, когда, могуче сжигая все темное, свѣтило

солнце или блестяла на темномъ небѣ луна, ей хотѣлось раздѣться и голой бѣжать по зеленой травѣ, броситься въ темную колыхающуюся воду, кого-то ждать и искать, призывая пѣвучимъ крикомъ.

Ея присутствіе волновало Юрія, вызывая въ немъ невѣдомыя, еще неиспользованныя силы. При ней ярче говорилъ его языкъ, сильнѣе становились мускулы, крѣпче сердце и гибче умъ. Весь день онъ думалъ о ней и вечеромъ шелъ искать ее, скрывая это даже отъ самого себя.

Но въ душѣ его было что-то раздѣненное, нудное, становящееся поперекъ силы, идущей на волю изнутри. Каждое чувство, возникающее въ немъ, онъ останавливалъ и опрашивалъ, и чувство меркло, вяло и теряло лепестки, какъ цвѣтокъ подъ морозомъ. Когда онъ спрашивалъ себя, что влечетъ его къ Карсавиной, то отвѣчалъ: половое влеченіе и только — и хотя не зналъ самъ, почему, но это прямоугольное слово вызывало въ немъ небрежное и тяжелое для него самого презрѣніе.

А между тѣмъ между ними безмолвно устанавливалась таинственная связь, и какъ въ зеркалѣ, каждое его движеніе отражалось въ ней, а ея въ немъ.

Карсавина не думала, что въ ней происходитъ, но чувству своему радовалась, боялась его, желала и старалась скрыть отъ другихъ, чтобы оно было полно и всецѣло принадлежало ей одной. Ее мучило, что она не можетъ понять всего, что происходитъ въ душѣ и тѣлѣ этого красиваго, милаго ей человѣка. По временамъ ей казалось, что между ними ничего нѣтъ и тогда она страдала, плакала и томилась, точно потерявъ какое то богатство. Но все-таки вниманіе другихъ мужчинъ, которые подходили къ ней и смотрѣли на нее странными, и понятными и не понятными глазами, не могло не тѣшить и не волновать ее. И потому, особенно тогда, когда она была увѣрена въ томъ, что любима Юріемъ и вся расцвѣтала, какъ невѣста, Карсавина волновала другихъ и сама волновалась тайной жадныхъ желаній.

И особенно странную волнующую срую чувствовала она въ себѣ, когда къ ней приближался Санинъ, съ его широкими плечами, спокойными глазами и увѣренно сильными движеніями. Ловя себя на этомъ тайномъ волненіи, Карсавина пугалась, считала себя дурной и развратной, и все-таки съ любопытствомъ смотрѣла на Санина.

Вечеромъ, въ тотъ день, когда Лида пережила свою тяже-

лую драму, Юрій и Карсавина встрѣтились въ библіотекѣ. Они просто поздоровались и занялись каждый своимъ дѣломъ: Карсавина выбирала книги, а Юрій просматривалъ петербургскія газеты. Но вышло какъ-то такъ, что вышли они вмѣстѣ и пошли по уже пустымъ, ярко освѣщеннымъ луной улицамъ.

Въ воздухѣ было необыкновенно тихо, и слышались только смягченныя разстояніемъ звуки трещетки ночного сторожа и лай маленькой собаки, гдѣ-то на задворкахъ. На бульварѣ они наткнулись на какую-то компанію, сидѣвшую въ тѣни деревьевъ. Тамъ слышались оживленные голоса, виднѣлись вспыхивающіе и на мгновеніе освѣщавшіе чьи-то усы и бороды огоньки папиросъ. И когда они уже проходили мимо, чистый и веселый мужской голосъ пропѣлъ:

Сердце красавицы
Какъ вѣтерокъ полей!...

Не доходя до квартиры Карсавиной, они сѣли на лавочку у чужихъ воротъ, въ глубокой тѣни, откуда виднѣлась широкая, ровно освѣщенная луной, улица, а въ концѣ ея бѣлая ограда церкви и темныя липы, надъ которыми холодно, какъ звѣзда, блестѣлъ въ небѣ крестъ.

— Посмотрите, какъ хорошо! — глѣвуче сказала Карсавина, показывая рукой.

Юрій мелькомъ и съ наслажденіемъ взглянулъ на ея бѣлое полное плечо, кругло блестѣвшее сквозь широкій воротъ малороссійскаго костюма, и почувствовалъ неудержимое желаніе сжать ее, поцѣловать въ пухлыя сочныя губы, раскрытыя отъ его губъ такъ близко. Онъ вдругъ почувствовалъ, что это надо сдѣлать, что и она сама ждетъ этого и боится, и желаетъ.

Но вмѣсто того, какъ-то упустивъ моментъ и обезсилѣвъ, онъ скривилъ губы и насмѣшливо хмыкнулъ.

— О чемъ вы? — спросила Карсавина.

— Такъ, ни о чемъ... — сдерживая страстную дрожь въ ногахъ отвѣтилъ Юрій: — черезчуръ ужъ хорошо.

Они помолчали, чутко прислушиваясь къ отдаленнымъ звукамъ, звенящимъ за темными садами и блестящими отъ луны крышами.

— Были вы когда-нибудь влюблены? — спросила вдругъ Карсавина.

— Былъ... — медленно отвѣтилъ Юрій. — А что если я скажу? — съ замираніемъ подумалъ онъ и сказалъ: — я и сейчасъ влюбленъ.

— Въ кого? — вздрогнувшимъ голосомъ спросила Карсавина, полная увѣренности и страха.

— Да въ васъ! — стараясь говорить шутя, но срываясь съ тона, отвѣтилъ Юрій, наклоняясь и заглядывая ей въ глаза, странно блестящіе въ тѣни.

Она быстро и испуганно взглянула на него и ея испуганное блаженное лицо было полно ожиданія.

Юрій хотѣлъ ее обнять. Онъ уже чувствовалъ подъ своими руками мягкія холодноватыя плечи и упругую грудь, но испугался, опять упустилъ моментъ и, не имѣя силы, не думая сдѣлать то, чего хотѣлъ, смущенно и притворно зѣвнулъ.

— Шутить! — съ болью подумала Карсавина и вдругъ все въ ней похолодѣло отъ горя и обиды. Она почувствовала, что сейчасъ заплачетъ, и съ судорожнымъ усиленіемъ удерживать слезы, стиснула зубы.

— Глупости! — поспѣшно вставая, измѣнившимся голосомъ пробормотала она.

— Я серьезно говорю! — сказалъ Юрій уже противъ воли неестественнымъ голосомъ: — я васъ люблю, и вы можете мнѣ повѣрить — очень страстно!

Карсавина, не отвѣчая, собрала свои книги.

— Зачѣмъ такъ... за что? — съ тоской думала она и вдругъ съ ужасомъ подумала, что выдала себя и онъ презираетъ ее.

Юрій подаль ей упавшую книгу.

— Пора домой... — тихо сказала она.

Юрію было мучительно жаль, что она уйдетъ, и въ то же время ему показалось, что выходитъ оригинально, и красиво, далеко отъ всякой пошлости.

И онъ загадочно отвѣтилъ:

— До свиданья!

Но когда Карсавина подала ему руку, Юрій противъ воли нагнулся и поцѣловалъ ее въ мягкую, теплую ладонь, отъ которой пахло ему въ лицо милымъ нѣжнымъ запахомъ. Карсавина сейчасъ же съ легкимъ вскрикомъ отдернула руку.

— Что вы!

Но мимолетное ощущеніе прикосновенія къ губамъ мягкаго дѣвственнаго, холодноватаго тѣла, было такъ сильно, что у Юрія закружилась голова и онъ могъ только блаженно и бессмысленно улыбаться, прислушиваясь къ быстрому шороху ея удаляющихся шаговъ.

Скоро скрипнула калитка и Юрій, все такъ же улыбаясь, пошелъ домой, изъ всѣхъ силъ вдыхая чистый воздухъ и чувствуя себя сильнымъ и счастливымъ.

XXII.

Но въ своей комнатѣ, послѣ простора и прохлады лунной ночи, душной и узкой, какъ тюрьма, Юрій опять сталъ думать, что все-таки жить скучно и все это мелко и пошло.

— Сорвалъ поцѣлуй! Какое счастье, какой подвигъ, подумаешь! Какъ это достойно и поэтично: луна, герой соблазняетъ дѣвицу пламенными рѣчами и поцѣлуями... Тьфу, пошлость! Въ этомъ проклятомъ захолустѣ незамѣтно мельчаешь!

И какъ живя въ большомъ городѣ Юрій полагалъ, что стоитъ ему только уѣхать въ деревню, окунуться въ простую, черноземную жизнь, съ ея работой, настоящей, невыдуманной работой, съ ея полями, солнцемъ и мужиками, чтобы жизнь приобрѣла, наконецъ, истинный смыслъ, такъ теперь ему подумалось, что если бы не эта глушь, если бы перенестись въ столицу, то жизнь закипѣла бы на настоящемъ пути.

— Въ столицѣ шумъ, гремятъ витіи! — съ задумчивымъ лицомъ и безсознательнымъ пафосомъ продекламировалъ Юрій.

Но мгновенно изловивъ себя на мальчишескомъ восторгѣ, махнулъ рукой.

— А впрочемъ, что изъ того... все равно!.. Политика, наука... все это громадно только издали, въ идеалѣ, въ общемъ, а въ жизни одного человѣка — такое же ремесло, какъ и всякое другое! Борьба, титаническія усилія... да... Но въ современной жизни это невозможно. Ну, что жъ: я искренно страдаю, борюсь, преодолеваю... а потомъ? Въ концѣ концовъ? Конечная точка борьбы лежитъ внѣ моей жизни. Прометей хотѣлъ дать людямъ огонь и далъ, — это побѣда. А мы? — мы можемъ только подбрасывать щепочки въ огонь, не нами зажженный, не нами потушенный.

И вдругъ у него промелькнула мысль, что это потому, что онъ Юрій, а не Прометей. Мысль эта была неприятна ему, но онъ все-таки, съ болѣзненнымъ самолюбіемъ подхватилъ ее:

— Какой я Прометей! У меня все сейчасъ же на личную почву, я, я, я!.. Для меня, для меня!.. Я такъ же слабъ и ни-

чтожентъ, какъ и всѣ эти людишки, которыхъ я искренно презираю!

Эта параллель была такъ мучительна для него, что Юрій спутался и нѣсколько времени тупо смотрѣлъ передъ собою, подыскивая себѣ оправданіе.

— Нѣтъ, я не то, что другіе! — съ облегченіемъ подумалъ онъ, — уже по одному, что я это думаю... Рязанцевъ, Новиковы, Санины не могутъ думать объ этомъ. Они далеки отъ трагическаго самобичеванія, они удовлетворены, какъ торжествующія свиньи Заратустры! У нихъ вся жизнь въ ихъ собственномъ микроскопическомъ я, и они-то заражаютъ и меня своей пошлостью... Съ волками живя, по волчьи и быть начинаешь! Это естественно!

Юрій сталъ ходить по комнатѣ и, какъ это часто бываетъ съ переменной положенія и мысли его переменились.

— Ну, хорошо... Это такъ, а все-таки надо обдумать многое: какія у меня отношенія къ Карсавиной? Люблю я ее или нѣтъ, все равно: что можетъ выйти изъ этого? Если бы я женился на ней, или просто связался на нѣкоторое время, было бы для меня это счастіемъ? Обмануть ее — было бы преступленіемъ, а если я ее люблю, то... ну, хорошо: у нея пойдутъ дѣти, — почему то краснѣя, торопливо подумалъ Юрій, — въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего дурного, но все-таки это свяжетъ меня и лишитъ свободы навсегда! Семейное счастье — мѣщанскія радости. Нѣтъ, это не для меня!

Разъ, два, три... — думалъ Юрій, машинально стараясь ступать такъ, чтобы съ каждымъ шагомъ попадать черезъ двѣ доски пола на третью. — Если бы навѣрное знать, что дѣтей не будетъ... Или если бы я могъ полюбить своихъ дѣтей такъ, чтобы отдать имъ жизнь... Нѣтъ, это тоже пошло... Вѣдь и Рязанцевъ будетъ любить своихъ чадъ, чѣмъ же мы будемъ отличаться другъ отъ друга? — Жить и жертвовать! Вотъ настоящая жизнь! Да... Но кому жертвовать? Какъ?.. На какую бы я дорогу ни бросился и какую бы цѣль я себѣ ни поставилъ, гдѣ тотъ чистый и несомнѣнный идеалъ, за который не жалъ было бы умереть?.. Да, не я слабъ, а жизнь не стоитъ жертвъ и любви. А если такъ, то не стоитъ и жить!

И этотъ выводъ никогда еще такъ ясно не укладывался въ мозгъ Юрія.

На столѣ у него всегда лежалъ револьверъ и теперь онъ, блестя своими полированными частями, попадался на глаза

Юрію каждый разъ, когда тотъ доходилъ до стола и поворачивался обратно.

Юрій взялъ его и внимательно осмотрѣлъ. Револьверъ былъ заряженъ. Юрій взвелъ курокъ и приставилъ револьверъ къ виску.

— Такъ вотъ.. — подумалъ онъ: — разъ и кончено? Глупо или умно стрѣляться? Самоубійство — малодушіе... Ну, что же значить, я малодушень!

Осторожное прикосновеніе холоднаго желѣза къ горячему виску было пріятно и жутко.

— А Карсавина? — безсознательно пронеслось въ головѣ Юрія: — такъ я и не буду обладать ею и оставлю это возможное для меня наслажденіе другому?

И при мысли о Карсавиной, въ немъ сладострастно и нѣжно все замерло. Но усиліемъ воли Юрій заставилъ себя подумать, что это все пустяки, ничто, въ сравненіи съ тѣми важными и глубокими мыслями, которыя, какъ ему казалось, наполнили его голову. Но это было насиліемъ и насилуемое чувство отомстило ему неудовлетворенной тоской и желаніемъ жить.

— Отчего бы и въ самомъ дѣлѣ, — съ замираніемъ сердца спросилъ себя Юрій.

Опять и уже съ намѣреніемъ, въ которое не вѣрилъ, и надъ которымъ стыдливо усмѣхнулся, Юрій приложилъ револьверъ къ виску и, не отдавая себѣ отчета въ своемъ движеніи, потянулъ за спускъ.

Что то съ дикимъ ужасомъ, холодное и острое, дернулось въ немъ. Въ ухахъ зазвенѣло и вся комната, какъ будто метнулась куда то. Но выстрѣла не было и послышался только слабый металлическій щелчекъ курка.

Юрій, охваченный слабостью съ головы до ногъ, медленно опустилъ руку съ револьверомъ. Все въ немъ дрожало и ныло, голова кружилась, во рту мгновенно пересохло. Когда онъ клалъ револьверъ, руки прыгали и нѣсколько разъ стукнули револьверомъ о столъ.

— Хорошъ, — подумалъ онъ и, овладѣвъ собою, подошелъ къ зеркалу и взглянулъ въ его темную, холодную поверхность.

— Значить, я трусъ? — Нѣтъ, — съ гордостью промелькнуло въ немъ: — не трусъ! Все таки я сдѣлалъ это и не виноватъ, что вышла осѣчка!

Изъ темнаго зеркала на него смотрѣло такое же лицо, какъ и всегда, но Юрію оно показалось торжественно и сурово. Онъ съ удовольствіемъ, стараясь однако увѣрить себя, что не придаетъ этому акту самообладанія никакого значенія, показалъ себѣ языкъ и отошелъ.

— Не судьба, значитъ! — произнесъ онъ вслухъ и слово это утѣшило и ободрило его.

— А что если бы меня видѣли? съ боязливымъ смущеніемъ подумалъ онъ въ ту же секунду, и невольно оглянулся.

Но все было тихо. За запертою дверью не чудилось ничего. Казалось, что за предѣлами комнаты ничего нѣтъ и Юрій одинъ живетъ и страдаетъ въ безграничной пустотѣ. Онъ потушилъ лампу, и удивился, что въ комнату сквозь щели ставень уже пробивался блѣдно-розовый свѣтъ утра.

Онъ легъ спать, и во снѣ ему представилось, что кто то тяжелый и громоздскій сѣлъ на него, вспыхивая зловѣщимъ краснымъ свѣтомъ.

— Это — чортъ! — съ ужасомъ пронеслось въ его душѣ.

Юрій дѣлалъ судорожныя усилія, чтобы освободиться. Но Красный не уходилъ, не говорилъ, не смѣялся, а только щелкалъ языкомъ. Нельзя было разобрать, насмѣшливо или соблазняюще онъ щелкаетъ, и это было мучительно..

XXIII.

Мягко и любовно, дыша запахомъ травъ и цвѣтовъ, въ открытое окно плыли сумерки.

Санинъ сидѣлъ за столомъ и при послѣднемъ свѣтѣ дня читалъ уже много разъ читанный имъ рассказъ о томъ, какъ трагически одиноко умиралъ старый архіерей, окруженный людьми поклоненіемъ и кадильнымъ дымомъ, облаченный въ золотыя ризы, брилліантовые кресты и всеобщее уваженіе.

Въ комнатѣ было такъ же прохладно и чисто, какъ и на дворѣ, и легкое дыханіе вечера свободно ходило по комнатѣ, наполняя грудь, шевеля мягкія волосы Санина и лаская его сильныя плечи, внимательно и серьезно сгорбившіяся надъ книгой.

Санинъ читалъ, думалъ, шевелилъ губами и былъ похожъ на большого маленькаго мальчика, углубившагося въ книгу. И чѣмъ больше читалъ онъ, тѣмъ сильнѣе и глубже возникали въ немъ грустныя мысли о томъ, сколько ужаса

въ человѣческой жизни, какъ тупы и грубы люди и какъ онъ далекъ отъ нихъ. И ему казалось, что если бы онъ зналъ этого архіерея, то это было бы хорошо и жизнь стараго архіерея не была бы такой одинокой.

Дверь въ комнату отворилась и кто-то вошелъ. Санинъ оглянулся.

— А!.. Здравствуй, — сказалъ онъ, отодвигая книгу. — Ну, что скажешь новаго?

Новиковъ слабо пожалъ ему руку и усмѣхнулся блѣдной и печальной гримасой.

— Ничего. Все такъ же скверно, какъ и было! — отвѣтилъ онъ и, махнувъ рукой, отошелъ къ окну.

Оттуда, гдѣ сидѣлъ Санинъ, былъ виденъ только его рослый и красивый силуэтъ, мягко обрисованный потухающимъ фономъ зари. Санинъ долго и внимательно смотрѣлъ на него.

Когда въ первый разъ онъ привелъ смущеннаго и страдающаго Новикова къ жалкой, растерянной Лидѣ, совсѣмъ не похожей на ту красиво смѣлую и гордую дѣвушку, какою она была еще недавно, они не сказали ни слова о томъ, что до дна проникало ихъ души. И Санинъ понялъ, что они будутъ несчастны, когда скажутъ, но вдвое несчастнѣе, пока не говорятъ. Онъ чувствовалъ, что ясное и простое для него они могутъ найти только ощупью, пройдя сквозь страданіе, и не тронулъ ихъ, но тогда же увидѣлъ, что эти два человѣка находятся въ замкнутомъ кругу и встрѣча ихъ неизбежна.

— Ну, да ладно, — подумалъ Санинъ: — пусть перестрадаются... отъ страданія станутъ они мягче и чище... Пусть!

А теперь онъ почувствовалъ, что это время настало.

Новиковъ стоялъ передъ окномъ и молча глядѣлъ въ потухающее небо. Онъ былъ полонъ страннымъ чувствомъ, въ которомъ тоска по невозвратно утраченному тонко сливалась съ дрожью нетерпѣливаго ожиданія новаго счастья. Въ эти печально ласковыя сумерки онъ ярче представлялъ себѣ Лиду робкой, несчастной, всѣми униженной и обиженной, и ему казалось, что если бы хватило силы, онъ сталъ бы передъ нею на колѣни, согрѣлъ бы ея холодные пальцы поцѣлуями и возродилъ бы ее къ новой жизни своей всепрощившей великой любовью. Все горѣло въ немъ жаждой этого подвига, умиленіемъ передъ собой и любовной жалостью къ Лидѣ, но не было силъ пойти къ ней.

Санинъ и это понялъ. Онъ медленно поднялся, тряхнулъ головой и сказалъ:

— А Лида въ саду... Пойдемъ.

Тоскливо и счастливо, жалкимъ, больнымъ чувствомъ сжалось сердце Новикова. Легкая судорога пробѣжала по его лицу и исчезла. Видно было, какъ сильно дрожали его пальцы, крутившіе усы.

— Ну, что жъ?... Пойдемъ къ ней? — повторилъ Санинъ и голосъ у него былъ значителенъ и спокоенъ, какъ будто онъ приступалъ къ важному, но понятному дѣлу.

И по этому тону Новиковъ понялъ, что Санинъ видитъ все въ немъ происходящее, почувствовалъ огромное облегченіе и наивный дѣтскій испугъ.

— Пойдемъ, пойдемъ... — мягко продолжалъ Санинъ, взявъ Новикова за плечи и толкнулъ къ двери.

— Что жъ... я... пробормоталъ Новиковъ и вдругъ почувствовалъ умиленную нѣжность и желаніе поцѣловать Санина. Но онъ не посмѣлъ этого сдѣлать и только посмотрѣлъ ему въ лицо глубокими, мокрыми глазами.

Въ саду было темно и пахло теплой росой. Зеленоватые просвѣты зари стояли между стволами какъ готическія окна. Надъ блѣдными лужайками тонко курился первый туманъ. Казалось, кто то тихій и невидимый ходитъ по пустыннымъ дорожкамъ среди молчаливыхъ деревьевъ и тихо вздрагиваютъ при его приближеніи засыпающіе травы и цвѣты.

На берегу было свѣтлѣе, и заря на полъ неба стояла за рѣкой, свѣтло змѣвившейся въ темныхъ лугахъ. Лида сидѣла тутъ, у самой воды, и ея тонкій поникшій силуэтъ бѣлѣлъ на травѣ, точно таинственная тѣнь, тоскующая надъ водой.

То свѣтлое и дерзкое настроеніе, которое овладѣло ею подъ спокойный голосъ брата, исчезло такъ же быстро, какъ и появилось. Опять черною четою пришли и стали подлѣ стыдъ и страхъ и вселили въ нее мысль, что она не имѣетъ права не только на новое счастье, но и на самую жизнь.

Цѣлыми днями, съ книгой въ рукахъ, она сидѣла въ саду, потому что не могла прямо и просто смотрѣть въ глаза матери. Тысячи разъ все въ ней возмущалось, тысячи разъ говорила она себѣ, что мать — ничто передъ ея собственной жизнью, но каждый разъ, когда мать подходила къ ней, голосъ Лиды мѣнялся, теряя свою звучность, а въ глазахъ бѣгало что то виноватое и робкое. А ея смущеніе, румянецъ, нетвердый голосъ и бѣгающій взглядъ тревожили мать. Нудные допросы, тревоги и преслѣдующіе испытующіе взгляды такъ измучили Лиду, что она стала прятаться.

Такъ сидѣла она и въ этотъ вечеръ, тоскливо слѣдя за тающей въ черномъ горизонтѣ зарей и думая свою тяжелую безысходную думу.

Она думала о томъ, что не понимаетъ жизни. Что-то непостижимо громадное, спутанное, какъ спрутъ, липкое и могучее, вставало передъ нею.

Рядъ прочитанныхъ книгъ, рядъ великихъ и свободныхъ идей прошли сквозь ея мозгъ и она видѣла, что поступокъ ея былъ не только естествененъ, но даже хорошъ. Онъ не причинялъ никому зла, а ей и другому человѣку далъ наслажденіе. И безъ этого наслажденія у нея не было бы молодости и жизнь была бы уныла, какъ дерево осенью, когда облетятъ всѣ листья. Мысль о томъ, что религія не освятила ея союза съ мужчиной, была ей смѣшна и всѣ устои этой мысли были давно истощены и разрушены человѣческой свободной мыслью. Выходило такъ, что она должна была бы радоваться, какъ радуется цвѣтокъ, въ солнечное утро опылившійся новою жизнью, а она страдала и чувствовала себя на днѣ пропасти, ниже всѣхъ людей, послѣднею изъ послѣднихъ. И какъ ни звала она великія идеи и непоколебимыя истины, передъ завтрашнимъ днемъ позора онѣ таяли, какъ таетъ воскъ отъ огня. И вмѣсто того, чтобы встать ногою на шею людямъ, которыхъ она презирала за тупость и ограниченность ихъ, Лида думала только о томъ, чтобы спастись и обмануть ихъ.

И когда она одиноко плакала, тая слезы отъ людей, и когда обманывала ихъ притворнымъ весельемъ и когда погружалась въ тупое отчаяніе, Лида, какъ цвѣтокъ къ теплему лучу, тянулась только къ Новикову. Мысль о томъ, что онъ спасетъ ее, казалась преступно подлой, порой вспыхивало возмущеніе, что она можетъ зависѣть отъ его прощенія и любви, не сильнѣе убѣжденій и сильнѣе протеста было сознаніе своего безсилія и любовь къ жизни. И вмѣсто того, чтобы свободно взглянуть въ глаза Новикову, она робѣла передъ нимъ, какъ раба. И въ этой раздвоенной дѣвушкѣ было что то жалкое и безпомощное, какъ въ птицѣ съ подрѣзанными крыльями, которой уже не полетѣтъ никогда.

И въ тѣ минуты, когда муки ея становились невыносимы, Лида всегда вспоминала о братѣ и душа ея переполнялась наивнымъ удивленіемъ: ей было ясно, что у брата нѣтъ ничего святого, что онъ смотрѣлъ на нее, на сестру, глазами самца, что онъ эгоистиченъ и безправствененъ, но въ то же время это былъ единственный человѣкъ, съ которымъ ей бы-

ло легко, съ которымъ она не стыдѣясь могла говорить о самыхъ сокровенныхъ тайнахъ своей жизни. Въ его присутствіи все казалось просто и ничтожно: она была беременна, да, но что-жъ изъ того? Она была въ связи, да, но ей такъ правилось! Ее будутъ презирать и унижать — такъ что-жъ: передъ нею жизнь, солнце и просторъ, а люди есть вездѣ. Мать будетъ страдать, такъ вольно-жъ ей!.. Лида не видѣла жизни матери, когда та переживала свою молодость, и мать не будетъ слѣдить за нею, когда умретъ; случайно встрѣтившись на дорогѣ жизни и вмѣстѣ пройдя часть пути, онѣ не могутъ и не должны ложиться поперекъ дороги другъ другу.

Лида видѣла, что ей самой никогда не стать такой свободной, что думая такъ, она только подчиняется обаянію этого спокойнаго и твердаго человѣка, но съ тѣмъ большимъ удивленіемъ и восхищенной нѣжностью смотрѣла она на него. И странныя, вольныя мысли бродили у нея въ душѣ.

— Если бы онъ былъ чужой, не братъ... — несмѣло и пугливо думала она, поскорѣе убивая эту стыдную, но влекущую мысль.

И опять обращалась мыслью къ Новикову и, какъ раба, робко ждала и надѣялась на его прощенье и любовь.

Такъ завершался этотъ заколдованный кругъ, и Лида безсилно билась въ немъ, теряя послѣднія силы и краски своей молодой, яркой души.

Она услышала шаги и оглянулась.

Новиковъ и Санинъ молча подходили къ ней, шагая прямо по высокой травѣ. Ихъ лицъ нельзя было разсмотрѣть въ блѣдномъ сумракѣ вечера, но почему то Лида сразу почувствовала, что страшная минута приближается. Было похоже на то, что жизнь оставила ее, такъ блѣдна и слаба стала она.

— Ну, вотъ, — сказалъ Санинъ: — я привелъ къ тебѣ Новикова, а что ему нужно — онъ самъ тебѣ скажетъ... Посидите тутъ, а я пойду чай пить.

Онъ круто повернулся и пошелъ прочь, широко шагая черезъ траву.

Нѣсколько времени, постепенно сливаясь съ мракомъ, еще блѣдѣла его рубаша, потомъ исчезла за деревьями и стало такъ тихо, что не вѣрилось, что онъ ушелъ совсѣмъ, а не стоитъ въ тѣни деревьевъ.

Новиковъ и Лида проводили его глазами и оба по этому движенію поняли, что все сказано и надо только повторить вслухъ.

— Лидія Петровна, — тихо проговорилъ Новиковъ, и звукъ его голоса былъ такъ печаленъ и трогательно искрененъ, что сердце Лиды нѣжно сжалось.

— А онъ тоже бѣдный, жалкій, и хорошій онъ... — съ грустною радостью подумала дѣвушка.

— Я все знаю, Лидія Петровна — продолжалъ Новиковъ, чувствуя, какъ растетъ въ немъ умиленіе передъ своимъ поступкомъ и жалость къ ея скорбной, робкой фигуркѣ: — но я васъ люблю по прежнему... можетъ быть, и вы меня полюбите когда нибудь... скажите, вы... хотите быть моею женой?

— Не надо много говорить ей объ «этомъ», — думалъ онъ — пусть она даже не знаетъ, какую я жертву приношу для ней..

Лидя молчала. Было такъ тихо, что слышались на рѣкѣ быстрые всплески струекъ, набѣгающихъ на кусты лозняка.

— Оба мы несчастны, — вдругъ неожиданно для самого себя, изъ самой глубины души, проговорилъ Новиковъ: — но, можетъ быть, вдвоемъ намъ будетъ легче жить!..

Теплыя слезы благодарности и нѣжности навернулись на глаза Лиды. Она подняла лицо къ нему и сказала:

— Да... можетъ быть!

— Видить Богъ, я буду хорошей женой и всегда буду любить и жалѣть тебя! — сказали ея глаза.

Новиковъ почувствовалъ этотъ взглядъ, быстро и порывисто опустился возлѣ нея на колѣни и сталъ цѣловать ея дрожащую руку, самъ весь дрожа отъ умиленія и внезапно проснувшейся радостной страсти. И эта страсть такъ ярко и глубоко передалась Лидѣ, что разомъ исчезло больное, жалкое чувство робости и стыда.

— Ну, вотъ и кончено... И опять я буду счастлива... Милый, бѣдный! — плача счастливыми слезами, думала она, не отнимая руки и сама цѣлуя мягкіе, всегда нравившіеся ей волосы Новикова. Воспоминаніе о Зарудинѣ ярко мелькнуло въ ней, но сейчасъ же погасло.

Когда пришелъ Санинъ, рѣшившій, что времени для объясненія прошло достаточно, Лидя и Новиковъ держали другъ друга за руки и что-то тихо и довѣрчиво рассказывали. Новиковъ говорилъ, что никогда не переставалъ ее любить, а Лидя говорила, что любить его теперь. И это было правдой, потому что Лидѣ хотѣлось любви и счастья, она надѣялась найти ихъ въ немъ, и любила свою надежду.

Имъ казалось, что они никогда не были такъ счастливы. Увидѣвъ Санина, они замолчали и глядѣли на него смущенными, радостными и довѣрчивыми глазами.

— Ну, понимаю, — важно сказалъ Санинъ, поглядѣвъ на ихъ, — и слава Богу. Будьте только счастливы!

Онъ хотѣлъ еще что-то добавить, но чихнулъ на всю рѣку.

— Сыро... Не схватите насморка! — прибавилъ онъ, програвая глаза.

Лида счастливо засмѣялась и смѣхъ ея прозвучалъ надъ ѣкой опять загадочно и красиво.

— Я уйду! — объявилъ Санинъ, помолчавъ.

— Куда? — спросилъ Новиковъ.

— А тамъ пришли за мной Сварожичъ и этотъ офицеръ... поклонникъ Толстого... какъ его?.. Длинный такой нѣмецъ!

— Фонъ-Дейцъ! — безпричинно смѣясь, подсказала Лида.

— Онъ самый. Пришли насъ всѣхъ звать на какую то сходку. Только я сказалъ имъ, что васъ дома нѣтъ.

— Зачѣмъ, — все смѣясь спросила Лида: — можетъ, и мы бы пошли.

— Сиди тутъ, — возразилъ Санинъ. — Я бы и самъ сѣлъ, если бы было съ кѣмъ!

И онъ опять ушелъ, на этотъ разъ въ самомъ дѣлѣ.

Вечеръ наступилъ. Въ темной текучей водѣ заколебались звѣзды.

XXIV.

Вечеръ былъ темный и глухой. Надъ верхушками черныхъ окаменѣлыхъ деревьевъ тяжело клубились тучи и быстро, точно поспѣвая къ невидимой цѣли, ползли отъ края и до края неба. Въ ихъ зеленоватыхъ просвѣтахъ мелькали и скрывались блѣдныя звѣзды. Вверху все было полно непрестаннаго зловѣщаго движенія, а внизу все притихло въ напряженномъ ожиданіи.

И въ этой тишинѣ голоса спорящихъ людей казались чересчуръ рѣзкими и крикливыми, точно визгъ маленькихъ, раздраженныхъ животныхъ.

— Какъ бы то ни было, — неуклюже, какъ журавль, спотыкался длинными ногами, выкрикивалъ Фонъ-Дейцъ: — а христіанство дало человѣчеству неизживаемое богатство, какъ единственное полное и понятное гуманитарное ученіе!

— Ну, да... — упрямо дергая головой и сердито глядя ему въ спину, возражалъ идущій сзади Юрій: — но въ борьбѣ съ животными инстинктами христіанство оказалось такъ же бессильно, какъ и всѣ дру...

— Какъ «оказалось»? — съ возмущеніемъ вскрикнулъ фонъ-Дейцъ. — Все будущее за христіанствомъ, и говорить о немъ какъ о чемъ-то конченномъ...

— У христіанства нѣтъ будущаго! — перебилъ Юрій, съ безпричинной ненавистью всматриваясь въ расплывающееся пятно офицерскаго кителя. — Если христіанство не могло побѣдить человѣчество въ эпоху самаго остраго своего развитія и бессильно попало въ руки кучки мерзавцевъ, какъ орудіе наглаго обмана, то теперь, когда уже даже самое слово «христіанство» стало прѣснымъ, странно и смѣшно ждать какого-то чуда... Исторія не прощаетъ: что разъ сошло со сцены, то назадъ не прійдетъ!..

Деревянный тротуаръ чуть бѣлѣлъ подъ ногами; подъ деревьями иногда не было видно ни зги, и болѣзненно раздражала возможность стукнуться о тротуарный столбикъ, а голоса казались неестественными, потому что не видно было лицъ.

— Христіанство?.. сошло со сцены! — вскрикнулъ фонъ-Дейцъ и въ головѣ его прозвучало преувеличенное изумленіе и негодованіе.

— Конечно, сошло.. упрямо продолжалъ Юрій: — вы такъ поражаетесь, точно этого и допустить нельзя... Какъ сошелъ со сцены Моисеевъ законъ, какъ умерли Будда и эллинскіе боги, такъ умеръ и Христосъ... Законъ эволюціи... Что васъ такъ пугаетъ въ этомъ?.. Вѣдь вы же не вѣрите въ божественность его ученія?

— Конечно, нѣтъ! — обиженно фыркнулъ фонъ-Дейцъ, отвѣчая не столько вопросу, сколько обидному тону Юрія.

— Такъ неужели же вы допускаете возможность созданія человѣкомъ вѣчнаго закона?

«Идіотъ!» — думалъ онъ въ эту минуту о фонъ-Дейцѣ, и непоколебимая, очень приятная увѣренность въ томъ, что этотъ человѣкъ безконечно глупѣе его, Юрія, и что ему никогда не понять того, что какъ Божій день ясно и просто для него самого, нелѣпо сплеталась въ головѣ Юрія съ раздраженнымъ желаніемъ во что бы то ни стало совершенно убѣдить и переспорить офицера.

— Допустимъ, что это и такъ... — волнуясь и тоже уже

озлобляясь возражалъ длинный офицеръ: — но христіанство легло въ основу будущаго... оно не погибло, оно легло въ почву, какъ всякое зерно, а свой плодъ дастъ...

— Я не о томъ говорю... — немного сбившись и оттого еще больше озлобляясь отвѣтилъ Юрій: — я хотѣлъ сказать...

— Нѣтъ, позвольте... боясь упустить верхъ, съ торжествомъ перебилъ фонъ-Дейцъ, опять оглядываясь и сбиваясь съ тротуара. — Вы именно такъ сказали...

— Разъ я говорю, что не такъ, то, значить, не такъ... Странно! — съ острой злобой отъ мысли, что глупый фонъ-Дейцъ хоть на одну минуту можетъ допустить, что онъ умнѣе, оборвалъ Юрій. — Я хотѣлъ сказать...

— Ну, можетъ быть... Простите, я не такъ понялъ! — съ снисходительной усмѣшкой пожалъ узкими плечами фонъ-Дейцъ, вовсе не скрывая, что поймалъ Юрія и что бы тотъ теперь не говорилъ, все это будетъ уже запоздалыми отступленіями.

Юрій понялъ его и почувствовалъ такую злобу и оскорбленіе, что у него даже горло перехватило.

— Я вовсе не отрицаю огромной роли христіанства...

— Тогда вы противорѣчите себѣ! — съ новымъ торжествующимъ восторгомъ захлебнулся фонъ-Дейцъ, радуясь, что Юрій несравнимо глупѣе его и, видимо, не можетъ даже и приблизительно понять того, что такъ стройно и красиво лежить въ головѣ самого фонъ-Дейца.

— Это «вамъ» кажется, что я противорѣчу, а на самомъ дѣлѣ... напротивъ я... моя мысль совершенно логична и я не виноватъ, что вы... не желаете меня понять, — сбивчиво и страдая совсѣмъ уже рѣзко прокричалъ Юрій. — Я говорю и говорилъ, что христіанство — пережеванный матеріалъ и что въ немъ, какъ таковомъ, уже нельзя и незачѣмъ ждать спасенія.

— Ну, да.. но отрицаете ли вы благотворность вліянія христіанства... то есть того, что оно прямо ложится въ фундаментъ... — торопливо ловя ускользящую на этомъ поворотѣ разговора мысль, тоже повысилъ голосъ фонъ-Дейцъ.

— Не отрицаю...

— А я отрицаю! — смѣшливо отозвался сзади Санинъ, все время шедшій молча. Голосъ его былъ веселъ и спокоенъ и странно врѣзался въ бурлящій, рѣжущій тонъ спора.

Юрій замолчалъ. Его обидѣлъ этотъ спокойный голосъ и явная добродушная насмѣшка, въ немъ звучавшая, но онъ не

нашелся чѣмъ отвѣтить. Ему почему-то всегда было неловко и какъ-то неудобно спорить съ Санинымъ, точно всѣ тѣ слова, которыми онъ привыкъ пользоваться, были совсѣмъ не тѣми, которыя нужны для Санина. И всегда у Юрія было такое чувство, точно онъ брался повалить стѣну, стоя на скользкомъ льду.

Но Фонъ-Дейцъ, споткнувшись и рѣзко зазвенѣвъ шпорами, закричалъ высокимъ и злымъ голосомъ:

— Почему же это, позвольте васъ спросить?

— Да такъ, — съ неувлимымъ выраженіемъ отвѣтилъ Санинъ.

— Какъ такъ!.. Если говорить такія вещи, такъ ихъ надо доказать!..

— А зачѣмъ мнѣ доказывать?..

— То есть, какъ зачѣмъ!...

— Ничего мнѣ не надо доказывать. Это мое убѣжденіе, а васъ убѣждать у меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія, да и не къ чему.

— Если такъ разсуждать, — сдержанно проговорилъ Юрій — то, пожалуй, надо похерить всю литературу?

— Нѣтъ, зачѣмъ же! — отозвался Санинъ: — литература — дѣло большое и интересное. Литература!.. Литература истинная, какъ я ее понимаю, не полемизируетъ съ случайно подвернувшимся лоботрясомъ, которому дѣлать нечего и хочется убѣдить всѣхъ, что онъ очень уменъ... Она перестраиваетъ всю жизнь, проходитъ въ самую кровь человѣчества, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Если бы уничтожить литературу, жизнь потеряла бы много красокъ, полиняла бы...

Фонъ-Дейцъ остановился, пропустилъ Юрія впередъ и порснвявшись съ Санинымъ спросилъ:

— Нѣтъ, пожалуйста... мнѣ чрезвычайно интересна та мысль, которую вы затронули...

— Мысль у меня очень простая, — засмѣялся Санинъ, — и если вамъ такъ хочется, я могу ее изложить. По моему, христіанство сыграло въ жизни печальную роль.. Въ то время, когда человѣчеству становилось уже совершенно не въ мочоту и уже не многого не хватало, чтобы всѣ униженные и обездоленные взяли за умъ и однимъ ударомъ опрокинули невозможно тяжелый и несправедливый порядокъ вещей, просто уничтоживъ все, что жило чужою кровью, какъ разъ въ это время явилось тихое, смиренномудрое, многообѣщающее христіанство. Оно осудило борьбу, обѣщало внутреннее бла-

женство, навѣяло сладкій сонъ, дало религію непротивленія злу насиліемъ и, выражаясь коротко, выпустило весь паръ!.. Тѣ огромные характеры, которые вѣковой обидой воспитывались для борьбы, пошли, идіоты-идіотами, на арену и съ мужествомъ, достойнымъ безконечно лучшаго примѣненія, чуть не собственными руками содрали съ себя кожу!.. Ихъ врагамъ, конечно, ничего лучшаго и не надо было!.. А теперь нужны опять столѣтія, нужно безконечное униженіе и угнетеніе, чтобы вновь раскатать возмущеніе!.. На человѣческую личность, слишкомъ неукротимую, чтобы стать рабомъ, надѣло христіанство покаянную хламиду и скрыло подъ ней всѣ краски свободного человѣческаго духа... Оно обмануло сильныхъ, которые могли бы сейчасъ, сегодня же взять въ руки свое счастье, и центръ тяжести ихъ жизни перенесло въ будущее, въ мечту о несуществующемъ, о томъ, чего изъ нихъ не увидитъ никто... И вся красота жизни исчезла: погибла свободная страсть, погибла красота, остался только долгъ и бессмысленная мечта о грядущемъ злотомъ вѣкѣ.. злотомъ для другихъ, конечно!.. Да, христіанство сыграло скверную роль и имя Христа еще долго будетъ проклятіемъ на чело-вѣчествѣ!..

Фонъ-Дейцъ внезапно остановился, и въ темнотѣ было видно, какъ поднялись и опустились его длинные руки.

— Ну, знаете! — страннымъ голосомъ испуга и недоумѣнія проговорилъ онъ.

И въ душѣ Юрія возникло сложное чувство: какъ будто въ словахъ Санина не было ничего особеннаго и какъ будто Санинъ, и самъ Юрій могли говорить все, что хотѣли и думали, но тѣнь огромнаго страха передъ Невѣдомымъ, страха, о существованіи котораго въ своей душѣ Юрій забылъ и не хотѣлъ думать, легла на остановившуюся мысль. Эту тайную боязнь Юрій почувствовалъ и оскорбился ею.

— А вы, представляете-ли себѣ ту кровавую мессу, которая разразилась бы надъ чело-вѣчествомъ, если бы христіанство не предупредило ее? — спросилъ онъ съ чувствомъ странной нервной злобы къ Санину.

— Э! — махнулъ рукой Санинъ. — Подъ покровомъ христіанства прежде всего облились кровью арены мученичества, а потомъ людей убивали, сажали въ тюрьмы, въ желтые дома.. день за днемъ крови льется столько, что никакой міровой переворотъ не въ состояніи сдѣлать больше!.. И хуже всего то, что всякое улучшеніе своей жизни люди добываютъ по-преж-

нему кровью, революціей, анархіей, а въ основу своей жизни ставить все-таки гуманность и любовь къ ближнему... Получается глупая трагедія, фальшь и ложь... ни рыба, ни мясо!... Я предпочелъ бы мировую катастрофу сейчасъ, чѣмъ тусклую и безсмысленно гиблую жизнь еще на двѣ тысячи лѣтъ впередъ!

Юрій помолчалъ. Странно было то, что мысль его остановилась не на смыслѣ слова, а на самой личности Санина. Чрезвычайно обидна и даже вовсе не переносна показалась ему очевидная увѣренность Санина.

— Скажите, пожалуйста, — вдругъ проговорилъ онъ, самъ не ожидая того и поддаваясь острому желанію уязвить Санина: — почему вы всегда говорите такимъ тономъ, точно поучаете малыхъ ребятъ...

Фонъ-Дейцъ удивился, сконфузился и что-то пробормоталъ, примирительно позвенѣвъ шпорами.

— Вотъ тебѣ и на! — досадливо произнесъ Санинъ. — Чего-жъ вы обозлились?

Юрій чувствовалъ, что говорить некстати, что надо остановиться, но глубоко засѣвшее раздраженіе и обнажившееся до самыхъ нервовъ самолюбіе подхватили его:

— Это, право, непріятный тонъ! — упрямымъ и угрожающимъ тономъ отвѣтилъ онъ.

— Это мой обычный тонъ, — съ страннымъ выраженіемъ досады и желанія успокоить, сказалъ Санинъ.

— Онъ не всегда умѣстенъ, — продолжалъ Юрій, невольно повышая голосъ и дѣлая его крикливымъ. — Я не знаю, откуда у васъ этотъ апломбъ.

— Вѣроятно отъ сознанія, что я умнѣе васъ, — уже спокойнѣе отвѣтилъ Санинъ.

Весь вздрогнувъ отъ головы до ногъ, какъ натянувшаяся струна, Юрій мгновенно остановился.

— Послушайте! — зазвенѣлъ его голосъ и хотя не видно было лица, почувствовалось, что онъ поблѣднѣлъ.

— Не сердитесь, — ласково остановилъ Санинъ. — Я не хочу обижать васъ, я только выразилъ свое искреннее мнѣніе.. Такого же мнѣнія вы обо мнѣ, Фонъ-Дейцъ о насъ обоихъ и такъ далѣе... Это естественно...

Голосъ Санина былъ такъ искрененъ и ласковъ, что какъ-то странно было продолжать кричать и Юрій на минуту замолчалъ. Фонъ-Дейцъ, очевидно страдаая за него, молча звенѣлъ шпорами и затрудненно дышалъ.

— Но я не говорю вамъ этого... — пробормоталъ Юрій.

— И напрасно... Я, вотъ, слушалъ вашъ споръ, и въ каждомъ словѣ у васъ и явно и обидно звучало то же самое... Дѣло только въ формѣ. Я говорю то, что думаю, а вы говорите не то, что думаете... И это совсѣмъ не интересно. Если бы мы были искреннѣе, было бы гораздо занимательнѣе!

Фонъ-Дейцъ вдругъ визгливо засмѣялся.

— Это оригинально! — захлебываясь отъ восторга, заговорилъ онъ.

Юрій молчалъ. Злосба его улеглась и стало даже какъ-будто весело, но было непріятно, что онъ все-таки уступилъ и не хотѣлъ показать этого.

— Только это было бы черезчуръ просто! — переставая смѣяться, важно заявилъ фонъ-Дейцъ.

— А вамъ непремѣнно хочется, чтобы было запутанно и сложно? — спросилъ Санинъ.

Фонъ-Дейцъ пожалъ плечами и задумался.

XXV.

Бульваръ миновали и въ лустыхъ, оголенныхъ улицахъ окраины стало свѣтлѣе. Сухія доски тротуара явственно заблѣли на черной землѣ, а вверху открылось до странности широкое, клубящееся тучами и сверкающее рѣдкими звѣздами, блѣдное небо.

— Сюда, — сказалъ фонъ-Дейцъ и отворивъ низенькую калитку, провалился куда-то внизъ.

Сейчасъ же гдѣ-то залаяла старая охрипшая собака и кто-то закричалъ съ крыльца:

— Султанъ, тубо!

Открылся огромный запустѣлый дворъ. Въ концѣ его чернѣла слѣпая громада паровой мельницы, съ тонкой черной трубой, печально и одиноко устремившейся къ далекимъ тучамъ, а вокругъ шли черные амбары и нигдѣ не было деревьевъ, кромѣ палисадника подъ окнами флигеля. Тамъ было открыто окно и полоса яркаго свѣта среди тусклой тьмы пронизывала прозрачно-зеленыя листья.

— Унылое мѣсто! — сказалъ Санинъ.

— А мельница давно не работаетъ? — спросилъ Юрій.

— О да... давно стала, — отвѣтилъ фонъ-Дейцъ и мимоходомъ заглянулъ въ освѣщенное окно, сказалъ необычно довольнымъ голосомъ: — ого!.. Народу набралось порядочно...

Юрій и Санинъ тоже заглянули черезъ палисадникъ. Въ свѣтломъ, веселомъ четырехъугольникѣ двигались черныя головы и плавалъ синій табачный дымъ. Кто-то высунулся изъ окна въ темноту и темный, широкоплечій съ курчавой головой, окруженный сіяніемъ волосъ, заслонилъ все.

— Кто тамъ? — громко спросилъ онъ.

— Свои, — отвѣтилъ Юрій.

Они поднялись на крыльцо и наткнулись на человѣка, сейчасъ же начавшаго дружелюбно и поспѣшно пожимать имъ руки.

— А я уже думалъ, вы не придете! — радостно заговорилъ онъ съ сильнымъ еврейскимъ акцентомъ.

— Соловейчикъ, Санинъ... — сказалъ фонъ-Дейцъ, знакомя ихъ и дружелюбно пожимая холодную и черезчуръ трепетную ладонь невидимаго Соловейчика.

Соловейчикъ смущенно и робко хихикалъ.

— Очень радъ... Я такъ много о Васъ слышалъ и, знаете, это очень... — безтолково говорилъ онъ, пятась задомъ и не переставая пожимать руку Санина.

Спиной онъ толкнулъ Юрія и наступилъ на ногу фонъ-Дейцу.

— Простите меня, Яковъ Адольфовичъ! — вскрикнулъ онъ, покидая Санина и цѣпляясь за фонъ-Дейца.

И оттого они всѣ запутались въ темныхъ сѣняхъ такъ, что долго никто не могъ найти ни дверей ни другъ друга.

Въ передней на гвоздяхъ, вбитыхъ нарочно для этого вечера аккуратнымъ Соловейчикомъ, висѣли шляпы и фуражки, а все окно было установлено плотной массой темнозеленыхъ пивныхъ бутылокъ. И передняя уже была полна табачнаго дыму.

На свѣту Соловейчикъ оказался молоденькимъ евреемъ, черноглазымъ, курчавымъ, съ красивымъ худымъ лицомъ и порченными зубками, ежеминутно осклабляющимися въ угодливо робкой улыбкѣ.

Вошедшихъ встрѣтили хоромъ оживленныхъ и яркихъ голосовъ.

Юрій прежде всего увидѣлъ Карсавину, сидѣвшую на подоконникѣ, и все сразу приняло для него особый радостный видъ, точно не сходка въ душной накуреной комнатѣ, а веселая пирушка на полянѣ въ лѣсу.

Карсавина улыбнулась ему радостно и смущенно.

— Ну, господа... теперь, кажется, всё съ сборъ? — стараясь говорить громко и весело, но болѣзненно и невѣрно напрыгая слабый голосъ, закричалъ Соловейчикъ, странно жестикулируя руками. — Извините, Юрій Николаевичъ, я васъ, кажется все толкаю... — весь изогнувшись и осклабя зубы перебилъ онъ самъ себя.

— Ничего, — добродушно придержалъ его рукой Юрій.

— Не всё, да чортъ съ ними! — отозвался полный и красивый студентъ, и по его пухлому, но сильному купеческому голосу сразу стало слышно увѣреннаго и привычнаго чело-вѣка.

Соловейчикъ прыгнулъ къ столу и вдругъ зазвонилъ въ маленькій колокольчикъ, радостно и хитро улыбаясь своей выдумкѣ, которую онъ готовилъ еще съ утра.

— Э, оставьте! — разсердился пухлый студентъ. — Вѣчно вы со всякими глупостями!.. Совершенно излишняя торже-ственность!

— Я ничего, я такъ... — смущенно захихикалъ Соловей-чикъ и сунулъ колокольчикъ въ карманъ.

— Я думаю, столъ можно поставить на середину комнаты, — сказалъ полный студентъ.

— Сейчасъ, я... — опять заторопился Соловейчикъ и съ безсильнымъ напряженіемъ ухватился за край стола.

— Лампу... лампу не уроните! — крикнула Дубова.

— Ахъ, да не суйтесь же вы, куда васъ не просятъ! — съ досадою стукнулъ кулакомъ по колѣну полный студентъ.

— Давайте я вамъ помогу, — предложилъ Санинъ.

— Пожалуйста, — такъ торопливо выговорилъ Соловей-чикъ, что у него вышло «поджалуста!».

Санинъ выдвинулъ столъ на середину комнаты и пока онъ это дѣлалъ, всё почему-то внимательно смотрѣли на его спину и плечи, легко ходившіе подъ тонкой рубашой.

— Ну-съ, Гожіенко, вамъ, какъ инициатору, слѣдуетъ ска-зать вступительную рѣчь, — сказала блѣдная безцвѣтная Дубова и по ея умнымъ некрасивымъ глазамъ трудно было понять, серьезно она говоритъ или подсмѣивается надъ пол-нымъ студентомъ.

— Господа, — возвышая голосъ, заговорилъ Гожіенко сдобнымъ, но пріятнымъ баритономъ: уже всё, конечно, зна-ютъ, для чего собрались и потому можно обойтись безъ всту-плений...

— Я то, собственно, не знаю, зачѣмъ собрался, но пусть такъ, — улыбаясь отозвался Санинъ — Говорили, тутъ пиво будетъ.

Гожіенко небрежно взглянулъ на него черезъ лампу и продолжалъ:

— Цѣль нашего кружка путемъ взаимнаго чтенія, обсуждения прочитаннаго и самостоятельнаго реферирования....

— Какъ это, «взаимнаго» чтенія? — спросила Дубова и опять нельзя было понять, серьезно или насмѣхаясь она спрашиваетъ.

Полный Гожіенко чуть-чуть покраснѣлъ.

— Я хотѣлъ сказать «совмѣстнаго» чтенія... Такъ вотъ цѣль нашего кружка, такимъ образомъ, попутно способствуя развитію своихъ членовъ, выяснить индивидуальныя взгляды и способствовать возникновенію въ нашемъ городѣ партійнаго кружка съ эсъ-дековской программой....

— Ага-а! — протянулъ Ивановъ и комически почесалъ затылокъ.

— Но это впослѣдствіи... — сначала мы не будемъ ставить себѣ такихъ широкихъ...

— Или узкихъ, — подсказала своимъ страннымъ тономъ Дубова.

— Задачъ, — притворяясь, что не слышитъ, продолжалъ полный Гожіенко: — а начнемъ съ выработки программы чтеній, чему я и предлагаю посвятить сегодняшнее собраніе.

— Соловейчикъ, а ваши рабочіе придутъ? — спросила Дубова.

— А какъ же! — подскочилъ къ ней Соловейчикъ, сорвавшись съ мѣста, точно его укусили. — За ними же пошли!

— Соловейчикъ, не визжите! перебилъ Гожіенко.

— Да они уже идутъ, — отозвался Шафровъ серьезно и внимательно, даже съ священнодѣйствующимъ выраженіемъ слушавшій, что говоритъ Гожіенко.

За окномъ послышался скрипъ калитки и опять хриплый лай собаки.

— Идутъ, — выкрикнулъ Соловейчикъ съ необъяснимымъ восторгомъ и порывисто выскочилъ изъ комнаты.

— Су-лтанъ.... ту-бо-о! — пронзительно закричалъ онъ на крыльцѣ.

Послышались тяжелые шаги, голоса и кашель. Вошелъ низенькій, очень похожій на Гожіенко, но чернявый и некра-

сивый студентъ — технологъ, а за нимъ смущенно и неловко прошли два человѣка съ черными руками въ пиджакахъ поверхъ грязныхъ красныхъ рубахъ. Одинъ былъ очень высокій и худой, съ безусымъ безкровнымъ лицомъ, на которомъ многолѣтнее, родовое недоѣданіе, вѣчная забота и вѣчная злоба, затаенная въ глубинѣ сдавленной души, положили мрачную и блѣдную печать. Другой выглядѣлъ силачемъ, былъ широкоплечъ, кудрявъ и красивъ и смотрѣлъ такъ, точно мужицкій парень, впервые попавшій въ городскую, чужую и еще смѣшную ему обстановку. За ними бокомъ проскользнулъ Соловейчикъ.

— Господа, вотъ... началъ онъ торжественно.

— Да ну васъ, — по обыкновенію оборвалъ его Гожіенко.
— Здравствуйте, товарищи.

— Писцовъ и Кудрявый, — представилъ ихъ студентъ технологъ.

И всѣмъ показалось страннымъ, что Писцовымъ оказался бородатый и красивый силачъ, а Кудрявымъ худой и блѣдный рабочій.

Они, тяжело и осторожно ступая, обошли всю комнату и не сгибая пальцевъ встряхивали руки, которыя большинство протягивало имъ какъ-то особенно предупредительно. Писцовъ смущенно улыбался, а Кудрявый дѣлалъ длинной и тонкой шеей такія движенія, точно его душитъ воротъ рубахи. Потомъ они усѣлись рядомъ у окна, возлѣ Карсавиной, сидѣвшей на подоконникѣ.

— А отчего Николаевъ не пришелъ? — недовольно спросилъ Гожіенко.

— Николаевъ не можетъ-съ, — предупредительно отвѣтилъ Писцовъ.

— Пьянъ Николаевъ въ дрызгъ, — сумрачно и отрывисто, быстро-двигая шеей, перебилъ Кудрявый.

— А... — неловко кивнулъ головой Гожіенко.

Его неловкость почему то показалась противной Юрію Сварожичу и сразу они почувствовали въ полномъ студентѣ своего личнаго врага.

— Благоую часть избралъ, — замѣтилъ Ивановъ.

Собака залаяла на дворѣ.

— Еще кто-то, сказала Дубова.

— Ужъ не полиція ли? — притворно небрежно замѣтилъ Гожіенко.

— А вамъ ужасно хочется, чтобы это была полиція, — сейчасъ же отозвалась Дубова.

Санинъ посмотрѣлъ въ ея умные глаза на лицѣ некрасивомъ, но все-таки мило окаймленномъ свѣтлой косой, спущенной черезъ плечо и подумалъ:

— А славная дѣвушка!

Соловейчикъ хотѣлъ метнуться, но во время испугался и притворился, будто онъ хотѣлъ взять папиросу со стола.

Гоженко замѣтилъ это движеніе и, не отвѣчая Дубовой, сказалъ:

— Экой вы надоедливый, Соловейчикъ!

Соловейчикъ густо покраснѣлъ и заморгалъ глазами, на мгновеніе ставшими грустными и задумчивыми, точно въ его робкой и затуманенной головѣ наконецъ мелькнула мысль о томъ, что его желаніе всѣмъ услужить и помочь вовсе не заслуживаетъ такихъ рѣзкихъ обрываній.

— Да оставьте вы его въ покоѣ! — съ досадой сказала Дубова.

— Въ комнату быстро и шумно вошелъ Новиковъ.

— Ну, вотъ и я! — сказалъ онъ, радостно улыбаясь.

— Вижу, — отвѣтилъ ему Санинъ.

Новиковъ конфузливо улыбнулся и, пожимая руку, торопливо и точно оправдываясь, шепнулъ ему:

— У Лидіи Петровны гости.

— А!..

— Ну что-жъ, мы такъ и будемъ разговоры разговаривать? — сумрачно спросилъ технологъ.

— Начнемъ, что ли...

— А развѣ еще не начинали? — обрадованно спросилъ Новиковъ, пожимая руки рабочимъ, которые торопливо вставали ему навстрѣчу.

Имъ было неловко, что докторъ, который въ больницѣ на приѣмѣ обращался съ ними свысока, подаетъ имъ руку, какъ товарищъ.

— Да, съ вами начнешь! — сквозь зубы непріятно проговорилъ Гоженко.

— Итакъ, господа, намъ всѣмъ, конечно, хотѣлось бы расширить свое міросозерцаніе и такъ какъ мы находимъ, что лучший способъ для самообразованія и саморазвитія есть систематическое чтеніе сообща и обмѣнъ мнѣній о прочитанномъ, то мы и рѣшили основать небольшой кружокъ.

— Такъ-съ, вздохнулъ Писцовъ, весело оглядывая всѣхъ блестящими черными глазами.

— Вопросъ теперь въ томъ: что именно читать?.. Можетъ быть кто-нибудь предложить приблизительную программу?

Шафровъ поправилъ очки и медленно всталъ, держа въ рукахъ какую-то тетрадку.

— Я думаю, — началъ онъ сухимъ и скучнымъ голосомъ: — что наши чтенія необходимо раздѣлить на двѣ части. Несомнѣнно, что всякое развитіе складывается изъ двухъ элементовъ: изученія жизни, въ ея эволюціонномъ происхожденіи и изученія жизни, какъ таковой...

— Шафровъ, говорите поскладнѣе, отозвалась Дубова.

— Первое достигается путемъ чтенія книгъ научно-историческаго характера, а второе путемъ чтенія книгъ художественной литературы, которая вводитъ насъ внутрь жизни...

— Если мы будемъ говорить такимъ образомъ, то всѣ заснемъ, — не унималась Дубова и ласковая насмѣшка веселымъ огонькомъ загорѣлась у нея въ глазахъ.

— Я стараюсь говорить такъ, чтобы всѣмъ было понятно... — возразилъ Шафровъ кротко.

— Ну, Богъ съ вами... говорите, какъ умѣете... — махнула рукой Дубова.

Карсавина тоже ласково стала смѣяться надъ Шафровымъ и отъ смѣха закидывала назадъ голову такъ, что показывала полную бѣлую шею. Смѣхъ у нея былъ звучный и контральный.

— Я составилъ программу, но читать ее можетъ быть скучно, — взглядывая на Дубову, заторопился Шафровъ, — а потому предложу только для начала «Происхожденіе семьи» и параллельно Дарвина, а изъ беллетристики Толстого...

— Конечно Толстого! — самодовольно согласился длинный фонъ-Дейцъ, закуривая папиросу.

Шафровъ почему-то подождалъ, пока папироска задымилась и методично продолжалъ:

— Чехова, Ибсена, Кнута Гамсуна...

— Да вѣдь мы все это уже читали! — удивилась Карсавина.

Юрій съ влюбленнымъ восхищеніемъ прислушался къ ея полному голосу и сказалъ:

— Конечно!.. Шафровъ забываетъ, что онъ не на воскресныхъ чтеніяхъ и при томъ, что за странное смѣшеніе именъ: Толстой и Кнутъ Гамсунъ...

Шафровъ спокойно и многословно привелъ нѣсколько доводовъ въ защиту своей программы, но никто не понималъ, что онъ хочетъ сказать.

— Нѣтъ, — возразилъ Юрій громко и рѣшительно, чувствуя на себѣ особенный взглядъ Карсавиной и радуясь ему: — я не согласенъ съ вами....

И онъ началъ излагать свой взглядъ и чѣмъ дальше излагалъ, тѣмъ болѣе и болѣе напрягался, чтобы заслужить одобреніе Карсавиной, чувствовалъ, что это ему удастся и безжалостно билъ Шафрова даже въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ былъ не прочь съ нимъ согласиться.

Ему началъ возражать пухлый Гожіенко. Онъ считалъ себя образованнѣе, умнѣе и краснорѣчивѣе всѣхъ и, устраивая этотъ кружокъ, больше всего желалъ сыграть въ немъ первую роль. Успѣхъ Юрія непріятно задѣлъ его и понудилъ выступить. Мнѣнія Юрія не были раньше ему извѣстны и потому онъ не могъ спорить съ нимъ во всемъ объемѣ, а только подхватывалъ слабыя мѣста и раздраженно упиралъ на нихъ.

Завязался длинный и очевидно нескончаемый споръ. Заговорили технологъ, Ивановъ, Новиковъ и скоро въ табачномъ дыму мелькали уже раздраженные лица и слова перепутывались въ запутанный и безформенный хаосъ, въ которомъ почти ничего нельзя было разобрать.

Дубова задумалась и молча смотрѣла на огонь лампы, а Карсавина, тоже почти не слушая, отворила окно въ палисадникъ и скрестивъ полныя руки на груди, опершись затылкомъ на косякъ, мечтательно засмотрѣлась во тьму ночи.

Сначала она ничего не видѣла, а потомъ изъ черной тьмы выступили темныя деревья, освѣщенная ограда палисадника, а за нею смутное колеблющееся пятно свѣта, черезъ дорожку протянувшееся по травѣ. Мягкій упругій вѣтеръ охватывалъ прохладой ея плечо и руку и чуть-чуть шевелилъ отдѣльные волоски на вискѣ. Карсавина подняла голову и въ медленно свѣтлѣющемъ мракѣ слабо различила непрестанное, странно напряженное движеніе темныхъ тучъ. Она задумалась о Юріи и своей любви и мысли счастливо грустныя и грустно счастливыя, волнуя и лаская, наполнили ея молодую женскую голову. Такъ было хорошо сидѣть здѣсь, всѣмъ тѣломъ отдаваясь холодному мраку и всѣмъ сердцемъ прислушиваясь къ волнующемуся мужскому голосу, особенно, точно онъ былъ громче всѣхъ, звучавшему среди общаго шума.

А въ комнатѣ стоялъ уже сплошной крикъ и все яснѣе и яснѣе вырисовывалось, что каждый считалъ себя умнѣе всѣхъ и хотѣлъ развить другихъ. Было въ этомъ что-то тяжелое и непріятное, озлоблявшее самыхъ мирныхъ.

— Да, если такъ говорить, — упрямо блестя глазами и боясь уступить при Карсавиной, которая слушала только одинъ его голосъ безъ словъ, напрягался Юрій: — то надо вернуться къ первоисточнику идей...

— Что-жъ тогда читать, по вашему? — непріязненно и насмѣшливо проговорилъ Гожіенко.

— Что... Конфуція, Евангеліе, Екклізіастъ...

— Псалтырь и житіе! — съ насмѣшкой вставилъ технологъ.

Гожіенко злорадно засмѣялся, не вспоминая, что никогда не читалъ ни одной изъ этихъ книгъ.

— Ну, что-жъ это! — разочарованно протянулъ Шафровъ.

— Какъ въ церкви! хихикнулъ Писцовъ.

Юрій бѣшенно покраснѣлъ.

— Я не шучу!.. Если вы хотите быть логичными....

— А что же вы говорили о Христѣ! — торжествующе перебилъ его фонъ-Дейцъ.

— Что я говорилъ?.. Разъ учиться жизни, вырабатывать себѣ опредѣленное міросозерцаніе, которое цѣликомъ заключается въ отношеніи человѣка къ другому человѣку и самому себѣ, то не лучше ли всего остановиться на титанической работѣ тѣхъ людей, которые, представляя изъ себя лучшіе образцы человѣческаго рода, въ собственной жизни прежде всего пытались приложить наивозможнѣйшія и самыя сложныя и самыя простыя отношенія къ человѣчеству.

— Я съ вами не согласенъ! — перебилъ Гожіенко.

— А я согласенъ! — горячо перебилъ студента Новиковъ.

И опять начался безтолковый и пестрый крикъ, въ которомъ уже нельзя было найти ни конца, ни начала мнѣній.

Соловейчикъ, сразу, какъ только заговорили, притихшій, сидѣлъ въ углу и слушалъ. Сначала на лицѣ его было полное и проникновенное, немного дѣтское вниманіе, но потомъ острая черточка недоумѣнія и страданія стала вырисовываться въ уголкахъ рта и глазъ.

Санинъ молчалъ, пилъ пиво и курилъ. На его лицѣ было выраженіе скуки и досады. А когда въ пестромъ крикѣ по-

слышались уже рѣзкія нотки ссоры, онъ всталъ, потушилъ папиросу и сказалъ:

— Знаете, что... это выходитъ скучая исторія.

— И прескучная! — отозвалась Дубова.

— Суета суеть и томленіе духа! — сказалъ Ивановъ такимъ голосомъ, точно онъ все время объ этомъ думалъ и только ждалъ случая высказать.

— Это почему же?—зло спросилъ черноватый технологъ.

Санинъ не обратилъ на него вниманія и, поворачиваясь къ Юрію, сказалъ:

— Неужели вы думаете серьезно, что по какимъ бы то ни было книгамъ можно выработать себѣ какое-то міросозерцаніе?

— Конечно, — удивленно посмотрѣлъ на него Юрій.

— Напрасно, — возразилъ Санинъ: — если бы это было такъ, то можно было бы все человѣчество переобразовать по одному типу, давая ему читать книги только одного направленія... Міросозерцаніе даетъ сама жизнь, во всемъ ея объемѣ, въ которомъ литература и самая мысль человѣческая — только ничтожная частица. Міросозерцаніе не теорія жизни, а только настроеніе отдѣльной человѣческой личности и притомъ до тѣхъ поръ измѣняющееся, пока у человѣка еще жива душа... А, слѣдовательно, и вообще, не можетъ быть того опредѣленнаго міросозерцанія, о которомъ вы такъ хлопочите...

— Какъ не можетъ! — сердито воскликнулъ Юрій.

Опять на лицѣ Санина выразилась скука.

— Конечно, нѣтъ... Если бы возможно было міросозерцаніе, какъ законченная теорія, то мысль человѣческая вовсе остановилась бы... Но этого нѣтъ: каждый мигъ жизни даетъ свое новое слово.. и это слово надо услышать и понять, не ставя себѣ заранѣе мѣры и предѣла.

— А, впрочемъ, что объ этомъ говорить, — перебилъ онъ самъ себя: — думайте, какъ хотите... Я только спрошу васъ еще: почему вы, прочитавъ сотни книгъ, отъ Екклесіаста до Маркса, не составили себѣ опредѣленнаго міросозерцанія.

— Почему же не составилъ? — съ острой обидчивостью возразилъ Юрій, мрачно блестя угрожающими темными глазами: — у меня оно есть... Оно, можетъ быть, ошибочно, но оно есть!

— Такъ что же еще вы собираетесь вырабатывать?

Писцовъ хихикнулъ.

— Ты.. — съ презрѣніемъ буркнулъ ему Кудрявый, дергая шей.

— Какой онъ умный! — съ наивнымъ восхищеніемъ подумала Карсавина о Санинѣ.

Она смотрѣла на него и Сварожича, и во всемъ тѣлѣ ея было стыдливое и радостное, непонятное ей чувство: точно они спорили не сами по себѣ, а только для нея, чтобы овладѣть ею.

— И выходитъ такъ, — сказалъ Санинъ: — что вамъ не нужно то, для чего вы собрались. Я понимаю и вижу это ясно, что всѣ здѣсь просто хотятъ заставить другихъ принять ихъ взгляды и больше всего бояться, чтобы ихъ не разубѣдили. Откровенно говоря, это скучно.

— Позвольте! — сильно напрягая пухлый голосъ, возразилъ Гожіенко.

— Нѣтъ, — сказалъ Санинъ съ неудовольствіемъ: — у васъ, вотъ, міросозерцаніе самое прекрасное, и книгъ вы прочли массу, это сразу видно, а вы озлобляетесь за то, что не всѣ такъ думаютъ, какъ вы, и кромѣ того обижаете Соловейчика, который вамъ ровно ничего дурного не сдѣлалъ...

Гожіенко удивленно замолчалъ и смотрѣлъ на Санина такъ, точно тотъ сказалъ что то совершенно необыкновенное.

— Юрій Николаевичъ, — весело сказалъ Санинъ: — вы на меня не сердитесь, что я нѣсколько крутовато вамъ возражалъ. Я вижу, что у васъ въ душѣ дѣйствительный разладъ...

— Какой разладъ? — спросилъ Юрій краснѣя и не зная, обидѣться ему или нѣтъ. И какъ дорогой сюда, такъ и въ эту минуту ласковый и спокойный голосъ Санина незамѣтно тронулъ его.

— Сами вы знаете, — отвѣтилъ Санинъ улыбаясь. — А на эту дѣтскую затѣю надо плюнуть, а то ужъ очень тяжело выходить.

— Послушайте, — весь красный заговорилъ Гожіенко: — вы себѣ позволяете черезчуръ много!

— Не больше, чѣмъ вы...

— Какъ?

— Подумайте, — весело сказалъ Санинъ: — въ томъ, что вы дѣлаете и говорите, гораздо больше грубаго и непріятнаго, чѣмъ въ томъ, что говорю я..

— Я васъ не понимаю! — озлобленно крикнулъ Гожіенко.

— Ну, не я въ этомъ виноватъ!

— Что!

Санинъ, не отвѣчая, взявъ шапку и сказалъ:

— Я уйду... Это становится совсѣмъ скучно!

— Благое дѣло! — Да и пива больше нѣтъ! — согласился Ивановъ и пошелъ въ переднюю.

— Да, ужъ видно у насъ ничего не выйдетъ, — сказала Дубова.

— Проводите меня, Юрій Николаевичъ, — позвала Карсавина: — досвиданья, — сказала она Санину.

На мгновеніе ихъ глаза встрѣтились, и эта встрѣча почему-то и испугала, и была пріятна Карсавиной.

— Увы! — говорила Дубова уходя, — кружокъ завялъ, не успѣвъ разцвѣсть!

— А почему такъ? — грустно и растерянно спросилъ вдругъ Соловейчикъ, столбомъ появляясь у всѣхъ на дорогѣ.

Только теперь о немъ вспомнили, и многихъ поразило странное, потерянное выраженіе его лица.

— Послушайте, Соловейчикъ, — задумчиво сказалъ Санинъ: — я къ вамъ приду какънибудь поговорить.

— Поджалушта, — поспѣшно и обрадованно опять изогнулся Соловейчикъ.

На дворѣ, послѣ свѣтлой комнаты, было такъ темно, что не видно было стоящихъ рядомъ, и слышались только ихъ громкіе голоса.

Рабочіе пошли отдѣльно отъ другихъ и, когда отошли далеко въ темноту, Писцовъ засмѣялся и сказалъ:

— Такъ то вотъ... всегда у нихъ такъ: соберутся дѣло дѣлать, а каждый къ себѣ тянетъ!.. Только этотъ здоровый мнѣ понравился!

— Много ты понимаешь, — когда образованные люди промежъ себя разговоръ имѣютъ... — дергая шеей, точно его душило, возразилъ Кудрявый, и голосъ его былъ тупъ и озлобленъ.

Писцовъ самоуверенно и насмѣшливо свистнулъ.

XXVI.

Соловейчикъ долго и тихо стоялъ на крыльцѣ, смотрѣлъ въ темное беззвѣздное небо и потиралъ худые пальцы.

За черными амбарами, гудя по желѣзу крышъ, вѣтеръ гнулъ вершины деревьевъ, толпившихся, какъ призраки, а вверху, охваченныя непоколебимо могучимъ движеніемъ, быстро ползли тучи. Ихъ темныя громады молча вставали на

горизонтѣ, громоздясь поднимались на недостигаемую высоту и тяжелыми массами валились въ бездну новаго горизонта. Казалось, за краемъ черной земли нетерпѣливо ждуть ихъ необозримые полки и одинъ за другимъ, съ развернутыми темными знаменами, грозно идутъ на невѣдомый бой. И по временамъ съ безпокойнымъ вѣтромъ доносились гулъ и грохотъ отдаленной битвы.

Соловейчикъ съ дѣтскимъ страхомъ смотрѣлъ вверхъ и никогда такъ ясно, какъ въ эту ночь, не чувствовалъ, какой онъ маленькій, щупленькій, какъ бы вовсе не существующій среди безконечно громаднаго, клубящагося хаоса.

— О, Богъ, Богъ! — вздохнулъ Соловейчикъ.

Передъ лицомъ неба и ночи онъ былъ не тѣмъ, чѣмъ былъ на глазахъ людей. Куда-то исчезла тревожная угодливость искривленныхъ движений, гнилые зубки, похожіе на заискивающій оскалъ маленькой собачонки, скрылись подъ тонкими губами еврейскаго юноши, и его черные глаза смотрѣли печально и серьезно.

Онъ медленно прошелъ въ комнаты, потушилъ лишнюю лампу, съ неловкимъ усиліемъ поставилъ на мѣсто столъ и аккуратно разставилъ стулья. По комнатамъ волнами ходилъ жидкій табачный дымъ, на полу было много сору, растоптанныхъ окурковъ папиросъ и обгорѣлыхъ спичекъ. Соловейчикъ немедленно принесъ метлу и подмелъ полъ, какъ всегда съ странною задумчивой любовью стараясь сдѣлать красивѣе и изящнѣе мѣсто, гдѣ жилъ. Потомъ досталъ изъ чулана старое ведро съ помоями, накрошилъ туда хлѣба и, перегибаясь всѣмъ тѣломъ, сѣменя ногами и размахивая рукой, пошелъ черезъ темный дворъ.

Чтобы было свѣтлѣе, онъ поставилъ на окно лампу, но во дворѣ все-таки было пусто и жутко, и Соловейчикъ былъ радъ, когда добѣжалъ до конуры Султана.

Невидимый въ темнотѣ, мохнатый, распространяющій тепло Султанъ кряхтя вылѣзъ ему навстрѣчу и печально и дико загремѣлъ желѣзною цѣпью.

— А... Султанъ иси! — подбадривая себя собственнымъ громкимъ голосомъ, вскричалъ Соловейчикъ. Султанъ въ потмахъ тыкался ему въ руку холодной мокрой мордой.

— На, на.. — сказалъ Соловейчикъ, подставляя ведро.

Султанъ громко зачавкалъ и захлопалъ въ ведеркѣ, а Соловейчикъ стоялъ надъ нимъ и грустно улыбался въ темнотѣ.

— И что же я могу? — думалъ онъ: — развѣ я могу заставить людей думать не такъ, какъ они хотятъ?.. Я самъ думалъ, что мнѣ скажутъ, какъ надо жить и какъ думать... Богъ не далъ мнѣ голоса пророка. Такъ что же я могу и сдѣлать?

Султанъ дружелюбно заворчалъ.

— Ышь себѣ, Ышь... на! — сказалъ Соловейчикъ: — я бы тебя спустилъ съ цѣпи немножечко погулять, но у меня нѣтъ ключа, а я слабый!

— Какіе все прекрасные, умные люди.. и они много знаютъ и имѣютъ ученіе Христа, а... Или, можетъ быть, я самъ виноватъ: надо было сказать одно слово, а я не умѣлъ сказать такого слова!

Далеко, за городомъ, кто то протяжно и тоскливо засвисталъ. Султанъ поднялъ голову и прислушался. Слышно было, какъ крупныя капли звучно падали съ его морды въ ведро.

— А, Ышь, Ышь себѣ... то поѣздъ кричитъ! — сказалъ Соловейчикъ, угадывая его движеніе.

Султанъ тяжело вздохнулъ.

— И будутъ ли когда нибудь люди жить такъ.. или они совсѣмъ не могутъ: — громко заговорилъ Соловейчикъ, грустно пожимая плечами.

И ему представилось во мракѣ безконечное, какъ вѣчность, море людей, выходящихъ изъ тьмы и уходящихъ во тьму. Рядъ вѣковъ безъ начала и конца и цѣпь страданій безъ просвѣта, безъ смысла и окончанія. Тамъ, вверху, гдѣ Богъ, тамъ вѣчное молчаніе.

Султанъ забренчалъ пустымъ ведеркомъ, перекинулъ его и съ слабымъ звономъ цѣпи замахалъ хвостомъ.

— А, съѣлъ?.. Ну...

Соловейчикъ погладилъ жестокую клочковатую спину Султана, на минуту почувствовалъ подъ рукой живое, ласковое изгибающееся тѣло, и пошелъ къ дому.

Гдѣ то позади Султанъ гремѣлъ цѣпью; на дворѣ было какъ будто свѣтлѣе, но оттого только еще чернѣе и страшнѣе казалось огромное черное зданіе мельницы, съ ея вытянувшейся къ небу трубой и узкими, похожими на гробы, амбарами. Длинная полоса свѣта тянулась изъ окна черезъ полисадникъ, и въ ней виднѣлись неподвижныя таинственныя головки прекрасныхъ и слабыхъ цвѣтовъ, пугливо замершихъ

подъ буйнымъ чернымъ небомъ, зловѣще развертывающимъ свои нескончаемыя темныя знамена.

Пронзенный тоскою, страхомъ, одиночествомъ и чувствомъ невознаградимой потери, Соловейчикъ пришелъ въ комнату, сѣлъ у стола и сталъ плакать.

XXVII.

Распущенное человѣческое тѣло, какъ остріе обнаженнаго нерва, до боли обточенное почти насильственными наслажденіями, мучительно отзывалось на самое слово «женщина». Неизмѣнно голая, неизмѣнно возможная, она стояла передъ Волошинымъ во всѣ мгновенія его жизни, и каждое женское платье, обтянутое на гибкомъ, кругло полномъ тѣлѣ самки, возбуждало его до болѣзненной дрожи въ колѣняхъ.

Когда онъ ѣхалъ изъ Петербурга, гдѣ оставилъ множество роскошныхъ и холеныхъ женщинъ, еженощно мучившихъ его тѣло изступленными нагими ласками, и впереди вставало передъ нимъ сложное и большое дѣло, отъ котораго зависѣла жизнь множества людей, работавшихъ на него, Волошину прежде всего и ярче всего была откровенная мечта о молоденькихъ, свѣжихъ самочкахъ провинціальной глуши. Онъ рисовался ему робкими, пугливыми, крѣпкими, какъ лѣсные грибки, и еще издали онъ слышалъ ихъ раздражающій запахъ молодости и чистоты.

И не смотря на то, что общество Зарудина казалось ему шокирующимъ, Волошинъ, какъ только освободился отъ голодныхъ, грязныхъ и тайно гнѣвныхъ людей, сейчасъ же освѣжилъ духами и бѣлоснѣжной чистотой свѣтлаго костюма свое худосочное, дряблѣе тѣло, взялъ извозчика и, содрагаясь отъ нетерпѣнія, поѣхалъ къ Зарудину.

Офицеръ сидѣлъ передъ окномъ въ садъ, пилъ холодный чай и старался съ наслажденіемъ дышать мягкой вечерней прохладой, наплывающей изъ темнаго сада.

— Славный вечерокъ! — повторялъ онъ машинально, но мысль была далеко, и ему было неловко, страшно и стыдно.

Онъ боялся Лиды. Со дня ихъ объясненія онъ ее не видалъ, и теперь она рисовалась совсѣмъ не такою, какою отдавалась ему.

— Какъ бы то ни было, а дѣло вѣдь не кончено еще!... Такъ или иначе надо же раздѣлаться съ младенцемъ... Или плюнуть? — робко спрашивалъ себя Зарудинъ.

— Что она теперь дѣлаетъ?

Передъ нимъ вставало красивое, но грозное и мстительно-но лицо дѣвушки, съ крѣпко сжатыми тонкими губами и загадочными, темными глазами.

— А вдругъ она выкинетъ какую-нибудь штуку... Такая такъ не оставитъ!.. Надо-бы какъ-нибудь..

Призракъ невѣдомаго, но ужаснаго скандала туманно вставалъ передъ Зарудинымъ и сердце его трусливо сжималось.

— Да что, собственно, она можетъ мнѣ сдѣлать? — спрашивалъ онъ иногда и тогда въ его мозгу что-то прояснялось, становилось просто и ничуть не тяжело. — Утопится?.. Ну, и чортъ съ ней... я ее не силой тянулъ, вѣдь?.. Скажетъ, что была моей любовницей?.. Такъ что жъ!.. Это только свидѣтельствуешь о томъ, что я красивый мужчина... Жениться я на ней не общалъ. Странно, ей Богу! — пожималъ плечами Зарудинъ и въ ту же минуту чувствовалъ, какъ темный, жуткій гнетъ опять давить его душу — сплетни пойдутъ, никуда показаться нельзя будетъ! — думалъ онъ и слегка дрожащей рукой машинально подносилъ ко рту стаканъ съ холоднымъ, приторно сладкимъ чаемъ.

Онъ былъ такой же чистый, благоухающій и красивый, какъ всегда, но ему казалось, что на немъ, на всемъ — на лицѣ, на бѣлоснѣжномъ кителѣ, на рукахъ и даже на сердцѣ — лежитъ какое-то грязное, все больше и больше расплывающееся пятно.

— Э, все пройдетъ со временемъ... не въ первый разъ! — успокаивалъ онъ себя, но что то внутри не хотѣло этому по-вѣрить.

Волошинъ вошелъ, развязно шаркая подошвами инисходительно скаля мелкіе зубы, и сразу вся комната наполнилась запахомъ духовъ, табаку и мускуса, смѣнившаго запахъ прохлады и зеленого сада.

— Ахъ, Павелъ Львовичъ! — нѣсколько испуганно вско-чилъ Зарудинъ.

Волошинъ поздоровался, сѣлъ у окна и закурилъ сигару. Онъ былъ такой самоувѣренный, по мнѣнію Зарудина, — изящный и чистый, что офицеръ ощутилъ легкую зависть и изо всѣхъ силъ постарался принять такой же беззаботный и самоувѣренный видъ. Но глаза его все время безпокойно бѣгали: съ тѣхъ поръ, какъ Лида крикнула ему прямо въ лицо

«скотина»! — Зарудину все казалось, что каждый человекъ знаетъ про это и въ душѣ смѣется надъ нимъ.

Волошинъ, улыбаясь и увѣренно, но неудачно остря, началъ болтать о пустякахъ, но ему было трудно выдержать взятый тонъ, и нетерпѣливое желаніе слова «женщина» быстро стало пробиваться сквозь всѣ его остроты и рассказы о Петербургѣ и забастовавшей фабрицѣ.

Воспользовавшись моментомъ закуриванія новой сигары, онъ помолчалъ и выразительно поглядѣлъ въ глаза Зарудину.

И изъ его глазъ что то гибкое и безстыдное проникло въ глаза офицера, и они поняли другъ друга. Волошинъ поправилъ пэнснэ и улыбнулся, оскаливъ зубы. И сейчасъ же эта улыбка отразилась на красивомъ, онаглѣвшемъ отъ нея лицѣ Зарудина.

— А вы, я думаю, тутъ времени не теряете? — спросилъ Волошинъ лукаво и опредѣленно прищуривая глазъ.

Зарудинъ отвѣтилъ съ хвастливо пренебрежительнымъ движеніемъ плечъ:

— О! Это ужъ какъ водится! Что же тутъ и дѣлать еще?

Они засмѣялись и помолчали. Волошинъ жадно ждалъ подробностей и мелкая жилка судорожно билась подъ его лѣвой колѣнкой, а передъ Зарудинымъ мгновенно промелькнули подробности не того, что хотѣлъ Волошинъ, а того, что такъ мучило его всѣ эти дни.

Онъ слегка отвернулся въ садъ и застучалъ пальцами по подоконнику.

Но Волошинъ молча ждалъ и Зарудинъ почувствовалъ необходимость опять попасть въ нужный ему тонъ.

— Я знаю, — притворно самоувѣренно началъ онъ: — что вамъ, столичнымъ жителямъ кажется, что здѣшнія женщины что то особенное. Горько ошибаетесь! Правда у нихъ есть свѣжесть, но нѣтъ шику... нѣтъ, какъ бы это сказать... нѣтъ искусства любить!..

Мгновенно Волошинъ оживился, у него заблестѣли глаза и измѣнился голосъ.

— Да, конечно... Но все это надоѣдаетъ въ концѣ концовъ.. У нашихъ петербуржанокъ нѣтъ тѣла... Вы понимаете?... Это комокъ нервовъ, а не женское тѣло, а здѣсь...

— Это то такъ, — незамѣтно оживляясь согласился Зарудинъ и самодовольно сталъ крутить усы.

— Снимите корсетъ съ самой шикарной столичной дамы и вы увидите... Да, вотъ вамъ... Вы знаете новый анекдотъ?— внезапно перебилъ себя Волошинъ.

— Какой?.. Не знаю... — съ вспыхнувшимъ интересомъ нагнулся къ нему Зарудинъ.

— А вотъ.. Это очень характерно... Одна парижская котка...

И Волошинъ подробно и искусно разсказалъ утонченно безстыдную исторію, въ которой обнаженная похоть и худая грудь женщины сплетались въ такой угарный и кошмарный образъ, что Зарудинъ сталъ нервно смѣяться и весь дергаться, точно его кололи.

— Да самое главное въ женщинѣ — это грудь! Женщина съ плохимъ торсомъ для меня не существуетъ! — закончилъ Волошинъ закатывая глаза, подернувшіеся бѣловатымъ налетомъ.

Зарудинъ вспомнилъ грудь Лиды, такую нѣжную, бѣло-розовую, съ упругими закругленіями, похожую на грозди невѣдомаго прекраснаго плода. Вспомнилъ онъ, какъ нравилось ей, когда онъ цѣловалъ ея грудь, и ему вдругъ стало неловко говорить объ этомъ съ Волошинымъ и больно, и грустно отъ сознанія, что все это прошло и никогда не повторится.

Но чувство это казалось Зарудину недостойнымъ мужчины и офицера, и дѣлая надъ собой усиліе онъ возразилъ неестественно преувеличивая:

— У всякаго свой Богъ!.. Для меня въ женщинѣ самое важное — спина, изгибъ...

— Да, — нервно протянулъ Волошинъ. — Знаете, у нѣкоторыхъ женщинъ, особенно очень молодыхъ...

Деньщикъ, тяжело ступая тяжелыми мужицкими сапогами, вошелъ зажечь лампу и пока онъ возился у стола, звеня стекломъ и чиркая спичками, Зарудинъ и Волошинъ молчали и при разгорающемся свѣтѣ лампы видны были только ихъ блестящіе глаза и нервно вспыхивающіе огоньки папиросъ.

А когда деньщикъ ушелъ, они опять заговорили и слово «женщина», нагое и грязное, въ извращенныхъ и почти бессмысленныхъ формахъ, повисло въ воздухѣ. Хвастовство самца овладѣло Зарудинымъ и мучаясь непосредственнымъ желаніемъ превзойти Волошина и похвастаться тѣмъ, какая роскошная женщина ему принадлежала, Зарудинъ съ каж-

дымъ словомъ все больше и больше обнажая тайники своей похоти, сталъ разсказывать о Лидѣ.

И она стала передъ Волошинымъ совершенно голая, безстыдно раскрытая въ глубочайшихъ тайникахъ своего тѣла и страстей, опошленная, какъ скотина выведенная на базаръ. Мысли ихъ ползали по ней, лизали ее, мяли, издѣвались надъ ея тѣломъ и чувствомъ, и какой то вонючій ядъ сочился на эту прекрасную, дарящую наслажденіемъ и любовью, дѣвушку. Они не любили женщину, не благодарили ее за данныя наслажденія, а старались унижить и оскорбить ее, причинить самую гнусную и непередаваемую боль.

Въ комнатѣ было душно и дымно. Ихъ потныя тѣла распростаняли тревожный, тяжелый, нездоровый запахъ, глаза мутно блестѣли и голоса звучали прерывисто и подавленно, какъ хрипѣніе осатанѣвшихъ звѣрей. За окномъ тихо и ясно наступала лунная ночь, но весь міръ, со всѣми его красками, звуками и богатствами, куда то ушелъ, провалился и голая женщина одна осталась передъ ними. И скоро ихъ воображеніе стало такъ властно и требовательно, что имъ уже было совершенно необходимо увидѣть Лиду, которую они теперь называли не Лидіей, и не Лидой, а Лидкой.

Зарудинъ велѣлъ запретъ лошадей и они поѣхали на край города..

XXVIII.

Письмо, на другой день присланное Зарудинымъ Лидѣ Саниной, въ которомъ онъ просилъ позволенія увидѣться, не ясно и неловко намекая, что многое еще можно измѣнить, попало въ руки Марьи Ивановны, потому что горничная забыла его на столѣ въ кухнѣ.

И отъ страницъ этого письма на чистый образъ дочери, полный нѣжной святости, грязно и страшно надвинулась злобѣщая тѣнь. И первое чувство Марьи Ивановны было — скорбное недоумѣніе. А потомъ ей припомнилась собственная молодость, любовь и измѣны, тяжелыя драмы, которыя были пережиты въ пору разочарованія замужествомъ. Длинная цѣпь страданій, слетенныхъ жизнью, основанной на строгихъ законахъ и правилахъ, дотянулась до старости. Это была сѣрая полоса, съ тусклыми пятнами скуки и горя, съ оборванными краями обузданныхъ желаній и мечтаній, что

то, чего никакъ нельзя было припомнить иначе, какъ ровнымъ рядомъ дней за днями.

Но сознаніе, что дочь гдѣ то прорвала прочную каменную стѣну этой сѣрой пыльной жизни и, быть можетъ, уже попала въ яркій бурный водоворотъ, гдѣ радость и счастье хаотически переплетены съ страданіемъ и смертью, обьяло ужасомъ старую женщину.

А ужасъ разрѣшился гнѣвомъ и тоскою. Если бы старуха могла, она схватила бы Лиду за шею, придавила бы ее къ землѣ, силой втянула назадъ въ сѣрый каменный корридоръ своей жизни, гдѣ на солнечный міръ прорѣзаны только безопасные крошечные оконца съ желѣзными рѣшетками, и заставила бы опять начать ту же, безвозвратно прожитую ею самой, жизнь.

— Гадкая, дрянная, мерзкая дѣвчонка! — съ очаяніемъ уронивъ руки на колѣни, думала Марья Ивановна.

Но сухая, маленькая и удобная мысль о томъ, что все это зашло не дальше извѣстнаго, безопаснаго предѣла, вдругъ пришла ей въ голову. Лицо у нея стало тупымъ и какъ будто хитрымъ. Она принялась читать и перечитывать записку, но ничего не могла вывести изъ ея вычурно холоднаго слога. Тогда старая женщина, чувствуя свое безсиліе, горько заплакала, поправила наколку и спросила горничную:

— Дунька, Владиміръ Петровичъ у себя?

— Чего? — звонко откликнулась Дунька.

— Дура! говорю, баринъ дома?

— Сейчасъ прошли въ кабинетъ. Письмо пишутъ! — радостно доложила Дунька, точно это письмо было для нея величайшимъ наслажденіемъ.

Марья Ивановна твердо и прямо посмотрѣла ей въ глаза и въ добрыхъ выпѣвшихъ глазахъ появилось злобное и тупое выраженіе.

— А ты, дрянь, если будешь у меня записки носить, такъ я тебя проучу, что ты и своихъ не узнаешь.....

Санинъ сидѣлъ и писалъ. Марья Ивановна не привыкла видѣть его пишущимъ и, не смотря на свое горе, заинтересовалась.

— Что это ты пишешь?

— Письмо пишу, — подымая веселую спокойную голову отвѣтилъ Санинъ.

— Кому?

— Такъ... редактору одному знакомому... хочу опять къ нему въ редакцію.

— Да ты развѣ пишешь?

— Я все дѣлаю, — улыбнулся Санинъ.

— А зачѣмъ тебѣ туда?

— Надоѣло мнѣ уже у васъ, мама, — съ искренней усмѣшкой отвѣтилъ Санинъ.

— Спасибо! — съ обидчивой ироніей сказала она.

Санинъ внимательно посмотрѣлъ на нее, хотѣлъ сказать, что она не такая же дура, чтобы не понимать, что чловѣку скучно сидѣть на одномъ мѣстѣ да еще безъ всякаго дѣла, но промолчалъ. Ему показалось нудно объяснять ей такое простое дѣло.

Марья Ивановна вынула платокъ и долго молча мяла его старческими пальцами одряхлѣвшей породистой женщины. Если бы не было записки Зарудина и душа ея не была повержена въ хаосъ сомнѣній и страховъ, она горько и долго пеняла бы сына за его рѣзкость, но теперь ограничилась только трагически жалкимъ сопоставленіемъ:

— Да... Одинъ, какъ волкъ, изъ дому тянетъ, а другая!

И она махнула рукой.

Санинъ съ любопытствомъ поднялъ голову. Очевидно старая житейская драма начинала развертываться дальше.

— А вы почему знаете? — спросилъ онъ, бросая перо.

И вдругъ Марья Ивановна стало стыдно, что она прочла письмо дочери. На старыхъ щекахъ выступилъ кирпичный румянецъ и она нетвердо, но сердито отвѣтила:

— Я, слава Богу, не слѣпая!.. Вижу...

Санинъ подумалъ.

— Ничего вы не видите, — сказалъ онъ: — а въ доказательство могу васъ поздравить съ законнымъ бракомъ вашей дочери... Она сама хотѣла вамъ сказать, да ужъ все равно....

Ему стало жаль, что въ красивую молодую жизнь Лиды врывается еще одно мученіе — старческая тупая любовь, способная замучить чловѣка самой тончайшей и лютѣйшей пыткой.

— Что? — вся выпрямляясь переспросила Марья Ивановна.

— Лида замужъ выходить.

— За кого? — радостно и недовѣрчиво вскрикнула старуха.

— За Новикова... конечно...

— А... а какъ же...

— Да, ну его къ чорту! — съ внезапнымъ раздраженіемъ вскрикнулъ Санинъ. — Не все ли вамъ равно... Что вы чужую душу сторожить собираетесь!

— Нѣтъ, я только не понимаю, Володя... — смущенно и нерѣшительно оправдывалась старуха, сердце которой запѣло непонятно почему, радостную для нея пѣсню: — Лида замужъ выходитъ, Лида замужъ выходитъ!..

Санинъ сурово пожалъ плечами.

— Чего жъ тутъ не понимать... Любила одного, полюбила другого, завтра полюбитъ третьяго... Ну, и Богъ съ ней.

— Что ты говоришь! — съ негодованіемъ вскрикнула Марья Ивановна.

Санинъ всталъ спиной къ столу и скрестилъ руки.

— А вы развѣ всю жизнь одного любили? — спросилъ онъ сердито.

Марья Ивановна поднялась и на ея неумномъ старомъ лицѣ выступила каменно-холодная гордость.

— Такъ съ матерью не говорятъ! — рѣзко выговорила она.

— Кто?

— Что, кто?

— Кто не говорить? — глядя исподлобья спросилъ Санинъ.

Онъ смотрѣлъ на мать и въ первый разъ сознательно замѣтилъ, какое у нея тупое и ничтожное выраженіе глазъ и какъ нелѣпо торчить на головѣ вздохленная, какъ куриный гребень, наколка.

— Никто не говорить! — тупо, какимъ то неживымъ голосомъ сказала она.

— Ну, а я говорю. Только и всего... — вдругъ успокаиваясь и впадая въ свое обычное настроеніе, возразилъ Санинъ, отвернувшись и сѣлъ.

— Вы свое отъ жизни взяли, а потому никакого права не имѣете душиť Лиду, — довольно равнодушно проговорилъ онъ, не оборачиваясь и принимаясь писать.

Марья Ивановна молчала и смотрѣла на Санина во всѣ глаза, а куриный гребень еще нелѣпѣе хохлился у нея на головѣ. Мгновенно затирая всѣ воспоминанія о минувшей жизни, съ ея молодыми страстными ночами, она закрыла себѣ глаза одной фразой: — какъ онъ смѣетъ такъ говорить съ матерью! — и не знала, что ей дѣлать дальше. Но прежде,

чѣмъ она рѣшила, успокоившійся Санинъ повернулся, взявъ ее за руку и ласково сказалъ:

— Оставьте вы все это... А Зарудина гоните вонъ, а то онъ дѣйствительно какихъ-нибудь пакостей надѣлаетъ...

Мягкая волна прошла по сердцу Марьи Ивановны.

— Ну, Богъ съ тобой, — произнесла она. Я рада... Мнѣ Саша Новиковъ всегда нравился... А Зарудина, конечно, принимать нельзя, хотя бы изъ уваженія къ Сашѣ.

— Хотя бы изъ уваженія къ Сашѣ, — смѣясь одними глазами согласился Санинъ.

— А гдѣ Лиды? — уже со спокойной радостью спросила Марья Ивановна.

— Въ своей комнатѣ.

— А Саша? — съ нѣжностью выговаривая имя Новикова прибавила мать.

— Не знаю, право... пошелъ... — началъ Санинъ, но въ это время въ дверяхъ появилась Дунька и сказала:

— Тамъ Викторъ Сергѣевичъ пришли... съ чужимъ ба-риномъ.

— А... Гони ты ихъ въ шею, — посовѣтовалъ Санинъ.

Дунька застѣнчиво хихикнула.

— Что вы, баринъ, развѣ можно!

— Конечно, можно... На кой чортъ они намъ сдались.

Дунька закрылась рукавомъ и ушла.

Марья Ивановна выпрямилась и стала какъ бы моложе, но глаза ея приобрѣли еще болѣе тупое и животное выраженіе. Въ душѣ моментально, съ удивительной легкостью и чистотой, точно она ловко передернула карту, произошла полная перемѣна: насколько теплѣло ея сердце къ Зарудину раньше, когда она думала, что офицеръ женится на Лидѣ, настолько оно стало непріязненно холоднымъ теперь, когда выяснилось, что мужемъ Лиды будетъ другой мужчина, а этотъ могъ быть только ея любовникомъ.

Когда мать повернулась къ выходу, Санинъ посмотрѣлъ на ея каменный съ сѣрымъ недоброжелательнымъ глазомъ, профиль и подумалъ: — Вотъ животное!

Потомъ сложилъ бумагу и пошелъ за ней. Ему было очень любопытно посмотрѣть, какъ сложится и разовьется новое запутанное и трудное положеніе, въ которое поставили себя люди.

Зарудинъ и Волошинъ встали на встрѣчу съ утрированной любезностью, лишенной той свободы, которой пользо-

вался Зарудинъ въ домѣ Саниныхъ прежде. Волошину было нѣсколько неловко, потому что онъ пришелъ съ известной мыслью о Лидѣ и эту мысль приходилось скрывать. Но неловкость эта только еще больше волновала его.

А на лицѣ Зарудина, сквозь напускную развязность и нахальство, ясно выступала робкая тоска. Онъ самъ чувствовалъ, что не надо было приходить; ему было стыдно и страшно; онъ не могъ представить себѣ, какъ встрѣтится съ Лидой, и въ то же время ни за что на свѣтѣ не выдалъ бы этихъ чувствъ Волошину и не отказался бы отъ привычнаго самоувѣреннаго, ничѣмъ не дорожащаго мужчины, который можетъ сдѣлать съ женщиной, что угодно. Временами онъ прямо ненавидѣлъ Волошину, но шелъ за нимъ, какъ прикованный, не имѣя силъ показать свою настоящую душу.

— Дорогая Марья Ивановна, — неестественно показывая бѣлые зубы, сказалъ Зарудинъ, — позвольте вамъ представить моего хорошаго пріятеля, Павла Львовича Волошину...

При этомъ онъ угодливо, съ неумовимо подмигивающей черточкой въ самыхъ уголкахъ глазъ и губъ, улыбнулся Волошину.

Волошинъ поклонился, отвѣтилъ Зарудину той же улыбкой, но болѣе замѣтно и почти нагло.

— Очень пріятно, — холодно сказала Марья Ивановна.

Скрытая неприязнь холодкомъ скользнула изъ ея глазъ на Зарудина и осторожно чуткій офицеръ сейчасъ же это замѣтилъ. Мгновенно исчезла послѣдняя его самоувѣренность и постоупокъ ихъ, окончательно потерявъ игривую забавность, сталъ казаться ему невозможнымъ и нелѣпымъ.

— Эхъ, не надо было приходить! — подумалъ онъ и тутъ, впервые, ясно вспомнилъ то, о чемъ забывалъ, возбужденный обществомъ для него недостижимо великолѣпнаго Волошина: — вѣдь сейчасъ войдетъ Лида!.. Вѣдь это та самая Лида, которая была съ нимъ въ связи, беременна отъ него, мать его собственнаго будущаго ребенка, который такъ или иначе, а вѣдь родится же когда-нибудь! И что же онъ ей скажетъ и какъ посмотреть на нее?.. Сердце Зарудина робко сжалось и тяжелымъ комомъ надало куда то внизъ.

— А вдругъ она уже знаетъ! — съ ужасомъ подумалъ онъ, уже не смѣя взглянуть на Марью Ивановну и весь сталъ ерзать, шевелиться, закуривая папиросу, двигая плечами и ногами и бѣгая глазами по сторонамъ.

— Эхъ не надо было идти!

— Надолго къ намъ? — величаво холодно спрашивала Марья Ивановна Волошина.

— О, нѣтъ, — развязно и насмѣшливо глядя на провинціальную даму, отвѣчалъ Волошинъ и, вывернувъ ладонь, ловко вставилъ въ уголъ сигару, дымъ которой шелъ прямо въ лицо старухи.

— Скучно вамъ у насъ покажется... послѣ Питера...

— Нѣтъ, отчего же... Мнѣ тутъ очень нравится, такой, знаете, патриархальный городокъ....

— Вотъ вы за городъ съѣздите, у насъ мѣста есть великолѣпныя... И купанье и катанье....

— О, непременно-съ, насмѣшливо подчеркивая «съ», но уже скучливо воскликнулъ Волошинъ.

Разговоръ не вязался и былъ тяжелъ и нелѣпъ, какъ улыбающаяся картонная маска изъ подъ которой смотрятъ враждебные и скучные глаза. Волошинъ сталъ поглядывать на Зарудина и смыслъ его взглядовъ былъ понятенъ не только офицеру, но и Санину, внимательно наблюдавшему за ними изъ за угла.

Мысль что Волошинъ перестанетъ думать о немъ, какъ о ловкомъ, остроумно нахальномъ человѣкѣ, способномъ на все, оказалась сильнѣе тайной боязни Зарудина.

— А гдѣ же Лидія Петровна? — съ самоотверженнымъ усилениемъ спросилъ онъ, опять безъ нужды весь приходя въ движеніе.

Марья Ивановна посмотрѣла на него съ удивленной неприязнью.

— А тебѣ какое дѣло, разъ ты на ней не женишься! — сказали ея глаза.

— Не знаю... У себя должно быть, холодно отвѣтила она.

Волошинъ опять выразительно посмотрѣлъ на Зарудина.

— Нельзя ли какъ нибудь вытребовать Лидку эту поскорѣе, а то старушенція мало занимательна! — мысленно сказалъ онъ.

Зарудинъ раскрылъ ротъ и безпомощно шевельнулъ усами.

— Я такъ много лестнаго слышалъ о вашей дочери, — осклабя гнилые зубы, любезно нагибаясь всѣмъ корпусомъ впередъ и потирая руки заговорилъ Волошинъ, — что надѣюсь имѣть честь быть ей представленнымъ?

Марья Ивановна скользнула взглядомъ по неуловимо измѣнившемуся лицу Зарудина и инстинктивно поняла, что

именно могъ слышать этотъ гнилообразный, наглый человѣчекъ о ея кристально чистой и нѣжно-святой Лидѣ. Мысль эта была такъ остра, что мгновенно приблизила къ ней страшное предчувствіе паденія Лиды и обняла безпомощнымъ ужасомъ. Она растерялась и глаза ея стали въ это время человѣчнѣе и мягче.

— Если ихъ не прогнать отсюда, — подумалъ въ эту минуту Санинъ: — то они причинятъ еще много горя и Лидѣ и Новикову...

— Я слышалъ, что вы уѣзжаете? — вдругъ спросилъ онъ, задумчиво глядя въ полъ.

Зарудинъ удивился, какъ не пришла ему самому въ голову такая простая и удобная мысль.

— А!.. Взять отпускъ мѣсяца на два... — мелькнуло у него въ мозгу, и Зарудинъ поспѣшно отвѣтилъ.

— Да, собираюсь... Надо бы отдохнуть, провѣтриться... знаете... Заплесневѣешь на одномъ мѣстѣ!

Санинъ вдругъ засмѣялся. Весь этотъ разговоръ, въ которомъ ни одно слово не выражало того, что чувствовали и думали люди, вся его никого не обманывающая ложность и то, что всѣ явно видя, что никто не вѣритъ, продолжали обманывать другъ друга, размѣшили его. И рѣшительное, веселое чувство свободной волной прихлынуло къ его душѣ.

— Скатертью дорога, — сказалъ онъ первое, что пришло ему въ голову.

И какъ будто со всѣхъ слетѣлъ строгій, крахмальный костюмъ, всѣ три человѣка мгновенно измѣнились. Марья Ивановна поблѣднѣла и стала меньше, въ глазахъ Волошина мелькнуло трусливо животное чувство, превратившее его въ насторожившагося звѣрька, а Зарудинъ тихо и неуверенно поднялся съ своего мѣста. Живое движеніе прошло по комнатѣ.

— Что? — подавленнымъ голосомъ спросилъ Зарудинъ и голосъ его былъ тотъ самый, который не могъ быть ему несвойственъ въ эту минуту.

Волошинъ испуганно и мелко засмѣялся, острыми пугливыми глазками отыскивая свою шляпу. Санинъ не отвѣчая Зарудину, съ веселымъ и злымъ лицомъ, напелъ шляпу Волошина и подаль ему. Волошинъ раскрылъ ротъ и изъ него вышелъ тоненькій придавленный звукъ, похожій на жалобный пискъ

— Какъ это понять? — съ отчаяніемъ крикнулъ Зарудинъ, совершенно теряя почву. — Скандаль! — пронеслось въ его помертвѣломъ мозгу.

— Такъ и понимайте, — сказалъ Санинъ: — вы тутъ совершенно не нужны и вы доставите всѣмъ большое удовольствіе если уберетесь отсюда.

Зарудинъ шагнулъ впередъ. Лицо его стало страшно и бѣлые зубы оскалились зловѣще и звѣрино.

— Д-а... вотъ, какъ... — проговорилъ онъ, судорожно задыхаясь.

— Пошелъ вонъ, — съ презрѣніемъ коротко и твердо отвѣтилъ Санинъ.

И въ голосъ его послышалась такая стальная и страшная угроза, что Зарудинъ отступилъ и замолчалъ, нелѣпо и дико вращая зрачками.

— Это чортъ знаетъ, что такое... — негромко пробормоталъ Волошинъ и поспѣшно направился къ дверямъ, пряча голову въ плечи.

Но въ дверяхъ показалась Лида.

Никогда, ни прежде, ни послѣ она не чувствовала себя такой униженной, точно голая рабыня, изъ за которой на рынкѣ разодрались самцы. Въ первую минуту, когда она узнала о приходѣ Зарудина съ Волошинымъ и отчетливо поняла смыслъ этого прихода, чувство физическаго униженія было такъ велико, что она нервно зарыдала и убѣжала въ садъ, къ рѣкѣ, съ вновь возникшей мыслью о самоубійствѣ.

— Да что же это!.. Неужели этому еще не конецъ!.. Неужели я совершила такое ужасное преступленіе, что оно никогда не простится и всегда, всякій будетъ имѣть право... — чуть не закричала она, заломивъ надъ головой руки.

Но въ саду было такъ ясно и свѣтло, такъ мирно жили тамъ яркіе цвѣты, пчелы и птицы, такъ голубѣло небо, такъ блестяла у осоки вода и такъ обрадовался фоксъ-террьеръ Милль тому, что она побѣжала, что Лида опомнилась. Она вдругъ инстинктивно вспомнила, что и всегда такъ же охотно и жадно бѣгали за ней мужчины, вспомнила свое оживленіе, которое напрягало все ея тѣло подъ взглядами этихъ мужчинъ, и потомъ совсѣмъ сознательно въ ней пробудилось чувство гордости и правоты.

— Ну, что-жъ — подумала она: какое мнѣ дѣло... онъ, такъ онъ... ну, любила, теперь разошлась... И никто, никогда не смѣетъ меня презирать!

Она круто повернулась къ дому и пошла.

Въ дверяхъ Лидя появилась не такою, какою привыкли видѣть ее чужіе люди. Не какъ всегда, вмѣсто обычной модной и вычурной прически, у нея на спинѣ мягко спускалась толстая и пышная коса, вмѣсто изящнаго изощреннаго туалета, на груди и плечахъ легко и просто была одѣта легкая кофточка, наивно показывавшая освобожденное прекрасное тѣло, и вся она въ этомъ миломъ, простомъ, домашнемъ видѣ была какъ-то неожиданно прекрасна и обаятельна.

Странно улыбаясь, улыбкой, дѣлавшей ее похожей на брата, Лидя какъ будто спокойно перешагнула порогъ и сказала звучнымъ и красивымъ голосомъ, съ особенно милыми дѣвичьими нотками:

— Вотъ и я... Куда же вы?.. Викторъ Сергѣевичъ, бросьте фуражку!..

Санинъ замолчалъ и съ любопытнымъ восторгомъ, широко открывъ глаза, глядѣлъ на сестру.

— Это еще что! — подумалъ онъ.

Какая-то внутренняя сила, и грозная, и милая, и непреоборимая, и женственно-нѣжная, вошла въ комнату. Точно укротительница вошла въ клѣтку разодравшихся дикихъ звѣрей. Мужчины вдругъ стали мягки и покорны.

— Видите ли Лидія Петровна... — съ замѣшательствомъ проговорилъ Зарудинъ.

И какъ только онъ заговорилъ, мило-жалкое, беспомощное выраженіе скользнуло по лицу Лиды. Она быстро взглянула на него и вдругъ ей стало невыносимо больно. Болѣзненный, чувствительный оттѣнокъ физической нѣжности проснулся въ ней и мучительно захотѣлось на что-то надѣяться. Но это желаніе мгновенно же смѣнилось острой животной необходимостью доказать ему, какъ много онъ самъ потерялъ и какъ она все-таки прекрасна, несмотря на горе и униженіе, которое онъ причинилъ ей.

— Ничего я не хочу видѣть! — и въ самомъ дѣлѣ почти закрывая красивыя глаза, властно и нѣсколько театрално произнесла Лидя.

Съ Волошинымъ сдѣлалось что-то странное: эта прелестная теплота, шедшая отъ едва прикрытаго, нѣжнаго женскаго тѣла, открывшагося въ неожиданной милой домашней красотѣ, разварила все его существо. Острый язычекъ мгновенно облизалъ его пересохшія губы, глазки съузились и все тѣло,

подъ просторнымъ свѣтлымъ костюмомъ отебло съ безсильномъ физическомъ восторгѣ.

— Представьте-же... — сказала Лида, черезъ плечо поворачивая къ нему большіе дѣвичьи глаза, мягко и своевольно отгнѣнные рѣсницами.

— Волошинъ... Павелъ Львовичъ... — пробормоталъ Зарудинъ.

— И такая красавица была моей любовницей! — и съ искреннимъ восторгомъ, и съ хвастливымъ чувствомъ передъ Волошинымъ, и съ легкимъ уколомъ сознанія невозвратимой потери мелькнуло въ немъ.

Лида медленно повернулась къ матери.

— Мама, васъ тамъ спрашиваютъ... — сказала она

— Мнѣ не до... — начала Марья Ивановна.

— Я говорю... — перебила Лида и въ голосѣ ея неожиданно зазвучали слезы.

Марья Ивановна торопливо встала, Санинъ смотрѣлъ на Лиду и ноздри его раздувались широко и сильно.

— Господа, пойдѣте въ садъ... Тутъ жарко! — сказала Лида и какъ прежде, не глядя, идутъ ли за ней, пошла на балконъ. Мужчины, какъ загипнотизированные, двинулись за ней и было похоже, точно она опутала ихъ своей косою и насильно ведетъ, куда хочетъ. Волошинъ шелъ впереди, восхищенный и обостренный, позабывъ все на свѣтѣ, кромѣ нея.

Лида сѣла подъ липой въ качалку и вытянула маленькія ноги въ желтыхъ туфелькахъ на просвѣчивающихъ черныхъ чулкахъ. Въ ней какъ будто было два существа: одно томилось отъ стыда, обиды и тоски, другое упрямо принимало сознательно возбуждающія позы, одну красивѣе и гибче другой. И первое съ омерзѣніемъ смстрѣло и на себя и на мужчинъ и на всю жизнь.

— Ну, Павелъ Львовичъ, какое впечатлѣніе производитъ на васъ наша глушь, щуря глаза спрашивала Лида.

Волошинъ быстро скрестилъ и потеръ пальцы.

— Такое, какое, вѣроятно, испытываетъ человѣкъ въ глухомъ лѣсу наткнувшись на роскошный цвѣтокъ! — отвѣтилъ онъ

И между ними начался легкій, пустой и насквозь лживый разговоръ, въ которомъ все то, что произносилось вслухъ, было лсжью, а все то, о чемъ умалчивали, было правдой. Санинъ молчалъ и слушалъ именно тотъ молчаливый и настоящій разговоръ, который безъ словъ скользилъ по лицамъ, по

рукамъ и ногамъ, по звукамъ голоса и его дрожи. Лида страдала, Волошинъ мучительно и неудовлетворенно наслаждался ея красотой и запахомъ. А Зарудинъ уже ненавидѣлъ и ее и Санина, и Волошина, и весь міръ, хотѣлъ уйти и не уходилъ, хотѣлъ сдѣлать что-то грубое и курилъ папиросу за папиросой. И почему-то нестерпимая потребность, чтобы Лида открыто предстала всѣмъ, какъ его любовница, безпросвѣтно зло надавила его мозгъ.

— Итакъ вамъ нравится у насъ, вы не жалѣете, что покинули Петербургъ? — спрашивала Лида.

Быть можетъ эта попытка была мучительнѣе всего ей, — и ей самой странно было, что она не встаетъ, не уходитъ.

— *Mais au contraire!* — возражалъ Волошинъ, кокетливо разводя руками и наводя глазъ на грудь Лиды.

— Безъ фразъ! -- съ кокетливо повелительнымъ жестомъ сказала Лида, и опять въ ней боролись два существа: одно вызвало краску на лицѣ, другое еще выпуклѣе и неуловимо безстыднѣе выставило грудь навстрѣчу обнажающему взгляду.

— Ты думаешь, что я очень несчастна... что я убита! Такъ на же, смотри! Вы таковы, такъ и я буду такой! — съ внутренними слезами мысленно говорила она Зарудину.

— О, Лидія Петровна! — съ ненавистью отозвался Зарудинъ: — какія ужъ тутъ фразы!

— Вы, кажется, что то сказали? — холодно спросила Лида и, быстро мѣняя тонъ, опять обернулась къ Волошину.

— Расскажите мнѣ о петербургской жизни... У насъ, вѣдь, не жизнь, а прозябаніе!

Зарудинъ почувствовалъ, что Волошинъ слегка усмѣхнулся въ его сторону и подумалъ, что Волошинъ уже не вѣрить въ то, что Лида была его любовницей.

— Ага, ага... такъ.. хорошо! — съ невѣроятной злобой сказалъ онъ себѣ.

— Наша жизнь? О, эта знаменитая «петербургская жизнь»!...

Волошинъ легко и быстро болталъ и производилъ впечатлѣніе маленькой глупенькой обезьянки, что то лопочущей на своемъ пустомъ малопонятномъ языкѣ.

— Кто знаетъ! — думалъ онъ съ затаенной надеждой глядя на лицо, грудь и широкія бедра Лиды.

— Могу вамъ дать честное слово, Лидія Петровна, что наша жизнь очень бѣдна и скучна... До сегодняшняго дня,

впрочемъ, я думалъ, что и всякая жизнь скучна, независимо отъ того, гдѣ живетъ человѣкъ — въ столицѣ или въ деревнѣ...

— Будто? — полузакрѣла глаза Лида.

— Что даетъ жизнь, такъ это — прекрасная женщина! А женщина большихъ городовъ, ахъ, если бы вы ихъ видѣли!.. А, знаете, я убѣжденъ, что если что когда либо спасетъ міръ, то это красота! — неожиданно, но считая это очень умѣстнымъ, понятнымъ и остроумнымъ, прибавилъ Волошинъ.

На его лицѣ установилось безсмысленное разгоряченное выраженіе и онъ болталъ срывающимся голосомъ, безпрестанно возвращаясь къ одному и тому же, къ женщинѣ, о которой онъ говорилъ такъ, точно тайкомъ непрестанно раздѣвалъ и насиловалъ ее. И Зарудинъ, подмѣчая это выраженіе, вдругъ почувствовалъ смутную ревность. Онъ краснѣлъ и блѣднѣлъ, и не могъ стоять на мѣстѣ, нервно и странно переходя съ мѣста на мѣсто по срединѣ аллеи.

— Наши женщины такъ похожи одна на другую, онѣ такъ исковеркались и ошablонились!.. Найти что-нибудь способное вызвать дѣйствительное преклоненіе передъ красотой.. не то, знаете, специфическое чувство, а дѣйствительно чистое, искреннее поклоненіе, какое испытываешь передъ статуей, въ большихъ городахъ невозможно!.. Для этого надо пуститься именно въ глушь, гдѣ жизнь еще — не тронутая почва, способная давать пышные цвѣты.

Санинъ невольно почесалъ затылокъ и переложилъ ногу на ногу.

— А къ чему имъ здѣсь и расцвѣтать, когда ихъ рвать некому! — возразила Лида.

— Ага! — съ интересомъ подумалъ Санинъ; — вотъ куда она ведетъ!..

Ему была ужасна интересна эта грубовато тонкая игра чувствъ и желаній, и ясно и въ тоже время неуловимо развѣтывающаяся передъ нимъ.

— То есть!

— Ну, да, я говорю серьезно! Кто срываетъ наши печальные цвѣты? Что это за люди, которыхъ мы дѣлаемъ своими героями! — вырвалось у Лиды совершенно искренно и трогательно грустно.

— Вы къ намъ безжалостны! — невольно отозвался на скрытые нотки ея голоса Зарудинъ.

— Лидія Петровна права! — съ одушевленіемъ поддержалъ Волошинъ, но сейчасъ же спохватился и трусливо оглянулся на Зарудина.

Лидія захохотала и ея горячіе местию и стыдомъ и тоской глаза грозно и печально впились въ лицо Зарудина. А Волошинъ опять болталъ и слова его сыпались, прыгали и дробились, какъ стая какихъ то чепушистыхъ уродцевъ, Богъ вѣсть откуда набѣжавшихъ сюда.

Уже онъ говорилъ о томъ, что женщина съ прекраснымъ тѣломъ можетъ, не возбуждая грязныхъ желаній, появляться на улицу голой, и видно было, какъ хотѣлось ему, чтобы этою женщиной была Лидя и чтобы голой появилась она именно для него.

А Лидя смѣялась, перебивала его и въ ея высокомъ смѣхѣ слышался стыдъ и слезы обиды и тоски.

Было жарко и солнце высоко и прямо смотрѣло въ садъ, и листья тихо-тихо покачивались, точно ъслнуясь знойными, но скованными лѣнью желаніями. А подл. ними хорошенькая, молоденькая беременная женщина, съ тайными слезами и муками старалась отомстить за поруганную страсть и чувствовала, что это не удастся, и страдала безсильнымъ стыдомъ; одинъ слабосильный, трусливый самецъ мучился въ потугахъ высказываемаго и скрываемаго сладострастнаго желанія, а другой страдалъ отъ ревнивой и унижающей злобы.

Санинъ сидѣлъ въ сторонѣ, въ мягкой и зеленой тѣни липы, и спокойно смотрѣлъ на нихъ.

— Однако намъ пора, — наконецъ не выдержалъ Зарудинъ. Самъ не зная почему, онъ чувствовалъ во всемъ, въ смѣхѣ, въ глазахъ, въ дрожи пальцевъ Лиды, скрытые удары по лицу, и злоба къ ней, ревность къ Волошину и физическая тоска безвозвратной потери истомила его.

— Уже? — спросила Лидя.

Волошинъ, сладко жмурясь, улыбался и тонкимъ языкомъ облизывалъ губы.

— Что дѣлать... Виктору Сергѣевичу очевидно нездоровится, — насмѣшливо, воображая себя побѣдителемъ, сказалъ онъ.

Они стали прощаться. Когда Зарудинъ наклонился къ рукъ Лиды, онъ вдругъ шепнулъ:

— Прощай!

Онъ самъ не зналъ, зачѣмъ это сдѣлалъ, но никогда такъ не любилъ и не навидѣлъ Лиду, какъ въ эту минуту. И въ

душѣ Лиды отвѣтно что то замерло и задрожало, въ желаніи разстаться съ грустной и нѣжной благодарностью за пережитыя вмѣстѣ наслажденія, безъ всякихъ мести, злобѣ и ненавистей. Но она подавила это чувство и отвѣтила безжалостно и громко:

— Прощайте... Счастливаго пути. Павелъ Львовичъ не забывать!

Слышно было, какъ Волошинъ, нарочно громче, чѣмъ нужно, сказалъ:

— Вотъ женщина, она спьяннѣетъ, какъ шампанское!..

Они ушли, а когда шаги ихъ стихли, Лида сѣла въ качалку, но совсѣмъ не такъ, какъ прежде, а сгорбившись и вся дрожа. Тихія, какія то особенно трогательныя, дѣвическія слезы полились у нея по лицу. И почему то Санину припомнился трогательно задумчивый образъ русской дѣвушки, съ ея пышной косой, безотрадной жизнью и кисейнымъ рукавомъ, которымъ она тайкомъ гдѣ-нибудь, по веснѣ, надъ обрывомъ разлива, утирала свои слезы. И то что этотъ старинный наивный образъ былъ совсѣмъ не свойственъ обычной Лидѣ, съ ея модными высокими прическами и изящными кружевными, платьями, особенно было трогательно и жалко.

— Ну, что ты! — сказалъ Санинъ, подходя и беря ее за руку.

— Оставь... какая ужасная шутка жизнь... — выговорила Лида и наклонилась къ самымъ колѣнямъ, закрывъ лицо руками. Мягкая коса тихо свернулась черезъ плечо и упала внизъ.

— Тьфу! — сердито сказалъ Санинъ — сталъ бы я изъ за такихъ пустяковъ!..

— Неужели нѣтъ... другихъ, лучшихъ людей! — опять проговорила Лида.

— Конечно нѣтъ, — улыбнулся Санинъ: — человѣкъ гадокъ по природѣ. Не жди отъ него ничего хорошаго и тогда то дурное, что онъ будетъ дѣлать, не будетъ причинять тебѣ горя...

Лида подняла голову и посмотрѣла на него заплаканными красными глазами.

— А ты не ждешь? — спокойнѣе и задумчивѣе спросила она.

— Конечно нѣтъ, — отвѣчалъ Санинъ: — я живу одинъ...

На другой день простоволосая и босая Дунька, съ застывшимъ выраженіемъ испуга въ глупыхъ глазахъ, прибѣжала къ Санину, чистившему дорожку въ саду, и очевидно, повторяя чужія слова, сказала:

— Владиміръ Петровичъ, васъ желаютъ видѣть господа ахвицеры...

Санинъ не удивился, потому что ждалъ того или иного вызова отъ Зарудина.

— И очень желаютъ? — шутя спросилъ онъ Дуньку.

Но Дунька видимо знала что то страшное и противъ обыкновенія не закрылась рукавомъ, а взглянула ему прямо въ глаза съ выраженіемъ испуганнаго участія.

Санинъ поставилъ лопату къ дереву, снялъ и перетянулъ поясъ и, по своей манерѣ, слегка раскачиваясь на ходу, пошелъ въ домъ.

— Экіе дураки... вѣдь вотъ идіоты! — съ досадою думалъ онъ о Зарудинѣ и его секундантахъ, но это было не ругательствомъ, а выраженіемъ его искренняго мнѣнія.

Когда онъ проходилъ черезъ домъ, изъ дверей своей комнаты вышла Лида и стала на порогѣ. У нея было напряженное блѣдное лицо и страдальческіе глаза. Она пошевелила губами, но ничего не сказала. Въ эту минуту она чувствовала себя самой несчастной и самой преступной женщиной въ мірѣ.

Въ гостиной, въ креслѣ безпомощно сидѣла Марья Ивановна. И у нея было испуганное несчастное лицо и куриный гребень наколки растерянно свисалъ на бокъ. Она то же поглядѣла на Санина умоляющими, испуганными глазами такъ же пошевелила губами и такъ же промолчала.

Санинъ улыбнулся ей, хотѣлъ остановиться, но раздумалъ и прошелъ дальше.

Танаровъ и Фонъ-Дейцъ сидѣли въ залѣ, на стульяхъ возлѣ перваго отъ двери окна, и сидѣли не такъ, какъ сидѣли всегда, а поджавъ ноги и выпрямившись, точно имъ было страшно неловко въ ихъ бѣлыхъ кителяхъ и узкихъ синихъ рейтузахъ. При входѣ Санина они медленно и нерѣшительно поднялись, очевидно не зная, какъ вести себя дальше.

— Здравствуйте, господа, — сказалъ Санинъ громко, подходя и протягивая руку.

Фонъ-Дейцъ на секунду замялся, но Танаровъ быстро и преувеличенно поклонился, пожимая руку, такъ что передъ Санинымъ мелькнулъ его подстриженный затылокъ.

— Ну, что скажите хорошаго? — спросилъ Санинъ, замѣчая эту особую предупредительную готовность Танарова и дивясь тому, какъ ловко и увѣренно продѣлывалъ этотъ офицеръ глупость фальшивой церемоніи.

Фонъ-Дейцъ выпрямился и придалъ холодный видъ своей лошадиной фizioноміи, но сконфузился. И странно было, что заговорилъ прямо и увѣренно всегда молчаливый и застенчивый Танаровъ.

— Нашъ другъ, Викторъ Сергѣевичъ Зарудинъ, сдѣлалъ намъ честь, поручивъ за него объясниться съ вами, — сказалъ онъ отчетливо и холодно, какъ будто внутри его пошла въ ходъ заведенная машина.

— Ага! — произнесъ Санинъ, широко открывая ротъ съ комической важностью.

— Да-съ — слегка опуская брови, упрямо и твердо продолжалъ Танаровъ: — онъ находитъ, что ваше поведеніе отъносительно его было не совсѣмъ...

— Ну, да... понимаю..., быстро теряя терпѣніе, перебилъ Санинъ: — я его прогналъ почти что въ шею... чего ужъ тутъ «не совсѣмъ».

Танаровъ сдѣлалъ усиліе, чтобы что то понять, но не смогъ и продолжалъ:

— Да-съ... Онъ требуетъ, чтобы вы взяли свои слова назадъ.

— Да, да... — почему то счелъ нужнымъ прибавить длинный фонъ-Дейцъ и какъ журавль переступилъ съ ноги на ногу.

— Какъ же я ихъ возьму? Слово не воробей, вылетитъ не поймаешь! — смѣясь одними глазами возразилъ Санинъ.

Танаровъ недоумѣло помолчалъ, глядя прямо въ глаза Санину.

— Однако, какіе у него злые глаза! — подумалъ Санинъ.

— Намъ не до шутокъ.... — сердито, точно сразу понявъ что-то и густо багровѣя, вдругъ быстро проговорилъ Танаровъ: — угодно взять ваши слова обратно или нѣтъ?

Санинъ помолчалъ.

— Форменный идиотъ! — подумалъ онъ даже съ грустью, взялъ стулъ и сѣлъ.

— Я, пожалуй, и взял бы свои слова обратно, чтобы доставить Зарудину удовольствие и успокоить его, — серьезно заговорил онъ: — тѣмъ болѣе, что мнѣ это ровно ничего не стоитъ... Но, во-первыхъ, Зарудинъ глупъ и пойметъ это не такъ, какъ надо и вмѣсто того, чтобы успокоиться будетъ злорадствовать, а во-вторыхъ, Зарудинъ мнѣ рѣшительно не нравится, а при такихъ обстоятельствахъ и словъ назадъ брать не стоитъ...

— Такъ-съ... — сквозь зубы злорадно протянул Танаровъ.

Фонъ-Дейцъ испуганно поглядѣлъ на него и съ его длинной физиономіи сползли послѣднія краски. Она стала желта и деревянна.

— Въ такомъ случаѣ, — повышая голосъ и придавая ему угрожающій оттѣнокъ, началъ Танаровъ.

Санинъ съ внезапной ненавистью оглядѣлъ его узкій лобъ и узкія рейтузы и перебилъ:

— Ну и такъ далѣе... знаю... Только драться съ Зарудинымъ я не буду.

Фонъ-Дейцъ быстро повернулся. Танаровъ выпрямился и принимая презрительный видъ, спросилъ, отекаивалъ слогъ:

— По-че-му?

Санинъ засмѣялся и ненависть его прошла такъ же быстро, какъ и явилась.

— Да потому... Во-первыхъ, я не хочу убивать Зарудина, а во-вторыхъ, и еще больше не хочу самъ умирать.

— Но... — кривя губы началъ Танаровъ.

— Да не хочу и баста! — сказалъ Санинъ вставая. — Стану я еще вамъ объяснять, почему!.. Очень мнѣ надо!.. Не хочу, ну?

Глубочайшее презрѣніе къ человѣку, который не хочетъ драться на дуэли, смѣшалась въ Танаровѣ съ непоколебимымъ убѣждѣніемъ, что никто кромѣ офицера и не способенъ быть настолько храбрымъ и благороднымъ, чтобы драться. А потому онъ нисколько не удивился, а напротивъ, даже какъ будто обрадовался.

— Это ваше дѣло, — сказалъ онъ уже не скрывая и даже преувеличивая презрительное выраженіе: — но я долженъ васъ предупредить....

— И это знаю, — засмѣялся Санинъ: но этого я уже прямо не совѣтую Зарудину.

— Что-съ? — усмѣхаясь переспросилъ Танаровъ, беря съ подоконника фуражку.

— Не совѣтую меня трогать, а то я его такъ побью, что...

— Послушайте! — вдругъ вспыхнулъ фонъ-Дейцъ: — я не могу позволить... вы издѣваетесь!.. И неужели не понимаете, что отказываться отъ вызова это... это...

Онъ былъ красенъ, какъ кирпичъ и тусклые глаза глупо и дико пучились изъ орбитъ, а на губахъ показался маленький слонный водоворотикъ.

Санинъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ ему въ ротъ и сказалъ:

— А еще человѣкъ считаетъ себя поклонникомъ Толстого! Фонъ-Дейцъ вскинулъ головой и затрясся.

— Я васъ попрошу! — съ визгомъ прокричалъ онъ, мучительно стыдась, что кричитъ на хорошаго знакомаго, съ которымъ недавно говорилъ о многихъ важныхъ и интересныхъ вопросахъ.

— Я васъ попрошу оставить... Это не относится къ дѣлу!

— Ну, нѣтъ, — возразилъ Санинъ: — даже очень относится!

— А я васъ попрошу, — съ истерическимъ воплемъ закричалъ фонъ-Дейцъ, брызгая слюной: — это совсѣмъ... и однимъ словомъ...

— Да, ну васъ! — съ неудовольствіемъ отодвигаясь отъ брызгавшей слюны сказалъ Санинъ: — думайте, что хотите, а Зарудину скажите, что онъ дуракъ...

— Вы не имѣете права! — отчаяннымъ плачущимъ голосомъ взвылъ фонъ-Дейцъ.

— Хорошо-съ, хорошо,съ... — съ удовольствіемъ проговорилъ Танаровъ. — Идемъ.

— Нѣтъ, — тѣмъ же плачущимъ голосомъ и безтолково размахивая длинными руками кричалъ фонъ-Дейцъ: — какъ онъ смѣетъ... это прямо... это...

Санинъ посмотрѣлъ на него, махнулъ рукой и пошелъ прочь.

— Мы такъ и передадимъ нашему другу... — сказалъ ему вслѣдъ Танаровъ.

— Ну, такъ и передайте, — не оборачиваясь, отвѣтилъ Санинъ и ушелъ.

— Вѣдь вотъ, дуракъ, а какъ попалъ на своего дурацкаго конька, какой сталъ сдержанный и толковый! — поду-

малъ Санинъ, слыша, какъ Танаровъ уговариваетъ кричащаго фонъ-Дейца.

— Нѣтъ, это нельзя такъ оставить! — кричалъ длинный офицеръ, съ грустью сознавая, что благодаря этой исторіи потерялъ интереснаго знакомаго и не зная, какъ это поправить, а оттого еще больше озлобляясь и очевидно портя дѣло въ концѣ.

— Володя... — тихо позвала изъ дверей Лида.

— Что? — остановился Санинъ.

— Иди сюда... мнѣ нужно...

Санинъ вошелъ въ маленькую комнату Лиды, гдѣ было полутемно и зеленовато отъ закрывающихъ окно деревьевъ, пахло духами, пудрой и женщиной.

— Какъ у тебя тутъ хорошо! — сказалъ Санинъ, страстно и облегченно вздыхая.

Лида стояла лицомъ къ окну и на ея плечахъ и щекъ мягко и красиво лежали зеленоватые отсвѣты сада.

— Ну, что тебѣ нужно? — ласково спросилъ Санинъ.

Лида молчала и дышала часто и тяжело.

— Что съ тобой?

— Ты не будешь... на дуэли? — сдавленнымъ голосомъ спросила Лида не оборачиваясь.

— Нѣтъ, — коротко отвѣтилъ Санинъ.

Лида молчала.

— Ну, и что же?

Подбородокъ Лиды задрожалъ. Она разомъ повернулась и задыхающимся голосомъ быстро и несвязно проговорила:

— Этого я не могу, не могу понять...

— А... — морщась возразилъ Санинъ, — очень жаль, что не понимаешь!..

Злая и тупая человѣческая глупость, охватывающая со всѣхъ сторонъ, исходящая равно и отъ злыхъ, и отъ добрыхъ, и отъ прекрасныхъ, и отъ безобразныхъ людей, утомила его. Онъ повернулся и ушелъ.

Лида посмотрѣла ему вслѣдъ, а потомъ ухватила обѣими руками за голову и повалилась на кровать. Длинная темная коса, словно мягкій пушистый хвостъ, красиво разметалась по бѣлому, чистому одѣялу. Въ эту минуту Лида была такъ красива, такъ сильна и гибка, что, не смотря на отчаяніе и слезы, выглядѣла удивительно живой и молодой; въ окно смотрѣлъ пронизанный солнцемъ зеленый садъ; комната была радостна и свѣтла. Но Лида не видѣла ничего.

Быль тотъ особенный вечеръ, какой только изрѣдка бываетъ на землѣ и кажется спустившимся откуда-то, съ прозрачнаго и величественно прекраснаго голубѣющаго неба. Невысокое солнце второй половины лѣта уже зашло, но было еще совсѣмъ свѣтло и воздухъ былъ удивительно чистъ и легокъ. Было сухо, но въ садахъ невѣдомо откуда появилась обильная роса: пыль съ трудомъ поднималась, но стояла въ воздухѣ долго и лѣниво; было душно и прохладно уже. Всѣ звуки разносились легко и быстро, какъ на крыльяхъ.

Санинъ безъ шапки, въ своей широкой голубой, но уже позеленѣвшей на плечахъ рубахѣ, прошелъ по пыльной улицѣ и длинному, заросшему крапивой, переулку, къ дому гдѣ жилъ Ивановъ.

Ивановъ, серьезный и широкоплечій, съ длинными, прямыми, какъ солома, волосами, сидѣлъ передъ окномъ въ садѣ, гдѣ все больше увлажнялась росой и опять зеленѣла запыхавшаяся за день зелень, и методично набивалъ папиросы табакомъ, отъ котораго на сажень вокругъ хотѣлось чихать.

— Здравствуй, — сказалъ Санинъ, облакачиваясь на подоконникъ.

— Здорово.

— А меня на дуэль вызывали, — сказалъ Санинъ.

— Доброе дѣло! отвѣтилъ Ивановъ невозмутимо. — Кто и за что?

— Зарудинъ... Я его изъ дому выгналъ, ну, онъ и обидѣлся.

— Такъ, сказалъ Ивановъ: — Будешь, значить драться? Подерись, я секундантомъ буду... пусть другъ другу носъ отстрѣляютъ.

— Зачѣмъ... Носъ — благородная часть тѣла.... Не буду я драться! — смѣясь возразилъ Санинъ.

— И то хорошо, — кивнулъ головой Ивановъ: — зачѣмъ драться, драться не слѣдуетъ!

— А вотъ моя сестрица Лида иначе разсуждаетъ, — улыбулся Санинъ.

— Потому — дура! — убѣжденно возразилъ Ивановъ. — Сколько въ каждомъ человѣкѣ этой глупости сидить.

Онъ набилъ послѣднюю папиросу и сейчасъ же закурилъ ее, остальные собрались, уложилъ въ кожаный портсигаръ и сдунувъ табакъ съ подоконника, вылъзъ въ окно.

— Что будемъ творить? — спросилъ онъ.

— Пойдемъ къ Соловейчику, — предложилъ Санинъ.

— А ну его, — поморщился Ивановъ.

— Что такъ?

— Не люблю я его.. Слизнякъ!..

— Многимъ ли хуже всѣхъ другихъ, — махнулъ рукой Санинъ. — Ничего... пойдѣмъ.

— Ну, пойдѣмъ, мнѣ что! — согласился Ивановъ такъ же быстро, какъ онъ всегда соглашался со всѣмъ, что говорилъ Санинъ.

И они пошли по улицамъ, оба здоровые и высокие, съ широкими плечами и веселыми голосами.

Но Соловейчика не оказалось дома. Флигель былъ запертъ, во дворѣ пусто и мертво, и только Султанъ громыхалъ у амбара цѣпью и одиноко лаялъ на чужихъ людей, невѣдомо зачѣмъ ходившихъ по двору.

— Экая мерзость тутъ, — сказалъ Ивановъ. Пойдемъ на бульваръ.

Они ушли, затворивъ калитку, а Султанъ, тявкнувъ еще раза два, сѣлъ передъ будкой и печально сталъ смотрѣть на свой пустой дворъ, на мертвую мельницу и бѣлыя узкія и кривыя дорожки, змѣвившіяся по низкой пыльной травѣ.

Въ городскомъ саду по обыкновенію играла музыка. На бульварѣ было уже совсѣмъ прохладно и легко. Гуляющихъ было много и ихъ темная толпа, какъ бурьянъ цвѣтами, пересѣпанная женскими платьями и шляпами, волнами двигалась взадъ и впередъ, то вливаясь въ темный садъ, то отливая отъ его каменныхъ воротъ.

Санинъ и Ивановъ, подъ руку, прошли въ садъ и въ первой же аллеѣ наткнулись на Соловейчика, задумчиво расхаживавшаго подъ деревьями, заложивъ руки за спину и не подымая глазъ.

— А мы были у васъ, — сказалъ Санинъ.

Соловейчикъ робко улыбнулся и виновато проговорилъ:

— Ахъ, вы меня извините, я не зналъ, что вы придете... то я бы подождалъ.... А я знаете прогуляться немножечко вышелъ.

Глаза у него были блестящіе и грустные.

— Пойдемте съ нами, — продолжалъ Санинъ, ласково беря его подъ руку.

Соловейчикъ съ радостью согнулъ свою руку, притворяясь веселымъ, сейчасъ же не натурально сдвинулъ шляпу на затылокъ и пошелъ съ такимъ видомъ, точно несъ не руку Санина, а какую то драгоценную вещь. И ротъ у него сталъ до ушей.

Около солдатъ, съ багровыми отъ натуги лицами дувшихъ въ мѣдныя оглушительно звонкія трубы, среди которыхъ вертѣлся и видимо рисуясь размахивалъ палочкой тоненькій, похожіи на воробья, военный капельмейстеръ, тѣсной грудой стояла публика попроще — писаря, гимназисты, молодцы въ сапогахъ и дѣвушки въ яркихъ платочкахъ, а по аллеямъ, точно бѣ нескончаемой кадрили, навстрѣчу другъ другу перепутывались пестрыя группы барышень, студентовъ и офицеровъ.

Навстрѣчу попались Дубова съ Шафровымъ и Сварожичемъ. Они улыбнулись и раскланялись. Санинъ, Соловейчикъ и Ивановъ обогли кругомъ весь садъ и опять встрѣтились съ ними. Теперь среди нихъ шла еще и Карсавина, высокая и стройная, въ свѣтломъ платьѣ. Она еще издали улыбнулась Санину, котораго давно не видѣла, и въ глазахъ ея мелькнуло выраженіе кокетливаго дружелюбія.

— Что вы одни ходите, — сказала сухенькая сутуловатая Дубова, — присоединяйтесь къ намъ.

— Свернемте, господа, въ боковую аллею, а то тутъ толкотня... — предложилъ Шафровъ.

И большая, веселая группа молодежи завернула въ полусумракъ густой молчаливой аллеи, оглашая ее веселыми, звонкими голосами и заливистымъ безпричиннымъ смѣхомъ.

Они прошли до самаго конца сада и собирались повернуть назадъ, когда изъ за поворота показались Зарудинъ, Танаровъ и Волошинъ.

Санинъ сейчасъ же увидѣлъ, что офицеръ не ожидалъ встрѣчи и растерялся. Красивое лицо его густо потемнѣло и вся фигура выпрямилась. Танаровъ мрачно усмѣхнулся.

— А эта пигалица еще здѣсь? — удивился Ивановъ, указывая глазами на Волошина.

Волошинъ не видя ихъ, оборачиваясь смотрѣлъ на Карсавину, прошедшую впередъ.

— Тутъ! — засмѣялся Санинъ.

Этотъ смѣхъ Зарудинъ принялъ на свой счетъ и это произвело на него впечатлѣніе удара. Онъ вспыхнулъ, задохнулся и чувствуя себя подхваченнымъ какою то тяжелою силою, отдѣлился отъ своей группы и быстро шагая своими лакированными сапогами пошелъ къ Санину.

— Вамъ что? — спросилъ Санинъ, вдругъ становясь серьезнымъ и внимательно глядя на тонкій хлыстикъ, который Зарудинъ неестественно держалъ въ рукѣ.

— Я имѣю сказать вамъ два слова... — хрипло проговорилъ Зарудинъ. — Вамъ передали мой вызовъ?

— Да, — слегка пожалъ плечомъ Санинъ, все такъ же внимательно слѣдя за каждымъ движеніемъ рукъ офицера.

— И вы рѣшительно отказываетесь, какъ то... слѣдовало бы порядочному человѣку, принять этотъ вызовъ? — невнятно но громче проговорилъ Зарудинъ, уже самъ не узнавая своего голоса, пугаясь и его, и холодной ручки хлыста, которую вдругъ особенно остро почувствовалъ въ запотѣвшихъ пальцахъ, но уже не имѣя силъ свернуть съ внезапно открывшейся передъ нимъ жуткой дороги. Ему показалось, что въ саду сразу не стало воздуха.

Всѣ остановились и слушали въ жуткомъ предчувствіи, не зная, что дѣлать.

— Вотъ еще... — началъ Ивановъ двигаясь, чтобы стать между Санинымъ и Зарудинымъ.

— Конечно, отказываюсь, — странно спокойнымъ голосомъ и переводя острый, все видящій взглядъ прямо въ глаза Зарудину, сказалъ Санинъ.

Офицеръ тяжело вздохнулъ, какъ будто подымая огромную тяжесть.

— Еще разъ... отказываетесь? — еще громче спросилъ онъ металлически зазвенѣвшимъ голосомъ.

— Ай, ай... И онъ же его ударить.... Ахъ, какъ нехорошо... ай, ай! — блѣднѣя не подумалъ, а почувствовалъ Соловейчикъ.

— И что вы, раз... — забормоталъ онъ, изгибаясь всѣмъ тѣломъ и загораящаяся Санина.

Зарудинъ врядъ ли видѣлъ его, когда грубо и легко столкнулъ съ дороги. Передъ нимъ были только одни спокойные, серьезные глаза Санина.

— Я уже сказалъ вамъ, — прежнимъ тономъ отвѣтилъ Санинъ.

Все завертѣлось вокругъ Зарудина и слыша сзади поспѣшные шаги и женскій вскрикъ, съ чувствомъ похожимъ на отчаяніе падающаго въ пропасть, онъ съ судорожнымъ усиленіемъ, какъ то черезчуръ высоко и неловко взмахнулъ тонкимъ хлыстомъ.

Но въ то же мгновеніе Санинъ, быстро и коротко, но съ страшной силой разгибая мускулы, ударилъ его кулакомъ въ лицо.

— Такъ! — невольно вырвалось у Иванова.

Голова Зарудина безсильно мотнувшись на бокъ и что-то горячее и мутное, мгновенно пронизавшее острыми иглами глаза и мозгъ, залило ему ротъ и носъ.

— Аб... — сорвался у него болѣзненный, испуганный звукъ и Зарудинъ, роня хлыстъ и фуражку, упалъ на руки, ничего не видя, не слыша и не сознавая, кромѣ сознанія непоправимаго конца и тупой, жгучей боли въ глазу.

Въ тихой и полутемной аллеѣ поднялась странная и дикая суматоха.

— Ай, ай! — пронзительно закричала Карсавина, схватываясь за виски и съ ужасомъ закрывая глаза. Юрій, съ тѣмъ же чувствомъ ужаса и омерзѣнія, глядя на стоявшаго на четверенькахъ Зарудина, вмѣстѣ съ Шафровымъ бросился къ Санину. Волошинъ, теряя пенснэ и путаясь въ кустахъ, торопливо побѣжалъ прочь отъ аллеи, прямо по мокрой травѣ, и его бѣлые панталоны сразу стали черными до колѣнъ. Танаровъ, стиснувъ зубы и яростно опустивъ зрачки, бросился на Санина, но Ивановъ сзади схватилъ его за плечи и отбросилъ назадъ.

— Ничего, ничего... пусть... — съ отвращеніемъ, тихо и злобно-весело сказалъ Санинъ, широко разставивъ ноги и тяжело дыша. На лбу у него выступили капли тяжелаго пота.

Зарудинъ поднялся шатаясь и роня какіе-то жалкіе безсвязные звуки опухшими, дрожащими и мокрыми губами. И въ этихъ звукахъ неожиданно, неумѣстно и какъ-то смѣшно-противно послышались какія-то угрозы Санину. Вся лѣвая сторона лица Зарудина быстро опухала, глаза закрылись, изъ носа и рта шла кровь, губы тряслись и весь онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, вовсе не похожій на того красиваго и изящнаго человѣка, которымъ былъ за минуту назадъ. Страшный ударъ какъ будто сразу отнялъ у него все человѣческое и превратилъ его во что-то жалкое, безобразное и

трусливое. Ни стремленія бѣжать, ни попытки защищаться въ немъ не было. Стуча зубами, сплевывая кровь и дрожащими руками безсознательно счищая прилипшій къ колѣнямъ песокъ, онъ опять зашатался и упалъ.

— Какой ужасъ, какой ужасъ! — твердила Карсавина, стараясь какъ можно скорѣе уйти отъ этого мѣста.

— Идемъ, — сказалъ Санинъ Иванову, глядя вверхъ, потому что ему было противно и жалко смотрѣть на Зарудина.

— Идемте, Соловейчикъ.

Но Соловейчикъ не двигался съ мѣста. Широко раскрытыми помертвѣлыми глазами онъ смотрѣлъ на Зарудина, на кровь и на песокъ, странно грязный на бѣлоснѣжномъ кителѣ, трясся и нелѣпо шевелилъ губами.

Ивановъ сердито потянулъ его за руку, но Соловейчикъ съ неестественнымъ усиленіемъ вырвался, ухватился обѣими руками за дерево, точно его собирались куда-то тащить, и вдругъ заплакалъ и закричалъ:

— Зачѣмъ вы... зачѣмъ!..

— Какая гадость! — хрипло выговорилъ прямо въ лицо Санину Юрій Сварожичъ.

Санинъ уже овладѣлъ собою и, не глядя на Зарудина, брезгливо улыбнулся и сказалъ:

— Да, гадость... А было бы лучше, если бы онъ меня ударилъ?

Онъ махнулъ рукой и быстро пошелъ по широкой аллеѣ. Ивановъ презрительно посмотрѣлъ на Юрія и, закуривая папиросу, медленно поплелся за Санинымъ. Даже по его широкой спинѣ и прямымъ волосамъ видно было, съ какимъ пренебреженіемъ ко всему происшедшему онъ относился.

— И сколько можетъ быть золъ и глупъ человѣкъ! — проговорилъ онъ.

Санинъ молча оглянулся на него и пошелъ быстрѣе.

— Какъ звѣри! — съ тоскою проговорилъ Юрій, уходя изъ сада и оглядываясь на его темную массу. Садъ былъ такимъ же, какимъ видѣлъ онъ его много разъ — задумчиво-темнымъ и красивымъ, но теперь, тѣмъ, что въ немъ произошло, онъ какъ бы отдѣлился отъ всего міра и сталъ жуткимъ и непріятнымъ.

Шафровъ тяжело и растерянно вздохнулъ, поверхъ очковъ пугливо оглядываясь вокругъ, точно ждалъ что теперь уже отовсюду можно ждать нападенія.

Мгновенно и страшно измѣнилось лицо жизни Зарудина. Насколько легка, понятна и беззаботно-пріятна была она прежде, на столько безобразно-ужасной и неодолимой предстала теперь. Точно она сбросила свѣтлую улыбающуюся маску и изъ подъ нея выглянула хищная и страшная морда звѣря.

Когда Танаровъ на извозчикѣ везъ его домой, Зарудинъ даже передъ самимъ собою старался преувеличить боль и слабость, что бы только не открывать глазъ. Ему казалось, что это еще какъ то отдѣляетъ позоръ, который со всѣхъ сторонъ, тысячами глазъ смотреть на него и ждетъ увидѣть его взглядъ, чтобы побѣждать за нимъ, хохоча, кривляясь и тыча пальцами прямо въ лицо.

Во всемъ, и въ худой спинѣ синяго извозчика, и въ каждомъ прохожемъ, и въ окнахъ, за которыми мерещились злорадно любопытныя лица, и въ самой рукѣ Танарова, поддерживающей его за талію, избитому Зарудину чудилось молчаливое, но откровенное презрѣніе. И это ощущеніе было такъ неожиданно и неистово мучительно, что по временамъ Зарудину и въ самомъ дѣлѣ становилось дурно. Тогда ему казалось, что онъ сходитъ съ ума и хотѣлось или умереть, или проснуться.

Мозгъ отказывался вѣрить въ то, что произошло и все казалось, что это не — такъ, что есть какая то ошибка, что онъ самъ чего то не понимаетъ, а это «что то» дѣлаетъ все совсѣмъ другимъ, вовсе не такимъ ужаснымъ и непоправимымъ. Но фактъ ясный и непреложный стоялъ передъ нимъ и душу его все чернѣе и чернѣе покрывала тьма отчаянія.

Зарудинъ чувствовалъ, что его поддерживаютъ, что ему больно и неловко, что руки у него въ пыли и крови, и ему даже странно было, что еще можно ощущать что нибудь, что тѣло его не уничтожилось и продолжаетъ дрянно и безсильно жить своимъ чередомъ, когда безъ слѣда, невозвратно исчезло все то, что составляло красиваго, щеголеватого самоувѣреннаго и веселаго Зарудина.

Иногда, когда дрожки кренились на поворотахъ, Зарудинъ чуть чуть пріоткрывалъ глазъ и сквозь мутныя слезы узнавалъ знакомыя улицы, дома, церковь, людей. Все было такое же, какъ всегда, но теперь казалось безконечно далеко чуждо и враждебно ему. Прохожіе останавливались и съ не-

доумѣніемъ смотрѣли имъ вслѣдъ, и Зарудинъ опять быстро закрывалъ глаза, почти теряя сознание отъ стыда и отчаянія.

Дорога тянулась бесконечно и ему казалось, что пытки этой не будетъ конца.

— Хоть бы скорѣй, хоть бы скорѣй!.. — тоскливо мелькало у него въ головѣ, но тутъ же представлялись лица деньщика, квартирной хозяйки, сосѣдей и казалось, что лучше ужъ ѣхать такъ, бесконечно ѣхать и никогда не открывать глазъ.

А Танаровъ, мучительно стыдясь Зарудина и не глядя по сторонамъ, изо всѣхъ силъ, какими то непонятными способами старался показать каждому встрѣчному, что онъ тутъ не при чемъ, что побили не его. Онъ былъ красенъ, холодно потенъ и растерянъ. Сначала онъ что то говорилъ, возмущался, неестественно утѣшалъ, но потомъ замолчалъ и только сквозъ зубы подгонялъ извозчика. По этому и по тому, какъ невѣрна была его, не то поддерживающая, не то отстраняющая рука, Зарудинъ угадывалъ его чувства, и то, что этотъ ничтожный, всегда бывшій бесконечно ниже его, Танаровъ вдругъ получилъ право стыдиться его, дало послѣдній и рѣшительный толчекъ сознанию, что все кончено.

Зарудинъ не могъ самъ перейти дворъ и его почти перенесли Танаровъ и выбѣжавшій навстрѣчу перепуганный деньщикъ, у котораго тряслись руки. Были ли еще люди на дворѣ — Зарудинъ не видѣлъ. Его уложили на диванъ и сначала не знали, что дѣлать, нелѣпо торча передъ нимъ и этимъ причиняя ему невѣроятныя страданія. Потомъ деньщикъ спохватился, засуетился, принесъ теплой воды, полотенце, и бережно обмылъ Зарудину лицо и руки. Зарудинъ боялся встрѣтиться съ нимъ глазами, но лицо солдата было вовсе не злорадно, не презрительно, не насмѣшливо, а только испуганно и жалостливо, какъ у старой доброй бабы.

— Гдѣ это ихъ такъ, ваше благородіе?.. Ахъ, ты жъ, Боже мой! Какъ же такъ! — потихоньку причитывалъ онъ.

— Ну... не твое дѣло! — багровѣя, прикрикнулъ сквозъ зубы Танаровъ и почему то сейчасъ же робко оглянулся.

Онъ отошелъ къ окну и машинально взялся за папиросу, но подумалъ, можно или нѣтъ курить при Зарудинѣ, и незамѣтно сунулъ портсигаръ обратно въ карманъ.

— Може доктора позвать? — по привычкѣ вытягиваясь во фронтъ, но нисколько не пугаясь окрика, приставалъ къ нему деньщикъ.

Танаровъ въ недоумѣніи растопырилъ пальцы.

— А... не знаю, право... — совсѣмъ другимъ голосомъ отвѣтилъ онъ и опять оглянулся.

Но Зарудинъ слышалъ и испугался, представивъ, что еще и докторъ будетъ смотрѣть на его лицо.

— Никого... не надо!.. пеестественно слабымъ голосомъ, все стараясь увѣрить себя, что умираетъ, проговорилъ онъ.

Теперь, когда обмыли кровь и грязь съ его лица, оно уже не было страшно, а только уродливо и жалко. Танаровъ, съ животнымъ любопытствомъ, мелькомъ взглянулъ на него и сейчасъ же отвелъ глаза. Это, почти незамѣтное движеніе, какъ и все, что теперь окружало Зарудина, болѣзненно остро было имъ замѣчено, и отчаяніе чуть не задушило его. Зарудинъ вдругъ крѣпко зажмурилъ закрытый глазъ и тонкимъ надорваннымъ голосомъ закричалъ:

— Оставь.... оставьте меня-а!

Танаровъ исподлобья, испуганно покосился и вдругъ обозлился, нутряной презрительной злобой.

— Еще кричить!.. Туда же!.. — злорадно подумалъ онъ.

Зарудинъ затихъ и лежалъ неподвижно, съ закрытыми глазами. Танаровъ тихо застучалъ пальцами по подоконнику, подергалъ себя за усы, оглянулся, опять посмотрѣвъ въ окно и почувствовалъ нудное, холодное желаніе уйти.

Такъ прошло съ четверть часа, но Зарудинъ время отъ времени все шевелился. Танарову становилось невыносимо нудно. Наконецъ Зарудинъ совсѣмъ затихъ.

— Кажется заснулъ! — неискренно подумалъ Танаровъ, незамѣтно оглядываясь на него. — Заснулъ...

Онъ тихо тронулся, чуть чуть звякнувъ шпорами. Зарудинъ быстро открылъ глаза. На секунду Танаровъ задержался, но уже Зарудинъ понялъ его намѣреніе и Танаровъ понялъ, что Зарудинъ все понимаетъ. И тутъ произошло между ними нѣчто странное и жуткое, — Зарудинъ быстро закрылъ глаза и притворился спящимъ, а Танаровъ самъ себя убѣждая, что вѣрить этому и въ то же время очевидно сознавая, что оба знаютъ въ чемъ дѣло, какъ то неловко согнулся и на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты съ чувствомъ уличеннаго предательства, съ сомнѣніемъ и стыдомъ.

Дверь тихо затворилась и что то, что, казалось, было между ними такъ прочно, дружелюбно и постоянно, вдругъ исчезло навсегда: и Зарудинъ и Танаровъ почувствовали что между ними встала на-вѣки разъединившая пустота и что среди живыхъ людей одинъ изъ нихъ уже не существуетъ для другого.

Но въ сосѣдней комнатѣ Танаровъ вздохнулъ свободнѣе и почувствовалъ себя опять легко и свободно. Ни состраданія, ни жалости къ тому, что навсегда кончено все между нимъ и Зарудинымъ, съ которымъ столько лѣтъ онъ прожилъ, у Танарова не было.

— Слушай, ты, торопливо оглядываясь по сторонамъ и спѣша, точно выполняя послѣднюю формальность, сказалъ онъ деньщику: я теперь пойду, а ты, если что такое, такъ ты того... слышишь?

— Такъ точно, слушаю! — испуганно отвѣтилъ солдатъ.

— Ну, такъ вотъ... Тамъ... компрессы эти мѣняй почаще.

Онъ торопливо сошелъ съ крыльца и опять облегченно вздохнулъ, выйдя за калитку на пустую и широкую улицу. Были уже полные сумерки и Танаровъ былъ радъ, что его горящаго лица не видно прохожимъ.

— А, вѣдь, пожалуй, и я окажусь замѣшаннымъ въ эту скверную исторію, — съ внезапнымъ холодомъ у сердца подумалъ онъ, поворачивая на бульваръ. — А впрочемъ, при чемъ же тутъ я? — успокаивалъ онъ себя, стараясь не помнить, что и онъ бросался на Санина и его самого такъ оттолкнулъ Ивановъ, что онъ чуть не упалъ.

— Ахъ, чортъ, какая скверность вышла! — сморщивъ все лицо, подумалъ Танаровъ, идя дальше. — А все этотъ дуракъ! — со злобой вспомнилъ онъ Зарудина: — очень надо было связываться со всякой сволочью!... Эхъ, паршиво!...

И чѣмъ больше думалъ онъ о томъ, что вышло скверно и унизительно, тѣмъ больше его невысокая, съ приподнятыми плечами и грудью, въ узкихъ рейтузахъ, щеголеватыхъ сапогахъ и бѣлѣющемъ въ сумеркахъ кителѣ, фигурка инстинктивно выпрямлялась, грозно подымая плечи и голову.

Въ каждомъ встрѣчномъ ему чудилась насмѣшка и достаточно было малѣйшаго намека на это, чтобы нѣчто, напряженное до высшей степени, прорвалось и онъ, выхвативъ пашку, бросился бы рубить на смерть кого попало. Но

встрѣчныхъ было мало и тѣ проходили быстро, плоскими силуэтами проскальзывая вдоль заборовъ темнаго бульвара.

Дома, уже успокаиваясь, Танаровъ опять вспомнилъ, какъ его отбросилъ Ивановъ.

— Почему я не далъ ему по мордѣ?.. Надо было прямо дать въ морду!... Жаль, пашка не отпущена!.. А то бы!... А, вѣдь, у меня въ карманѣ былъ револьверъ! Вотъ онъ: я могъ его застрѣлить, какъ собаку: А?... Я забылъ про револьверъ...

Конечно, забылъ, а то бы застрѣлилъ на мѣстѣ, какъ собаку... А... хорошо все таки что забылъ: убилъ бы... судъ!... А можетъ быть и у нихъ былъ у кого нибудь револьверъ... и чортъ знаетъ изъ за чего еще пострадалъ бы!.. А теперь никто не знаетъ, что у меня былъ револьверъ и понемногу все обойдется...

Танаровъ осторожно, оглядываясь по сторонамъ, вынулъ изъ кармана револьверъ и положилъ въ ящикъ стола.

— Сегодня же надо явиться къ полковнику и объяснить, что я тутъ не причемъ... — рѣшилъ онъ, звонко щелкая ключемъ.

Но сильнѣе этого рѣшенія явилось вдругъ нервное, непреодолимое, и даже какъ будто хвастливое желаніе пойти въ клубъ, рассказать всѣмъ, какъ очевидецъ.

Въ ярко освѣщенномъ, посреди темнаго города, военномъ клубѣ толпились возбужденные и громко возмущавшіеся офицеры. Они уже знали объ исторіи въ саду и втайнѣ злорадствовали надъ всегда подавлявшимъ ихъ своимъ блескомъ и шикомъ Зарудинымъ. Они встрѣтили Танарова съ животнымъ любопытствомъ и Танаровъ, чувствуя себя почему то героемъ вечера, подробно описывалъ всю сцену. Въ голосъ его и темныхъ узкихъ глазахъ робко шевелилось сдерживаемое и не сознаваемое мстительное чувство: весь гнетъ бывшаго пріятеля, исторіи изъ за денегъ, небрежное отношеніе, превосходство его, какъ будто вымещалось Танаровымъ въ этомъ безконечномъ повтореніи и смакованіи подробностей, какъ именно побили Зарудина.

А Зарудинъ совершенно одиноко, чужой всему міру, лежалъ у себя въ комнатѣ на диванѣ.

Деньщикъ, уже отъ кого то узнавшій въ чемъ дѣло, все съ тѣмъ же испуганно жалостливымъ бабьимъ лицомъ, поставилъ самоваръ, сбѣгалъ за виномъ и прогналъ изъ комнаты ласковаго веселаго сетера, очень обрадованнаго тѣмъ, что

Зарудинъ дома. Потомъ онъ на цыпочкахъ опять вошелъ къ барину.

— Ваше Высокородіе... Вы бы винца испили, — чуть слышно предложилъ онъ.

— А? Что? — открывая и сейчасъ же закрывая глаза спросилъ Зарудинъ, и — какъ ему казалось — унизительно, а на самомъ дѣлѣ только жалко, сморщившись, сквозь зубы, съ трудомъ шевеля распухшими губами, проговорилъ:

— Зеркало... дай....

Деньщикъ вздохнулъ, покорно принесъ зеркало и посвѣтилъ свѣчей.

— Чего ужъ тутъ смотрѣть! — неодобрительно подумалъ онъ.

Зарудинъ посмотрѣлъ въ зеркало и невольно застоналъ. Изъ темной поверхности, багрово освѣщенной сбоку, глянуло на него одноглазое, налитое, синевато красное и черное лицо, съ нелѣпо взъерошеннымъ свѣтлымъ усомъ.

— А... возьми!.. — пробормоталъ Зарудинъ и вдругъ истерически всхлипнулъ.

— Воды... дай!..

— Ваше Высокородіе, чего такъ убиваетесь! Оно живеть... — жалостливо заговорилъ деньщикъ, подавая воду въ липкомъ стаканѣ, пахнущемъ холоднымъ, сладкимъ чаемъ.

Зарудинъ не пилъ, а только возилъ зубами по краю стакана, разливая воду на грудь.

— Уйди! — выговорилъ онъ.

Ему показалось, что деньщикъ, одинъ во всемъ свѣтѣ, жалѣетъ его, но теплое чувство къ солдату сейчасъ же подавилось невыносимымъ для него сознаніемъ, что даже деньщикъ можетъ теперь жалѣть его.

Солдатъ, моргая глазами съ видимымъ желаніемъ заплакать, вышелъ на крыльцо, сѣлъ на ступеньку и вздыхая сталъ гладить мягкую волнистую спину подбѣжавшей собаки. Сетеръ положилъ ему на колѣни слюнявую изящную морду и смотрѣлъ снизу вверхъ темными, непонятными, но какъ будто что то говорящими глазами. Надъ садомъ сверкали блестящія безмолвныя звѣзды. Солдату отчего то стало грустно и страшно, точно въ предчувствіи страшной неотвратимой бѣды.

— Эхъ, жистъ, жистъ! горько подумалъ онъ и свернулъ мыслъ на свою деревню.

Зарудинъ судорожно повернулся къ спинкѣ дивана и замеръ, не чувствуя сползшаго ему на лицо, согрѣвавшегося мокраго полотенца.

— Вотъ и кончено! — съ внутреннимъ рыданіемъ повторялъ онъ. — Что кончено?... Все, вся жизнь... все... пропала жизнь.. Почему? Потому, что я опозоренъ, потому что... побили, какъ собаку!... Кулакомъ... по лицу!... И нельзя оставаться въ полку!..

Необыкновенно отчетливо Зарудинъ увидѣлъ себя стоящимъ на четверенькахъ посреди аллеи, безсмысленно роняющимъ безсильныя угрозы, жалкаго, маленькаго. Все вновь и вновь переживалъ онъ этотъ страшный моментъ и все ярче и убійственнѣе вставалъ онъ передъ нимъ. Въ мелочи припоминались, точно освѣщенные электрическимъ свѣтомъ, и почему то эти нелѣпыя угрозы и бѣлое платье Карсавиной, промелькнувшее передъ нимъ, именно, когда онъ угрожалъ, было мучительнѣе всего.

— Кто меня поднялъ? — стараясь не думать и нарочно путая свои мысли, думалъ Зарудинъ. — Танаровъ? Или тотъ жиденокъ, что шелъ съ ними?... Танаровъ?... А-а!.. Не въ томъ дѣло... А въ чемъ? Въ томъ, что вся жизнь испорчена и нельзя оставаться въ полку. А дуэль?... Не будетъ онъ драться, все равно.. нельзя будетъ оставаться въ полку.

Зарудинъ вспомнилъ, какъ судомъ офицеровъ, въ которомъ участвовалъ и онъ, выгнали изъ полка двухъ пожилыхъ семейныхъ офицеровъ, отказавшихся драться на дуэли.

— Такъ и мнѣ предложить... Вѣжливо, не подавая руки, тѣ самые люди, которые... И уже никто не будетъ гордиться тѣмъ, что я возьму его на бульварѣ подъ руку; никто не будетъ мнѣ завидовать и копировать мои манеры... Но это не то!... Позоръ, позоръ, вотъ что главное!... Почему позоръ? Ударили? Но, вѣдь, били же меня въ корпусъ! Тогда, толстый Шварцъ ударилъ меня и выбилъ зубъ и... ничего и не было!... Потомъ помирились и до конца корпуса были лучшими друзьями!.. И никто меня не презиралъ! Почему же теперь не такъ? Не все ли равно: также шла кровь, такъ же я упалъ... Почему?

На этотъ полный безвыходной тоски вопросъ не было отвѣта въ умѣ Зарудина. Онъ только чувствовалъ, что какая то мутная бездонная грязь накрыла его съ головой и онъ неудержимо идетъ ко дну, ничего не видя и ничего не понимая вокругъ.

— Если бы онъ согласился на дуэль и попалъ мнѣ въ лицо пулей... Было бы еще больнѣе и безобразнѣе, чѣмъ теперь, — а никто не презиралъ бы меня за это, а всѣ бы жалѣли. Значить между пулей и... кулакомъ... Какая разница? Почему?

Мысль работала скачками. И въ глубинѣ ея, обостренное непоправимымъ несчастіемъ и пережитою мукою, начинало выростать что то новое, какъ будто когда то бывшее, но забытое имъ въ теченіе своей офицерской, легкой, пустой и шумливой жизни.

— Вотъ фонъ-Дейцъ спорилъ со мною о томъ, что если ударять въ лѣвую щеку, надо подставить правую, а онъ же самъ тогда пришелъ и кричалъ, махалъ руками, возмущался, что «тотъ» отказался отъ дуэли!.. Вѣдь это, собственно, они виноваты, что я хотѣлъ ударить хлыстомъ «того»... А вся моя вина въ томъ, что я не успѣлъ ударить!.. Но это бессмысленно, несправедливо!.. А все таки позоръ... и нельзя оставаться въ полку!..

Зарудинъ безпомощно схватился за голову, раскачивая ее по подушкѣ, и машинально слѣдя за пустой, томительной болью въ глазу. Онъ вдругъ почувствовалъ страшный, мучительный для него самого приливъ злобы.

— Схватить револьверъ, кинуться и убить... пуля за пулей. И пихать ногами въ лицо, когда свалится... прямо въ лицо, въ зубы, въ глаза!..

Съ мокрымъ тяжелымъ звукомъ тяжело шлепнулся на полъ компрессъ. Зарудинъ испуганно открылъ глаза и увидѣлъ тускло освѣщенную комнату, тазъ съ водой и мокрымъ полотенцемъ и черное жуткое окно, какъ черный глазъ, загадочно смотрящій на него.

— Нѣтъ, все равно... это не поможетъ! — затихая въ безсильномъ отчаяніи подумалъ онъ. — Все равно, всѣ видѣли, какъ меня били по лицу и какъ я стоялъ на четверенькахъ... Битый, битый. Получилъ по мордѣ... И нельзя, нельзя вернуть!... Никогда уже не буду счастливымъ, свободнымъ.

Опять нѣчто острое и небывало ясное зашевелилось у него въ мозгу.

— А развѣ я когданибудь былъ свободнымъ? Вѣдь я потому и погибаю теперь, что жизнь моя была всегда не свободной, не своей... Развѣ бы я самъ пошелъ на дуэль, сталъ бы, развѣ, бить хлыстомъ?.. И меня бы не побили, и было бы все хорошо, счастливо... Кто и когда выдумалъ, что обиду на-

до смывать кровью... Что? — Не знаю, но надо выходить из полка!..

Безсильная и неумѣлая мысль пробовала подняться и падала, какъ птица съ подрѣзанными крыльями. И куда бы не метался его умъ, все возвращалась по кругу на то, что надо выходить изъ полка, что онъ навсегда опозоренъ.

Когда то Зарудинъ видѣлъ, какъ муха, попавшая въ густой плевокъ, мучительно карабкалась по полу, а за ней, склеивая лапки и крылья, ослѣпляя и удушая все тянулась отвратительная, безпощадная слизь. И очевидно было, что для нея все кончено, хотя она еще ползла, вытягивалась на лапкахъ, выбивалась изъ силъ. Тогда Зарудинъ, брезгливо содрогнувшись, отвернулся, и теперь какъ будто не помнилъ, но какое то тайное сознаніе, что то похожее на бредъ напомнило ему эту несчастную муху. И потомъ, должно быть, былъ бредъ, вдругъ не то ясно увидѣлъ Зарудинъ двухъ мужиковъ. Они ругались и дрались и одинъ ударилъ другого въ ухо, а тотъ, сѣдой, старый, упалъ, а потомъ всталъ и утирая рукавомъ рубахи кровь, льющуюся изъ носа, сказалъ убѣжденно: «вотъ и дуракъ»!

— Да это я видѣлъ когда-то! — окончательно вспомнилъ Зарудинъ, и опять сознательно увидѣлъ полутемную глухую комнату и свѣчу на столѣ: — Потомъ еще они вмѣстѣ пили у казенки...

Онъ опять должно быть забылся, потому что свѣча и комната куда то пропали, но какъ будто не переставалъ думать и потомъ, вмѣстѣ съ вынырнувшей изъ мрака свѣчей, разобралъ и свою мысль:

— ...Нельзя жить съ такимъ позоромъ... такъ. Значить, надо умирать! Но мнѣ не хочется умирать, и кому надо? Не мнѣ!... Репутація? Какое мнѣ дѣло до репутаціи! Что значить репутація, когда надо умирать? Но вѣдь надо выйти изъ полка... А какъ жить потомъ?

Что то тусклое, и непонятное, и чужое представилось ему въ будущемъ и Зарудинъ безсильно отступилъ отъ него. Такъ, каждый разъ, когда страстная жажда жизни и счастья начинала что то выяснять ему, туманъ, которымъ былъ покрытъ мозгъ, спускался ниже, и снова Зарудинъ оказывался передъ безвыходной пустотой.

Ночь проходила и тяжелая тишина стояла за окномъ, точно во всемъ мірѣ Зарудинъ жилъ и страдалъ одинъ.

На столѣ, оплывая, горѣла свѣча и пламя ея, желтое и ровное, мертвенно спокойно струилось кверху. Зарудинъ блестящимъ отъ лихорадки и отчаянія глазомъ смотрѣлъ на огонь и не видѣлъ его, весь охваченный чернымъ туманомъ безконечно спутанныхъ, безсильныхъ мыслей.

Среди хаоса обрывковъ воспоминаній, представленій, чувствъ и думъ, одно было острѣ всего и звенящей нитью тоски проходило до самаго сердца. Это было больное и жалобное сознаніе своего полного одиночества. Тамъ, гдѣ то, жили, радовались, смѣялись, можетъ быть даже говорили о немъ милліоны людей, а онъ былъ одинъ. Тщетно вызывалъ Зарудинъ одно знакомое лицо за другимъ. Они вставали блѣдной, чуждой и равнодушной чередой, и въ ихъ холодныхъ чертахъ чудились только злорадство и любопытство. Тогда Зарудинъ съ робкой тоской вспомнилъ Лиду.

Она представилась ему такою, какою онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ: съ большими невеселыми глазами, съ мягкимъ слабымъ тѣломъ подъ домашней кофточкой, съ распущенной косой. И въ ея лицѣ Зарудинъ не почувствовалъ ни злорадства, ни презрѣнія. Оно смотрѣло на него съ печальнымъ укоромъ и что то, что было возможно, мерещилось въ ея невеселыхъ глазахъ. Онъ припомнилъ ту сцену, когда отказался отъ нея въ минуту ея величайшаго горя. Острое, какъ ножъ, сознаніе невозвратимой потери до глубочайшихъ струнъ пронизало душу Зарудина.

— А, вѣдь, она, должно быть, страдала тогда еще больше, чѣмъ я теперь.... А я оттолкнулъ... и даже хотѣлъ, чтобы она утопилась, умерла!..

Какъ къ послѣднему пристанищу все существо его потянулось къ ней въ тоскливой жаждѣ ея ласкъ и участія. На мгновеніе ему подумалось, что страданіе, которое онъ переживаетъ теперь, можетъ искупить все прошлое; но Зарудинъ зналъ, что она никогда не придетъ, что все кончено, и полная пустота, какъ пропасть, открылась вокругъ него.

Зарудинъ поднялъ руку, крѣпко положилъ ее на голову и замеръ, закрывъ глаза, стиснувъ зубы, стараясь ничего больше не видѣть, не слышать, не чувствовать. Но онъ скоро опустилъ руку, поднялся и сѣлъ. Голова мучительно кружилась, во рту горѣло, ноги и руки дрожали. Зарудинъ всталъ и качаясь отъ головы, ставшей вдругъ огромной и тяжелой, перешелъ къ столу.

— Все пропало, все пропало. И жизнь, и Лида, и все...

Яркая молнія небывало ясной мысли озарила его на одно мгновенье: онъ вдругъ понялъ, что въ той жизни, которая исчезла, не было вовсе ничего красиваго, хорошаго и легкаго, а все было спутано, загажено и глупо. Какого то особеннаго, на все пріятное имѣющаго право, прекраснаго Зарудина тоже не было, а было только безсильное, робкое и распущенное тѣло, которое раньше наслаждалось, а теперь испытало боль и униженіе. Когда слетѣлъ миражъ удачи, открылся голый и бѣдный образъ.

— Нельзя больше жить — отчетливо подумалъ Зарудинъ: — чтобы жить снова, надо бросить все прежнее, начать жить какъ то иначе, одѣлаться совсѣмъ другимъ человѣкомъ, а я не могу!...

Зарудинъ тяжело уронилъ голову на столъ и, зловѣще освѣщенный заколебавшимся и приникшимъ къ краямъ подсвѣчника пламенемъ свѣчи, застылъ.

XXXII.

Въ этотъ же вечеръ Санинъ одинъ зашелъ къ Соловейчику.

Совсѣмъ одиноко сидѣлъ еврейчикъ на крыльцѣ своего флигеля и смотрѣлъ на унылый пустынный дворъ, по которому скучно, невѣдомо для кого змѣились бѣлыя дорожки и вяла пыльная трава. Запертые амбары, съ огромными ржавыми замками, тусклые окна мельницы и все это обширное пустое мѣсто, на которомъ, казалось, уже много лѣтъ прекратилась жизнь, навѣвали томительную, ноющую грусть.

Санина сразу поразило лицо Соловейчика: оно не улыбалось, не скалило, какъ всегда, угодливо зубки, но было скорбно и напряженно. Изъ темныхъ еврейскихъ глазъ жутко и возбужденно смотрѣла какая-то затаенная мысль.

— А, здравствуйте, — равнодушно сказалъ онъ и слабо пожавъ руку Санина, снова повернулся лицомъ къ пустынному двору и погасающему небу, на которомъ все чернѣе вырисовывались мертвые крыши амбаровъ.

Санинъ сѣлъ на другомъ перилѣ крыльца, закурилъ папиросу и долго молча смотрѣлъ на Соловейчика, угадывая въ немъ нѣчто особенное.

— Что вы тутъ дѣлаете? — спросилъ онъ.

Соловейчикъ медленно перевелъ на него печальные глаза.

— А я тутъ... Мельница стала, а я въ конторѣ служилъ... Я тутъ и жилъ. Всѣ разѣхались, а я себѣ остался.

— Вамъ, должно быть, жутко одному?

Соловейчикъ помолчалъ.

— Все равно! — слабо махнулъ онъ рукой.

Долго было тихо, и въ тишинѣ слышалось одинокое позвякиваніе цѣпи въ конурѣ подъ амбарами.

— Жутко не тутъ... — неожиданно громко, страстно, и черезчуръ приходя въ движеніе, вдругъ заговорилъ Соловейчикъ. — Не тутъ! А вотъ тутъ и тутъ!...

Онъ показалъ себѣ на лобъ и грудь.

— Что такъ? спокойно спросилъ Санинъ.

— Послушайте, — еще громче и страстнѣе продолжалъ Соловейчикъ, вотъ, вы сегодня вдарили человѣка и разбили ему лицо... и вы даже, можетъ того быть, разбили ему жизнь.. Вы, пожалуйста, не сердитесь на минѣ, что я такъ спрашиваю, потому что я очень много думалъ... Я вотъ тутъ сидѣлъ и думалъ, и минѣ стало очень нехорошо... Вы, пожалуйста, минѣ отвѣчайте!

На мгновеніе обычная угодливая улыбка искривила его лицо.

— Спрашивайте о чемъ хотите, — улыбнулся Санинъ, — Вы боитесь меня обидѣть, что ли? Этимъ меня обидѣть нельзя. Что я сдѣлалъ, то и сдѣлалъ... если бы я думалъ, что сдѣлалъ скверно, я бы и самъ сказалъ...

— Я хотѣлъ васъ спросить, — возбужденно заговорилъ Соловейчикъ: — вы сибѣ представляете, что, можетъ, вы совсѣмъ убили того человѣка?

— Я въ этомъ почти не сомнѣваюсь — отвѣтилъ Санинъ: такому человѣку, какъ Зарудинъ, трудно иначе выпутаться, какъ покончивъ или со мной, или съ собой... Но со мной онъ... психологическій моментъ упущенъ: онъ былъ слишкомъ разбить, чтобы идти меня убивать сейчасъ же, а потомъ уже духу не хватить... Дѣло его кончено!

— И вы спокойно говорите это?

— Что значить «спокойно»? — возразилъ Санинъ: я не могу спокойно смотрѣть, какъ курицу рѣжутъ, а тутъ все таки человѣкъ... Бить тяжело... Правда, все таки чуточку пріятна собственная сила, а все таки скверно... Скверно, что такъ грубо вышло, но совѣсть моя спокойна. Я — это только

случайность; Зарудинъ погибаетъ потому, что вся жизнь его была направлена по такому пути, на которомъ не то удивительно, что одинъ человѣкъ погибъ, а то удивительно, какъ они всѣ не погибли! Люди учатся убивать людей, холить свое тѣло и совершенно не понимаютъ, что и къ чему они дѣлаютъ... Это сумасшествіе, идіоты! А если выпустить на улицу сумасшедшихъ, они всѣ перерѣжутся... Чѣмъ я виноватъ! что защищался отъ такого сумасшедшаго?

— Но вы его убили! — упрямо повторилъ Соловейчикъ.

— А это ужъ пусть апеллируетъ къ Господу Богу, который свелъ насъ на такой дорогѣ, на которой нельзя было разойтись.

— Но вы могли его удержать, схватить за руки!..

Санинъ поднялъ голову.

— Въ такихъ случаяхъ не разсуждаютъ, да и что бы изъ того вышло? Законъ его жизни требовалъ мести во что бы то ни стало... Не вѣкъ же мнѣ его за руки держать!.. Для него это еще одно лишнее оскорбленіе и только!..

Соловейчикъ странно развелъ руками и замолчалъ.

Тьма незамѣтно надвигалась отовсюду. Полоса зари, рѣзко обрѣзанная краями черныхъ крышъ, становилась все дальше и холоднѣе. Подъ амбарами столпились жуткіе черныя тѣни, и по временамъ казалось, что толпятся загадочные и страшные нѣкто, пришедшіе на всю ночь занять своей таинственной жизнью этотъ пустой и заброшенный дворъ. Должно быть ихъ безшумные шаги беспокоили Султана, потому что онъ вдругъ вылѣзъ изъ будки и сѣлъ, тревожно загремѣвъ цѣпью.

— Можетъ быть вы правы, — тоскливо заговорилъ Соловейчикъ: но развѣ это такъ всегда необходимо... А, можетъ быть, лучше было бы вамъ самому перенести ударъ...

— Какъ лучше? — сказалъ Санинъ: — ударъ перенести всегда скверно! Зачѣмъ же... съ какой стати?..

— Нѣтъ, вы послушайте мнѣ! — торопливо перебилъ Соловейчикъ и даже умоляюще протянулъ руку: — можетъ быть это было бы лучше!..

— Для Зарудина — конечно.

— Нѣтъ и для васъ... и для васъ.... вы себѣ подумайте!

— Ахъ, Соловейчикъ, — съ легкой досадой сказалъ Санинъ: — это все старыя сказки о нравственной побѣдѣ! И при томъ это сказка очень грубая... Нравственная побѣда не въ томъ, чтобы непременно подставить щеку, а въ томъ, чтобы

быть правымъ передъ своею совѣстью. А какъ эта правота достигнется — все равно, это дѣло случая и обстоятельствъ... Нѣтъ ужаснѣе рабства, — рабство это самое ужасное въ мірѣ, — если человѣкъ до мозга костей возмущается насиліемъ надъ нимъ, но подчиняется во имя чего-либо сильнѣе его.

Соловейчикъ вдругъ взялся за голову, но въ темнотѣ уже не видно было выраженія его лица.

— У минѣ слабый умъ, — ноющимъ голосомъ проговорилъ онъ: — я себѣ не могу понять теперь ничего и не совѣмъ знаю, какъ надо жить!..

— А зачѣмъ вамъ знать? Живите, какъ птица летаетъ: хочется взмахнуть правымъ крыломъ — машетъ, надо обогнуть дерево — огибаетъ...

— Но, вѣдь, то птица, а я человѣкъ! — съ наивной серьезностью сказалъ Соловейчикъ.

Санинъ расхохотался и его веселый, мужественный смѣхъ наполнилъ мгновенной жизнью всѣ уголки темнаго пустыря.

Соловейчикъ послушалъ его, а потомъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, — скорбно проговорилъ онъ: — и вы менѣ не научите, какъ жить! Никто не научить минѣ, какъ жить!..

— Это правда, жить никто не научить: искусство жить это тоже талантъ. А кто этого таланта не имѣетъ, тотъ или самъ гибнетъ или губить свою жизнь, превращая ее въ жалкое прозябаніе безъ свѣта и радости.

— Вотъ вы теперь спокойны и такъ говорите, будто вы себѣ все знаете... А... вы не сердитесь, пожалуйста, на менѣ... вы всегда такой были? — съ жгучимъ любопытствомъ спросилъ Соловейчикъ.

— Ну, нѣтъ, — качнулъ головой Санинъ: — правда, у меня всегда было много спокойствія, но были времена, когда я переживалъ самыя разнообразныя сомнѣнія... Было время, когда я самъ серьезно мечталъ объ идеалѣ христіанскаго житія...

Санинъ задумчиво помолчалъ, а Соловейчикъ, вытянувъ шею, какъ бы ожидая чего-то для себя непостижимо важнаго, смотрѣлъ на него.

— Я тогда былъ на первомъ курсѣ, и былъ у меня товарищъ, студентъ математикъ, Иванъ Ланде. Это было удивительный человѣкъ, непобѣдимой силы и христіанинъ не по убѣжденію, а по природѣ. Въ своей жизни онъ отразилъ всѣ критическіе моменты христіанства: когда его били, онъ не защищался, прощалъ врагамъ, шелъ ко всякому человѣку, какъ

къ брату, «могій вмѣстить» — вмѣстилъ отрицаніе женщины, какъ самки... Вы помните Семенова?

Словейчикъ кивнулъ головой съ наивной радостью. Это было для него непостижимо важно: въ знакомой обстановкѣ, среди знакомыхъ людей вдругъ нарисовался ему образъ, о которомъ туманно было его представленіе, но который влекъ его, какъ бабочку во тьмѣ ночи яркое пламя свѣчи. Онъ весь загорѣлся вниманіемъ и ожиданіемъ.

— Ну, такъ вотъ... Семенову тогда было страшно плохо, а жилъ онъ въ Крыму на урокъ. Тамъ въ одиночествѣ и предчувствіи смерти онъ впалъ въ мрачное отчаяніе. Ланде объ этомъ узналъ и, конечно, рѣшилъ, что онъ долженъ идти спасать погибающую душу... И буквально пошелъ: денегъ у него не было, занять ему, какъ «блаженному», никто не давалъ, и онъ пошелъ пѣшкомъ за тысячу верстъ! Гдѣ-то въ дорогѣ и пропалъ, положивъ, такимъ образомъ, и душу за други своя...

— А вы... скажите мнѣ пожалуйста! — весь приходя въ движеніе вскричалъ Словейчикъ, экстатически блестя глазами: — а вы признаете этого человѣка.

— О немъ много было споровъ въ свое время, — задумчиво отвѣчалъ Санинъ: — одни вовсе не считали его христіаниномъ и на этомъ основаніи отвергали; другіе считали его просто блаженнымъ съ извѣстнымъ налетомъ самодурства; другіе отрицали въ немъ силу на томъ основаніи, что онъ не боролся, не сталъ пророкомъ, не побѣдилъ, а напротивъ, вызвалъ только общее отчужденіе... Ну, а я смотрю на него иначе. Тогда я находился подъ его вліяніемъ до глупости! Дошелъ до того, что однажды мнѣ одинъ студентъ далъ въ морду... сначала у меня въ головѣ все завертѣлось, но Ланде былъ тутъ и какъ разъ я на него взглянулъ... Не знаю, что произошло во мнѣ, но только я молча всталъ и вышелъ... Ну, во-первыхъ, я этимъ потомъ страшно и, надо думать, довольно глупо гордился, а во-вторыхъ студента этого возненавидѣлъ всѣми силами души. Не за то, что онъ меня ударилъ, это бы еще ничего, а за то, что мой поступокъ, какъ нельзя больше, послужилъ ему въ удовольствіе. Совершенно случайно я замѣтилъ, въ какой фальши болтаюсь, раздумался, недѣли двѣ ходилъ, какъ помѣшанный, а потомъ пересталъ гордиться своею ложной нравственной побѣдой, а студента того при его первой самодовольной насмѣшкѣ, избилъ до потери сознанія. Между мной и Ланде произошелъ внутренній разрывъ. Я

сталъ яснѣе смотрѣть на его жизнь и увидѣлъ, что она страшно несчастна и бѣдна!

— О, что же вы говорите! — вскричалъ Соловейчикъ: — вы развѣ можете себѣ представить богатство его переживаній!

— Эти переживанія были однообразны: счастье его жизни состояло въ томъ, чтобы безропотно воспринять всякое несчастье, а богатство въ томъ, чтобы все больше и глубже отказываться отъ всякаго богатства жизни! Это былъ добровольный нищій и фантастъ, живущій во имя того, что ему самому не было вовсе извѣстно...

— Вы не знаете, какъ вы меня терзаете! — вскрикнулъ Соловейчикъ, неожиданно заломивъ руки.

— Однако вы какой-то истеричный, Соловейчикъ! — удивленно замѣтилъ Санинъ. Я ничего особеннаго не говорю! Или этотъ вопросъ очень наболѣлъ въ васъ.

— Очень! Я теперь все думаю и думаю, и голова у минѣ болитъ... Неужели все это была ошибка? Я себѣ, какъ въ темной комнатѣ... и никто минѣ не можетъ сказать, что дѣлать!... Для чего же живетъ человѣкъ? Скажите вы минѣ!

— Для чего? Это никому не извѣстно!...

— А развѣ нельзя жить для будущаго? Чтобы хотя потомъ быть у людей золотой вѣкъ...

— Золотого вѣка никогда не можетъ быть. Если бы жизнь и люди — могли уллучшиться мгновенно, это было бы золотое счастье, но этого быть не можетъ! Улучшеніе приходитъ по незамѣтнымъ ступенямъ и человѣкъ видитъ только предыдущую и послѣдующую ступени... Мы съ вами не жили жизнью римскихъ рабовъ или дикихъ каменнаго вѣка, а потому и не сознаемъ счастья своей культуры; такъ и въ этомъ золотомъ вѣкѣ человѣкъ не будетъ сознавать никакой разницы со своимъ отцемъ, какъ отецъ съ дѣдомъ, а дѣдъ съ пра-дѣдомъ... Человѣкъ стоитъ на вѣчномъ пути и моститъ путь къ счастью — все равно, что къ безконечному числу присчитывать новыя единицы...

— Значить — все пустота? Значить ничего нѣту?

— Я думаю, ничего...

— Ну, а вашъ Ланде! Вѣдь вотъ же вы.

— Я любилъ и люблю Ланде, — серьезно сказалъ Санинъ: — но не потому, что онъ былъ таковъ, а потому, что онъ былъ искрененъ и на своемъ пути не останавливался ни передъ какими преградами, ни смѣшными, ни страшными... Для меня

Ланде былъ цѣненъ самъ по себѣ и съ его смертью исчезла и цѣнность его.

— А вы не думаете, что такіе люди облагораживаютъ жизнь? А у такихъ людей являются послѣдователи... А?

— Зачѣмъ ее облагораживать? Это — разъ. А второе то, что слѣдовать этому нельзя. Ланде надо родиться. Христосъ былъ прекрасенъ, хрістіане — ничтожны.

Санинъ усталъ говорить и замолчалъ. Молчалъ и Соловейчикъ, молчало и все кругомъ, и только, казалось, мерцающія вверху звѣзды ведутъ какой-то нескончаемый безмолвный разговоръ. Вдругъ Соловейчикъ что то зашепталъ и шопотъ его былъ страшенъ и жутокъ.

— Что такое? — вздрогнувъ спросилъ Санинъ.

— Вы скажите мнѣ, — забормоталъ Соловейчикъ: — вы мнѣ скажите, что вы думаете... если человѣкъ не знаетъ куда ему идти и все думаетъ, все думаетъ и все страдаетъ, и все ему страшно и непонятно... можетъ тому человѣку лучше вмѣреть?

— Что жъ, нахмурившись въ темнотѣ сказалъ Санинъ, ясно и остро понимая то, что невидимо тянулось къ нему изъ темной души еврейчика: — пожалуй, лучше умереть... Нѣтъ смысла страдать, а жить вѣчно все равно никто не будетъ. Жить надо только тому, кто въ самой жизни видитъ уже пріятное. А страдающимъ — лучше умереть.

— Вотъ и я такъ себѣ думалъ! — съ силой воскрикнулъ Соловейчикъ и вдругъ цѣпко схватилъ Санина за руку.

Было совсѣмъ темно и въ сумракѣ лицо Соловейчика казалось бѣлымъ, какъ у трупа, а глаза смотрѣли пустыми, черными впадинами.

— Вы мертвый человѣкъ, — съ невольной тревогой въ душѣ сказалъ Санинъ вставая: — и, пожалуй, мертвецу самое лучшее и вправду — могила... Прощайте...

Соловейчикъ какъ будто не слыхалъ и сидѣлъ неподвижно, какъ черная тѣнь, съ мертвымъ бѣлымъ лицомъ. Санинъ помолчалъ, подождалъ и тихо пошелъ. У калитки онъ остановился и прислушался. Все было тихо и Соловейчикъ чуть-чуть чернѣлъ на крыльцѣ, сливаясь съ мракомъ. Непріятно томительное предчувствіе заползло въ сердце Санина.

— Все равно! — подумалъ онъ: — что такъ жить, что умереть... Да и не сегодня — завтра.

Онъ быстро повернулся и съ визгомъ отворивъ калитку, вышелъ на улицу.

На дворѣ попрежнему было тихо.

Когда Санинъ дошелъ до бульвара, вдали слышались тревожные, странные звуки. Кто-то, гулко топоча ногами, быстро бѣжалъ во мракѣ ночи, не то причитая, не то плача на бѣгу. Санинъ остановился. Черная фигура родилась во мракѣ и все ближе, ближе бѣжала на него. И почему-то Санину опять стало жутко.

— Что такое? — спросилъ онъ.

Бѣгуцій человекъ на минуту остановился и Санинъ близко увидѣлъ испуганное, глуповатое солдатское лицо.

— Что случилось? — тревожно крикнулъ онъ.

Но солдатъ что-то пробормоталъ и побѣжалъ дальше, гулко топоча ногами и не то причитывая, не то плача. Ночь и тишина поглотили его, какъ призракъ.

— Да вѣдь это деньщикъ Зарудина! — вспомнилъ Санинъ и вдругъ твердая красная мысль отчетливо и какъ-то кругло вылилась въ мозгъ.

— Зарудинъ застрѣлся! . .

Легкій холодъ тронулъ виски Санина. Съ минуту онъ молча глядѣлъ въ тусклое лицо ночи, и казалось между тѣмъ загадочнымъ и страшнымъ, что было въ ней, и имъ, высокимъ, сильнымъ человекомъ, съ твердымъ взглядомъ, произошла короткая и страшная, молчаливая борьба.

Городъ спалъ, бѣлѣли тротуары, чернѣли деревья, тупо глядѣли темныя окна, храня глухую тишину.

Вдругъ Санинъ встряхнулъ головой, усмѣхнулся и посмотрѣлъ передъ собой ясными глазами.

— Не я въ этомъ виноватъ, — громко сказалъ онъ . . .
— Однимъ больше, однимъ меньше!

И пошелъ впередъ, высокою тѣнью чернѣя во мракѣ.

XXXIII.

Такъ скоро, какъ все узнается въ маленькомъ городкѣ, всѣ узнали, что два человека въ одинъ и тотъ же вечеръ лишили себя жизни.

Юрію Сварожичу объ этомъ сообщилъ Ивановъ, прійдя къ нему днемъ, когда Юрій только что вернулся съ урока и сѣлъ рисовать портретъ Ляли. Она позировала въ легкой свѣтлой кофточкѣ, съ голой шейкой и просвѣчивающими розовыми руками. Солнце свѣтило въ комнату, золоты-

ми искорками зажигало вокруг головки Ляли пушистые волосы и она была такой молоденькой, чистенькой и веселой, точно золотая птичка.

— Здравствуйте, сказалъ Ивановъ, входя и бросая шляпу на стулъ.

— А... Ну, что новаго скажете?.. — спросилъ Юрій, привѣтливо улыбаясь.

Онъ былъ настроенъ довольно и радостно, и оттого, что, наконецъ, нашелъ урокъ и чувствовалъ себя уже не на шеѣ у отца, а на собственныхъ ногахъ, и отъ солнца, и отъ близости счастливой, хорошенькой Ляли.

— Много, — сказалъ Ивановъ съ неопредѣленнымъ выраженіемъ въ сѣрыхъ глазахъ, — одинъ удавился, другой застрѣлился, а третьяго черти взяли, чтобъ не волочился!

— То есть? — удивился Юрій.

— Третьяго я ужъ отъ себя, для вящаго эффекта, прибавилъ, а два точно.. Сегодня ночью застрѣлился Зарудинъ, а сейчасъ, говорятъ, Соловейчикъ повѣсился... вотъ!

— Да не можетъ быть! — вскрикнула Ляля, вскакивая, вся бѣлая, розовая и золотая, съ испуганными, но сіяющими отъ любопытства глазами.

Юрій съ удивленіемъ и испугомъ поспѣшно положилъ палитру и подошелъ къ Иванову.

— Вы не шутите?

— Какія ужъ тутъ шутки! — махнулъ рукой Ивановъ.

Какъ и всегда онъ старался придать себѣ философски равнодушный видъ, но замѣтно было, что ему и жутко, и непріятно.

— Отчего же онъ застрѣлился? Оттого что его Санинъ ударилъ? А Санинъ знаетъ? — наивно цѣпляясь за Иванова, захлебываясь спрашивала Ляля.

— Очевидно такъ... Санинъ знаетъ еще съ вечера, — отвѣчалъ Ивановъ.

— Чего же онъ? — невольно спросилъ Юрій.

Ивановъ пожалъ плечами. Ему уже не разъ приходилось спорить съ Юріемъ о Санинѣ, и онъ уже заранѣе раздражался.

Ничего... А ему-то что же? — съ грубой досадой возразилъ онъ.

— Все-таки онъ причиною! — замѣтила Ляля, дѣлая значительное лицо.

— Ну, такъ что же изъ того!.. Вольно жъ тому дураку было лѣзть. Санитъ тутъ не виновать. Все это очень прискорбно, но всецѣло должно быть отнесено къ глупости самаго Зарудина.

— Ну положимъ, причины тутъ глубже, — возразилъ Юрій угрюмо: — Зарудинъ жилъ въ извѣстной средѣ...

— И то, что онъ жилъ въ такой дурацкой средѣ и то, что подчинился ей, свидѣлствуетъ только о томъ, что онъ и самъ дуракъ! — пожалъ плечами Ивановъ.

Юрій промолчалъ, машинально потирая пальцы. Ему было какъ-то непріятно говорить такъ объ умершемъ, хотя онъ и не зналъ почему.

— Ну, хорошо... Зарудинъ — это понятно, а Соловейчикъ... вотъ не думала! высоко поднимая брови нерѣшительно заговорила Ляля. — Почему же онъ?

— А Богъ его знаетъ, — сказалъ Ивановъ: — онъ всегда былъ какой-то блаженный...

Въ это время разомъ пріѣхалъ Рязанцевъ и пришла Карсавина. Они встрѣтились у воротъ, и еще на крыльцѣ былъ слышенъ высокій, недоумѣвающе — вопросительный голосъ Карсавиной и веселый, игриво шутливый голосъ Рязанцева, какимъ онъ всегда говорилъ съ красивыми молодыми женщинами.

— Анатолій Павловичъ „оттуда“, — съ выраженіемъ тревожнаго интереса сказала Карсавина, первая входя въ комнату.

Рязанцевъ вошелъ, смѣясь, какъ всегда, и еще на ходу закуривая папиросу.

— Ну, и дѣла! — сказалъ онъ, наполняя всю комнату голосомъ, здоровьемъ и самоувѣреннымъ весельемъ.

— Этакъ у насъ въ городѣ скоро и молодежи не останется!

Карсавина молча сѣла, и ея красивое лицо было разстроено и недоумѣло.

— Ну, повѣствуйте, — сказалъ Ивановъ.

— Да что, — подымая брови, какъ Ляля, и все смѣясь, но уже не такъ весело, заговорилъ Рязанцевъ. — Только что вышелъ вчера изъ клуба, вдругъ бѣжить солдатъ... Ихъ высокородіе говорить, застрѣлились... Я на извоз-

чика и туда... Приѣзжаю, а тамъ уже чуть не весь полкъ... Лежитъ на кровати, китель на распашку...

— А куда онъ стрѣлялъ? — любопытно повиснула у него на рукѣ Ляля.

— Въ високъ... пуля пробила черепъ, вотъ тутъ... и ударилась въ потолокъ...

— Изъ браунинга? — почему-то спросилъ Юрій.

— Изъ браунинга... Скверная картина. Мозгомъ и кровью даже стѣна забрызгана, а у него еще и лицо все изуродовано... да!... А это ужасъ, какъ онъ его хватилъ!...

И опять засмѣявшись, Рязанцевъ пожалъ плечами.

— Крѣпкій мужчина!

— Ничего, парень здоровый! — почему-то самодовольно кивнулъ головой Ивановъ.

— Безобразіе! — брезгливо сморщился Юрій.

Карсавина робко посмотрѣла на него.

— Но вѣдь, онъ, по моему, не виноватъ, — замѣтила она: — не ждать же ему было...

— Да... неопредѣленно поморщился Рязанцевъ: — но и такъ бить!... Вѣдь предлагали же ему дуэль...

— Удивительно! — возмущенно пожалъ плечами Ивановъ.

— Нѣтъ, что-жъ... дуэль — глупость, — раздумчиво отозвался Юрій.

— Конечно, — быстро поддержала Карсавина.

Юрію показалось, что она рада возможности оправдать Санина, и ему стало непріятно.

— Но все-таки и такъ... — не зная, что, унижающее Санина, придумать, возразилъ онъ.

— Звѣрство, какъ хотите! — подсказалъ Рязанцевъ.

Юрій подумалъ, что самъ то Рязанцевъ недалеко ушелъ отъ сытаго животнаго, но промолчалъ и былъ даже радъ, что Рязанцевъ сталъ спорить съ Карсавиной, рѣзко осуждая Санина.

Карсавина, поймавъ на лицѣ Юрія непріятное выраженіе, замолчала, хотя ей въ глубинѣ души нравилась сила и рѣшительность Санина и казалось совсѣмъ непрагильнымъ то, что говорилъ Рязанцевъ о культурности. И такъ же, какъ Юрій, она подумала, что не Рязанцеву говорить объ этомъ.

Но Ивановъ разсердился и сталъ спорить.

— Подумаешь! Высокая степень культурности: отстрѣлить человѣку носъ или засадить въ брюхо желѣзную палку!

— А лучше кулакомъ по лицу бить?

— Да ужъ, по моему, лучше! Кулакъ что! Отъ кулака какой вредъ! Выскочить шишка, а опосля и ничего... Отъ кулака человѣку никакого несчастья!..

— Не въ томъ же дѣло!

— А въ чемъ? — презрительно скривилъ плоскія губы Ивановъ, — По моему драться вообще не слѣдуетъ... зачѣмъ безобразіе чинить! Но ужъ ежели драться, такъ по крайности безъ особаго членовредительства!.. Ясное дѣло!..

— Онъ ему чуть глазъ не выбилъ! — съ ироніей вставилъ Рязанцевъ — Хорошо — „безъ членовредительства!“

— Глазъ, конечно... Ежели глазъ выбить, то отъ этого человѣку вредъ, но все-таки глазъ супротивъ кишки не выстоитъ никакъ! Тутъ хоть безъ смертоубійства!..

— Однако Зарудинъ-то погибъ!

— Ну, такъ это ужъ его воля!

Юрій нерѣшительно крутилъ бородку.

— Я, въ сущности, прямо скажу, — заговорилъ онъ, и ему стало приятно, что онъ скажетъ совершенно искренно: для меня лично это вопросъ нерѣшенный... и я не знаю, какъ самъ поступилъ бы на мѣстѣ Санина. Драться на дуэли, конечно, глупо, но и драться кулаками не очень-то красиво!

— Но что же дѣлать тому, кого вынудятъ на это? — спросила Карсавина.

Юрій печально пожалъ плечами.

— Нѣтъ, кого жалъ такъ это Соловейчика, — помолчавъ замѣтилъ Рязанцевъ, но самодовольно веселое лицо его не соотвѣтствовало словамъ.

И вдругъ вспомнили, что даже не спросили о Соловейчикѣ, и почему то всѣмъ стало неловко.

— Знаете, гдѣ онъ повѣсился? Подъ амбаромъ, у собачьей будки... Спустилъ собаку съ цѣпи и повѣсился...

Одновременно и у Карсавиной, и у Юрія въ ушахъ послышался тонкій голосъ: „Султанъ, ту-бо“!..

— И оставилъ, понимаете, записку, — продолжалъ Рязанцевъ, не удерживая веселаго блеска въ глазахъ. — Я ее даже списалъ... человѣческій документъ, вѣдь, а?

Онъ досталъ изъ бокового кармана записную книжку.

— Зачѣмъ я буду жить, когда самъ не знаю, какъ надо жить. Такіе люди, какъ я, не могутъ принести людямъ счастья, — прочелъ Рязанцевъ и совершенно неожиданно неловко замолчалъ.

Въ комнатѣ стало тихо, точно прошло много людей, чья-то блѣдная и печальная тѣнь. Глаза Карсавиной налились крупными слезами, Ляля плаксиво покраснѣла, а Юрій, болѣзненно усмѣхнувшись, отошелъ къ окну.

— Только и всего, — машинально прибавилъ Рязанцевъ.

— Чего же еще „больше“? — вздрогнувшими губами возразила Карсавина.

Ивановъ всталъ и, доставая со стола спички, пробормоталъ:

— Глупость большая, это точно!

— Какъ вамъ нестыдно! — возмущенно вспыхнула Карсавина.

Юрій брезгливо посмотрѣлъ на его длинные, нрямые волосы и отвернулся.

— Да... Вотъ вамъ и Соловейчикъ, — опять съ веселымъ блескомъ въ глазахъ развелъ руками Рязанцевъ. — Я думалъ, такъ — дрянъ одна, съ позволенія сказать, жиденокъ и больше ничего. А онъ на! Прямо не отъ міра сего оказался... Нѣтъ выше любви, какъ кто душу свою положить за други свои!

— Ну, онъ положилъ не за други!.. возразилъ Ивановъ.

— И чего ломается... тоже! А самъ — животное! — подумалъ онъ, съ ненавистью и презрѣніемъ покосившись на сытое гладкое лицо Рязанцева и почему-то на его жилетку, обтянувшуюся складочками на плотномъ животѣ.

— Это все равно... Порывъ чувствуется...

— Далеко не все равно! — упрямо возразилъ Ивановъ, и глаза у него стали злыми. — Слякоть и больше ничего!..

Какая-то странная ненависть его къ Соловейчику неприятно подѣйствовала на всѣхъ. Карсавина встала и, прощаясь, интимно, какъ бы влюбленно довѣряясь, шепнула Юрію:

— Я уйду... онъ мнѣ просто противень!..

— Да, качнулъ головой Юрій: — жестокость удивительная!..

За Карсавиной ушли Ляля и Рязанцевъ. Ивановъ за-

думался, молча выкурилъ папиросу, злыми глазами поглядѣлъ въ уголъ, и тоже ушелъ.

Идя по улицѣ, и по привычкѣ размахивая руками, онъ думалъ раздраженно и злобно:

— Это дурачье воображаетъ, конечно, что я не понимаю того, что они понимаютъ! Удивительно!.. Знаю я, что они чувствуютъ, — лучше ихъ самихъ: Знаю, что нѣтъ больше любви, когда человѣкъ жертвуетъ жизнью за ближняго, но повѣситься оттого, что не пригодился людямъ, это ужъ... ерунда!

И Ивановъ, припоминая безконечный рядъ прочитанныхъ имъ книгъ и Евангеліе прежде всего, сталъ искать въ нихъ тотъ смыслъ, который объяснялъ бы ему поступокъ Соловейчика такъ, какъ ему хотѣлось. И книги, какъ будто послушно разворачиваясь на тѣхъ страницахъ, которыя были ему нужны, мертвымъ языкомъ говорили то, что ему было надо. Мысль его работала напряженно и такъ сплелась съ книжными мыслями, что онъ уже самъ не замѣчалъ, гдѣ думаетъ онъ самъ, а гдѣ вспоминаетъ читанное.

Придя домой, онъ легъ на кровать, вытянулъ длинные ноги и все думалъ, пока не заснулъ. А проснулся только поздно вечеромъ.

XXXIV.

Когда подъ звуки трубной музыки хоронили Зарудина, Юрій изъ окна видѣлъ всю эту мрачную и красивую процессію, съ траурной лошадыю, траурнымъ маршемъ и офицерской фуражкой, сиротливо положенной на крышку гроба. Было много цвѣтовъ, задумчиво грустныхъ женщинъ и красиво печальной музыки. А ночью въ этотъ день Юрію стало особенно грустно.

Вечеромъ онъ долго гулялъ съ Карсавиной, видѣлъ все тѣ же прекрасные влюбленные глаза и прекрасное тѣло, тянувшееся къ нему, но даже и съ ней ему было тяжело.

— Какъ странно и страшно думать, — говорилъ онъ, глядя передъ собой напряженными глазами: — что вотъ Зарудина уже нѣтъ... Былъ офицеръ, такой красивый, веселый и беззаботный и казалось, что онъ будетъ всегда... что ужасъ жизни, съ ея муками, сомнѣніями и смертью, для него не можетъ существовать... что въ этомъ нѣтъ

никакого смысла. И вотъ, одинъ день, и человѣкъ смятъ, уничтоженъ въ прахъ, пережилъ какую-то ему одному известную страшную драму и нѣтъ его, и никогда не будетъ!.. И фуражка эта на крышкѣ гроба...

Юрій замолчалъ и мрачно посмотрѣлъ въ землю: Карсавина плавно шла рядомъ, внимательно слушала и тихо перебирала полными красивыми руками кружево бѣлаго зонтика. Она не думала о Зарудинѣ, и всеѣмъ богатымъ тѣломъ своимъ радовалась близости Юрія, но, безсознательно подчиняясь и угождая ему, дѣлала грустное лицо и волновалась.

— Да, такъ было грустно смотрѣть!.. И музыка эта такая!

— Я не обвиняю Санина! — вдругъ упрямо прорвался Юрій: — онъ и не могъ иначе поступить, но тутъ ужасно то, что пути двухъ людей скрестились такъ, что или одинъ, или другой должны были уступить... ужасно то, что случайный побѣдитель не видитъ ужаса своей побѣды... стеръ человѣка съ лица земли и правъ...

— Да правъ... вотъ и... — не дослышавъ, оживилась Карсавина такъ, что даже ея высокая грудь заколыхалась.

— Нѣтъ... а я говорю, что это ужасно! — перебилъ Юрій, съ ненавистью ревности искоса поглядѣвъ на ея грудь и оживленное лицо.

— Почему же? — робко спросила Карсавина, страшно смутившись. И какъ-то сразу глаза ея потухли, а щеки порозовѣли.

— Потому что для другого это было бы тягчайшимъ страданіемъ... сомнѣніями, колебаніями... Борьба душевная должна быть, а онъ какъ ни въ чемъ не бывало!.. Очень жаль, говорить, но я не виноватъ!.. Развѣ дѣло въ одной винѣ, въ прямомъ правѣ!..

— А въ чемъ же? — нерѣшительно и тихо спросила Карсавина, низко опустивъ голову и видимо боясь его разсердить.

— Не знаю въ чемъ, но звѣремъ человѣкъ не имѣетъ права быть! жестко и со страданіемъ въ голосѣ рѣзко выкрикнулъ Юрій.

Они долго шли молча. Карсавина страдала отъ того, что отдалилась отъ Юрія и, на мгновеніе, утеряла милую, теплую до глубины души, особенную связь съ нимъ, а Юрій

чувствовалъ, что у него вышло спутанно, неясно и страдалъ отъ тяжелаго тумана на сердцѣ и отъ самолюбія.

Онъ скоро ушелъ домой, оставя дѣвушку въ мучительномъ состояніи неудовлетворенности, страха и беззащитной обиды.

А дома стало невыносимо скверно.

За ужиномъ Ляля рассказала, что Рязанцевъ говорилъ, будто мальчишки на мельницѣ, поглядывая, какъ вынимали изъ петли Соловейчика, кричали черезъ заборъ:

— Жидъ удавился!.. Жидъ удавился!..

Николай Егоровичъ кругло хохоталъ и заставлялъ Ляльку повторять.

— Такъ „жидъ удавился“!..

Юрій ушелъ къ себѣ, сѣлъ поправлять тетрадку своего ученика и подумалъ съ невыразимой ненавистью:

— Сколько звѣрства еще въ людяхъ!.. Можно ли страдать и жертвовать собой за это тупое, глупое звѣрье!..

Но тутъ онъ вспомнилъ, что это нехорошо, и устыдился своей злобы.

— Они не виноваты... они „не вѣдаютъ, что творятъ“!..

— Но вѣдаютъ или не вѣдаютъ, а вѣдь звѣри же, сейчасъ-то — звѣри же! — подумалъ онъ, но старался не замѣтить этого и сталъ вспоминать Соловейчика.

— Какъ одинокъ, все таки, человѣкъ: — вотъ жилъ этотъ несчастный Соловейчикъ и носилъ въ себѣ, страдающее за весь міръ, готовое на всякую жертву, великое сердце... И никто... даже я... — съ непріятнымъ уколomъ мелькнуло у него въ головѣ, — не замѣчали его, не цѣнили, а напротивъ, почти презирали его! А почему? Потому только, что онъ не умѣлъ или не могъ высказаться, потому что былъ суетливъ и немного надоѣдливъ. — А въ этой суетливости и въ надоѣдливости и сказывалось его горячее желаніе ко всѣмъ приблизиться, всѣмъ помочь и угодить... Онъ былъ святой, а мы считали его дуракомъ!..

Чувство вины такъ болѣзненно томило душу Юрія, что онъ бросилъ работу и долго ходилъ по комнатѣ, весь во власти смутныхъ, неразрѣшимыхъ и больныхъ думъ. Потомъ онъ сѣлъ за столъ, взялъ Библію и раскрывъ ее наугадъ, прочелъ то мѣсто, которое читалъ чаще другихъ, и на которомъ смялъ и растрепалъ листы.

„Случайно мы рождены и послѣ будемъ, какъ не быв-

шіе; дыханіе въ поздыхъ нашихъ — паръ, а слово — искра въ движеніяхъ нашего сердца.

„Когда она угаснетъ, тѣло обратится въ прахъ и духъ разсѣется, какъ жидкій воздухъ.

„И имя наше забудется со временемъ, и никто не вспомнитъ о дѣлахъ нашихъ; и жизнь наша пройдетъ, какъ слѣдъ облака и разсѣется, какъ туманъ, разогнанный лучами солнца и отягченный теплотою его.

„Ибо жизнь наша — прохожденіе тѣни, и нѣтъ намъ возврата отъ смерти, ибо положена печать, и никто не возвращается“.

Юрій не сталъ дальше читать, потому что тамъ говорилось о томъ, что нѣтъ смысла думать о смерти, а надо наслаждаться жизнью, какъ юностью, а этого онъ не могъ понять, и это не отвѣчало его больнымъ мыслямъ.

— Какъ это вѣрно, ужасно и неизбежно! — думалъ онъ о прочитанномъ, — стараясь представить себѣ, какъ духъ его разсѣется послѣ смерти. И не могъ.

— Это ужасно! Вотъ я сижу здѣсь, живой, жаждущій жизни и счастья, и читаю свой неотвѣримый смертный приговоръ... Читаю и не могу даже протестовать!

Мысль эту и въ самыхъ словахъ Юрій много разъ продумывалъ и читалъ въ книгахъ. И утомительная своєю, сознаваемой имъ, однообразной слабостью, она еще больше разстроила и измучила его.

Юрій взялъ себя за волосы и съ отчаяніемъ въ душѣ закачался изъ стороны въ сторону, точно звѣрь въ клѣткѣ. Съ закрытыми глазами и безконечной усталостью въ сердцѣ онъ обратился къ кому-то. Обратился со злобой, но безъ силы, съ ненавистью, но тупой, съ мольбой, но не признаваемой имъ самимъ.

— Что сдѣлалъ тебѣ человѣкъ, что ты такъ издѣваешься надъ нимъ? Почему ты, если есть, скрылся отъ него? Зачѣмъ ты сдѣлалъ такъ, что если бы я повѣрилъ бы въ тебя, то не повѣрилъ бы въ свою вѣру? Если бы ты отвѣтилъ, я не повѣрилъ бы, что это ты, а не я самъ... Если я правъ въ своемъ желаніи жить, то зачѣмъ ты отнимаешь у меня право, которое самъ далъ!... Если тебѣ нужны страданія, — пусть!... Вѣдь мы перенесли бы ихъ изъ любви къ тебѣ! Но мы даже не знаемъ, что нужное—дерево или мы...

Для дерева даже есть надежда!... Оно и срубленное

можетъ пустить корни, ростки и ожить! А человѣкъ умретъ и исчезнетъ!.. Лягу и не встану, и никогда не узнають, что со мной случилось.. Можетъ быть я опять буду жить, но вѣдь я этого не знаю... Если бы я зналъ, что хоть черезъ миллиарды миллиардовъ лѣтъ я буду опять жить, я бы во всѣ вѣка этого времени терпѣливо и безропотно ждалъ бы въ вѣчной тѣмѣ...

Онъ опять сталъ читать.

„Что пользы человѣку отъ всѣхъ трудовъ его, которыми трудится онъ подъ солнцемъ.

„Родъ приходитъ и родъ уходитъ, а земля пребываетъ во вѣки.

„Всходитъ солнце, и заходитъ солнце, и спѣшитъ къ мѣсту своему, гдѣ оно восходитъ.

„Идетъ вѣтеръ къ югу, и переходитъ къ сѣверу, кружится, кружится на ходу своемъ, и возвращается вѣтеръ на круги свои.

„Что было, то и будетъ; и что дѣлалось, то и будетъ дѣлаться, — и нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ.

„Нѣтъ памяти о прежнемъ; и о томъ, что будетъ, не останется памяти у тѣхъ, которые будутъ послѣ.

„Я, Екклесіастъ, былъ царемъ надъ Израилемъ“...

— Я, Екклесіастъ, былъ царемъ!.. — громко и даже грозно повторилъ Юрій съ непонятной ему самому тоской. — Но испугался своего голоса и оглянулся. Не слышалъ-ли кто? Потомъ взялъ листъ бумаги и полумашинально, какъ бы поддаваясь несознаваемой потребности, сталъ писать, думая о томъ, что все чаще и чаще приходило ему въ голову:

— „Я начинаю эту записку, которая должна окончиться съ моей смертью“...

— Фу, какая пошлость! — съ отвращеніемъ сказалъ онъ и такъ оттолкнулъ бумагу, что она слетѣла со стола и, легко кружась, упала на полъ.

— А вотъ Соловейчикъ, маленькій, жалкій Соловейчикъ, не сказалъ себѣ, что это пошлость, когда убѣдился, что не можетъ понять жизни...

Юрій не замѣтилъ, что онъ ставитъ себѣ въ примѣръ того человѣка, котораго самъ называетъ маленькимъ и жалкимъ.

— Ну, что-жъ... И я чувствую, что рано или поздно

кончу тѣмъ же... Потому что нѣтъ другого исхода... Почему нѣтъ? Потому ли...

Юрій остановился, онъ прекрасно, какъ ему казалось, зналъ, что только что думалъ объ этомъ, но теперь вовсе не находилъ словъ, чтобы отвѣтить себѣ. Въ душѣ его точно что-то сразу ослабло. Мысль упала и потерялась.

— Чушь, все чушь! — со злобой громко сказалъ Юрій.

Лампа почти вся уже выгорѣла и догорала тусклымъ непріятнымъ свѣтомъ, слабо выдѣляя изъ темноты небольшой кругъ возлѣ головы Юрія.

— Почему я не умеръ тогда еще, когда былъ ребенкомъ и болѣлъ воспаленіемъ легкихъ? Было бы мнѣ теперь хорошо, спокойно...

И въ ту же секунду Юрій представилъ себя умершимъ тогда и испугался такъ, что все въ немъ замерло.

— Значить, я не увидѣлъ бы того, что видѣлъ?... Нѣтъ, это тоже ужасно...

Юрій тряхнулъ головой и всталъ.

— Такъ можно съ ума сойти...

Онъ подошелъ къ окну и толкнулъ его, но ставень, прихваченная болтомъ, не подалась. Юрій взялъ карандашъ и съ усиліемъ протолкнулъ болтъ.

Что то сильно загремѣло снаружи, ставень легко и мягко отворилась, и въ окно ворвался чистый и прохладный воздухъ. Юрій тупо посмотрѣлъ на небо, на которомъ была уже заря.

Утро было чистое и прозрачное. Уже блѣдное голубое небо сильно розовѣло съ одного края. Семь звѣздъ большой медвѣдицы поблѣднѣли и спустились внизъ; большая, нѣжно голубая и будто хрустальная, утренняя звѣзда тихо сіяла яркимъ влажнымъ блескомъ надъ алѣвшею зарей. Рѣзкій холодноватый вѣтерокъ потянулъ съ востока и бѣлый утренній паръ легкими волнистыми струйками поплылъ отъ него надъ темнозеленой росистой травой сада, цѣпляясь за высокіе лопухи и бѣлую кашку, надъ прозрачной, слегка зарябившейся водой рѣки, надъ зелеными листьями кувшинчика и бѣлыхъ лилій, которыхъ было много у береговъ. Прозрачное голубое небо все покрылось грядами воздушныхъ, загорающихся розовымъ огнемъ, тучекъ; одинокія и совсѣмъ блѣдныя звѣзды незамѣтно и безслѣдно тонули и исчезали въ бездонной синевѣ. Отъ рѣки все тянулъ влажный бѣловатый туманъ, медленно,

полосами плылъ надъ глубокой и холодной водой, переливался между деревьями, въ сырую и зеленую глубину сада, гдѣ еще царилъ легкій прозрачный сумракъ. Въ влажномъ воздухѣ, казалось, стоялъ какой-то странный серебристый звукъ.

Все было такъ красиво и тихо, точно влюбленная земля, вся обнажившись, готовилась къ великому и полному наслажденію таинству — приходу солнца, котораго еще не было, но свѣтъ котораго, легкій и розовый, уже трепеталъ надъ нею.

Юркій легъ спать, но свѣтъ беспокоилъ его, голова болѣла и передъ глазами что-то болѣзненно мелко, мелко мигало.

XXXV.

Рано утромъ, когда солнце свѣтило низко и ярко, Ивановъ и Санинъ вышли изъ города.

Подъ солнцемъ, роса блестѣла и искрилась огоньками, а въ тѣни трава казалась сѣдою отъ нея. По краямъ дороги, подъ тощенькими старыми вербами уже плелись въ монастырь богомольцы, и ихъ красные и бѣлые платки, лапти, юбки и рубахи пестро мелькали въ просвѣтахъ солнца сквозь щели плетня. Въ монастырѣ звонили, и омытый утренней свѣжестью звонъ удивительно чисто гудѣлъ надъ окрестною степью, должно быть, долетая до тѣхъ, еще тихихъ, лѣсовъ, что синѣли, какъ марево, на самомъ краю горизонта. На дорогѣ рѣзко и отрывисто перезванивалъ колокольчикъ обратной тройки и слышны были грубые дѣловитые голоса богомольцевъ.

— Рано вышедши! — замѣтилъ Ивановъ.

Санинъ бодро и весело смотрѣлъ вокругъ.

— Подождемъ, сказалъ онъ.

Они сѣли подъ плетнемъ, прямо на песокъ и съ наслажденіемъ, закурили.

Шедшіе за возами въ городъ мужики оглядывались на нихъ; бабы и дѣвки, трясъяся въ пустыхъ телѣгахъ, чего-то смѣялись и показывали на нихъ другъ другу насмѣшливо веселыми глазами. Ивановъ не обращалъ на нихъ вниманія, а Санинъ пересмѣивался съ ними и вся дорога ожила звонкимъ женскимъ смѣхомъ.

Начинало парить.

Наконецъ, на крыльцѣ винной монополіи, небольшого бѣлаго дома съ яркой зеленой крышей, вышелъ сидѣлецъ, высокій человѣкъ въ жилеткѣ. Зѣвая и гремя замками, онъ отперъ дверь. Баба въ красномъ платкѣ юркнула за нимъ.

— Путь указанъ! — провозгласилъ Ивановъ: — идемъ, что ль!

Они пошли и купили водки, а у той же бабы въ красномъ платкѣ свѣжихъ зеленыхъ огурцовъ.

Э, да ты, другъ, богатый человѣкъ! — замѣтилъ Ивановъ, — когда Санинъ досталъ кошелекъ.

— Авансъ! — засмѣялся Санинъ: — къ великому стыду своей маменьки, нанялся писемоводителемъ къ страховому агенту... и капиталъ и материнскую обиду приобрѣлъ сразу...

— Ну, теперь не въ примѣръ способнѣе! — сказалъ Ивановъ, — когда они опять вышли на дорогу.

— Да-а... А что если еще и сапоги снять?

— Вали!

Они оба разулись и пошли босикомъ. Ноги глубоко уходили въ теплый мягкій песокъ и пріятно разминались послѣ узкихъ тяжелыхъ сапогъ. Теплый песокъ пересыпался между пальцами и не теръ, а нѣжилъ ногу,

— Хорошо, сказалъ Санинъ съ наслажденіемъ.

Солнце парило все сильнѣе и сильнѣе. Они вышли изъ города и пошли вдоль дороги. Даль курилась и таяла, голубая и прозрачная. На столбахъ, пересѣкшихъ дорогу, гудѣлъ телеграфъ, и на тонкой проволоцѣ чинно сидѣли ласточки. Мимо, по насыпи, промчался, убавляя ходу, пассажирскій поѣздъ, съ синими, желтыми и зелеными вагонамъ. Въ окнахъ и на площадкахъ виднѣлись заспанные, помятые лица. Они смотрѣли и исчезали. На самой задней площадкѣ стояли двѣ дѣвушки, въ свѣтлыхъ шляпкахъ, съ молодыми, свѣжими отъ утренняго воздуха, заборными лицами. Они упорно и съ удивленіемъ проводили глазами веселыхъ босыхъ мужчинъ. Санинъ смѣялся имъ и приплясывалъ по песку, высоко блестя голыми пятками. Потомъ потянулся лугъ, гдѣ трава была густая и влажная и по ней тоже было пріятно и весело идти босыми ногами.

— Благодать! — сказалъ Ивановъ.

— Умирать не надо, — согласился Санинъ.

Ивановъ искоса поглядѣлъ на него: ему почему то показалось, что при этомъ Санинъ долженъ вспомнить Зарудина, хотя уже прошло много времени со дня его похоронъ. Но Санинъ, очевидно, никого, не вспомнилъ, и это было странно, но нравилось Иванову.

За лугомъ опять пошла дорога, съ тѣми же возами, мужиками и смѣющимися бабами. Потомъ показались деревья, осока, и стала видна блестящая подъ солнцемъ вода и монастырская гора, на которой золотой звѣздой блестѣлъ крестъ.

На берегу стояли разноцвѣтныя лодки, и сидѣли, въ жилетахъ и цвѣтныхъ рубахахъ, мужики, у которыхъ Санинъ и Ивановъ взяли лодку, послѣ долгаго, веселаго и шутливаго торга.

Ивановъ сѣлъ на весла, Санинъ взялъ руль, и лодка быстро и легко поплыла вдоль берега, мелкая въ тѣни и свѣтѣ, и оставляя за собой узенькія и плавныя полосы серебристой волны. Ивановъ гребъ быстро и хорошо, частыми ровными ударами, отъ которыхъ лодка вздрагивала и приподымалась, какъ живая. Иногда весла съ шорохомъ задѣвали за вѣтки, и онѣ долго и задумчиво колыхались надъ темной прибережной глубиной. Санинъ, съ удовольствіемъ сильно налегая на рулевое весло, такъ что вода съ радостнымъ шумомъ забурила и запѣнилась, круто поворотилъ лодку въ узкій проходъ между нависшими кустами, гдѣ было глубоко, сыро, прохладно и темно. Вода была тутъ чистая-пречистая, и видны были въ ней на сажень желтые камушки и красноперыя быстрыя рыбки, стайками снующія туда и сюда.

— Самое подходящее мѣсто, — сказалъ Ивановъ и голось его весело отдался подъ темными вѣтками.

Лодка съ тихимъ скрипомъ пристала къ густой травѣ берега, съ котораго вспорхнула какая-то беззвучная птичка, и Ивановъ выскочилъ на берегъ.

— На землѣ весь родъ людской!... запѣлъ онъ могучимъ басомъ, отъ котораго всколыхнулся и загудѣлъ воздухъ.

Санинъ смѣясь, выскочилъ за нимъ и быстро, по колѣно утопая въ сочной, жирной травѣ, взбѣжалъ на высокій берегъ.

— Лучше не найти! — закричалъ онъ.

— И искать не надо: подъ солнцемъ вездѣ хорошо...
— отвѣтилъ Ивановъ снизу и сталъ вытаскивать изъ лодки водку, огурцы, хлѣбъ и узелокъ съ закуской.

Все онъ перенесъ на мягкій бугорокъ подъ стволомъ большого дерева и разложилъ на травѣ.

— Лукуллѣ обѣдаетъ у Лукулла, — сказалъ онъ.

— И онъ счастливъ, — закончилъ Санинъ.

— Не совсѣмъ, — возразилъ Ивановъ съ шутливымъ огорченіемъ: — рюмку забыли.

— Тѣфу, — весело сказалъ Санинъ. — Ну, ничего, мы сдѣлаемъ...

И ровно ни о чемъ не думая, а только наслаждаясь свѣтомъ, тепломъ, зеленью и своими быстрыми ловкими движеніями, онъ полѣзъ на дерево и, выбравъ еще зеленую незакоренѣлую вѣтку, сталъ вырѣзывать ее ножомъ. Мягкое сочное дерево легко поддавалось усиліямъ, и маленькія бѣлыя пахучія стружки и кусочки сыпались на зеленую траву. Ивановъ, поднявъ голову, смотрѣлъ на него и отъ такого положенія ему было такъ легко и славно дышать, что онъ все время радостно улыбался.

Вѣтка хрустнула и мягко свалилась на траву. Санинъ спрыгнулъ съ дерева и сталъ долбить изъ вѣтки стаканчикъ, стараясь не попортить коры. Стаканчикъ выходилъ ровный и красивый.

— Я, братъ, думаю выкупаться опосля, — сказалъ Ивановъ, внимательно глядя на его работу.

-- Дѣло хорошее, — весело согласился Санинъ, ковырнулъ ножомъ и подбросилъ готовый стаканчикъ на воздухъ.

Они сѣли на траву и стали съ аппетитомъ пить водку и ѣсть зеленые, пахучіе и сочные огурцы.

Былъ уже полдень. Солнце стояло высоко и было жарко вездѣ, даже въ тѣни.

— Не могу! — сказалъ Ивановъ. — Душа просить!

Онъ не умѣлъ плавать и быстро раздѣвшись влѣзъ въ воду на самомъ мелкомъ и прозрачномъ мѣстѣ, гдѣ ясно было видно свѣтложелтое ровное песчаное дно.

— Ухъ, ладно, — говорилъ онъ, подпрыгивая и далеко разбрасывая блестящіе брызги.

Санинъ, не торопясь и глядя на него, раздѣлся и бѣгомъ вбѣжалъ въ воду, подпрыгнулъ, ухнулъ и поплылъ черезъ рѣку.

— Утонешь, — кричалъ Ивановъ...

— Не утону, — весело фыркая и смѣясь, отозвался Санинъ...

Ихъ веселые голоса далеко и радостно разносились по свѣтлой рѣкѣ и зеленому лугу.

Потомъ они вылѣзли и валялись голые въ мягкой свѣжей травѣ.

— Славно!.. — говорилъ Ивановъ, поворачивая къ солнцу свою широкую спину съ блестящими на ней мелкими капельками воды. — Построимъ здѣсь двѣ кущи...

— А, ну ихъ къ чорту! весело закричалъ Санинъ! — и безъ кущи славно, кущи то всякіе давно надоѣли!

— Ухъ, — а! Трыкъ-брыкъ! — закричалъ Ивановъ, выдѣлывая какія-то дикія и веселыя па.

Санинъ, хохоча во все горло, сталъ противъ него и принялся выдѣлывать то же самое.

Голыя тѣла ихъ блестяли на солнцѣ, и мускулы быстро и сильно двигались подъ натянутой кожей.

— Ухъ! — запыхался Ивановъ.

Санинъ еще потанцовалъ одинъ, потомъ перекувыркнулся черезъ голову.

— Иди, а то всю водку выпью, — крикнулъ ему Ивановъ.

Одѣвшись, они доѣли огурцы и допили водку. — Теперь бы пивка холодного... ха-арошо! — мечтательно сказалъ Ивановъ.

— Поѣдемъ.

— Валяй.

Они на перегонки сбѣжали съ берега къ лодкѣ и быстро поплыли.

— Парить, сказалъ Санинъ, счастливо жмурясь на солнцѣ и разваливаясь на днѣ лодки.

— Будетъ дождь, — отозвался Ивановъ, — правъ же... чортъ!..

— Догребешь и самъ, — возразилъ Санинъ.

Ивановъ брызнулъ на него весломъ и свѣтлыя прозрачныя брызги, насквозь пронизанныя солнцемъ, каскадомъ разлетѣлись вокругъ.

— И за то спасибо, — сказалъ Санинъ.

Когда они проѣзжали мимо одного изъ зеленыхъ острововъ, слышались веселые взвиги, плескъ и звонкій радост-

ный женскій смѣхъ. День былъ праздничный и изъ города много народа понаѣхало гулять и купаться.

— Дѣвицы купаются, — сказалъ Ивановъ.

— Пойдемъ посмотримъ, — сказалъ Санинъ.

— Увидятъ.

— Нѣтъ, мы тутъ пристанемъ и пойдемъ до осоки...

— А, ну ихъ, — слегка покраснѣвъ сказалъ Ивановъ.

— Пойдемъ.

— Да соромно, — шутливо пожалъ плечами Ивановъ.

— Чего?

— Да... оно-жъ дѣвицы. Нехорошо...

— Дурень ты, — сказалъ Санинъ смѣясь: — вѣдь ты бы съ удовольствіемъ посмотрѣлъ.

— Да ежели дѣвица и того... то кому же оно...

— Ну, такъ и пойдемъ...

— Да оставь...

— Тѣфу! — сказалъ Санинъ: — нѣтъ ни одного мужчины, который бы не хотѣлъ видѣть красивую голую женщину... и даже такого нѣтъ, который хотъ разъ бы въ жизни, хотъ мелькомъ бы не посмотрѣлъ, а...

— Оно такъ, — согласился Ивановъ, а все-таки... ты бъ ужъ, если такъ разсуждаешь, и шелъ бы прямо, а то прячешься!

— Такъ прелести, другъ, больше — весело сказалъ Санинъ.

— Оно, конечно, весьма это пріятственно... А ты сдерживайся...

— Ради цѣломудрія?

— А хотя бы...

— Да не хотя бы, а больше, вѣдь не для чего!

— Ну, пусть.

— Ну... Да вѣдь въ тебѣ и во мнѣ этого цѣломудрія нѣтъ...

— Если око тебя соблазняетъ, вырви его, — сказалъ Ивановъ.

— Не городи глупостей, какъ Сварожичъ, — засмѣялся Санинъ: Богъ далъ тебѣ око, зачѣмъ же его рвать.

Ивановъ, улыбаясь, пожалъ плечами.

— Такъ то братъ, — направляя къ берегу лодку сказалъ Санинъ: — вотъ если бы тебѣ при видѣ голыя женщины и желанія никакого не появлялось, ну, тогда былъ бы ты цѣломудренный человѣкъ... И я бы первый твое-

му цѣломудрію удивлялся бы, хотя бы и не подражалъ и, весьма возможно, свезъ бы тебя въ больницу... А если все это внутри у тебя есть и наружу рвется, а ты его только сдерживаешь, какъ собаку на дворѣ, такъ цѣна твоему цѣломудрію — грошъ!

— Оно точно, только ежели же не сдерживаться... то иной человѣкъ можетъ бѣдъ натворить!..

— Какихъ бѣдъ? Если сладострастіе и ведетъ иногда къ бѣдѣ, такъ не оно, само по себѣ, въ этомъ виновато...

— Оно положимъ... ты не изъясняй!

— Ну, такъ идемъ?..

— Да я развѣ что...

Дурень ты, вотъ что... Иди тише! — улыбаясь сказалъ Санинъ.

Они почти ползкомъ проползли по душистой травѣ, тихо раздвигая звенящую осоку.

— Гляди, братъ! восторженно сказалъ Ивановъ.

Купались какія то барышни, судя по цвѣтнымъ кофточкамъ, юбкамъ и шляпкамъ, ярко пестрѣвшимъ на травѣ. Однѣ были въ водѣ, брызгались, плескались и смѣялись, и вода мягко обливала ихъ круглыя нѣжныя плечи, руки и груди. Одна высокая, стройная, вся пронизанная солнцемъ, отъ котораго казалась прозрачной, розовая и нѣжная, во весь ростъ стояла на берегу и смѣялась, и отъ смѣха весело дрожали ея розовый животъ и высокія дѣвичьи крѣпкія груди,

— О, братъ! — сказалъ Санинъ, съ серьезнымъ восторгомъ.

Ивановъ съ испугомъ полѣзъ назадъ.

— Чего ты?

— Тише... это Карсавина!

— Развѣ? А я даже не узналъ... Какая же она прелестная! громко сказалъ Санинъ.

— Н-да, — широко и жадно улыбаясь, сказалъ Ивановъ.

Въ это время ихъ услышали и, должно быть, увидѣли. Раздался крикъ и смѣхъ, и Карсавина, испуганная, стройная и гибкая, бросилась имъ навстрѣчу и быстро погрузилась въ прозрачную воду, надъ которой осталось только ея розовое съ блестящими глазами лицо.

Санинъ и Ивановъ, торопясь и путаясь въ осоку, счастливые и возбужденные побѣжали назадъ.

— А-ахъ... хорошо жить на свѣтѣ! — сказалъ Санинъ, широко потягиваясь, и громко зашѣлъ:

Изъ-за острова на стережень
На просторъ рѣчной волны...

Изъ-за зеленыхъ деревьевъ еще долго слышался торопливый, смущенный и радостный смѣхъ женщинъ, которымъ было стыдно и интересно.

— Будетъ гроза, — сказалъ Ивановъ, посмотрѣвъ вверхъ, когда они вернулись къ лодкѣ.

Деревья уже потемнѣли, и тѣнь быстро поплыла по зеленому лугу.

— Тю-тю, братъ... — бѣги!

— Куда? Не убѣжишь, — весело прокричалъ Санинъ.

Туча тихо и безъ вѣтра подходила ближе и ближе и уже сдѣлалась свинцовой. Все притихло и стало пахуче и темнѣе.

— Вымочить на славу, — сказалъ Ивановъ. Дай закурить съ горя.

Слабый огонекъ загорѣлся, и было что то странное въ его слабомъ желтомъ свѣтѣ подъ свинцовой мглой, надвигавшейся сверху. Порывъ вѣтра неожиданно рванулъ, закрутился и зашумѣлъ, сорвавъ огонекъ. Крупная капля разбилась о лодку, другая шлепнулась на лобъ Санину: и вдругъ защелкало по листьямъ и зашумѣло по водѣ. Все сразу потемнѣло, и дождь хлынулъ, какъ изъ ведра, покрывъ всѣ звуки своимъ чуднымъ водянымъ звукомъ.

— И это хорошо, — сказалъ Санинъ, поводя плечами, на которыхъ сразу облипла мокрая рубаха.

— Недурно, — отвѣтилъ Ивановъ, но сидѣлъ, какъ мокрый сычъ.

Туча не рѣдѣла, но дождь такъ же быстро ослабѣлъ и уже неровно кропилъ мокрую зелень, людей и воду, по которой прыгали стальные гвоздики. Въ воздухѣ было мрачно, и гдѣ то за лѣсомъ блестѣла молнія.

— Ну что жъ... домой, что ли? — сказалъ Ивановъ.

— Все равно, можно и домой.

Они выѣхали на широкую, темную воду, надъ которой низко и тяжело клубилась тяжелая туча. Молніи сверкали все чаще и отсюда были видны ихъ грозныя огни, прорывавшія черное небо. Дождь совсѣмъ пересталъ, и въ воздухѣ стало сухо и тревожно пахнуть грозой. Какія то

черныя и встрепаппыя птицы торопливо пролетѣли низко надъ самой водой. Деревья стояли темныя и неподвижныя, четко вырѣзываясь на свинцовомъ небѣ.

— Ухъ -ухъ, — сказалъ Ивановъ.

Когда они шли по песку, плотно убитому дождемъ, все затемнѣло и притихло.

— Ну, сейчасъ и хватить же!

Туча клубилась все ниже и ниже, опускаясь на землю зловѣщимъ бѣловатымъ брюхомъ.

И вдругъ опять съ новой силой рванулъ вѣтеръ, закружилъ пыль и листья, и все небо разодралось пополамъ съ страшнымъ трескомъ, блескомъ и грохотомъ.

— Ого-го-го! — закричалъ Санинъ, стараясь перекрычать потрясающій гулъ, наполнившій все вокругъ. Но голосъ его не былъ слышенъ даже самому.

Когда вышли въ поле, уже стало совершенно темно. Только, когда сверкала молнія, изъ тьмы вырывались ихъ, пагающія по гладкому песку, рѣзкія темныя фигуры. Все гремѣло и грохотало.

— О... а... о...! — закричалъ Санинъ.

— Что? — изо всѣхъ силъ крикнулъ Ивановъ.

Молнія засверкала, и онъ увидѣлъ счастливое, съ блестящими глазами, лицо.

Ивановъ не разслышалъ. Онъ немного боялся грозы.

Когда опять сверкнула молнія, всѣмъ существомъ ощущая жизнь и силу. Санинъ раскинулъ руки и во все горло долго и протяжно и счастливо закричалъ, навстрѣчу грому, съ гуломъ и грохотомъ перекатывающемуся по небу изъ конца въ конецъ могучаго простора.

XXXVI.

Солнце свѣтило ярко, какъ весной, но уже было что то осеннее въ неуловимой кроткой тишинѣ прозрачно стоявшей между деревьями, то тутъ, то тамъ тронутыми желтыми умирающими красками. И въ этой тишинѣ, прозрачно стоявшей, одинокіе птичьи голоса звучали разрозненно, и гулко разносилось торопливое жужжаніе большихъ насѣкомыхъ, зловѣще носившихся надъ своимъ погибающимъ царствомъ, гдѣ травъ и цвѣтовъ уже не было, а бурьяны выросли высоко и дико.

Юрій медленно бродилъ по дорожкамъ сада и большими

глазами, остановившимися въ глубокой думѣ, такъ смотрѣлъ вокругъ — на небо, на желтые и зеленые листья, на тихія дорожки и стеклянную воду — точно видѣлъ все это въ послѣдній разъ и старался запомнить, вобрать въ себя такъ, чтобы уже никогда не забыть.

Печаль мягко крыла сердце, и причины ея были смутны. Все чудилось, будто съ каждымъ мигомъ все дальше уходитъ нѣчто драгоценное, что могло быть, но не было и не будетъ никогда. И больно чувствовалось, что по собственной винѣ.

Не то это была молодость и ея молодое счастье, котораго онъ не взялъ, а оно не повторится; не то огромная завѣтная дѣятельность прошедшая почему то мимо него, хотя одно время онъ и стоялъ у самаго центра ея. Какъ это случилось, Юрій не могъ понять. Онъ былъ убѣжденъ, что въ глубинѣ его природы таятся силы, пригодныя для сломки цѣлыхъ скалъ міровыхъ, и умъ, охватывающій горизонты шире, чѣмъ у кого либо на свѣтѣ. Откуда явилась такая увѣренность, Юрій не могъ сказать и постыдился бы громко заявить о ней кому бы то ни было, хотя бы и самому близкому человѣку. Но увѣренность была, и тогда даже, когда онъ ясно чувствовалъ, что скоро устаетъ, что многого не смѣетъ и можетъ только раздумывать надъ жизнью, стоя въ сторонѣ.

— Ну, чтожъ... — думалъ Юрій, печально глядя на воду, въ которой зеркально стояли опрокинутые берега, убранные желтымъ и краснымъ кружевомъ.

— Быть можетъ, это и есть самое лучшее, самое умное!

Заманчиво красивымъ показался ему образъ человѣка, полнаго ума и чуткости, раздумчиво стоящаго въ сторонѣ отъ жизни, съ иронической грустной улыбкой слѣдя безмысленную суету обреченныхъ на смерть. Но было въ этомъ что то пустое; въ глубинѣ души хотѣлось, что бы кто нибудь видѣлъ и понималъ, какъ красивъ Юрій въ этой позѣ, стоящаго надъ жизнью, и скоро Юрій поймалъ себя на самоутѣшеніи и съ горькимъ чувствомъ устыдился.

Тогда, чтобы избавиться отъ тяжелаго сознанія, Юрій въ тысячу первый разъ сталъ говорить себѣ, что какова бы то ни была жизнь и кто бы то ни былъ виноватъ въ ея ошибкахъ, въ концѣ концовъ весь ея громоздкій и какъ будто грандіозный потокъ скромно и глупо уходитъ въ черную дыру смерти, а тамъ уже нѣтъ оцѣнки, какъ и почему жилъ человѣкъ.

— Не все ли равно, умру ли я народнымъ трибуномъ, величайшимъ ученымъ, глубочайшимъ писателемъ, или просто

праздношатающимся, тоскующимъ русскимъ интеллигентомъ! Все ерунда! — тяжело подумалъ Юрій и повернулъ къ дому.

Ему стало ужъ черезчуръ тоскливо въ прозрачной тишинѣ золотого дня, гдѣ отчетливѣ слышались даже собственные мысли и слишкомъ чувствовалось медленное, но вѣрное отшествіе прошлаго.

— Вонъ, Ляля бѣжитъ, — подумалъ Юрій, увидѣвъ что то розовое и веселое, шаля мелькавшее за зелеными и желтыми кустами. — Счастливая Лялька! Живетъ, какъ бабочка, сегодняшнимъ днемъ, ничего ей не надо... Ахъ, если бы я могъ такъ жить!

Но эта мысль была только на поверхности: его умъ, его тоска, его мученія и раздумія, отъ которыхъ онъ такъ болѣзненно страдалъ, казались Юрію необычайной рѣдкостью и драгоценностью, помѣняться которою на мотыльковую жизнь Ляли было бы невозможно.

— Юра, Юра! — звонко-пѣвучимъ голосомъ крикнула Ляля, хотя была уже въ трехъ шагахъ, и вся разцвѣтая улыбкай шаловливаго заговорщика, молча подала ему узкій розовый конвертъ.

— Отъ кого? — что то почуявъ, недоброжелательно спросилъ Юрій.

— Отъ Зиночки Карсавиной, — торжественно и вмѣстѣ съ тѣмъ таинственно провозгласила Ляля и тутъ же погрозила ему пальцемъ.

Юрій страшно покраснѣлъ. Ему показалось, что въ этомъ передаваніи записокъ черезъ сестру, въ розовомъ конвертѣ и запахѣ духовъ, что то пошлое, и самъ онъ, счастливый адресатъ, въ достаточной мѣрѣ смѣшонъ. Онъ вдругъ сразу съежился и какъ будто выставилъ во всѣ стороны колючія перья. А Ляля, идя съ нимъ рядомъ, съ той особой восторженностью, съ которой сантиментальныя сестры принимаютъ участіе въ свадьбахъ любимыхъ братьевъ, начала щебетать о томъ, что она очень любитъ Карсавину и очень рада и еще больше будетъ счастлива, когда они поженятся.

Несчастное слово «поженятся», густой краской и злымъ выраженіемъ глазъ отразилось на Юріи. Провинціальныи романъ, съ розовенькими записочками, сестрами — повѣренными, съ законнымъ бракомъ, хозяйствомъ, супругой и дѣтишками, всталъ передъ нимъ именно въ той пошлой, тряпично пуховой сыропности, которой онъ боялся больше всего на свѣтѣ.

— Ахъ, оставь пожалуйста... что за глупости! — почти съ ненавистью отмахнулся онъ отъ Ляли, и вышло это такъ грубо, что Ляля обидѣлась.

— Чего ты ломаешься... ну, влюбленъ и влюбленъ, что жъ тутъ такого! — надувъ губы, сказала она и съ безсознательной женской мстительностью, попадая въ самое большое мѣсто, прибавила: — не понимаю, чего ради вы всѣ изъ себя необыкновенныхъ героевъ корчите!

Она махнула розовымъ хвостомъ, пренебрежительно показала ажурные чулочки и ушла въ домъ, какъ оскорбленная принцесса.

Юрій злобно проводилъ ее черными, жесткими глазами, еще больше покраснѣлъ и разорвалъ конвертъ.

« Юрій Николаевичъ, — если можете и хотите, приходите сегодня въ монастырь. Я буду тамъ съ тетей. Она говѣетъ и не выходитъ изъ церкви. А мнѣ скучно, и о многомъ хотѣлось бы съ вами поговорить. Приходите. Это, можетъ быть, очень дурно, что я вамъ пишу, но вы все таки приходите».

Забывъ обо всемъ, о чемъ онъ думалъ, Юрій въ странномъ волненіи какой то физической радости прочелъ эту приписку. Въ одной коротенькой фразѣ вдругъ необыкновенно ярко почувствовалась молоденькая, чистая дѣвушка, довѣрчиво и наивно открывающая свою любовную тайну. Какъ будто она уже пришла, безсильная, боязливая, любящая, и уже не можетъ бороться, ничего не знаетъ, что будетъ, и отдается вся въ его руки. Неожиданная близость конца захватывающимъ трепетомъ истомно наполнила все тѣло Юрія. Такъ близко и уже неизбежно почувствовалъ онъ своими женскую молодость, въ первый разъ обнаженное, еще стыдливое и чистое тѣло, запахъ женскихъ волосъ, испуганные и счастливые глаза, въ свѣтлыхъ, какъ росинки, слезахъ.

Онъ попытался иронически улыбнуться, но ничего не вышло, все потонуло въ такомъ взмахѣ жаднаго счастья, что Юрію показалось, будто онъ какъ птица взлетѣлъ надъ верхушками сада въ голубой, напоенный солнцемъ просторъ.

И весь день сердце его было свѣтло, а въ тѣлѣ чувствовалъ онъ столько силы, что каждое движеніе доставляло ему свѣжее и полное наслажденіе.

Передъ вечеромъ онъ взялъ извозчика, что бы не идти по песку, и поѣхалъ въ монастырь, безсознательно конфузясь всего міра и улыбаясь ему же.

На пристани онъ перешелъ въ лодку, и здоровый потный мужикъ быстро повезъ его къ горѣ.

Юрій все не могъ понять, что собственно онъ переживаетъ, и только, когда лодка вышла изъ путаницы узкихъ проливовъ на широкую воду и она, мягко дыша въ лицо влажнымъ запахомъ глубины, вдругъ развернулася передъ нимъ, Юрій сознательно понялъ, что счастливъ, и что счастье принесъ ему наивный розовый конвертъ.

— Что... не все-ли равно, въ сущности говоря... — счелъ нужнымъ успокоить себя Юрій:—она жила въ такомъ міркѣ... Убѣднѣй романъ? Ну и пусть романъ!..

Ритмически журча и облизывая края лодки, бѣжала мимсѣ всѣмъ, и зеленая гора, со своимъ особымъ дыханіемъ, полнымъ сумрака и сырости лѣса, быстро выросла навстрѣчу. Зашуршала песокъ, буйно зашумѣла набѣжавшая за лодкой волна и отхлынула назадъ. Юрій вылѣзъ изъ лодки, конфузясь далѣ лодочнику полтинникъ и побрелъ на верхъ.

Уже шелъ по лѣсу тихій вечеръ, и тѣни его ложились далеко подъ гору. Отъ земли подымалась задумчивая сырость, желтыя листья скрадывались сумракомъ и лѣсъ казался опять лѣтнимъ, зеленымъ и густымъ. Наверху, въ монастырской оградѣ, было чисто и тихо, какъ въ церкви. Тополи стояли ровно и строго, точно на молитвѣ, и между ними неслышными вечерними тѣнями ходили длинные черные монахи. Въ темной впадинѣ церковныхъ дверей мерцали молитвенные огоньки. Неуловимо тонкій запахъ свисался вокругъ и нельзя было разобрать: пахнетъ-ли это давнимъ ладаномъ или уводящими листьями тополей.

— А, здравствуйте, Сварожичъ! — заоралъ кто-то сзади.

Юрій быстро оглянулся и увидѣлъ Шафрова, Санина, Иванова и Петра Ильича. Они шли черезъ дворъ темной и шумной гурьбой. Черные монахи спокойно оглядывались на нихъ, и даже тополи какъ будто потеряли свою молитвенную неподвижность, смущенные внезапнымъ шумомъ и движеніемъ.

— А мы тутъ того! — сказалъ Шафровъ, подходя къ Юрію, передъ которымъ онъ благоговѣлъ, и дружелюбно заглядывая ему въ глаза своими круглыми очками.

— Дѣло хорошее, — принужденно пробормоталъ Юрій.

— Можетъ и вы съ нами? — подходя еще ближе, просительно сказалъ Шафровъ.

— Нѣтъ, спасибо, право.... Я тутъ не одинъ, — отказался Юрій, нетерпѣливо отодвигаясь.

— Ну, чего тамъ! — возразилъ Ивановъ, съ грубоватымъ добродушіемъ хватая его подъ руку. — Идемъ!

Юрій недружелюбно уперся, и они немножко смѣшно потягивали другъ друга въ разныя стороны.

— Нѣтъ, ей Богу, не могу!... Потомъ я, можетъ быть, зайду... — все принужденнѣе повторялъ Юрій, которому показалось, что это амикошонское тяганіе совершенно неумѣстно и унизительно для него.

— Ну, ладно... — ничего не замѣтивъ, выпустилъ его Ивановъ. — Такъ мы васъ будемъ ждать.... Заходите!

— Хорошо, хорошо...

Они ушли изъ ограды, смѣясь и размахивая руками, и опять стало благоговѣйно, тихо, какъ на молитвѣ. Юрій снялъ фуражку и съ смѣшаннымъ чувствомъ насмѣшки и робости вошелъ въ церковь.

Сейчасъ же, какъ только онъ обогнулъ одну изъ темныхъ колоннъ, Юрій въ сумракѣ увидѣлъ Карсавину, въ ея сѣрой кофточкѣ и круглой соломенной шляпкѣ, придававшей ей видъ гимназистки. Сердце вздрогнуло въ немъ, и эта дрожь была похожа и на испугъ птицы, и на дрожь кошки передъ прыжкомъ. Все въ ней показалось ему какъ-то вкусно-милымъ, — и ея кофточка, и шляпа, и черные волосы жгутомъ свитые на затылкѣ, надъ бѣлой шеей, и видъ гимназистки, трогательно обаятельный въ такой высокой, полной, взрослой дѣвушкѣ.

Она почувствовала Юрія, оглянулась, и ея темныя глаза, оставаясь скромно серьезными, въ глубинѣ отразили испуганную радость.

— Здравствуйте, — сказалъ онъ, понижая голосъ, но все-таки слишкомъ громко, и не зная, можно-ли здѣсь подать руку или нельзя.

Ближнія богомолки оглянулись на нихъ, и Юрій смутился ихъ черныхъ пергаментныхъ лицъ. Онъ покраснѣлъ, а Карсавина, какъ будто угадывая это смущеніе и съ материнскимъ чувствомъ приходя на помощь, чуть-чуть улыбнулась и нѣжно погрозила влюбленными глазами. Юрій блаженно улыбнулся и замеръ.

Карсавина не смотрѣла на него и часто крестилась, но Юрій все время «зналъ», что она чувствуетъ только его присутствіе, и это образовывало между ними тайную тягучую

связь, отъ которой билось и замирало сердце, и все вокругъ казалось таинственнымъ и чуднымъ.

Темное лицо церкви — съ ея странными, поющими и читающими голосами, мерцающими, какъ ночники, огоньками, тяжелыми вздохами и одинокими гулками шагами у входа — смотрѣло на Юрія важными, строгими глазами, и среди этой темной и строгой тишины онъ отчетливо слышалъ свое маленькое, легко и бодро бьющееся сердце.

Онъ стоялъ тихо, смотрѣлъ на бѣлую шею подъ черными волосами, на мягкій изгибъ тали, чувствующейся подъ сѣрой кофточкой, и порой ему становилось такъ хорошо, что сердце умилялось. И тогда ему хотѣлось стоять такъ, чтобы всѣ видѣли, что хотя онъ и не вѣритъ здѣсь ничему — ни пѣнію, ни чтенію, ни огонькамъ — но и не питаетъ къ нимъ ничего, кромѣ добродушнаго дружелюбія. И Юрій самъ отмѣтилъ свое настроеніе, столь не похожее на ту тоскливую злобу, которая была утормъ.

— Такъ, значитъ, можно быть счастливымъ? — внутренне улыбаясь, спросилъ онъ и сейчасъ же серьезно отвѣтилъ: — конечно!.. Все, что я думалъ о смерти, о безмысленности жизни, объ отсутствіи разумной цѣли и прочее, все это дѣйствительно совершенно правильно и разумно, но все-таки счастливымъ быть можно.... И я счастливъ, и именно благодаря этой удивительной дѣвушкѣ, которую я еще такъ недавно совсѣмъ не зналъ...

Юрію пришла въ голову забавная мысль о томъ, что когда-то, когда они были маленькими, смѣшными мальчикомъ и дѣвочкой, они могли гдѣ-нибудь встрѣчаться, смотрѣли другъ на друга и расходились, не подозревая, что составятъ другъ для друга самое дорогое на свѣтѣ, будутъ любить другъ друга, и она для него будетъ раздѣваться голой...

Послѣдняя мысль пришла въ голову какъ-то неожиданно и Юрію стало такъ стыдно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и хорошо, что онъ покраснѣлъ до корней волосъ и долго боялся сморѣть на нее.

А она, уже обнажаемая мысленно, стояла впереди, милая и чистая въ своей сѣрой кофточкѣ и круглой шляпкѣ, и молилась безъ словъ, чтобы онъ любилъ ее такъ нѣжно и страстно, какъ она его.

Должно быть, что-то очищающее передавалось отъ нея къ нему, потому что безстыдные мысли куда-то ушли, и въ душѣ Юрія стало тихо и чисто.

И слезы умиленія и любви тепло выступили на глазах Юрія. Онъ поднялъ ихъ вверхъ, увидѣлъ золото иконостаса, искорками поблескивающее отъ свѣчныхъ огоньковъ, а еще выше — двѣ перекладины креста, и съ давно забытымъ чувствомъ и непривычнымъ напряженіемъ мысленно крикнуть:

— Господи, если Ты есть, дай, чтобы эта дѣвушка любила меня и я всегда любилъ ее такъ же, какъ сейчасъ!

Ему стало немножко стыдно своего порыва, но на этотъ разъ онъ только снисходительно улыбнулся надъ собой.

— Это вѣдь только... такъ! — подумалъ онъ.

— Пойдемте, — тихо, почти шопотомъ, похожимъ на вздохъ, позвала его Карсавина.

Они чинно вышли на паперть съ тишиной въ душѣ, точно унося съ собой всѣ эти тихо поющіе и громко читающіе голоса, вздохи и мерцанія огоньковъ; рядомъ прошли ограду и черезъ старую калитку вышли на обрывъ горы. Здѣсь никого не было, и старая бѣлая стѣна, съ облупившимися башенками, отдѣлила ихъ отъ всѣхъ людей. У ногъ ихъ, по обрыву, кудрявились верхушки дубовъ, а далеко внизу блестя ровная, какъ стекло, рѣка и уходила вдаль, за темный горизонтъ, зеленые луга и поля.

Они молча дошли до самаго края обрыва и остановились, не зная, что имъ дѣлать. Чего то они боялись и не смѣли. И, казалось, никогда бы у нихъ не хватило силы сказать и сдѣлать, но Карсавина подняла голову и какъ то совсѣмъ неожиданно и просто вышло такъ, что губы ея встрѣтили губы Юрія. Карсавина вся поблѣднѣла, забилась и замерла, а Юрій молча обнялъ ее, въ первый разъ почувствовавъ въ своей рукѣ теплое, гибкое тѣло. Тихо стало кругомъ и имъ показалось, что весь міръ замеръ въ торжественной и напряженной тишинѣ.

Должно быть въ ухахъ зазвенѣло, но Юрію показалось, что невидимый и неслышимый колоколъ властно ударилъ часъ встрѣчи.

Потомъ она вырвалась, улыбнулась и побѣжала назадъ.

— Тетя хватится меня... подождите... я прійду...

Никогда послѣ Юрій не могъ вспомнить, крикнула ли она эти слова звонкимъ, отозвавшимся въ темномъ лѣсу, голосомъ или теплый вечерній вѣтеръ донесъ къ нему прерывистый скользящій шопотъ.

Онъ сѣлъ на траву и провелъ рукой по волосамъ.

— Какъ это все глупо и хорошо! — блаженно улыбаясь, подумалъ онъ и, закрывъ глаза, пожалъ плечами, какъ будто отвергая въ эту минуту всѣ свои прежнія мысли, сомнѣнія и страданія.

Карсавина забѣжала за калитку и остановилась. Сердце у нея билось, и лицо горѣло. Она крѣпко прижала рукой подъ волнующейся лѣвой грудью и на минуту прислонилась къ стѣнѣ.

Потомъ открыла глаза, загадочно повела ими вокругъ, легко вздохнувъ, подобрала черную юбку и быстрыми молодыми ногами побѣжала по дорожкѣ къ гостиницѣ, еще издали звонко крикнувъ старенькой темненькой теткѣ, сидѣвшей на крылечкѣ въ ожиданіи:

— Иду, тетя, иду!

XXXVII.

Сначала потемнѣла даль, потомъ потускнѣла въ туманѣ рѣка, послышалось внизу, на зеленыхъ лугахъ, далекое ржаніе лошадей и засвѣтились луговые огоньки.

А Юрій все сидѣлъ на обрывѣ и ждалъ, машинально считая костры на лугахъ.

— Разъ, два, три... нѣтъ, вонъ еще... на самомъ горизонтѣ, чуть видно... Точно звѣздочка!.. А вѣдь тамъ теперь сидятъ большіе люди, мужики, выѣхавшіе въ ночное, варятъ картошку, говорятъ... Костеръ горитъ весело, вспыхиваетъ, потрескиваетъ и слышно, какъ лошади фыркаютъ... А отсюда со всѣмъ, какъ искорка... вотъ-вотъ потухнетъ!

Ему было трудно думать о чемъ бы то ни было, точно за звономъ торжествующаго счастья онъ не слышалъ собственныхъ мыслей. Онъ сидѣлъ очень долго, ощущалъ, какъ собирается въ его тѣлѣ упругость и сила, точно подготавлиаясь къ чему то, о чемъ нельзя было сознательно подумать. Онъ все еще ощущалъ свое первое прикосновеніе къ молодому, пока скрытому тонкой матеріей тѣлу и полураскрытымъ свѣжимъ губамъ и по временамъ, съ испугомъ, говорилъ себѣ:

— А она сейчасъ придетъ!

Сердце вздрагивало и замирало, а тѣло напрягалось, все больше и больше, становясь сильнымъ, свѣжимъ и смѣлымъ.

Такъ, полный однимъ ожиданіемъ, сидѣлъ онъ на обрывѣ, безсознательно вслушиваясь въ далекое ржаніе лошадей,

голоса гусей за рѣкой и еще тысячи неуловимыхъ звуковъ лѣса и вечера, странно дрожащихъ высоко надъ землею.

А когда услышалъ неровные, быстрые шаги и шорохъ платья, не оборачиваясь узнать, что это она, и весь задрожалъ, охваченный любовью, желаніемъ и испугомъ передъ роковымъ моментомъ.

Карсавина подошла и стала, и слышно было ея прерывистое дыханіе. И вдругъ, почувствовавъ радостную увѣренность, что сдѣлаетъ все, что нужно, Юрій сразу обернулся и съ внезапной дерзостью и силой, схвативъ ее на руки, понесъ, скользя по травѣ внизъ.

— Упадёмъ! — задыхаясь отъ счастья и стыда прошептала она.

Опять Юрій сжималъ въ рукахъ ея тѣло, и она казалась ему то большой и пышной, какъ женщина, то маленькой и хрупкой, какъ дѣвочка. Сквозь платье рука его почувствовала ея ноги, и Юрія даже испугала мысль, что онъ касается ея ногъ.

Внизу, подъ деревьями, былъ мракъ, и только сверху, черезъ край обрыва, обрѣзавшій свѣтлое небо, падалъ блѣдный сумеречный свѣтъ. Юрій опустилъ дѣвушку на траву и самъ сѣлъ, и оттого, что было покато, они оказались лежащими рядомъ. При блѣдномъ свѣтѣ Юрій нашелъ ея горячія, мягкія губы и сталъ мучить ихъ тягучими, требовательными поцѣлуями, отъ которыхъ, точно бѣлымъ огнемъ раскаленною желѣза, стало жечь ихъ томящіяся тѣла.

Былъ моментъ полного безумія, которымъ владѣла одна властная животная сила. Карсавина не сопротивлялась и только дрожала, когда рука Юрія и робко, и нагло коснулась ея ногъ, какъ никто никогда еще не касался.

— Ты меня любишь? — обрываясь, спросила она, и шопотъ ея, невидимыхъ въ темнотѣ губъ былъ страненъ, какъ легкой таинственный звукъ лѣсной.

И вдругъ Юрій съ ужасомъ спросилъ себя:

— Что я дѣлаю?

Горящаго мозга коснулась ледяная ясность, и все разомъ опустѣло, стало блѣднымъ и свѣтлымъ, какъ зимній день, въ которомъ нѣтъ уже ни жизни, ни силы.

Она полуоткрыла поблѣвшіе глаза и съ смутнымъ, тревожнымъ вопросомъ потянулась къ нему. Но вдругъ тоже быстро и широко взглянула, увидѣла его лицо и себя, вся

вспыхнувъ нестерпимымъ стыдомъ, быстро отбросила платье и сѣла.

Мучительный сумбуръ чувствъ наполнилъ Юрія: невозможнымъ показалось ему остановиться, точно это было бы смѣшно и противно. Растерянно и нелѣпо онъ попытался продолжать, и хотѣлъ броситься на нее, но она такъ же растерянно и нелѣпо защищалась, и короткая, и безсильная возня, наполняя Юрія ужаснымъ, безнадежнымъ сознаніемъ позорнаго и смѣшнаго, противнаго и безобразнаго положенія, была дѣйствительно уже смѣшна и безобразна. Растерянно и опять какъ будто въ то самое мгновеніе, когда силы ея упали, и она готова была подчиниться, онъ опять оставилъ ее. Карсавина дышала коротко и прерывисто, какъ загнанная.

Наступило безвыходное тяжелое молчаніе, а потомъ онъ вдругъ заговорилъ:

— Прости...те меня... я сумасшедшій...

Она задышала скорѣе, и онъ понялъ, что этого не надо было говорить, что это оскорбительно. Потъ облилъ все его ослабѣвшее тѣло и опять языкъ его, точно противъ воли, забормоталъ, что то о томъ, что онъ сегодня видѣлъ, потомъ о своихъ чувствахъ къ ней, потомъ о тѣхъ своихъ мысляхъ и сомнѣніяхъ, которыми онъ былъ полонъ всегда и которыми, увлекаясь самъ, такъ часто увлекалъ и ее. Но все казалось теперь неловкимъ, связаннымъ, лишеннымъ жизни, голосъ звучалъ фальшиво, и наконецъ Юрій замолчалъ, внезапно почувствовавъ одно желаніе, чтобы она ушла, и такъ или иначе, хоть на время, прекратилось это нестерпимое смѣшное положеніе.

Должно быть, она почувствовала это или переживала то же, потому что на мгновеніе задержала дыханіе и прошептала, робко и просительно:

— Мнѣ пора... Пойду...

— Что дѣлать, что дѣлать? — весь холодѣя, спрашивалъ себя Юрій.

Они встали и не смотрѣли другъ на друга. Съ послѣднимъ усиліемъ вернуть прежнее, Юрій слабо обнялъ ее. И вдругъ въ ней опять пробудилось что то материнское. Какъ будто она почувствовала себя сильнѣе его, дѣвушка мягко прижалась къ нему и улыбнулась прямо въ глаза ободряющей милой улыбкой.

— До свиданья... приходи завтра ко мнѣ.

Она поцѣловала его такъ нѣжно, такъ крѣпко, что у Юрія безпомощно закружилась голова, и что то, похожее на благоговѣніе передъ ней, согрѣло его растерянную душу.

Когда она ушла, Юрій долго прислушивался къ шороху ея шаговъ, потомъ отыскалъ свою фуражку, полную листьевъ и земли, вытряхнулъ ее, надѣлъ и, спустившись внизъ, пошелъ въ гостинницу, далеко обходя ту дорожку, по которой должна была пройти Карсавина.

— Ну, что-жъ, — думалъ онъ, шагая въ темнотѣ, — неужели надо было запачкать эту чистую дѣвушку... непременно кончить такъ, какъ сдѣлалъ бы всякій пошлякъ на моемъ мѣстѣ?.. Богъ съ ней... Это было бы гадко, и слава Богу, если я оказался на это неспособенъ!.. И какъ это гадко: сразу, почти безъ словъ, какъ звѣрь! — уже съ безразличнымъ чувствомъ думалъ онъ о томъ, что еще недавно наполняло его такимъ счастьемъ и такой силой.

Но внутри его все что-то ныло и рвалось въ бесплодной тоскѣ, подымая глухой и тяжелый стыдъ. Даже руки и ноги, казалось ему, болтались какъ то глупо, ни къ чему, и фуражка сидѣла на головѣ, какъ колпакъ.

— Развѣ я способенъ жить! — спросилъ онъ во внезапномъ отчаяніи.

XXXVIII.

Въ широкомъ корридорѣ монастырской гостинницы пахло хлѣбомъ, самоварами и ладаномъ. Проворный, здоровый монахъ мчалъ куда то толстый, какъ арбузъ, самоваръ.

— Батюшка, — сказалъ Юрій, невольно конфузясь этого названія и ожидая, что сконфузится и монахъ.

— Что прикажете? — спросилъ тотъ учтиво и спокойно, выглядывая изъ за облаковъ пара.

— У васъ тутъ должна быть одна компанія изъ города.

— Это въ седьмомъ номерѣ, — тотчасъ же отвѣтилъ монахъ, точно давно ожидалъ этого вопроса. — Пожалуйста вотъ сюда, на балкончикъ...

Юрій отворилъ дверь седьмого номера. Въ большой комнатѣ было темно и, должно быть, она вся была полна табачнымъ дымомъ. За дверью на балконѣ было свѣтло, звенѣли бутылки и двигались, смѣясь и крича, люди.

— Жизнь — неизлѣчимая болѣзнь! — услышалъ Юрій голосъ Шафрова.

— Дурень ты неизлѣчимый! — отвѣтилъ Ивановъ громко-гласно: — экъ тебя... фразами такъ и претъ!

Когда Юрій вошелъ, всѣ встрѣтили его пьяными восклицаніями. Шафровъ вскочилъ, чуть не стянувъ скатерть, вылѣзъ изъ за стола, и, обѣими руками пожимая руку Юрія, влюбленно забормоталъ:

— Вотъ хорошо, что пришли! Вотъ спасибо, ей Богу!... Въ самомъ дѣлѣ, право...

Юрій сѣлъ между Санинымъ и Петромъ Ильичемъ и оглядѣлся. Балконъ былъ ярко освѣщенъ двумя лампами и фонаремъ, и казалось, что за предѣлами свѣта стоитъ непроницаемая черная стѣна. Но, отвернувшись отъ огней, Юрій еще довольно ясно увидѣлъ зеленоватую полосу зари, горбатый силуэтъ горы, верхушки ближайшихъ деревьевъ и далеко внизу слабо поблескивающую, засыпающую поверхность рѣки.

На огонь летѣли изъ лѣсу бабочки и жучки, кружились, падали, подымались и тихо ползали по столу, умирая въ безсмысленной огненной смерти.

Юрій поглядѣлъ на нихъ, и стало ему грустно.

— Такъ и мы, люди, — подумалъ онъ: — мы тоже летимъ на огонь, на всякую блестящую идею, бьемся вокругъ нея и умираемъ въ страданіяхъ. Мы думаемъ, что идея это выраженіе міровой воли, а это только горѣніе нашего мозга!..

— Ну, выпьемъ? — спросилъ Санинъ, дружелюбно наклоня къ нему бутылку.

— Можно, — печально согласился Юрій и сейчасъ же подумалъ, что пожалуй, не одно ли это только осталось ему.

Они выпили чокнувшись. Водка показалась Юрію противной, какъ горячій горькій ядъ, и съ безразличной дрожью во всѣмъ тѣлѣ онъ потянулся къ закускѣ. Но и закуска долго сохраняла противный вкусъ и не шла въ горло.

— Нѣтъ, что бы то ни было... смерть, каторга... а надо бѣжать отсюда — сказалъ онъ себѣ. — А впрочемъ, куда и бѣжать?... Вездѣ то же, а отъ себя не убѣжишь. Когда человѣкъ становится выше жизни, она не удовлетворитъ его нигдѣ и ни въ какой формѣ... Въ этомъ ли городишкѣ, въ Петербургѣ ли... все равно!

— А по моему, человѣкъ самъ по себѣ — ничто!.. — громко кричалъ Шафровъ.

Юрій посмотрѣлъ на его неумное и скучное лицо, въ очкахъ, съ маленькими не яркими глазками, и подумалъ, что такой человѣкъ, дѣйствительно самъ по себѣ — ничто.

— Индивидуумъ — нуль!.. Только индивидуумы, являющіеся созданіемъ массы и не теряющіе связь съ нею, не противопоставляющіе себя толпѣ, какъ любить дѣлать буржуазные «герои», имѣютъ дѣйствительную силу...

— Да сила то ихъ въ чемъ? — озлобленно спрашивалъ Ивановъ, грузно наваливаясь на столъ обѣими локтями скрещенныхъ рукъ: — въ борьбѣ съ существующимъ правительствомъ? — да!.. А въ борьбѣ за свое собственное счастье, что имъ поможетъ масса?

— Ну, да... вы «сверхъ человѣкъ»! — Вамъ нужно какое то особенное счастье! Свое! А мы, люди толпы, думаемъ, что именно въ борьбѣ за общее благо мы обрѣтемъ и свое счастье!

— А если идея ошибочна?

— Это все равно, — безапелляціонно мотнулъ головой Шафровъ! — надо только вѣрить...

— Плюнь, — презрительно посоветовалъ Ивановъ: — каждый человѣкъ вѣритъ, что то, чѣмъ онъ занимается, и есть самое важное и необходимое... Это полагаетъ даже дамскій портной... Ты это зналъ, но вѣроятно забылъ... дѣло друга — напомнить!

Юрій съ безпричинной ненавистью посмотрѣлъ въ его лицо, блѣдное отъ выпитой водки, потное, съ большими слезами и безъ блеска глазами.

— А по вашему, въ чемъ же счастье? — скрививъ губы, спросилъ онъ.

— Да ужъ, конечно, не въ томъ, чтобы всю жизнь хныкать и на каждомъ шагѣ спрашивать себя: вотъ я чихнулъ... ахъ, хорошо ли я сдѣлалъ?... Нѣтъ ли отъ этого кому нибудь вреда?... Исполнилъ ли я чиханьемъ симъ свое предназначеніе?..

Юрій ясно увидѣлъ въ холодныхъ глазахъ ненависть къ себѣ и весь задрожалъ, подумавъ, что Ивановъ, кажется, считаетъ себя умнѣе его и хочетъ смѣяться надъ нимъ.

— Ну, это еще посмотримъ! — мысленно сказалъ Юрій.

— Это не программа, — еще больше кривясь и стараясь, чтобы каждая черточка лица его выражала неохоту спорить и полное презрѣніе, заявилъ онъ.

— А вамъ нужно непременно программу?.. возмущился Шафровъ, но Юрій только презрительно повелъ плечомъ и намѣренно промолчалъ.

Нѣкоторое время пили молча, а потомъ Юрій повернулся къ Санину и сталъ говорить, не глядя на Иванова, но для Иванова, о томъ, что считалъ самымъ лучшимъ. Ему казалось, что теперь, когда онъ скажетъ нѣсколько словъ послѣдовательно и выскажетъ свою мысль всю, то никто не будетъ въ состояніи опровергнуть ее. Но къ его раздраженію, на первыхъ же словахъ о томъ, что человѣкъ не можетъ жить безъ Бога и, повергнувъ одного, долженъ найти другого, чтобы жизнь не была бессмысленнымъ существованіемъ, Ивановъ черезъ плечо сказалъ:

— Про Катерину?.. Слыхали!

Юрій промолчалъ и продолжалъ развивать свою мысль. Увлечшись споромъ, онъ не замѣчалъ, что энергично защищаетъ то, что для него самого было источникомъ сомнѣній. Еще сегодня утромъ онъ задавалъ себѣ вопросы о своей вѣрѣ, а теперь въ спорѣ, оказывалось, что все у него продумано и все это онъ твердо установилъ.

Шафровъ слушалъ его съ благоговѣніемъ и умильной радостью, Санинъ улыбнулся, а Ивановъ смотрѣлъ въ полъ-оборота и на каждую мысль, казавшуюся Юрію новой и собственной, кидалъ презрительно:

— И это — слыхали!

— Юрій вспылить:

— Ну, знаете, и мы это «слыхали»!.. Нѣтъ ничего легче, какъ не находя; что возразить, сказать «слыхали» и успокоиться!.. Если вы только и говорите, что «слыхали», я имѣю право тоже сказать: ничего вы не слыхали!

Ивановъ поблѣднѣлъ, и глаза у него стали совершенно злыми.

— Можетъ быть, — съ нескрываемой насмѣшкой и желаніемъ оскорбить сказалъ онъ: — мы ничего не слыхали: ни о трагическихъ раздумьяхъ, ни о невозможности жить безъ Бога, ни о голомъ человѣкѣ на оголенной землѣ...

Ивановъ произносилъ каждую фразу напыщеннымъ тономъ и вдругъ зыкнулъ злобно и коротко:

— Поновѣй что-нибудь придумайте!

Юрій почувствовалъ, что въ глумленіи Иванова есть правда: ему вдругъ припомнилось, какую массу книгъ и объ анархизмѣ, и о марксизмѣ, и объ индивидуализмѣ, и о

сверхъ человѣкъ, и о преображенномъ христіанствѣ, и о мистическомъ анархизмѣ и еще о многомъ прочелъ онъ. Дѣйствительно, все это «слыхали» всѣ, а все оставалось по прежнему, и у него самого было уже тяжкое ощущеніе томленія духа. Но тѣмъ не менѣе ни на одну секунду ему не пришлось въ голову уступить и замолчать. Онъ заговорилъ рѣзко, самъ видя, что больше оскорбляетъ Иванова, чѣмъ доказываетъ свою мысль.

Ивановъ разсирѣблѣлъ и сталъ прямо страшенъ. Лицо его стало еще блѣднѣе, глаза вылупились изъ орбитъ и голосъ загремѣлъ дико и грубо.

Тогда Санинъ вмѣшался съ досадливымъ и скучающимъ видомъ.

— Оставьте, господа... Какъ вамъ не скучно! Нельзя же ненавидѣть человѣка за то, что онъ думаетъ по своему...

— Тутъ не дума, а фальшь! — огрызнулся Ивановъ: — Тутъ хочется показать, что онъ думаетъ тоньше и глубже, чѣмъ мы всѣ, а не...

— Какое же вы имѣете право это говорить? Почему именно я, а не вы, хотите...

— Слушайте! — громко и властно крикнулъ Санинъ: — если вамъ хочется драться — ступайте оба вонъ и деритесь, гдѣ хотите... Вы не имѣете никакого права заставлять насъ слушать вашу бессмысленную ссору!

Ивановъ и Юрій замолчали. Оба были красны и взволнованны, и старались не смотрѣть другъ на друга. Довольно долго было тихо и неловко. Потомъ Петръ Ильичъ тихо запѣлъ:

— Быть можетъ на холмѣ нѣмкомъ поставятъ тихій гробъ Руслана...

— Будь спокоенъ... своевременно поставятъ.. — буркнулъ Ивановъ.

— Пусть... — покорно сказалъ Петръ Ильичъ, но пѣть пересталъ, и налилъ Юрію стаканъ водки.

— Будемъ думать, — пробурчалъ онъ: — выпей-ка лучше!

— Эхъ, махнуть на все рукой! — подумалъ Юрій, взялъ стаканъ и залпомъ выпилъ.

И, странно, въ это мгновеніе онъ почувствовалъ жгучее желаніе, чтобы Ивановъ замѣтилъ его подвигъ и возымѣлъ къ нему уваженіе. Если бы Ивановъ это сдѣлалъ, Юрій почувствовалъ бы къ нему дружелюбіе и даже нѣжность, но

Ивановъ не обратилъ никакого вниманія и мгновенно подавивъ въ себѣ унижительное желаніе, Юрій насупился и весь залился однимъ голымъ, омерзительнымъ ощущеніемъ массы водки, обдавшей всѣ внутренности и наполнившей даже носъ.

— Молодецъ, Юрій Николаевичъ, ей Богу! — закричалъ Шафровъ, но Юрію стало стыдно, что Шафровъ похвалилъ его.

Едва преодолевъ волну водки, хлынувшую къ носу и рту, и весь содрогаясь отъ физическаго отвращенія, Юрій долго не могъ прійти въ себя и шарилъ по столу, отыскивая и оставляя закуски. Все казалось отвратительнымъ, какъ ядъ.

— Да. Такихъ людей я остерегаюсь называть людьми, — важной октавой говорилъ Петръ Ильичъ, когда Юрій опять сталъ видѣть и слышать.

— Остерегаешься? — Браво, дядько! — злорадно отозвался Ивановъ, и хотя Юрій не слышалъ начала разговора, но по голосу догадался, что рѣчь шла о немъ, о такихъ людяхъ, какъ онъ.

— Да. Остерегаюсь... Человѣкъ долженъ быть... генераль! — отчетливо и вѣско провозгласилъ Петръ Ильичъ.

— Не всегда это возможно... А вы сами! — съ злобной дрожью уязвленности возразилъ Юрій не глядя.

— Я?.. Я — генераль въ душѣ.

— Браво! — заоралъ Ивановъ такъ неистово, что какая-то ночная птица, ломая вѣтки, камнемъ шарахнулась въ ближайшей чащѣ.

— Развѣ что въ душѣ! — усиливаясь сохранить иронию и болѣзненно воображая, что всѣ противъ него и хотятъ его оскорбить и унижить, замѣтилъ Юрій.

Петръ Ильичъ важно посмотрѣлъ на него сверху и вбокъ.

— Какъ могу... Что жъ, хоть въ душѣ, и то хорошо. Одинъ старъ, пьянъ и бѣденъ, какъ я, тотъ генераль, въ душѣ, а кто молодъ и силенъ, тотъ генераль и въ жизни... Всякому свое. А такихъ людей, которые хнычутъ, трусы... такихъ я остерегаюсь называть людьми!

Юрій что-то возразилъ, но случилось какъ-то такъ, что за смѣхомъ и говоромъ его не услышали. Ядовитая обида отравила Юрія до слезъ и вдругъ ему почудилось, что всѣ его презираютъ.

— А впрочемъ, я просто пьянъ! — неожиданно подумалъ онъ, и въ эту минуту понялъ, что дѣйствительно пьянъ и не надо больше пить.

Голова тихо и противно плавала, огни лампъ и фонаря стояли какъ-будто передъ самыми глазами, а кругъ зрѣнія странно сѣзился. Все, что попадало на глаза, было отчетливо ярко, а кругомъ стояла тьма. И голоса раздавались какъ-то необычно: и оглушительно громко говорили, и нельзя было разслышать о чемъ.

— Ты говоришь — сонъ? — важно спрашивалъ Петръ Ильичъ.

— Сонъ любопытный, — отвѣчалъ Ивановъ.

— Въ нихъ «есть»... въ снахъ,—вѣско произнесъ пѣвчій.

— Видишь... легъ я вчера спать. Да... На сонъ грядущій взялъ почитать одну книжицу, думалъ чѣмъ нибудь прочистить голову, сполна набитую всяческой суетой и томленіемъ... Попадается мнѣ статейка о томъ, какъ гдѣ, когда и кого проклинали. Смотрю — вещь умственная и душевная. Читалъ я ее, читалъ... читаю, читаю... что ни дальше, то страшнѣе. Добираюсь до того пункта, который гласитъ, кто и за что предается анафемѣ. Тутъ я, правда, не удивляясь, усмотрѣлъ, что какъ разъ именно меня всегда проанафематствуютъ... Узнавши съ достовѣрностью о проклятіи всѣми существующими церквами, я бросилъ книгу, покурилъ и сталъ дремать, вполне успокоенный насчетъ мѣста своего во вселенной. Сквозь сонъ я задался было вопросомъ, что если милліоны людей жили и съ полной вѣрой меня проклинали, то... но тутъ я заснулъ и вопросъ остался въ зародышѣ. И сталъ я чувствовать, что мой правый глазъ не глазъ, а папа Пій X, а лѣвый что-то вродѣ вселенскаго патріарха... и оба другъ друга проклинали. Отъ столь страннаго превращенія вещей я проснулся.

— Только и всего? — спросилъ Санинъ.

— Зачѣмъ, я опять заснулъ.

— Ну?

— Ну, а опосля того уже не было спокойствія духа. Чудился мнѣ нѣкій домъ, не то нашъ, не то незнаемый никѣмъ и по самой большой комнатѣ ходилъ я изъ угла въ уголъ. И былъ тутъ, гдѣ-то близко, ты, дядько Петръ Ильичъ. Онъ говорилъ, я слушалъ, но какъ будто его не видѣлъ. — «Замѣчалъ я — говорить Петръ Ильичъ, — какъ молится кухарка», и я соображаю, что въ кухнѣ на печкѣ, точно, должна

молиться кухарка... Живетъ тамъ и молится... «Намъ не ясно представляется и понять мы не можемъ, но человѣкъ простой сердцемъ, понимаешь, просто-ой... Когда она молилась и поминала всѣхъ, то такъ ничего и не было, но когда она помянула васъ, меня, то есть, и Санина, то...» — когда онъ сказалъ это, я почувствовалъ, что должно произойти нѣчто необыкновенное... «Вѣдь не зря молились всѣ простые люди со дня сотворенія!» И сообразилъ, весьма кстати, что не иначе, какъ явился кухаркѣ Богъ. А Петръ Ильичъ совсѣмъ сошелъ на нѣтъ, но все-таки говорилъ. — Явился ей будто образъ... — Я продолжалъ чувствовать себя недурно, потому что хотя и не Богъ, но все же что то такое, все-таки лестно! — Явился ей образъ, но только не образомъ!... Послѣ этого дядьки совсѣмъ, не стало. Я встревожился: это другое, а не образъ, совсѣмъ уничтожало мое спокойствіе. Чтобы возстановить его, слѣдовало бы немедленно уничтожить то, что очутилось въ углу комнаты и запищало. Ясно, что это была просто мышь... она что-то грызла и перегрызала... она даже какъ будто веселилась. Напала на меня тоска... мышь себя грызла и грызла, мѣрно и въ тактъ... Тутъ я и проснулся!

— Чтобъ тебѣ еще немного не просыпаться, — замѣтилъ Санинъ.

— Я самъ опосля сообразилъ!

Несмотря на шутиливый тонъ Иванова, почувствовалось, что сонъ почему-то произвелъ на него сильное впечатлѣніе и оно сидѣло въ глубинѣ души непонятнымъ страхомъ. Онъ криво усмѣхнулся и потянулся къ пиву. Всѣ молчали, и въ молчаніи какъ будто придвинулась тьма за балкономъ и стало совсѣмъ не весело, а жутко и скучно, и непонятный сонъ, сквозь насмѣшку и безвѣріе, тоненькое жало тоскливаго ужаса запустилъ въ сердца.

— Да, — торжественно проговорилъ Петръ Ильичъ: — вы всѣ умны, вы умны, какъ черти, а есть что-то... есть!.. И вы не знаете его, а оно говорить вамъ...

Въ голосѣ-ли пѣвчаго, въ тѣмѣ-ли обступившей кругомъ, въ подавленныхъ-ли водкой мозгахъ или въ мгновенно сверкнувшей близости тайны жизни и смерти, непонятной и безобразной, но было нѣчто, что отозвалось въ душѣ cadaго:

— А вдругъ... а вдругъ «есть»!...

Санинъ всталъ, и на его спокойномъ, какъ всегда лицѣ, отразилась скука. Онъ зѣвнулъ и махнулъ рукой.

— Все страхи, все страхи! — сказалъ онъ: — какъ бы вамъ еще чего нибудь не испугаться. Умремъ — увидимъ....

Онъ медленно закурилъ папиросу и пошелъ въ двери.

А на балконъ опять зашумѣли и зашпорили, и подъ шумъ громкихъ пьяныхъ голосовъ, по прежнему, ползали по столу и кружились въ мукахъ огненной смерти безмолвныя бабочки, налетѣвшія на огонь.

Санинъ вышелъ во дворъ гостиницы, и синяя ночь мягко и свѣжо обняла его разгорѣвшееся тѣло. Мѣсяцъ золотымъ ячкомъ вышелъ изъ за лѣса и чуть чуть скользилъ по черной землѣ его полусказочный свѣтъ. За садомъ, изъ котораго тягуче и сладко пахло сливами и грушами, смутно бѣлѣло зданіе другой гостиницы, и одно окно сквозь зеленые листья ярко смотрѣло на Санина.

Въ темнотѣ слышалось шлепанье босыхъ ногъ, похожее на шлепанье звѣриныхъ лапокъ, и еще непривычными къ темнотѣ глазами Санинъ смутно разглядѣлъ силуэтъ мальчика.

— Тебѣ чего? — спросилъ Санинъ.

— Барышню Карсавину, учительшу, — тоненькимъ голосомъ отозвался босой мальчикъ.

— Затѣмъ? — спросилъ Санинъ, при имени Карсавиной вспоминая ее, какъ она стояла на берегу, нагая, вся пронизанная свѣтомъ, не то молодости, не то яркаго солнца.

— Записку принеси, — отвѣтилъ мальчикъ.

— Ага... Въ той гостиницѣ она, должно быть. Тутъ нѣтъ.... Вали туда.

Опять, какъ звѣрекъ, мальчикъ зашлепалъ босыми пятками и исчезъ въ темнотѣ такъ быстро, точно спрятался въ кустахъ.

А Санинъ медленно пошелъ за нимъ, всей грудью вдыхая густой, какъ медъ, садовый воздухъ. Онъ дошелъ до самой гостиницы, подъ освѣщенное окно, и полоса свѣта легла на его задумчивое и спокойное лицо. На свѣту, въ темной зелени, ясно бѣлѣлись большія, тяжелыя груши. Санинъ поднялся на носки, сорвалъ одну, а въ окнѣ увидалъ Карсавину.

Она видна была въ профиль, въ одной рубашкѣ, съ круглымъ плечомъ, на которомъ, какъ на атласѣ, скользили блики свѣта. Она упорно смотрѣла внизъ и думала, и должно быть то, о чемъ она думала, волновало ее стыдомъ и радостью, потому что вѣки ея вдрагивали, а губы улыбались.

Санина поразила ея улыбка: въ ней дрожало что то неуловимо-нѣжное и страстное, точно дѣвушка улыбалась навстрѣчу ближнему поцѣлу.

Онъ стоялъ и смотрѣлъ, охваченный чувствомъ сильнѣе его самого, а Карсавина думала о томъ, что произошло съ ней, и ей было мучительно стыдно и пріятно.

— Господи, — съ необыкновенно чистымъ ощущеніемъ, какое, должно быть, бываетъ у разцвѣтшаго цвѣтка, спрашивала себя дѣвушка: — неужели я такая развратная?

И съ глубочайшей радостью, въ сотый разъ вспоминала то непонятно-влекущее ощущеніе, которое испытала она, подчиняясь Юрію въ первый разъ.

— Милый, милый! — вспыхивая и замирая, мысленно тянулась она къ нему, и опять Санину было видно, какъ трепетали ея рѣсницы и улыбались розовыя губы.

О безобразной и томительно нелѣпой сценѣ, которая произошла потомъ, дѣвушка не вспоминала. Какое то тайное чувство отводило ее отъ того темнаго уголка, въ которомъ, какъ тонкая заноза, осталось болѣзненное, обидное недоумѣніе.

Въ дверь номера постучались.

— Кто тамъ, — спросила Карсавина, поднимая голову, и Санинъ отчетливо увидѣлъ ея бѣлую, нѣжную и сильную шею.

— Записку принеси, — пискнулъ мальчикъ за дверью.

Карсавина встала и отворила. Босой, по колѣно въ свѣжей грязи, мальчикъ вошелъ въ комнату и торопливо сдернулъ картузъ.

— Барышня прислали, — сказалъ онъ.

— Зиночка, — писала Карсавиной Дубова: — если можешь, пріѣзжай сегодня же въ городъ. Пріѣхалъ инспекторъ и завтра утромъ будетъ у насъ. Неудобно, если тебя не будетъ.

— Что такое? — спросила старая тетка.

— Нюта зоветъ. Пріѣхалъ инспекторъ, — въ раздумьи отвѣтила Карсавина.

Мальчикъ почесалъ одной ногой другую.

— Очень приказывали, чтобъ безпремѣнно вы приходили.

— Пойдешь? — спросила тетка.

— Какъ же я одна пойду... темно.

— Мѣсяцъ взошелъ, — возразилъ мальчикъ: — вовсе видать.

— Надо идти, — нерѣшительно сказала Карсавина.

— Иди, а то какъ бы непріятностей не вышло.

— Ну, пойду! — рѣшительно тряхнула головой дѣвушка. Она быстро одѣлась, приколола шляпку и подошла къ теткѣ.

— Досвиданья, тетя.

— Досвиданья, дѣточка. Христось съ тобою.

— А ты со мной пойдешь? — спросила дѣвушка у мальчика.

Мальчикъ замаялся и опять почесалъ лапки.

— Я къ мамкѣ пришелъ... Мамка тутъ, у монаховъ, на прачешной.

— А какъ же я одна, Гриша.

— Ну, пойдемъ, — тряхнувъ волосами, съ рѣшительнымъ видомъ согласился мальчикъ.

Они вышли въ садъ. И синяя ночь такъ же мягко и осторожно охватила дѣвушку.

— Хорошо пахнетъ какъ, — сказала она и вскрикнула, наткнувшись на Санина.

— Это я, — смѣясь отозвался онъ.

Карсавина въ темнотѣ подала еще дрожащую отъ испуга руку.

— Ишь, пужливая! — снисходительно замѣтилъ Гришка. Дѣвушка смущенно засмѣялась.

— Ничего не видно, — оправдывалась она.

— Куда это вы?

— Въ городъ. Вотъ прислали за мной.

— Одна?

— Нѣтъ, съ нимъ... Онъ мой рыцарь.

— Рыцарь! съ удовольствіемъ повторилъ Гришка, стуча лапками.

— А вы тутъ чего?

— А мы по пьяному дѣлу, — шутя пояснилъ Санинъ.

— Кто вы?

— Шафровъ, Сварожичъ, Ивановъ...

— И Юрій Николаевичъ съ вами? — краснѣя въ темнотѣ спросила Карсавина. Ей было такъ жутко и пріятно произносить вслухъ это имя, какъ заглядывать въ пропасть.

— А что?

— Такъ. Я его встрѣтила... — еще больше краснѣя, сказала дѣвушка. — Ну, до-свиданья.

Санинъ ласково придержалъ протянутую руку.

— Давайте, я васъ перевезу на тотъ берегъ, а то что же вамъ кругомъ идти.

— Нѣтъ, зачѣмъ же, — съ непонятной застѣнчивостью сказала дѣвушка.

— Пушай перевезетъ, а то на плотинѣ дуже грязно, — авторитетно возразилъ босой Гришка.

— Ну, хорошо... А ты тогда ступай къ матери.

— А ты по полю не боишься одна? — солидно спросилъ Гришка.

— Да я до города проведу, — замѣтилъ Санинъ.

— А ваши же какъ?

— Они тутъ до свѣта будутъ: да и надоѣли они мнѣ изрядно.

— Ну, если вы такъ добры... — засмѣялась Карсавина. — Иди, Гриша.

— Прощайте, барышня...

Мальчуганъ опять какъ будто спрятался куда то въ кусты и Карсавина съ Санинымъ остались вдвоемъ.

— Давайте руку, — предложилъ Санинъ: — а то съ горы еще упадете...

Карсавина подала руку и ощутила, съ странной неловкостью и смутнымъ волненіемъ, твердые какъ желѣзо мускулы, передвигавшіеся подъ тонкой рубахой. Невольно толкаясь въ темнотѣ и на каждомъ шагу ощущая упругость и теплоту тѣлъ другъ друга, они пошли черезъ лѣсъ, внизъ къ рѣкѣ. Въ лѣсу былъ полный, какъ будто вѣчный мракъ, и не было, казалось, деревьевъ, а одна густая тепломъ дышащая, молчаливая тьма.

— Ой, какъ темно!

— Ничего, — надъ самымъ ея ухомъ тихо сказалъ Санинъ, и въ голосъ его что то задрожало: — я ночью больше лѣсъ люблю... Въ ночномъ лѣсу люди теряютъ свои привычныя лица и становятся таинственнѣе, смѣлѣе и интереснѣе...

Земля осыпалась подъ ихъ ногами, и они съ трудомъ удерживались, чтобы не упасть.

И отъ этой тьмы, отъ этихъ столкновеній упругаго и твердаго тѣла, отъ близости сильнаго, всегда нравившагося ей человека, дѣвушкой стало овладѣвать незнакомое волненіе. Въ темнотѣ она раскраснѣлась, и рука ея стала горячо жечь руку Санина. Дѣвушка часто смѣялась, и смѣхъ ея былъ высокъ и коротокъ.

Внизу стало свѣтлѣе, а надъ рѣкою уже ясно и спокойно свѣтилъ мѣсяцъ. Пахнуло въ лицо холодомъ большой рѣки, и темный лѣсъ мрачно и таинственно отступилъ назадъ, какъ бы уступая ихъ рѣкѣ.

— Гдѣ же ваша лодка?

— А вотъ.

Лодка отчетливо, какъ нарисованная, вырѣзывалась на гладкой свѣтлой поверхности. Пока Санинъ надѣвалъ весла, Карсавина, слегка балансируя руками, легко прошла на руль и сѣла. И сразу она стала фантастичной, освѣщенная синимъ мѣсяцемъ и колеблющимся отраженіемъ воды. Санинъ столкнулъ лодку и прыгнулъ въ нее. Лодка съ тихимъ шорохомъ скользнула по песку, зазвенѣла водой и вышла на лунный свѣтъ, оставляя за собой длинные, плавно расходящіяся волны.

— Давайте, я буду грести, — сказала Карсавина, все еще полная какой то требовательной взволнованной силы. — Я люблю сама...

— Ну, садитесь, — усмѣхнулся Санинъ, стоя посреди ледки.

Опять она прошла мимо него по лавочкамъ, легкая и гибкая, чуть чуть коснувшись кончиками пальцевъ протянутой руки. И когда она проходила, Санинъ снизу смотрѣлъ на нее, и мимо его лица скользнула ея грудь, съ запахомъ духовъ и молодого женскаго тѣла.

Они поплыли. Синее небо, съ задумчивымъ мѣсяцемъ отражалось въ полной водѣ, и казалось, что лодка плыветъ въ свѣтломъ и спокойномъ пространствѣ. Карсавина сидѣла прямо и слабо двигала веслами, всплескивая водой и выпукло выгибая впередъ грудь. Санинъ сидѣлъ на рулѣ и смотрѣлъ на нее, на ея грудь, на которую такъ хорошо было бы положить горячую голову, на круглыя гибкія руки, которыя сильно и нѣжно могли бы обвиться вокругъ шеи, на полное нѣги и молодости тѣло, къ которому такъ беззавѣтно и бѣшенно можно было бы прижаться. Мѣсяцъ свѣтилъ въ ея бѣлое лицо съ черными бровями и блестящими глазами, скользилъ по бѣлой кофточкѣ на груди, по юбкѣ на полныхъ колѣнахъ, и что то дѣлалось съ Санинымъ, точно онъ все дальше и дальше плылъ съ ней въ сказочное царство, далеко отъ людей, отъ разума и разсудительныхъ человѣческихъ законовъ.

— Какъ хорошо сегодня, — говорила Карсавина, оглядываясь вокругъ.

— Да, хорошо, — тихо отвѣтилъ Санинъ.

Вдругъ она засмѣялась.

— И почему то хочется шляпу бросить въ воду и косу распустить... — сказала она, повинуваясь безотчетливому порыву.

— Что жъ, и распустите, — сказалъ Санинъ еще тише.

Но она вдругъ застыдилась и замолчала.

И опять въ душѣ дѣвушки, вызванныя ночью, тепломъ и просторомъ, замелькали воспоминанія, и опять ей стало стыдно и хорошо смотрѣть вокругъ. Ей казалось, что Санинъ не можетъ знать, что произошло съ ней, но отъ этого чувство ея становилось только богаче и сложнѣе. У нея явилось неодолимое, но смутно сознаваемое желаніе намекнуть ему, что она — не всегда такая тихая и скромная дѣвушка, что она можетъ и была совсѣмъ другою, и нагой и безстыдной. И отъ этого несознаннаго желанія ей стало весело и жарко.

— Вы давно знаете Юрія Николаевича? — неровнымъ голосомъ спросила она, чувствуя неодолимую потребность скользнуть надъ пропостью.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Санинъ. — а что?

— Такъ... Правда, онъ хорошій и умный человѣкъ?

Въ голосѣ ея звучала почти дѣтская робость, точно она выпрашивала себѣ подарка у старшаго человѣка, который можетъ и приласкать, и наказать ее.

Санинъ улыбаясь посмотрѣлъ на нее и отвѣтилъ:

— Да.

Карсавина по голосу догадалась, что онъ улыбается и покраснѣла до слезъ.

— Нѣтъ, нраво. . И онъ какой то... онъ должно быть много страдалъ... — съ трудомъ договорила она.

— Вѣроятно. Что онъ несчастный — это вѣрно, — согласился Санинъ: — а вамъ жаль его?

— Конечно, — притворно наивнымъ тономъ сказала Карсавина.

— Да, это понятно... Только вы странно понимаете слово «несчастный»... Вотъ, вы думаете, что нравственно неудовлетворенный, надо всѣмъ, съ трепетомъ раздумывающій человѣкъ не просто несчастный, жалкій, а какой то особенный, высшій, даже, пожалуй, сильный человѣкъ! Вѣчное перекидываніе своихъ поступковъ справа налѣво кажется вамъ красивой чертой, дающей право человѣку считать себя лучше

другихъ, дающей ему право не столько на состраданіе, сколько на уваженіе и любовь...

— А какъ же? — наивно спросила Карсавина.

Она никогда такъ много не говорила съ Санинымъ, но постоянно слышала о немъ, какъ о человѣкѣ совершенно своеобразномъ, и сама чувствовала въ его присутствіи приближеніе чего то новаго, интереснаго и волнующаго.

Санинъ засмѣялся.

— Было время, когда человѣкъ жилъ узкой и скотской жизнью, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что и почему онъ дѣлаетъ и чувствуетъ. Потомъ настала пора жизни сознательной, и первая ступень ея была — переоцѣнка всѣхъ своихъ чувствъ, потребностей и желаній. На этой ступени стоитъ и Юрій Сварожичъ, послѣдній изъ Могиканъ уходящаго въ вѣчность періода человѣческаго развитія. Какъ все конечное, онъ впиталъ въ себя всѣ соки своей эпохи и они отравили его до глубины души... У него нѣтъ жизни, какъ таковой, все, что онъ дѣлаетъ, подвержено у него безконечному спору: хорошо ли, не дурно ли?... Это доведено у него до смѣшного: поступая въ партію, онъ думаетъ, не ниже-ли достоинства его стоять въ рядахъ другихъ, а выйдя изъ партіи, онъ мучится — не унижительно-ли стоять въ сторонѣ отъ всеобщаго движенія!.. Впрочемъ, такихъ людей — масса, они большинство.. Юрій Сварожичъ только тѣмъ и исключеніе, что онъ не такъ глупъ, какъ другіе, и борьба съ самимъ собою принимаетъ у него не смѣшныя, а иногда и, въ самомъ дѣлѣ, трагическія формы... Какой нибудь Новиковъ только жирѣетъ отъ своихъ сомнѣній и страданій, какъ боровъ, запертый въ хлѣвъ, а Сварожичъ и въпрямь носитъ въ груди катастрофу...

Санинъ вдругъ остановился. Собственный громкій голосъ и простые, дневные слова отогнали его ночное очарованіе, и ему стало жаль его. Онъ замолчалъ и опять сталъ смотрѣть только на дѣвушку, на ея черныя брови на бѣломъ лицѣ, на ея высокую грудь.

— Я не понимаю, — робко заговорила дѣвушка: — вы такъ говорите о Юріѣ Николаевичѣ, какъ будто онъ самъ виноватъ въ томъ, что такой, а не другой... Если человѣкъ не удовлетворяется жизнью, значитъ онъ выше жизни...

— Человѣкъ не можетъ быть выше жизни, — возразилъ Санинъ, — онъ самъ — только частица жизни... Неудовлетвореннымъ онъ можетъ быть, но причины этой неудовлетворенности въ немъ самомъ. Онъ просто, или не можетъ, или не смѣ-

есть брать отъ богатства жизни столько, сколько это дѣйстви-
тельно нужно ему. Одни люди сидятъ въ тюрьмѣ всю жизнь,
другіе сами бояться вылетѣть изъ кѣлки, какъ птица, долго
въ ней просидѣвшая... Человѣкъ—это гармоническое сочетаніе
тѣла и духа, пока оно не нарушено. Естественно нарушаетъ
его только приближеніе смерти, но мы и сами разрушаемъ его
уродливымъ міросозерцаніемъ... Мы заклеили желанія тѣ-
ла животностью, стали стыдиться ихъ, облекли въ унизитель-
ную форму и создали однобокое существованіе... Тѣ изъ насъ,
которые слабы по существу, не замѣчаютъ этого и влчатъ
жизнь въ цѣляхъ, но тѣ, которые слабы только вслѣдствіе
связавшаго ихъ ложнаго взгляда на жизнь и самихъ себя, тѣ
— мученики: смятая сила рвется вонъ, тѣло проситъ радости
и мучаетъ ихъ самихъ. Всю жизнь они бродятъ среди раздво-
енія, хватаются за каждую соломенку въ сферѣ новыхъ нрав-
ственныхъ идеаловъ и, въ концѣ концовъ, боятся жить, тоску-
ють, боятся чувствовать..

— Да, да... — съ неожиданной силой отозвалась Карса-
вина.

Масса мыслей, новыхъ и неожиданныхъ, легко подня-
лась въ ней.

Она смотрѣла вокругъ блестящими глазами, и могучая и
прекрасная красота силы, которая была разлита и въ непод-
вижной рѣкѣ, и въ темномъ лѣсу, и въ глубинѣ синяго неба съ
задумчивымъ мѣсяцемъ, глубокими волнами входила въ ея
тѣло и душу. Дѣвушкой начало овладѣвать то странное чув-
ство, которое было уже знакомо ей, которое она любила и бо-
ялась, чувство смутнаго порыва къ силѣ, движенію и счастью.

— Мнѣ все грезится счастливое время, — помолчавъ, за-
говорилъ Санинъ: — когда между человѣкомъ и счастьемъ
не будетъ ничего, когда человѣкъ свободно и безстрашно бу-
детъ отдаваться всѣмъ доступнымъ ему наслажденіямъ.

— Но что же тогда? Опять варварство?

— Нѣтъ. Та эпоха, когда люди жили только животомъ,
была варварски грубой и бѣдной, наша, когда тѣло подчинен-
но духу и сведено на задній дворъ, бессмысленно слаба. Но
человѣчество жило не даромъ: оно вырабатываетъ новыя ус-
ловія жизни, въ которыхъ не будетъ мѣста ни звѣрству, ни
аскетизму...

— Скажите, а любовь... она налагаетъ обязанности? —
неожиданно спросила Карсавина.

— Нѣтъ, Любовь налагаетъ обязанности, тяжелыя для человека, только благодаря ревности, а ревность порождена рабствомъ. Всякое рабство рождаетъ зло... Люди должны наслаждаться любовью безъ страха и запрета, безъ ограниченія.. А тогда и самыя формы любви расширятся въ безконечную цѣпь случайностей, неожиданностей и сплѣненій.

— А вѣдь я не боялась тогда ничего! — съ гордостью подумала дѣвушка и вдругъ, точно въ первый разъ, увидѣла Санина.

Сидѣлъ онъ на рулѣ, большой, сильный, съ темными отъ ночи и луны глазами, и широкія плечи его были неподвижны, какъ желѣзныя. Карсавина пристально вглядѣлась въ него, съ жуткимъ интересомъ. Она вдругъ подумала, что передъ ней цѣлый міръ невѣдомыхъ ей своеобразныхъ чувствъ и силъ, и ей вдругъ захотѣлось коснуться его.

— А онъ интересный! — лукаво мелькнуло у нея въ головѣ. Стыдливо она засмѣялась сама себѣ, но странное волненіе охватило все ея тѣло нервной дрожью.

И, должно быть, онъ почувствовалъ неожиданно налетѣвшее дыханіе женскаго любопытства, потому что задышалъ сильнѣе и быстрѣе.

Весла, зацѣпившись за вѣтки узкаго пролива, въ который медленно поворачивала лодка, безсильно упали изъ рукъ дѣвушки и что то какъ будто упало и внутри ея.

— Не могу тутъ... трудно... — упавшимъ голосомъ, виновато проговорила она, и голосъ ея тихо и пѣвуче зазвучалъ въ темномъ и узкомъ проходѣ, гдѣ слабо звенѣли невидимыя струйки воды.

Санинъ всталъ и пошелъ къ ней.

— Куда вы? — съ непонятнымъ испугомъ спросила она.

— Давайте я...

Дѣвушка встала и хотѣла перейти на руль. Лодка качалась, точно уходя изъ подъ ногъ, и Карсавина невольно ухватилась за Санина, сильно толкнувъ его своей упругой грудью. И въ этотъ моментъ, почти не сознавая, не вѣря даже возможности этого, дѣвушка неуволимымъ мимолетнымъ движеніемъ сама задержала прикосновеніе, какъ будто прижалась на лету.

Мгновенно, всѣмъ существомъ своимъ онъ воспріять сказочное очарованіе близости женщины, и она всѣмъ существомъ поняла его чувство, ощутила всю силу его стремленія и опьянилась ею прежде, чѣмъ поняла, что дѣлаетъ.

— А... — удивленно восторженно вырвалось у Санина, и больно и страстно онъ обнялъ ее, такъ что она, перегнувшись назадъ, очутилась на воздухѣ и инстинктивно схватилась за падающую шляпу и волосы.

Лодка запаталась силнѣе, и невидимыя волны, съ испуганнымъ шумомъ, разбѣжались къ берегамъ.

— Что вы! — слабымъ женскимъ вскрикомъ крикнула Карсавина.

— Пустите!.. Ради Бога... что вы! — задыхающимся шопотомъ проговорила она послѣ мгновеннаго жгучаго молчанія, отрывая его стальные руки. Но Санинъ съ силой, почти раздавливая ее упругую грудь, прижалъ дѣвушку къ себѣ, и ей стало душно, и все, что было преградой между ними, куда то исчезло. Вокругъ была тьма, пряный запахъ водъ и травъ, и странный холодъ, и жаръ, и молчаніе. И она, вдругъ погружаясь въ непонятное безволіе, опустила руки и лежала, ничего не видя и не сознавая, съ жгучей болью и мучительнымъ наслажденіемъ подчиняясь чужой, мужской волѣ и силѣ.

XXXIX.

Но скоро потомъ она стала сознавать и поняла и пятна луннаго свѣта на черной водѣ, и то, что она полулежитъ въ лодкѣ, и лицо Санина, съ странными глазами, и то, что онъ обнимаетъ ее, какъ свою, и что голое колѣно ея третъ весло.

Тогда она тихо и неудержимо заплакала, не вырываясь изъ рукъ Санина и все еще подчиняясь ему.

И въ слезахъ ея были и грусть о чемъ-то невозвратимомъ, и страхъ, и жалость къ себѣ, и слабая нѣжность къ нему, исходившая какъ бы не изъ разума и сердца, а изъ самой глубины ея молодого тѣла, впервые раскрывшагося во всей красѣ и силѣ.

Лодка тихо выплыла на болѣе широкое и чуть-чуть освѣщенное мѣсто и колыхалась въ темной загадочной водѣ, по которой съ тихимъ вѣчнымъ плескомъ бѣжали струйки теченія.

Санинъ взялъ ее на руки и посадилъ къ себѣ на колѣни. И Карсавина сидѣла безпомощно и растерянно, какъ дѣвочка.

Будто сквозь сонъ она слышала, что онъ успокаиваетъ ее и говорить ей ты, и голосъ его полонъ нѣжности, смягчившейся силы и благодарности.

— Потомъ я утоплюсь! — смутно думала она, прислушиваясь къ его словамъ и какъ будто отвѣчая кому то постороннему, который вотъ-вотъ готовъ потребовать у нея отчета: — Что ты сдѣлала и что будешь дѣлать теперь?

— Что же теперь дѣлать? — неожиданно и машинально спросила Карсавина.

— Увидимъ, — отвѣтилъ Санинъ.

Она хотѣла сползти съ его колѣнъ, но онъ притянулъ ее, и дѣвушка покорно осталась. Ей самой было какъ то странно. что она не ощущаетъ къ нему ни гнѣва, ни отвращенія.

И потомъ, когда Карсавина вспомнила эту ночь, все казалось ей непонятнымъ, какъ во снѣ. Все вокругъ молчало и было темно и торжественно неподвижно, какъ бы соблюдая тайну. Свѣтъ мѣсяца, уцѣбленного черными верхушками лѣса, былъ странно неподвиженъ и призраченъ. Черная тѣма подъ берегомъ и изъ глубины лѣса смотрѣли на нихъ бездонными глазами, и все застыло въ напряженномъ ожиданіи чего то. А въ ней не было силъ и воли опомниться, вспомнить, что она любила другого, стать прежней одинокой дѣвушкой, оттолкнуть мужскую грудь. Она не защищалась, когда онъ опять сталъ цѣловать ее, и почти безсознательно принимала жгучее и новое наслажденіе, съ полузакрытыми глазами уходя все дальше и дальше въ новый, еще страннѣй для нея и таинственно влекущій міръ. По временамъ ей казалось, что она не видитъ, не слышитъ и не чувствуетъ ничего, но каждое движеніе его, всякое насиліе надъ ея покорнымъ тѣломъ, она воспринимала необычайно остро, съ смѣшаннымъ чувствомъ униженія и требовательнаго любопытства.

Отчаяніе, холодкомъ свивавшееся вблизи самого сердца, подсказывало ей падшія и робкія мысли:

— Все равно теперь, все равно... — говорила она себѣ, а тайное тѣлесное любопытство какъ бы хотѣло знать, что еще можетъ сдѣлать съ ней этотъ, такой далекій и такой близкій, такой враждебный и такой сильный человѣкъ.

Потомъ, когда онъ оставилъ ее и, сидя рядомъ, сталъ грести, Карсавина полулежа, закрыла глаза и, стараясь не жить, вздрагивала отъ cadaго толчка его твердой и теперь такъ знакомой ей груди, мѣрно двигавшейся надъ ея грудью.

Лодка съ тихимъ скрипомъ пристала къ берегу. Карсавина открыла глаза.

Кругомъ были поле, вода и бѣлый туманъ. Мѣсяцъ свѣтилъ блѣдно и неясно, какъ призракъ, умирающій при раз-

свѣтъ дня. Было совсѣмъ свѣтло и прозрачно. Въ воздухѣ тянулось рѣзкій предрасвѣтный вѣтерокъ.

— Проводить тебя? — спросилъ Санинъ.

— Нѣтъ, я сама... — машинально отвѣтила Карсавина.

Санинъ поднялъ ее на руки и съ наслажденіемъ могучаго усилія вынесъ ее изъ лодки, чувствуя къ ней жгучую любовь и благодарную нѣжность. Онъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ и поставилъ на землю. Карсавина шаталась и не могла стоять.

— Красавица! — съ такимъ чувствомъ, точно вся душа его стремилась къ ней въ порывѣ нѣжности, страсти и жалости, сказалъ Санинъ.

Она улыбнулась съ бессознательной гордостью.

Санинъ взялъ ее за руки и потянулъ къ себѣ.

— Поцѣлуй!

— Все равно теперь.... И почему онъ такой жалкій и близкій?... Все равно, лучше не думать! — безсвязно пронеслось въ головѣ Карсавиной и она долго и нѣжно поцѣловала его въ губы.

— Ну, прощай... — шепнула она, путаясь въ звукахъ и не замѣчая, что говорить.

— Милая, не сердись на меня... — съ тихой просьбой сказалъ Санинъ.

Потомъ, когда она уходила по плотинѣ, шатаясь и путаясь въ подолѣ юбки, Санинъ долго и грустно смотрѣлъ ей вслѣдъ и ему было больно отъ провидѣнія тѣхъ напрасныхъ страданій, которыя она должна была перенести и выше которыхъ, какъ онъ думалъ, стать не могла.

Фигура ея таяла и терялась въ туманѣ, уходя навстрѣчу разсвѣту. А когда ея не стало видно, Санинъ съ силой вскочилъ въ лодку, и подъ могучими торжествующими ударами веселъ вода шумно и весело забурлила вокругъ. На широкомъ мѣстѣ рѣки, среди бѣлаго волнующаго тумана, подъ утреннимъ небомъ, Санинъ бросилъ весла, вскочилъ во весь ростъ и изо всѣхъ силъ громко и радостно закричалъ.

Лѣсъ и туманъ ожили и отвѣтили ему такимъ же долгимъ радостнымъ, замирающимъ крикомъ.

XL.

Точно сваленная ударомъ по головѣ, Карсавина заснула мгновенно и послѣ короткаго мертваго сна, рано утромъ про-

снулась внезапно, вся больная и, какъ трупъ, холодная. Казалось, что отчаяніе не спало въ ней и ни на одну секунду не было забвеніе того, что было. Она остро смотрѣла вокругъ и, молча, внимательно обрѣдла глазами всякую мелочь, какъ будто отыскивая, что измѣнилось со вчерашняго дня.

Но свѣтлыми и спокойными по утреннему смотрѣли на нее и сбраса въ углу, и окна, и полъ, и мебель, и свѣтло-волосая голова Дубовой, крѣпко спавшей на другой кровати. Все было просто, какъ всегда, и только ея блѣдное платье, смятое и брошенное на стулъ, говорило о чемъ то.

Сквозь румянецъ недавняго сна на лицѣ Карсавиной все яснѣе и яснѣе стала проступать мертвенная блѣдность, и ея черныя брови вырисовывались такъ отчетливо, точно лицо ея, по вчерашнему, освѣтилось луной.

Съ поразительной ясностью и отчетливостью больного мозга встало передъ нею все пережитое и ярче всего, какъ на утрѣ шла она по еще спящимъ улицамъ предмѣстья. Солнце, только что показавшееся надъ крышами и заборами, посѣдѣвшими отъ росы, свѣтило ослѣпительно-безопасно, какъ никогда. Сквозь закрытыя ставни, точно сквозь притворно прикрытыя вѣки, слѣдили за ней враждебныя окна мѣщанскихъ домовъ, и оглядывались вслѣдъ одинокіе прохожіе. А она шла подъ утреннимъ солнцемъ, путаясь въ подолѣ длинной юбки и еле удерживая въ рукахъ свою зеленую плюшевую сумочку. Шла, какъ преступница, вдоль заборовъ, неровными колеблющимися шагами.

Если бы въ ту минуту весь родъ людской, съ разинутыми ртами и завистливыми глазами, высыпалъ ей на дорогу и провожалъ гикомъ, смѣхомъ и хлещущими, какъ кнуты, подлыми словами, ей было бы уже все равно, и она такъ же шла бы впередъ, пятаясь подъ ударами, безъ цѣли и смысла, съ опустѣлой тоской въ душѣ.

Еще въ полѣ, когда затихли въ туманѣ шумные удары веселъ, бурно вздымавшіе воду, Карсавина вдругъ уразумѣла, какая страшная тяжесть навалилась на ея женскія гнущіяся плечи, и отчаяніе стало ея сердцемъ, разумомъ и жизнью. Она вскрикнула, упустила свою сумочку въ мокрый песокъ и схватилась за голову.

И съ этого момента она была уже подъ властью слова всякаго челоуѣка, а своей воли у нея не стало.

Какъ сильное опьяненіе вспомнила она вчерашнюю ночь. Было что-то необыкновенное, безумно-захватывающее такое,

сильное, какъ никогда, — а теперь нельзя было понять, какъ это могло случиться, и какъ она могла забыться до потери стыда, разума и другой, казалось, наполнявшей всю жизнь, любви.

Въ физической тоскѣ, похожей на предсмертную тошноту, Карсавина выскользнула изъ подъ одѣяла и, неслышно двигаясь, стала одѣваться, чувствуя, какъ при малѣйшемъ движеніи Дубовой, все тѣло обвивается холодомъ.

Потомъ она сѣла у окна и напряженными, неподвижными глазами уставилась въ садъ, гдѣ ярко зеленѣли и желтѣли омытыя утромъ деревья.

Мысли ея были громадны и неслись, какъ черный дымъ подхваченный вѣтромъ. Если бы кто-нибудь могъ развернуть ея душу и читать ее, какъ книгу, снѣ пришелъ бы въ ужасъ.

На фонѣ необычайно сильной молодой жизни, въ которой каждый день каждое чувство и движеніе были полны озаренной солнцемъ страстной крови, клубились чудовищные образы. Мысль о самоубійствѣ надвигалась на сознаніе, черная и неподвижная, страстная тоска о томъ, что потеряна чистая и свѣтлая любовь къ Юрію сжимала сердце, и все заливала мутная волна страха передъ массою знакомыхъ и незнакомыхъ человѣческихъ лицъ, стоящихъ передъ нею.

То ей приходило въ голову броситься къ Юрію, биться передъ нимъ, плакать, отдать ему всю жизнь и потомъ уйти куда-то навсегда. То подавлялъ ее ужасъ увидѣть Юрія и хотѣлось умереть, не сходя съ мѣста, просто перестать жить. То мелькала мысль, что еще какъ-то можно поправить все, что вчерашняя ночь не можетъ быть, чтобы существовала въ самомъ дѣлѣ, но какъ дикій вопль, въ душѣ проносилось воспоминаніе о своей наготѣ, о тяжести мужскаго тѣла, о мгновенномъ жгучемъ забытій, и растерянная, оглушенная непрекаемой силой бывшаго, Карсавина лежала грудью на подоконникѣ, безъ силъ и безъ мысли.

А между тѣмъ проснулась Дубова, и она уже слышала движеніе и удивленный вскрикъ подруги.

— А, ты уже встала?... Вотъ необыкновенное происшествіе!

Утромъ, когда Карсавина вернулась, полусонная Дубова только спросила ее:

— Что это ты какъ встрепанная?

И заснула. Но теперь она почуяла что-то и, въ одной рубашкѣ, босая подошла къ ней.

— Что съ тобой? Ты здорова? — какъ старшая сестра, ласково и заботливо спросила она.

Карсавина съежилась, какъ бы ожидая удара, но розовыя губы ея фальшиво улыбнулись и, какъ ей показалось, чужой голосъ черезчуръ весело отвѣтилъ:

— Конечно. Я просто совсѣмъ не спала...

Такъ было произнесено первое слово лжи, и оно безъ остатка уничтожило воспоминаніе о прежней свободной и смѣлой дѣвушкѣ. То была одна, а теперь стала другая, и эта другая была лжива, труслива и грязна. Когда Дубова улыбалась и одѣвалась. Карсавина тайкомъ смотрѣла на нее, и подруга казалась ей свѣтлой и чистой, а сама она темной, какъ раздавленное пресмыкающееся. Чувство это было такъ сильно, что даже та часть комнаты, гдѣ двигалась Дубова, казалась Карсавиной освѣщенной солнцемъ, а ея уголь тонулъ въ сырой и липкой тѣмѣ. Карсавина вспомнила, какъ высоко надъ старѣющей, безцвѣтной подругой чувствовала она себя въ ореолѣ своей молодости, красоты и чистоты, и тоска плакала въ ней крупными, какъ капли крови, слезами безнадежной утраты.

Но это совершалось внутри нея, а наружно Карсавина была спокойна и даже какъ будто весела. Она надѣла красивое синее платьѣ, шляпу, взяла зонтикъ и пошла въ школу своими обычными, точно падающими шагами. Тамъ пробыла она до обѣда, а потомъ пришла домой.

По дорогѣ встрѣтила Лиду Санину.

Обѣ онѣ, стройныя, молодыя и красивыя женщины, стояли освѣщенные солнцемъ, улыбались страстными губами и говорили о пустякахъ. Но въ Лидѣ поднималась болѣзненная ненависть къ счастливой, беззаботной дѣвушкѣ, а Карсавина завидовала счастью быть такой прекрасной, веселой и свободной, какъ Лида.

Послѣ обѣда Карсавина взяла книгу, сѣла у окна и опять стала безучастно и неподвижно смотрѣть на свѣтъ и тепло сада, доживающаго послѣдніе лѣтніе дни.

Острый порывъ прошелъ, и въ душѣ ея все опустилось въ безразличную и больную усталость.

— Ну, что-жъ... ну, пропаду, туда мнѣ и дорога... Я умру, — апатично повторяла она себѣ.

— Карсавина увидѣла Санина раньше, чѣмъ онъ замѣтилъ ее.

Онъ прошелъ по саду, высокій и спокойный, оглядываясь

по сторонамъ и трогая руками вѣтки кустовъ, точно здороваясь съ ними. Откинувшись назадъ и прижавъ книгу къ груди, Карсавина дико смотрѣла на него, пока Санинъ медленно подходилъ къ окну.

— Здравствуйте! — сказалъ онъ, протягивая руку.

И прежде, чѣмъ она успѣла встать и опомниться въ полумоморочномъ хаосѣ чувствъ, Санинъ повторилъ съ настойчивою лаской:

— Здравствуйте же!

Было въ его голосѣ нѣчто такое, что лишило Карсавину возможности крикнуть, встать, уйти, и, теряя волю, она тихо отвѣтила:

— Здравствуйте...

И, отвѣтивъ, почувствовала, что онъ сильнѣе ея и сдѣлаетъ съ ней, что хочетъ.

Санинъ облокотился на подоконникъ и сказалъ:

— Выйдите на минутку въ садъ, намъ надо поговорить...

Карсавина встала и, вся во власти странной силы, не зная, что ей надо дѣлать, куда идти и какъ.

— Я буду ждать тамъ, — замѣтилъ Санинъ.

Она кивнула головой, мучительно стыдясь, что отвѣчаетъ ему.

Санинъ ушелъ медленной, спокойной походкой, и Карсавина боялась смотрѣть ему вслѣдъ. Она нѣсколько секундъ простояла неподвижно, крѣпко сжавъ руки. Потомъ вдругъ суетливо задвигалась и, даже подобравъ платье, чтобы было ловчѣе идти, вышла изъ дому.

Золотой свѣтъ отъ солнца и желтыхъ листьевъ неудержимо пронизывалъ весь садъ. Еще издали Карсавина увидѣла Санина, стоявшаго на дорожкѣ. Онъ улыбнулся ей, и подъ его взглядомъ дѣвушка стало трудно и стыдно идти: ей казалось, что платье уже не скрываетъ ее отъ Санина, и ему видно каждое движеніе уже знакомаго ему нагого тѣла. И чувство безпомощности и стыда такъ возросло въ ней, что Карсавиной стало страшно сада и свѣта. Чуть не падая, торопясь, она подошла и стала такъ близко, чтобы онъ не могъ видѣть ее всю, съ головы до ногъ.

Тогда Санинъ взялъ ее за руку, втянулъ въ самую гущу перепутанныхъ деревьевъ и тамъ почти посадилъ къ себѣ на колѣни, самъ полусидя на пнѣ старой яблони.

Сбоку былъ виденъ ему понурившійся нѣжный профиль и круглое плечо, мягкое и слабое, рядомъ съ его широкой и

твердой грудью, но странно хорошо гармонизировавшее съ нею. Невольно, чувствуя восторженное обожаніе къ ея красотѣ и какъ бы преклоняясь передъ нею, Санинъ наклонился и тихо поцѣловалъ тонкую сухую матерію, сквозь которую просвѣчивало и теплѣло свѣжее тѣло. Карсавина вдрогнула, но не отстранялась. Онъ побуждалъ ее своей силой и смѣлостью, она его — своей нѣжностью и красотой, и оба боялись друга друга. Санинъ хотѣлъ сказать ей много нѣжныхъ успокоительныхъ словъ, но ему показалось, что при первомъ звукѣ его голоса Карсавина встанетъ и уйдетъ, и онъ молчалъ. Дѣвушка слышала напряженный звукъ его дыханія.

— Что онъ хочетъ... Что сдѣлаетъ?... — думала она замирая отъ страха и стыда. — Неужели опять... Я вырвусь, уйду!...

— Зиночка, — наконецъ сказалъ Санинъ, — и звукъ его голоса, неловко выговорившаго непривычное имя, былъ нѣженъ и страненъ.

Карсавина мелькомъ, на одно мгновеніе взглянула ему въ лицо и встрѣтила его блестящіе глаза, съ восторгомъ и боязнью смотрѣвшіе на нее такъ близко, что она испугалась. Испугалась и въ то же время инстинктивно почувствовала, что онъ вовсе не страшенъ, что теперь онъ больше боится ее, чѣмъ она его. Что-то похожее на лукавое дѣвичье любопытство, шевельнулось въ уголкѣ ея души и вдругъ ей стало легче и не стыдно, что она сидитъ на его колѣняхъ.

— Я не знаю, — говорилъ Санинъ; — быть можетъ, я очень виноватъ передъ вами и мнѣ не надо было приходить... но я не могъ оставить васъ такъ!.. Мнѣ такъ хочется, чтобы вы меня поняли... и не чувствовали ко мнѣ отвращенія и ненависти!... Что я долженъ былъ сдѣлать? Былъ такой моментъ, когда я почувствовалъ, что между нами что-то исчезло, и что если я пропущу, этотъ моментъ въ моей жизни никогда не повторится... вы пройдете мимо и никогда я не переживу того наслажденія и счастья, которое могу пережить.. Вы такая красавица, такая молодая...

Карсавина молчала. Розовѣло ея прозрачное ухо, полу-прикрытое волосами, и вздрагивали рѣсницы.

И такъ же тихо, неясными и дрожащими словами Санинъ говорилъ ей о томъ огромномъ счастьѣ, которое она дала ему, о томъ, что эта ночь останется навсегда въ его жизни, какъ сказка. И по голосу его было слышно, что онъ страдаетъ отъ невозможности что-то передать ей такое, отчего прошла бы

грусть, налетѣла бы веселая волна, стала бы она веселой, что-то давшей, что то взявшей у жизни.

— Вы страдаете, а вчера было такъ хорошо! — говорилъ онъ. — Но вѣдь эти страданія оттого только, что жизнь наша устроена безобразно, что люди сами назначили плату за свое же собственное счастье... А если бы мы жили иначе, эта ночь осталась бы въ памяти насъ обоихъ, какъ одно изъ самыхъ цѣнныхъ, интересныхъ и прекрасныхъ переживаній, которыми только и дорога жизнь!..

— Если бы! — машинально сказала Карсавина и вдругъ, неожиданно и для себя самой, улыбнулась лукаво.

Какъ будто солнце взошло, какъ будто птицы запѣли и зашумѣли травы, такъ стало легко и свѣтло въ душѣ отъ ея улыбки, на мгновеніе возродившей прежнюю веселую и смѣлую дѣвушку. Но это была вспышка, которая быстро упала.

Вдругъ представилась Карсавиной вся будущая ея жизнь въ видѣ темныхъ, разорванныхъ и грязныхъ клочьевъ изъ сплетенъ, насмѣшекъ, горя и стыда, доходящаго до позора. Замерещелись всѣ знакомыя лица, и всѣ были глумливы и брезгливы, заскакали вокругъ какіе-то безобразные образы, и черныи страхъ покрылъ ея душу, возбуждая ненависть.

— Идите, оставьте меня! — поблѣднѣвъ и стиснувъ зубы, съ жестокимъ выраженіемъ, точно мстя ему за свою улыбку, выговорила Карсавина и оттолкнувшись отъ его груди, встала.

Тяжкое ощущеніе безсилія овладѣло Санинымъ. Онъ почувствовалъ, что никакими словами нельзя утѣшать ее въ томъ, что явно угрожало ей страданіемъ, позоромъ и нищетой. Она была права въ своемъ гнѣвѣ и скорби, и не въ его силахъ было мгновенно передѣлать весь міръ, чтобы снять съ ея женскихъ плечъ ту страшную липкую тяжесть, которая упала на нее безвинно, за радость и счастье, данныя ему ея молодой красотой. На мгновеніе родилась въ немъ мысль предложить ей свое имя и свою помощь, но что-то удержало его. Почувствовалось, что это слишкомъ мелко и не то нужно.

— Что же, — подумалъ Санинъ, — пусть жизнь идетъ своимъ чередомъ!

А она стояла не подалеку, опустивъ руки, склонивъ голову, увѣнчанную короной прекрасныхъ волосъ, и о чемъ-то думала, глубокой, не дѣвичьей складкой прорѣзавъ свой блѣлый лобъ.

— Я знаю, — заговорилъ Санинъ, — что вы любите Юрія Сварожича... можетъ быть отъ этого вы и страдаете больше всего?

— Никого я не люблю! — съ тоской прошептала Карсавина, болѣзненно сжавъ руки.

На ея лицѣ рѣзкими чертами, точно физическая боль, выразилось и сознаніе своей вины передъ тѣмъ, кого онъ вспомнилъ, и безпомощное отчаяніе.

А между тѣмъ въ душѣ ея возникалъ и колебался, какъ дымный столбъ, огромный и непосильный вопросъ, въ которомъ, казалось ей, сосредоточился весь ужасъ и вся разгадка того, что произошло.

— Какъ связать это, — безъ словъ думала Карсавина: — я люблю Юрія и теперь люблю его такъ, что сердце рвется... при мысли о томъ, что я не буду для него такой чистой и единственной, какъ была, все меркнетъ, какъ передъ смертью, а между тѣмъ вчера меня толкнуло къ этому человѣку...

Мысль о Санинѣ не имѣла лица: было воспоминаніе о бѣшенной силѣ, о страшномъ наслажденіи, въ которомъ страданіе сливалось съ желаніемъ еще большей, еще глубшей близости и минутами хотѣлось быть замученной до смерти. Потомъ было свѣтлое и тихое воспоминаніе о какой то пѣвучей и невыразимо близкой нѣжности, и это послѣднее воспоминаніе смягчило сердце.

— Я сама виновата! — сказала себѣ Карсавина: — я гадкая, развратная тварь!

И ей захотѣлось плакать, каяться, бить плетью по тому самому бѣлому и прекрасному тѣлу, которое въ ней оказалось сильнѣе и требовательнѣе разума, любви и самого сознанія.

Одно мгновеніе казалось, что она не вынесетъ этого страшнаго порыва, потеряетъ сознаніе, умретъ. Но онъ упалъ, обезсиливъ, и осталась только безнадежная, тихая печаль.

И когда Санинъ, съ какой то особенной трогательной мольбой, сказалъ:

— Не помяните меня зломъ... вы все такъ же прекрасны и такое же счастье дадите любому человѣку, какое дали мнѣ... и больше, во много разъ больше... А я не желалъ вамъ, ничего, кромѣ самого хорошаго, самого нѣжнаго и всегда буду помнить васъ такою, какою вы были вчера. Прощайте... а если я понадобитсяъ вамъ зачѣмъ-нибудь — позовите... я бы отдалъ вамъ жизнь, если бы могъ!

Карсавина тихо взглянула на него и чего-то стало ей жаль — А, можетъ быть, все пройдетъ! — мелькнуло у нея въ головѣ, и на мгновеніе все показалось вовсе не такимъ ужаснымъ и труднымъ. Съ минуту они смотрѣли прямо въ глаза другъ другу, и въ это время что-то хорошее вышло изъ самой глубины ихъ сердецъ и соединилось, точно они стали вдругъ родными и близкими, и узнали, что то, о чемъ не надо знать больше никому и что навсегда останется въ душахъ теплымъ и яркимъ воспоминаніемъ.

— Ну... прощайте! — низкой дѣвической ноткой произнесла Карсавина.

Радость и нѣжность освѣтили лицо Санина. Она подала ему руку, но вышло какъ-то такъ, что они поцѣловались, просто и тепло, какъ братъ и сестра.

Когда Санинъ уходилъ, Карсавина проводила его до воротъ и долго, задумчиво и грустно, смотрѣла вслѣдъ. Потомъ тихо пошла въ садъ и легла на траву, заложивъ руки подъ голову.

Суховатая, но еще душистая трава о чемъ-то зашуршала вокругъ, и закрывъ глаза, безъ мысли и чувствъ, Карсавина замерла. Что-то завершалось въ ней, и казалось, что совершится оно само, и снова встанетъ и пойдетъ къ жизни попрежнему веселая, молодая и смѣлая женщина, передъ которой жизнь раскроетъ самое счастливое и роскошное, что есть въ ней.

Черная мысль о Юріи, о томъ, нужно ли открыть ему ея тайну или нѣтъ, подходила къ ея головѣ, неся новый ужасъ и стыдъ, но Карсавина торопливо говорила себѣ:

— Не надо объ этомъ думать, не надо... это само!..

И опять замирала въ ожиданіи.

XLII.

Въ этотъ день Юрій всталъ поздно, въ гнетущемъ расположеніи духа, съ дурнымъ вкусомъ во рту и съ тонкой сверлящей болью въ вискахъ. Сначала онъ ничего не могъ вспомнить, кромѣ крика, звона стекла, блѣдныхъ огней и страннаго для пьяныхъ одурѣвшихъ глазъ яснаго и прозрачнаго свѣта утра. Потомъ припомнилъ, какъ Шафровъ и Петръ Ильичъ, пошатываясь и бормоча хрюкающіе звуки, ушли въ номеръ спать, а онъ и, страшно блѣдный отъ вылитой водки, но твердый, какъ всегда, Ивановъ еще долго оставались на балконѣ, не обращая вниманія на солпечное утро, голубое вверху и

зеленое внизу — на дугахъ и сверкающей бѣлымъ золотомъ рѣкѣ.

Они спорили, и Ивановъ съ торжествомъ доказывалъ Юрію, что такіе люди, какъ онъ нигдѣ не годятся; что они не смѣютъ взять отъ жизни то, что имъ принадлежитъ, и что самое лучшее имъ погибнуть безъ слѣда и сѣмени. Онъ съ непонятной алорадностью повторялъ фразу Петра Ильича: «Такихъ людей я остерегаюсь называть людьми» — и дико смѣялся. точно топилъ Юрія. А Юрій почему-то не обижался и слушалъ, возражая только на обвиненіе въ скудости переживаній, говоря, что, напротивъ, именно у такихъ людей жизнь особенно тонка и сложна, но что, правда, имъ лучше погибнуть. И Юрію было нестерпимо грустно, хотѣлось плакать и каяться. Онъ со стыдомъ припомнилъ, что какъ будто пытался каяться и все ходилъ вокругъ и около эпизода съ Карсавиной, чуть-чуть не бросивъ эту чистую, милую дѣвушку подъ ноги торжествующему, грубому человѣку. Но Ивановъ былъ такъ пьянъ, что, кажется, ничего не замѣтилъ, и Юрію ужасно хотѣлось теперь вѣрить, что это — такъ.

Ивановъ, вопя безъ причины, ушелъ на дворъ, и вдругъ всѣ куда то исчезли. Стало необычайно пусто, и Юрій остался совершенно одинъ. Зрѣніе его было съужено пьянымъ туманомъ, и передъ нимъ качалась только грязная залитая скатерть, хвостики обгрызанной редиски и стаканы съ окурками и сгустками пива. Юрій сидѣлъ, опустивъ голову, качался и чувствовалъ себя человѣкомъ, оставленнымъ всѣмъ міромъ.

Потомъ вернулся Ивановъ, и вмѣстѣ съ нимъ пришелъ гдѣ-то пропадавшій Санинъ. Онъ былъ веселъ, шуменъ и совершенно трезвъ, и какъ-то странно, не то черезъ чуръ ласково, не то насмѣшливо смотрѣлъ на Юрія. Дальше въ воспоминаніяхъ было бѣлое пустое пятно, а потомъ Юрій припомнилъ лодку, воду, какой-то, никогда не виданный, молочно-розовый туманъ. Они ѣхали по холодной прозрачной водѣ, шли по ровному песку, освѣщенному солнцемъ, какъ будто откуда то снизу. Остро болѣла голова и топило.

— Чортъ знаетъ, какая гадость! — подумалъ Юрій: — не доставало еще пьянства...

И безразлично стряхнувъ всѣ эти воспоминанія, какъ грязь, налившую на ноги, Юрій началъ углубленно продумывать то, что произошло въ лѣсу.

Въ первое мгновеніе передъ нимъ всталъ этотъ необыкновенный, таинственный лѣсъ, глубокій, неподвижный мракъ подъ деревьями, странный свѣтъ мѣсяца, бѣлое холоднаго тѣла женщины, ея закрытыя глаза, одуряющій тягучій запахъ, жгучее желаніе, доходящее до бѣшенства.

Воспоминаніе наполнило все его тѣло томной и сладострастной дрожью, но что-то испуганно кольнуло въ високъ, сжало сердце, и черезчуръ подробно вспоминалась та растерянная, безобразная сцена, когда онъ безъ всякаго желанія валилъ дѣвушку на траву, а она не хотѣла, толкалась, вырывалась, и онъ видѣлъ, что уже не можетъ и не хочетъ, а все-таки лѣзъ на нее.

Юрій содрогнулся отъ стыда и ощутилъ даже свѣтъ дня. Ему захотѣлось уйти во тьму, закопаться въ землю, чтобы и самому не видѣть своего позора. Но черезъ мгновеніе, какъ это ни было трудно, Юрій увѣрилъ себя, что омерзительно было не то, что онъ испортилъ и обезобразилъ могучій порывъ страсти, а то, что на минуту былъ близокъ къ сближенію съ дѣвушкой.

Страшнымъ, почти физическимъ усиліемъ, похожимъ на то, какъ если бы онъ поборолъ человѣка, во много разъ сильнѣе его, Юрій повернулъ свое чувство и увидѣлъ, что поступилъ такъ, какъ и надо было.

— Было бы подло, если бы я воспользовался ея порывомъ!

Но передъ нимъ возникъ новый и еще болѣе мучительный вопросъ:

— Что дѣлать дальше?

И среди хаоса разнорѣчивыхъ мыслей и желаній выкристаллизовалось одно:

— Надо порвать все!... Овладѣть ею, потѣшиться и бросить я не могу, я не такой человѣкъ и слишкомъ близко чувствую чужія страданія, чтобы самому причинять ихъ. А жениться?...

Необыкновенной пошлостью прозвучало для Юрія даже слово это. Онъ, Юрій, съ его необыкновенной, совершенно особенной организаціей, вѣчно колеблющейся на граняхъ великихъ мыслей и великихъ страданій, не можетъ создать себѣ мѣщанское счастье, съ женой, дѣтьми и хозяйствомъ. Юрій даже покраснѣлъ, какъ будто кто-то оскорбилъ его самой мыслью о возможности въ немъ хотя бы мгновеннаго предположенія о такомъ исходѣ.

— Значить, оттолкнуть ее, уйти?

Какъ величайшее счастье, безвозвратно уходящее, какъ потеря самой жизни, мелькнулъ передъ нимъ отдаляющійся образъ дѣвушки. Какъ будто отказываясь отъ нея, онъ вырывалъ ее изъ самаго сердца, и за нею тянулись кровавыя жилы, обрываясь съ смертельными кровоточащими ранами. Все потемнѣло кругомъ, на душѣ стало пусто и тяжело, и даже самое тѣло какъ будто ослабѣло.

— Но вѣдь я ее люблю! — съ послѣднимъ взрывомъ мучительнаго недоумѣнія мысленно закричалъ себѣ Юрій: — какъ же можетъ быть, чтобы я самъ такъ и порвалъ свое собственное счастье!... Это нелѣпо, безобразно!

— А что же?... «Жениться»?

И опять устыдившись возможности даже мысли объ этомъ, Юрій погрузился въ мучительную и недоумѣлую тоску. Самое солнце пересталъ онъ видѣть, пересталъ сознавать свою жизнь, потерялъ охоту видѣть и слышать. И стараясь хоть не думать больше объ этомъ, Юрій сѣлъ къ столу и сталъ читать на дняхъ написанное имъ подражаніе Екклесиасту:

«Въ мірѣ нѣтъ ни добраго, ни злого.

«Иные говорятъ: что естественно — то добро, и человѣкъ правъ въ желаніяхъ своихъ.

«Но это ложь, ибо все естественно, ничто не рождается изъ мрака и пустоты, но имѣетъ одно начало.

«Такъ говорятъ другіе: — то добро, что отъ Бога, но это ложь, ибо если есть Богъ, то все отъ него, даже богохульство.

«Говорятъ третьи: то добро, что творитъ доброе людямъ. Но есть ли такое? Что добро одному, то зло другому: рабу добро его свобода, господину — рабство раба; богатому — въ сохраненіи благъ его, бѣдному, чтобы погибъ богатый; отверженному, чтобы покорить, отвергающему, чтобы не покориться; нелюбимому, чтобы полюбила его, счастливому, чтобы отвергла всѣхъ, кромѣ него; живущему, чтобы не умирать, рождающемуся, чтобы умерли и очистили ему мѣсто подъ солнцемъ; человѣку — въ гибели звѣрей, звѣрямъ въ гибели человѣка.... И такъ все, и такъ отъ вѣка и до края вѣковъ, — никто передъ другимъ не имѣетъ права на доброе одному ему.

«Вотъ принято между людьми, что творитъ добро и любовь, лучше, чѣмъ творитъ зло и ненависть. Но это скрыто: ибо если есть возмездіе, то лучше человѣку творитъ добро и

себя принести въ жертву, а если нѣтъ его, то лучше взять свою долю подѣ солнцемъ.

«Вотъ еще примѣръ лжи, что въ людяхъ: вотъ живетъ нѣкто, отравляющій свою жизнь для другихъ. И говорятъ ему: духъ твой переживаетъ тебя, ибо сохранится въ дѣлахъ людей, какъ вѣчное сѣмя. Но это ложь, ибо знаютъ, что въ цѣпи временъ равно живетъ духъ творчества и духъ разрушенія и невѣдомо, что возстанетъ и что распадется.

«Вотъ еще: думаютъ люди о томъ, какъ будутъ жить послѣ нихъ и говорятъ себѣ, что это хорошо и дѣти ихъ пожнутъ плоды ихъ. Но не знаемъ, что будетъ послѣ насъ и не можемъ вообразить тѣ тмы темъ, что будутъ идти по стезямъ нашимъ. И не можемъ ихъ любить или ненавидѣть, какъ не можемъ любить и ненавидѣть тѣхъ, что были раньше насъ. Оборвана связь между временами

«Такъ говорятъ: уравниемъ людей передъ источникомъ радости и горя и одною мѣрою воздадимъ всѣмъ. Но ни одинъ человѣкъ не можетъ воспринять радости и горя, боли и наслажденія большихъ, чѣмъ онъ самъ, и когда доля людей не равна — они не равны, и когда уравнена мѣра ихъ, не уравниются сердца ихъ во вѣкъ.

«Такъ говорить гордость: великіе и малые!

«Но каждый человѣкъ — восходъ и закатъ, вершина и пропасть, атомъ и міръ.

«Вотъ говорятъ: великъ умъ человѣческій! Но ложь это, ибо ограничено зрѣніе и не видитъ человѣкъ ни безумія, ни разума своего въ непредѣльной вселенной, гдѣ разумъ и безуміе растекаются, какъ жидкій воздухъ.

«Что знаетъ человѣкъ?

«И Адамъ зналъ, какъ ѣсть и пить ему и во что одѣться, по потребности его, и сѣмя свое сохранилъ; и мы знаемъ то же и сохранимъ сѣмя свое въ будущее. Но Адамъ не зналъ, что сдѣлать ему, чтобы не умирать и не бояться и мы не знаемъ этого. Много придумано знаній, но не придумано жизни и счастья, чтобы наполнить ихъ.

«Человѣкъ отъ обуви до короны, во всемъ имѣлъ цѣль спасти тѣло свое отъ боли и смерти. И вотъ видимъ; не простою ли палкой Каинъ повергъ Авеля, и не-тою ли же палкой можно уничтожить перваго изъ людей, стоящаго на послѣдней ступени познанія. Не дольше ли всѣхъ жилъ Мафусаилъ, но и онъ умеръ; не счастливѣе ли всѣхъ былъ Іовъ, но и его съѣдала скорбь; и не всякій ли изъ людей, испытавъ въ жиз-

ни своей столько счастья и горя, сколько поднимуть плечи его, умереть тою же смертью, что и праотецъ его... Теперь, когда люди вѣнчаютъ боговъ знанія, и вопіють и похваляются!

«Равно пожирають черви!»

Холодное чувство проползло по спинѣ Юрія и видѣніе бѣлыхъ червей, копошащихся толстымъ слоемъ надъ всею землею отъ края и до края ея, потрясло его. Необычайно значительнымъ показалось ему то, что онъ написалъ.

— А вѣдь это все такъ! — молотомъ стукнуло въ душѣ его, и горделивое чувство творчества смѣшалось съ острымъ приливомъ тоски.

Онъ отошелъ къ окну и долго безцѣльно смотрѣлъ въ садъ, гдѣ слоемъ желтыхъ и красныхъ листьевъ уже золотились дорожки, а вновь умершіе листья, тихо кружась въ воздухѣ, беззвучно падали внизъ. Мертвые, желтыя краски ложились повсюду, умирали листья, умирали миллиарды насѣкомыхъ, жившихъ только свѣтомъ и тепломъ. И все умирало въ тихомъ и спокойномъ сіяніи дня.

Юрій не могъ понять этого спокойствія, и ясная смерть вызывала въ его душѣ безпредметную, тяжелую злобу.

— Вотъ... дохнетъ и сіяетъ, точно ей пряникъ преподнесли! — съ нарочитой грубостью подумалъ онъ и ему хотѣлось придумать слова еще болѣе грубыя и обидныя.

Ихъ приходило много, но они висѣли въ пустотѣ и падали безсильно на голову самого Юрія. И такая злость, до самыхъ корней волосъ, охватила его, что Юрій даже задохнулся.

А за окномъ стоялъ золотой садъ, за садомъ рѣка отражала въ себѣ зеленовато голубое осеннее небо, за рѣкой шли поля, посеребренныя паутиной, за полями опять рѣка и въ ней опрокинутый лѣсъ, потомъ берега, дубы, тихія дорожки и тамъ ходить кто то.

XLIII.

Ходить пьянственный пѣвчій, Петръ Ильичъ.

Когда наступаетъ осень, и дачное мѣсто становится пусто и тихо, какъ маленькое кладбище минувшаго веселья, въ немъ проявляется какая то особенная, изящная красота: тоненькія ажурныя рѣшеточки, какъ кружево, пронизываютъ деревья и кусты, и хмѣль нависаетъ на нихъ красными гир-

ляндами; игрушечные дачные домики сквозять въ золотыхъ узорахъ порѣдѣвшихъ вѣтокъ; на опустѣлыхъ куртинахъ одиноко высятся красивыя астры и о чемъ то думаютъ, покачивая холодными головками; балконы и зеленныя скамейки еще какъ будто хранятъ слѣды минувшей веселой и шумной жизни, и кажется, что эта жизнь была полной только веселья, смѣха и счастья, особенной нарядной жизнью. Иногда въ опустѣлой аллеѣ показывается, какъ отсталая птица отъ улѣтѣвшей стаи, одинокая задумчивая женская фигурка и она кажется удивительно красивой, печальной и таинственной. Запертыя окна и двери рождаютъ тишину, и чудится, что это именно она, осенняя тишина, живетъ теперь здѣсь своей загадочной нечеловѣческой жизнью.

Петръ Ильичъ медленно ходитъ по заброшеннымъ дорожкамъ, шурша своей палкой въ нападавшихъ желтыхъ листьяхъ.

Когда здѣсь людно, шумно и весело, онъ никогда не приходитъ. Быть можетъ онъ инстинктивно чувствуетъ свою старость, убожество и неприглядность, а люди съ ихъ смѣхомъ, и яркими лицами, мѣшаютъ ему слышать что то, слышное ему одному.

Онъ ходитъ мимо дачъ, садится на покинутую лавочку и долго, до тѣхъ поръ, пока не потемнѣетъ уже холодѣющее осеннее небо, смотреть передъ собою, должно быть ощущая вѣяніе вѣчности, незримо проходящей надъ этимъ мѣстомъ людской радости и забавы.

Потомъ идетъ внизъ къ рѣкѣ, подъ важными, зелеными и желтыми дубами, и смотреть на затихшую хрустальную воду. Ложится на сухую рѣдкую траву и по часамъ лежитъ, уткнувшись головой въ землю, слушая ея безмолвный говоръ и дыша ея важнымъ, спокойнымъ дыханіемъ.

Заходить онъ въ мѣста самыя дикія, гдѣ рѣка подошла къ горѣ, а гора хотѣла задавить ее и не могла. Рѣка смѣялась надъ горой, вся дрожа голубымъ и серебристымъ смѣхомъ, а гора хмурилась и деревья шумѣли. Иногда огромные дубы бросались съ крутого берега въ воду и топили поникшія изломанныя вѣтви въ бѣгущей и смѣющейся глубинѣ.

Рѣка играетъ струйками — голубыми отъ неба и зелеными отъ земли — и кажется, будто кто то быстро пишетъ на ней непонятныя таинственныя письма. Пишетъ и стираетъ, и опять быстро пишетъ и стираетъ.

О чемъ говорятъ эти письма, никто никогда не прочтетъ, но очевидно они доходятъ до сердца Петра Ильича, по цѣлымъ часамъ слѣдящаго за ними и дѣлають его тихимъ и спокойнымъ, какъ догорающій вечеръ человѣческой жизни.

Лѣсъ, рѣка, поля, небо и земля даютъ ему нѣчто, чего не дала ему пьяная, убогая жизнь и что наполняетъ его душу до низайшихъ глубинъ. И видъ стараго пѣвчаго во время такихъ хожденій торжественно задумчивъ и важенъ.

Возвращаясь и встрѣчая кого нибудь изъ немногихъ знакомыхъ, онъ что то рассказываетъ, съ важнымъ видомъ стремясь передать то, чего передать не можетъ. И всегда почему то заканчиваетъ одной и той же фразой:

— И зимой... тамъ прекрасно!.. Тишина-а... снѣжинки зыблются зыблются... снѣжки поютъ!..

Голосъ его переходитъ въ высокій теноръ и таетъ въ воздухѣ, и чувствуется, что этотъ человѣкъ, несмотря на все свое убожество, умѣетъ какъ то особенно воспринять самую тонину красоты жизни, и когда освободится отъ работы за кусокъ хлѣба, отъ водки и болѣзней, то наполняетъ свою жизнь такъ хорошо и полно, что душа его становится счастливой.

XLIV.

— Осень... Уже осень... Потомъ будетъ зима, снѣгъ... Потомъ весна, лѣто, опять осень... зима, весна, лѣто.... Тоска! А что буду дѣлать въ то время я? То же, что и теперь! — съ тоской усмѣхнулся Юрій. — Въ лучшемъ случаѣ, отупѣю и вовсе не буду думать ни о чемъ! А тамъ старость и смерть!

Опять черезъ его голову безконечной чередой пошли мысли: и о томъ, что жизнь прошла отъ него въ сторонѣ, и о томъ, что нѣтъ вовсе никакой особенной жизни, а всякая жизнь, даже жизнь героевъ, полна скуки, томительныхъ періодовъ подготовки и базрадстныхъ концовъ. Вспомнилъ онъ, что всегда жилъ въ ожиданіи начала чего-то новаго, глядя на то, что дѣлалось въ эту минуту, какъ на временное; а это временное вытягивалось точно гусеница, разворачивало все новыя и новыя колѣнца и уже становилось видно, что блѣдный хвостъ этой гусеницы скрывается въ старости и смерти.

— Подвига, подвига! — съ тоской сжалъ руки Юрій. — Чтобы сразу сгорѣть и исчезнуть, безъ страха и томленія! Только въ этомъ и жизнь.

Тысячи подвиговъ, одинъ героичнѣе другого, нарисовались передъ нимъ, но каждый взглянулъ ему въ лицо черепомъ смерти. Юрій закрылъ глаза и совершенно ясно увидѣлъ блѣдненькое петербургское утро, мокрыя кирпичныя стѣны, висѣлицу, блѣднымъ силуэтомъ влившую въ мутное сѣрое небо... Или чье нибудь озвѣрѣлое лицо, дуло револьвера у виска, ужасъ, котораго нельзя, кажется, перенести и который надо пережить, ударъ выстрѣла прямо въ лицо... Или нагайки бьютъ по лицу, по спинѣ... и по оголенному задку...

— И на это надо идти?.. Съ этимъ уже не считается? — сказалъ себѣ Юрій и тоскливо махнулъ рукой.

Подвиги поблѣднѣли, куда-то ушли и растаяли, а на мѣстѣ ихъ выглянуло глумливое лицо собственнаго безсилія и сознанія, что всѣ эти мечты о подвигахъ — дѣтская забава.

— Съ какой стати я принесу свое я на поруганіе и смерть, для того, чтобы рабочіе тридцать второго столѣтія не испытывали недостатка въ пищѣ и половой любви!.. Да чортъ съ ними, со всѣми рабочими и нерабочими всего міра!..

И опять Юрій почувствовалъ приливъ безсильной злобы, беспредметной и мучительной для него самого. Неодолимая потребность что то сбросить, встряхнуться, овладѣла имъ. Но невидимые когти держали крѣпко, и вползающее чувство окончательной усталости стало подступать къ мозгу и сердцу, наполняя живое тѣло мертвой апатіей.

— Хотъ бы убилъ меня кто нибудь... — вяло подумалъ Юрій. — Неожиданно, сзади, чтобы я и не замѣтилъ своей смерти... Тѣфу, какія глупости лѣзутъ въ голову!.. И почему непременно кто-нибудь, а не я самъ? Неужели я дѣйствительно такое ничтожество, что у меня не хватитъ силы покончить съ собой даже при полномъ сознаніи, что жизнь составляетъ только одни мученія?.. Вѣдь, все равно, умирать рано или поздно придется?.. Что жъ это, копѣечный расчетъ?

Но тутъ Юрій мысленно какъ бы пригнулъ себя къ землѣ и, скрививъ лицо, посмотрѣлъ на себя сверху, съ презрѣніемъ и болѣзненной насмѣшкой.

— Нѣтъ, шалишь, братъ, дудки! Ты только подумай мастеръ, а какъ дойдетъ до дѣла... Куда ужъ тутъ!

Маленькій холодокъ у сердца, любопытный и трусливый, почувствовалъ Юрій.

— А попробовать?.. Такъ, не серьезно... въ шутку!.. Не то, чтобы... а такъ... все таки любопытно!.. — какъ бы извиняясь передъ кѣмъ-то, сказалъ онъ себѣ.

Было очень трудно и стыдно достать револьверъ изъ ящика стола и пугала нелѣпая мысль, какъ бы сегодня вечеромъ на бульварѣ не узнали, не догадались Дубова, Шафровъ, Санинъ и больше всего Карсавина, какіе дѣтскіе опыты надъ собой производить онъ.

Воровски сунувъ револьверъ въ карманъ, Юрій вышелъ на крыльцо въ садъ. На ступенькахъ тоже лежали сухіе, желтые, какъ трупы, листья. Юрій пошевелилъ ихъ носкомъ, прислушался къ слабому шороху и сталъ насвистывать долгую и печальную мелодію.

— Что затянулъ? — шутя спросила Ляля, съ книгой и зонтикомъ проходя изъ сада въ домъ. Она ходила къ рѣкѣ на свиданіе съ Рязанцевымъ и возвращалась свѣжая и счастливая отъ поцѣлуевъ. Имъ никто не мѣшалъ видѣться, гдѣ и когда угодно, но въ тайнѣ, въ пустотѣ и молчаніи заглохшаго сада, было что-то острое, отчего поцѣлуи были судорожныѣ и уже трогали въ Лялѣ новыя желанія.

— Точно молодость свою хоронишь! — прибавила она, проходя.

— Глупости, — сердито возразилъ Юрій и съ этого момента почувствовалъ приближеніе чего-то, сильнѣе его самого.

Какъ животное въ предсмертной тоскѣ онъ сталъ томиться и искать себѣ мѣста. Во дворѣ его не было, тамъ все раздражало, и Юрій пошелъ къ рѣкѣ, по которой плавали желтые листья и паутина, сбросилъ въ воду сухую вѣтку и долго смотрѣлъ, какъ расходились отъ нея мелкіе быстрые круги и вздрагивали плавающіе листья. Потомъ опять пошелъ къ дому, гдѣ послѣдніе красные цвѣты, краснымъ трауромъ, одиноко и печально высились посреди помятыхъ и пожелтѣлыхъ клумбъ. Юрій постоялъ надъ ними и опять ушелъ въ середину сада.

Тамъ уже все было желто, и вѣтки бархатно чернѣлись въ кружевѣ золотыхъ листьевъ. Было только одно зеленое дерево — дубъ, важно хранившій свои рѣзвые листья. На скамейкѣ, подъ дубомъ, сидѣлъ и грѣлся на солнышкѣ большой рыжій котъ.

Юрій грустно и нѣжно сталъ гладить пушистую спинку и почувствовалъ, что слезы подступаютъ къ горлу.

— Пропала вся жизнь, пропала вся жизнь... — машинально повторилъ онъ слова, казавшіяся ему безсмысленными, но трогавшія за самое сердце, точно тоненькимъ остриемъ подрѣзывая его.

— Но вѣдь это все вадорь!.. У меня вся жизнь впереди... Мнѣ еще двадцать шесть лѣтъ! — мысленно крикнулъ онъ, на секунду вдругъ освобождаясь отъ тумана, въ которомъ бился, какъ муха въ паутинѣ.

— Охъ, не въ томъ дѣло, что двадцать шесть лѣтъ, и не въ томъ дѣло, что вся жизнь впереди!.. — махнулъ онъ рукой. А въ чемъ?..

Неожиданно всплыла мысль о Карсавиной, о томъ, что послѣ вчерашней омерзительно позорной сцены, невозможно встрѣтиться съ ней, а не встрѣтиться нельзя. Представилась встрѣча, стыдъ ошеломляюще наполнилъ и сердце и голову, и мелькнула мысль, что лучше умереть, чѣмъ это.

Котъ выгнулъ спинку и умильно замурлыкалъ, точно самоваръ завелъ пѣсню. Юрій внимательно поглядѣлъ на него и сталъ ходить взадъ и впередъ.

— Жизнь заѣла... скучно, скверно... А впрочемъ, не знаю что... Но лучше смерть, чѣмъ увидѣться съ ней.

Показалось, что уже она навсегда ушла изъ сей жизни.

Было одно мгновеніе захватывающаго яркаго движенія, близости женщины... А теперьшла и никогда не будетъ.

И вдругъ ясно увидѣлъ Юрій блѣдный, холодный день будущей жизни своей. Ни свѣта, ни тьмы: пусто, блѣдно и медленно, медленно!..

— Лучше смерть!

Прошелъ, тяжело шагая, кучеръ съ ведромъ воды. И въ ведрѣ плавали мертвые желтые листья. На крыльцо дома, видное сквозь вѣтки, вышла горничная и смотрѣла на Юрія, что то говоря. Юрій долго не могъ понять, что она говоритъ ему. Между нимъ и всѣмъ, что его окружало, стала таять и рваться связь. И съ каждымъ мгновеніемъ онъ незамѣтно становился все дальше и дальше, уходя отъ всего міра въ темную глубину своего одинокаго духа.

— Ахъ, да, хорошо... — сказалъ онъ, наконецъ, разобравъ, что горничная зоветъ его обѣдать.

— Обѣдать? — испуганно спросилъ онъ себя: — идти обѣдать!.. значитъ, все по старому, и опять жить, мучиться, опять надо рѣшать, какъ быть съ Карсавиной, съ моими мыслями, со всѣмъ?.. Надо скорѣе... а то надо идти обѣдать, и я не успѣю!

Странная торопливость охватила его, а дрожь стала бить все тѣло, тонко проникая во всѣ суставы, въ руки, ноги, въ грудь. Горничная заложивъ руки подъ бѣлый фартукъ, стоя-

ла на крыльцѣ и не уходила, видимо стараясь надышаться осеннимъ воздухомъ сада.

Юрій воровато зашелъ за дубъ, чтобы не видно было его съ крыльца, и выглядывая на горничную, — не замѣтитъ ли она, — какъ то очень быстро и неожиданно выстрѣлили себѣ въ грудь.

— Осѣтка! радостно мелькнуло у него въ головѣ, вмѣстѣ съ мгновеннымъ, мучительнымъ желаніемъ жить и страхомъ умереть. Но уже онъ видѣлъ передъ собой верхушку дуба, голубое небо и посреди него куда то прыгающаго желтаго кота.

Горничная съ крикомъ метнулась въ домъ и, какъ показалось Юрію, возлѣ него сейчасъ же очутилось множество людей. Кто то лилъ ему на голову холодную воду и на лбу у него прилипъ желтый листъ, очень мѣшавшій ему. Встревоженные голоса зазвучали вокругъ, кто то плакалъ и кричалъ:

— Юра, Юра... зачѣмъ!

— Это Ляля плачетъ, — подумалъ Юрій и въ ту же минуту раскрылъ глаза и въ дикомъ животномъ отчаяніи сталъ биться и кричать:

— Доктора... позовите скорѣе!...

Но съ невѣроятнымъ ужасомъ понялъ, что уже все кончено и ничто не поможетъ. Листья, лежавшіе у него на лбу, быстро отяжелѣли и сдавили голову. Юрій вытянулъ шею, чтобы изъ за нихъ увидѣть еще хоть что нибудь, но листья еще быстрѣе разрослись во всѣ стороны и покрыли все.

И Юрій уже не сознавалъ, что произошло въ немъ.

XLV.

И тѣ, кто зналъ, и тѣ, кто не зналъ, и тѣ кто его любили, и тѣ, кто презирали, и тѣ, кто никогда о немъ не думали, всѣ пожалѣли Юрія Сварожича, когда онъ умеръ.

Никто не могъ понять, почему онъ слѣлалъ это, но во всемъ казалось, что они понимаютъ и въ глубинѣ души раздѣляютъ его мысли. Самобійство казалось красивымъ, а красота вызывала слезы, цвѣты и хорошія слова.

На похоронахъ не было родныхъ, потому что отца Сварожича хватилъ ударъ, а Ляля не отходила отъ него. Былъ одинъ Рязанцевъ, который и распоряжался похоронами. И еще грустнѣе становилось провожающимъ при видѣ одиночества покойника, и еще выше, печальнѣе и значительнѣе выросталъ его образъ.

Ему принесли множество осеннихъ, красивыхъ безъ запаха, цвѣтовъ, и среди ихъ красныхъ, бѣлыхъ и зеленыхъ сплетеній лицо мертваго Юрія, не сохранившее слѣдовъ ни сдинаго изъ пережитыхъ чувствъ и дѣлъ, казалось дѣйствительно, успокоеннымъ.

Когда гробъ проносили мимо квартиры Дубовой и Карсавиной, обѣ они вышли и присоединились къ провожающимъ. У Карсавиной былъ безпомощно подавленный видъ, какъ у дѣвушки, ведомой на поруганіе и позорную казнь. Хотя она знала, что Юрію осталось неизвѣстнымъ все, что съ ней случилось, ей все казалось, что между его смертью и «тѣмъ» есть какая-то связь, навсегда остающаяся тайной. Великое бремя непонятной вины она взвалила себѣ на шею и чувствовала себя самой несчастной и преступной во всемъ мірѣ. Всю ночь она проплакала, мысленно обнимая и лаская образъ навсегда ушедшаго человѣка, а къ утру была полна безысходной любви къ Сварожичу и ненависти къ Санину.

Безобразнымъ сномъ представлялось ей ихъ случайное сближеніе и еще безобразнѣе слѣдующій день. Все, что говорилъ ей Санинъ и во что инстинктивно она повѣрила, показалось ей гнусностью и собственнымъ паденіемъ въ такую пропасть, изъ которой уже не будетъ возврата. Когда Санинъ подошелъ къ ней, она взглянула на него глазами, полными отвращенія и испуга, и сейчасъ же отвернулась.

Мимолетное ощущеніе ея холодныхъ пальцевъ въ рукѣ, поданной для крѣпкаго мужескаго пожатія, передало Санину все, что она теперь чувствовала и думала, и онъ самъ почувствовалъ себя уже навсегда чужимъ ей. Онъ скривилъ губы, подумалъ и отошелъ къ Иванову, который раздумчиво глядѣлся позади всѣхъ, уныло свѣсивъ свои желтые прямые волосы.

— Вонъ, какъ Петръ Ильичъ старается! — задумчиво сказали Санинъ.

Далеко впереди, за колыхающейся крышкой гроба, высоко забирали похоронные печальные голоса, и октава Петра Ильича ясно и грустно дрожала и тянулась въ воздухѣ.

— Удивительное дѣло, — заговорилъ Ивановъ: — вѣдь слякоть былъ человѣкъ, а... вишь ты что!

— Я думаю, другъ, — отвѣтилъ Санинъ: — что онъ за три секунды до выстрѣла еще не зналъ, что застрѣлится... Какъ жить, такъ и умеръ.

— Такое дѣло!.. Значить, все-таки точку свою нашелъ

человѣкъ! — непонятно сказали Ивановъ и вдругъ встряхнулъ своими желтыми волосами и повеселѣлъ, очевидно поймавъ что то, что одному ему было понятно и его одного могло успокоить.

На кладбищѣ была уже совсѣмъ осень, и деревья казались осыпанными золотымъ и краснымъ дождемъ. Только трава мѣстами зеленѣла подъ слоемъ листьевъ, а на дорожкахъ вѣтеръ смелъ ихъ густою массой, и казалось, что по всему кладбищу текутъ желтые ручейки. Бѣлѣли кресты, мягко чернѣли и сѣрѣли мраморные памятники, и золотились рѣшетки, а между безмолвныхъ могилъ чудилось чье-то невидимое, но грустное присутствіе, точно только что, передъ приходомъ возмущившихъ покой людей, кто-то печальный ходилъ по дорожкамъ, сидѣлъ на могилахъ и грустилъ безъ слезъ и надежды.

Черная земля приняла Юрія и зарылась, а надъ ямой еще долго толпились люди, съ жуткимъ, вопрошающимъ любопытствомъ заглядывая въ черную тьму своей участи и распѣвая жалобныя пѣсни.

Въ тотъ страшный моментъ, когда не стало видно крышки и между живыми и мертвымъ навсегда легла вѣчная земля, Карсавина громко зарыдала, и высокій женскій голосъ въ рыданіи поднялся надъ тихимъ кладбищемъ и замолчавшими въ тайной грусти и тревогѣ людьми.

Она уже не думала о томъ, что люди узнаютъ ея тайну. И всѣ догадались о ней, но такъ былъ очевиденъ ужасъ смерти, навсегда оборвавшей связь между плачущей прекрасной молодой женщиной, хотѣвшей отдать ему всю жизньъ, всю молодость и красоту, и мертвецомъ, ушедшимъ въ землю, что никто черной мыслью не оскорбилъ раскрытой души женской, и только ниже наклонились головы въ безсознательномъ уваженіи и жалости.

Карсавину увели, и рыданія ея, переходя въ тихій и безнадежный плачь, затихли гдѣ то вдали. Надъ ямой выросъ продолговатый земляной бугоръ, зловѣще напоминавшій скрытое имъ человѣческое тѣло, и сверху стали быстро и ровно укладывать зеленую ель.

Тогда засуетился Шафровъ.

— Господа, надо бы рѣчь... Господа что жъ такъ? — дѣловито и вмѣстѣ съ тѣмъ жалобно говорилъ онъ то тому, то другому.

— Санина попросите, ехидно предложилъ Ивановъ.

Шафровъ удивленно взглянулъ на него, но лицо Иванова было невозмутимо, и онъ повѣрилъ.

— Санинъ, Санинъ... гдѣ Санинъ, господа? — заторопился онъ, высматривая близорукими глазами. — А!.. Владиміръ Петровичъ... Скажите вы нѣсколько словъ.. Что жъ такъ!

— Сами скажите, — сумрачно отвѣтилъ Санинъ, прислушиваясь къ замолкшему голосу Карсавиной.

Этотъ высокий, богатый и въ рыданіи, голосъ все еще чудился ему въ воздухѣ.

— Если бы я могъ сказать, то конечно бы сказалъ... Вѣдь это былъ, въ сущности говоря, замѣчательный человѣкъ!.. Ну, пожалуйста... два слова!

Санинъ въ упоръ посмотрѣлъ на него и съ досадой сказалъ:

— Что тутъ говорить?.. Однимъ дуракомъ на свѣтѣ меньше стало, вотъ и все!

Рѣзкій громкій голосъ его прозвучалъ съ неожиданной силой и отчетливостью. И сначала всѣ какъ будто застыли, но въ ту же секунду, когда многіе еще не успѣли рѣшить, услышать имъ или нѣтъ, Дубова рвущимся голосомъ крикнула:

— Это подло!

— Почему? — вздернувъ плечами спросилъ Санинъ.

Дубова хотѣла что то крикнуть и потрясти рукой, но ее окружили какія то барышни. Всѣ зашевелились, задвигались. Раздались несмѣлые, но возмущенные голоса, замелькали красныя возбужденныя лица и, какъ будто вѣтеръ пахнулъ въ кучу сухихъ листьевъ, толпа быстро метнулась прочь. Шафровъ куда то побѣжалъ, потомъ вернулся. Въ отдѣльной кучкѣ возмущенно размахивалъ руками Рязанцевъ.

Санинъ не внимательно посмотрѣлъ въ чье-то негодующее лицо въ очкахъ, затѣмъ то очутившееся у него подъ носомъ, но совершенно безмолвное, и повернулся къ Иванову.

Ивановъ смотрѣлъ неопредѣленно. Натравливая Шафрова на Санина, онъ отчасти предчувствовалъ какой нибудь инцидентъ, но не то, что произошло. Съ одной стороны вся эта исторія восхитила его своей рѣзкостью, съ другой стороны чего то стало жутко и непріятно. Онъ не зналъ, что сказать и неопредѣленно смотрѣлъ поверхъ крестовъ въ далекое поле.

— Дурачье, — съ искренней тоской сказалъ Санинъ.

Тогда Ивановъ устыдился, что могъ колебаться надъ чѣмъ бы то ни было, и притворяясь невозмутимымъ, поставилъ сзади себя палку, оперся на нее и сказалъ:

— Чортъ съ ними. Пойдемъ отсель!

— Что жъ, пойдемъ...

Они прошли мимо враждебно смотрѣвшаго на нихъ Рязанцева и кучки бывшихъ съ нимъ, и пошли къ выходу. Но еще издали Санинъ замѣтилъ группу малознакомой ему молодежи, столпившейся, какъ бараны, головы внутрь. Въ центрѣ Шафровъ суетливо размахивалъ руками и говорилъ, но при видѣ Санина замолчалъ. Всѣ лица повернулись къ нему и на всѣхъ было странное выраженіе: смѣси благороднаго возмущенія, робости и любопытства.

— Это противъ тебя злоумышленіе! — сказалъ Ивановъ.

Санинъ вдругъ нахмурился, и Ивановъ даже удивился, увидѣвъ выраженіе его лица. А когда изъ группы студентовъ и двѣицъ, не то съ испуганными, не то съ восхищенными розовыми личиками, выдѣлился Шафровъ и весь красный, какъ буракъ, щуря близорукіе глаза, направился къ Санину, тотъ остановился въ такомъ поворотѣ, точно хотѣлъ ударить перваго попавшагося.

Шафровъ, должно быть, подумалъ именно такъ, потому что остановился дальше, чѣмъ нужно, и поблѣднѣлъ. Студенты и барышни, точно маленькое стадо за козломъ, столпилось за нимъ.

— Чего вамъ еще? — не громко спросилъ Санинъ.

— Намъ ничего... — смѣшавшись, отвѣтилъ Шафровъ: — но мы хотѣли отъ всей группы товарищей выразить вамъ свое порицаніе и...

— Очень мнѣ нужно ваше порицаніе! сквозь зубы и съ недобрымъ выраженіемъ возразилъ Санинъ: — вы меня просили, чтобы я сказалъ что-нибудь о покойномъ Сварожичѣ, а когда я сказалъ то, что думалъ, вы выражаете мнѣ свое негодование?.. Ладно!.. Если бы вы не были глупыми, сантиментальными мальчишками, я бы сказалъ вамъ, что я правъ, и Сварожичъ дѣйствительно жилъ глупо, мучилъ себя по пустякамъ и умеръ дурацкой смертю, но вы... а вы мнѣ просто надоѣли своей тупостью и глупостью, и подите вы всѣ къ чорту! Трогаю я васъ?.. Маршъ!

И Санинъ пошелъ прямо, разрѣзавъ заслонившихъ ему дорогу.

— Вы не толкайтесь, пожалуйста! — тоненькимъ голосомъ зъ которымъ было что-то пѣтушиное, запротестовалъ Шафровъ, красный до слезъ.

— Это безобразіе! — началъ кто-то, но не кончилъ.

Санинъ и Ивановъ вышли на улицу и довольно долго молчали.

— Ты-жъ чего людей пугаешь! — заговорилъ Ивановъ: — зловредный ты человекъ опосля этого!

— Если бы тебѣ всю жизнь такъ упорно лѣзли подъ ноги эти вольнолюбивые молодые люди, — серьезно отвѣтилъ Санинъ: такъ ты бы и не такъ ихъ пугнулъ!.. А впрочемъ, чортъ съ ними!

— Ну не, плачь, другъ! — не то серьезно, не то шутя возразилъ Ивановъ, — знаешь что... Пойдемъ-ка мы купимъ пивка и помянемъ раба Божія Юрія! А?...

— Что-жъ, пожалуй! — равнодушно отвѣтилъ Санинъ.

— Пока прѣйдемъ, всѣ разойдутся, — оживленно заговорилъ Ивановъ: — мы у него на могилкѣ и выпьемъ... И покойнику почетъ, и намъ удовольствіе!

— Такъ.

Когда они вернулись на кладбище, тамъ уже никого не было. Кресты и памятники стояли точно въ ожиданіи, неподвижно придавивъ желтѣющую землю. Ни одного живого существа не было видно и слышно, и только, шурша опавшей листвою, проползла черезъ дорожку склѣзкая, черная змѣя.

— Ишь, ты, гадина! — вздрогнувъ, замѣтилъ Ивановъ.

У свѣжей могилы Юрія, на которой пахло взрытой холодной землей, гнилью старыхъ гробовъ и зеленой елкой, они вывалили на траву груду тяжелыхъ пивныхъ бутылокъ.

XLVI.

— А знаешь, что... — сказалъ Санинъ, когда черезъ часъ или два они вышли на темную сумеречную улицу.

— Что?

— Проводи меня на вокзалъ, да и поѣду я отсюда. Ивановъ остановился.

— Чего ради?

— Скучно мнѣ тутъ...

— Испужался, что ли?

— Чего? Хочется уѣхать и все тутъ.

— Зачѣмъ?

— Другъ, не задавай глупыхъ вопросовъ! Хочется, только и всего... Пока людей не знаешь, все кажется, что они дадутъ что нибудь... Были тутъ интересные люди... Карсавина казалась новой, Семеновъ умиралъ, Лида какъ будто могла пойти не обычной дорогой... А теперь скучно.

Надоѣли всѣ. Или тебѣ этою недостаточно? Понимаешь, я вытерпѣлъ этихъ людей, сколько могъ терпѣть... больше не могу.

Ивановъ долго смотрѣлъ на него.

— Ну, пойдѣмъ... — сказалъ онъ. — А съ родными попрощаться?

— А ну ихъ... они-то и надоѣли мнѣ больше всѣхъ.

— Да вещи возмешь же?

— У меня ихъ немного... Ты иди въ садъ, а я пойду въ комнаты и подамъ тебѣ чемоданъ въ окно. А то увидятъ, пристанутъ съ распросами, а что я имъ скажу такого, что бы ихъ утѣшило?

— Та-акъ... — протянулъ Ивановъ и на минуту потупился, потомъ махнулъ рукой. — Очень это для меня прискорбно, другъ... ну да, что ужъ тамъ!

— Поѣдемъ со мной.

— Куда?

— Да все равно куда. Тамъ видно будетъ.

— Да у меня и денегъ нѣтъ.

— И у меня нѣтъ, — засмѣялся Санинъ.

— Нѣтъ, ужъ ступай самъ... Съ пятнадцатаго у меня и занятія начинаются. Такъ-то спокойнѣе!

Санинъ молча посмотрѣлъ ему прямо въ глаза, и такъ же прямо посмотрѣлъ на него Ивановъ. И вдругъ ему стало чего-то неловко и онъ съежился, точно въ зеркалѣ увидѣлъ отраженіе свое гнуснымъ. Санинъ отвернулся.

Они пошли черезъ дворъ. Санинъ вошелъ въ домъ, а Ивановъ въ потемнѣвшій сумеречный садъ, гдѣ грустно встрѣтили его тѣни осенняго вечера и запахъ тихаго тлѣнія. По травѣ и кустамъ, шелестя листьями и хрустя сухими вѣтками, Ивановъ подошелъ къ окну въ комнату Санина. Оно было открыто и темно.

А Санинъ тихо прошелъ черезъ залъ и остановился противъ балконной двери, услышавъ знакомые голоса.

— Чего же ты отъ меня хочешь? — слышался съ балкона голосъ Лиды, и Санина поразили его тусклыя измученныя нотки,

— Я ничего не хочу, — отвѣтилъ Новиковъ, и очевидно противъ воли голосъ его звучалъ ворчливо и надоѣливо: — мнѣ только странно, что ты смотришь такъ, будто приносишь для меня жертву... Я вѣдь...

— Ну, хорошо... — сорвался голосъ Лиды, и хрустальные звуки близкихъ слезъ неожиданно зазвучали въ суме-

речной тишинѣ вечера: — не я... ты приносишь жертву... ты... Я знаю!.. Чего же еще нужно отъ меня?

Новиковъ хмыкнулъ недоумѣвающе и смущенно, но слышно было, что онъ чуть чуть сконфузился и старается скрыть это.

— Такъ ты не можешь меня понять!.. Я тебя люблю и потому это не жертва... Но если ты сама смотришь на наше сближеніе, какъ на жертву съ чьей бы то ни было стороны, то тогда что жъ это за жизнь будетъ у насъ?

Голосъ Новикова окрѣпъ и зазвучалъ убѣдительно и даже обрадованно, точно онъ вдругъ нашелъ настоящее и радъ былъ, что теперь ужъ навѣрное убѣдить Лиду.

— Ты пойми... Мы можемъ жить только при одномъ условіи: именно, что бы ни съ твоей стороны, ни съ моей не было никакой жертвы... Чтонибудь одно: или мы любимъ другъ друга, и тогда наше сближеніе разумно и естественно, или мы не любимъ другъ друга, и тогда...

Лида вдругъ заплакала.

— Чего же ты! — изумленно и раздраженно заговорилъ Новиковъ: — я не понимаю... я кажется не сказалъ ничего оскорбительнаго... Перестань!.. Я имѣлъ въ виду и тебя и себя равно... Это чортъ знаетъ что!.. Да чего же ты плачешь! Ничего сказать нельзя!..

— Я не знаю... не знаю...

Задуманный и жалкій женскій голосъ тоненькой жалобой, безсильной и безсловесной, прозвучалъ невыносимо печально.

Санинъ сморщился и вошелъ съ свою комнату.

— Ну, Лидѣ, пожалуй, конецъ! — подумалъ онъ: — можетъ и лучше сдѣлала бы она, если бы тогда и вправду утопилась!.. А можетъ и перевернется... Не угадаешь!

Ивановъ за окномъ слышалъ, какъ онъ торопливо шарилъ, шелестѣлъ бумагой, что то уронилъ.

— Скоро ты? — нетерпѣливо спросилъ онъ.

Ему стало скучно и жутко стоять подъ темнымъ окномъ, въ блѣдномъ сумракѣ осенней зари, передъ лицомъ темнаго, загадочнаго сада. Шорохъ напомнилъ ему его сонъ.

— Сейчасъ, — отвѣтилъ Санинъ такъ близко отъ окна, что Ивановъ вдрогнулъ. Темнота въ окнѣ заколебалась и изъ нея выдвинулся чемоданъ и бѣлое лицо Санина.

— Держи!

Санинъ легко прыгнулъ на землю и взялъ чемоданъ.

— Ну, идемъ!

Они быстро пошли черезъ садъ.

Тамъ былъ блѣдный сумракъ и тонкій, холодный запахъ холодящей земли. Деревья сильно обнажились, и оттого было черезчуръ пусто и просторно. За рѣкою догорала заря, и вода блестяла одиноко, забытая и заброшенная въ концѣ уже никому ненужнаго сада.

Когда они прошли къ вокзалу, на безконечныхъ черныхъ путяхъ горѣли сигнальные огоньки, и поѣздъ мѣрно пыхтѣлъ локомотивомъ. Вѣгали люди, стучали дверьми, перекликались и ругались грубыми, злыми голосами, точно всеѣмъ было грустно и тяжело, и хотѣлось скрыть свое чувство отъ другихъ подъ нарочитой злостью. Толпа темныхъ и растерянныхъ мужиковъ съ узлами копошилась на платформѣ.

У буфета Санинъ и Ивановъ выпили.

— Ну, счастливаго пути! — грустно сказалъ Ивановъ.

— У меня, другъ, путь всегда одинаковъ, — улыбнулся Санинъ: — я у жизни ничего не прошу, ничего и не жду. А конецъ никогда не бываетъ счастливымъ: старость и смерть, только и всего!

Они вышли на платформу и стали на свободномъ мѣстѣ.

— Ну, прощай!

— Прощай!

И невольно для обоихъ вышло такъ, что они поцѣловались.

Поѣздъ, лязгая и скрежеща, тронулся.

— Эхъ, братъ! Какъ я тебя полюбилъ, какъ полюбилъ! — неожиданно закричалъ Ивановъ: — одного настоящаго человека только и видѣлъ!

— Одинъ ты и полюбилъ! — усмѣхнулся Санинъ.

Онъ вскочилъ на подножку проходящаго вагона.

— Поѣхали, — весело закричалъ онъ: — прощай!

— Прощай!

Быстро побѣжали вагоны мимо Иванова, точно вдругъ сговорившись убѣжать куда-то. Мелькнулъ въ темнотѣ красный фонарь и долго, какъ будто не удаляясь, краснѣлъ въ чернотѣ.

Ивановъ посмотрѣлъ вслѣдъ поѣзду и ему стало грустно и скучно. Уныло брелъ онъ по улицамъ города и смотрѣлъ на его жидкіе, аккуратные огоньки.

— Запить, что ли? — спросилъ онъ себя, и блѣдный, длинный призракъ долгой, безцвѣтной жизни пошелъ съ нимъ въ трактиръ.

Въ духотѣ и тѣснотѣ задыхались вагонные фонари, и среди колеблющихся дымныхъ тѣней и пятенъ тусклаго свѣта копошились измятые, истрепанные люди.

Санинъ сидѣлъ рядомъ съ тремя мужиками. При его входѣ они говорили о чемъ-то и одинъ, плохо видный въ темнотѣ, сказалъ:

— Такъ, говоришь, плохо?

— Чего же плоше, — высокимъ натреснутымъ голосомъ отвѣтилъ старый косматый мужикъ рядомъ съ Санинымъ. — Они свою линію гнутъ, для насъ пропадать не стануть. Говорить можно, что угодно, а когда до шкуры дойдетъ, кто посиленѣе, тотъ и выпьетъ кровь!

— А вы чего-жъ ждете? — спросилъ Санинъ, сразу догадываясь о чемъ идетъ тяжкій и нудный разговоръ.

Старикъ повернулся къ нему и развелъ руками

— А что станешь дѣлать?

Санинъ всталъ и ушелъ на другое мѣсто: онъ зналъ этихъ людей, живущихъ какъ скоты и не истребившихъ до сихъ поръ ни себя, ни другихъ, а продолжающихъ влачить скотское существованіе въ смутной надеждѣ на какое то чудо, котораго имъ не дожидаться и въ ожиданіи котораго умерли уже милліарды имъ подобныхъ.

Ночь шла. Всѣ спали, и только противъ Санина мѣщанинъ въ чуйкѣ злобно ругался съ женою, боязливо отмалчивающейся и только судорожно поведившей испуганными глазами.

— Погоди, дай срокъ, я тебѣ, стерва, докажу! — шипѣлъ, какъ придавленная гадюка, мѣщанинъ.

Санинъ уже задремалъ, когда женщина, болѣзненно охнувъ, разбудила его. Мѣщанинъ проворно отдернулъ руку, но, Санинъ успѣлъ увидѣть, какъ онъ крутилъ пальцами грудь женщины.

— Экая же ты, братецъ, скотина! — сердито сказалъ Санинъ.

Мѣщанинъ испуганно молчалъ, оторопѣло глядя на него маленькими злыми глазами и какъ будто скаля зубы.

Санинъ съ отвращеніемъ посмотрѣлъ на него и ушелъ на площадку. Проходя по вагону, онъ видѣлъ множество, почти навалившихся другъ на друга, людей. Уже свѣтало и въ окно вагона падалъ блѣдный синеватый свѣтъ; причемъ

лица ихъ казались мертвыми, и какія то робкія и печальныя тѣни ходили по нимъ, придавая безсильное и страдальческое выраженіе.

На площадкѣ Санинъ всей грудью вдохнулъ свѣжій разсвѣтный воздухъ.

— Противная штука человѣкъ! — не подумалъ, а почувствовалъ онъ, и ему захотѣлось сейчасъ же, хотъ на время уйти отъ всѣхъ этихъ людей, отъ поѣзда, изъ епертаго воздуха, отъ дыму и грохота.

Заря уже явственно занималась на горизонтѣ. Послѣднія тѣни ночи, блѣдныя и больныя, безслѣдно убѣгали назадъ въ синюю тьму, таявшую въ степи.

Не долго думая, Санинъ сошелъ на подножку поѣзда, и махнувъ рукой на свой пустой чемоданъ, спрыгнулъ на землю.

Съ грохотомъ и свистомъ промелькнулъ мимо поѣздъ, земля выскочила изъ подъ ногъ, и Санинъ упалъ на мокрый песокъ насыпи. Красный задній фонарь былъ уже далеко, когда Санинъ поднялся, смѣясь самъ себѣ.

— И то хорошо! — сказалъ онъ громко, съ наслажденіемъ издавъ свободный, громкій крикъ.

Было широко и просторно. Еще зеленая трава тянулась во всѣ стороны безконечнымъ, гладкимъ полемъ и тонула въ далекихъ утреннихъ туманахъ.

Санинъ дышалъ легко и веселыми глазами смотрѣлъ въ безконечную даль земли, широкими, сильными шагами уходя все дальше и дальше, къ свѣтлому и радостному сіянію зари. И когда степь, пробудившись, вспыхнула зелеными и голубыми далями, одѣлась необъятнымъ куполомъ неба и прямо противъ Санина, искрясь и сверкая, взошло солнце, казалось что Санинъ идетъ ему навстрѣчу.

КОНЕЦЪ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, уважаемые читатели, вы перевернули последнюю страницу одного из нашумевших в свое время романов „запрещенного“ у нас в течение многих десятилетий русского писателя Михаила Петровича Арцыбашева. Что знает о нем нынешнее поколение, особенно послевоенное? Да практически ничего.

В Советском энциклопедическом словаре ему посвящено четыре нечленораздельные строки: „Арцыбашев Мих. Петр. (1878–1927), рус. писатель. Натуралистич. романы, проповедующие аморализм („Санин“, 1907). После 1917 года эмигрировал“.

Мне, человеку, родившемуся за год до смерти писателя, тоже мало что было известно о нем самом и его творчестве. Врезалось лишь в память звучавшее наподобие ругательства слово „арцыбашевщина“, которым „вождь всех времен и народов“ „заклеймил“ уже не помню сейчас в каком из своих „гениальных“ выступлений отдельных представителей „гнилой интеллигенции“. Знакомство же с творчеством Арцыбашева произошло значительно позже, во время долгой журналистской работы за рубежом, а точнее в Италии, когда в руки попал сначала роман „Санин“, опубликованный одним из эмигрантских издательств, а потом уже и другие произведения опального российского писателя. Не хочу лукавить: у меня, как, вероятно, и у вас, осталось некое чувство шока после „Санина“, хотя в журналистском качестве доводилось читать и не такое... Впрочем, реакция первых читателей романа после опубликования его журналом „Современный мир“ в 1907 году была тоже весьма неординарной. И не только в России. „Санина“ перевели на иностранные языки, и против романа за рубежом были возбуж-

дены судебные процессы. В частности, в Германии и Венгрии. Автора обвинили в порнографии. Но порнография ли это? И не буду пересказывать содержание романа – вы его только что прочитали. Талантливо написано? Безусловно. Необычно. Без сомнения. И конечно же непривычно для ортодоксальных моралистов. Чтобы понять Арцыбашева, необходимо увидеть его в рамках того времени, когда он жил и творил. „Декамерон“ Боккаччо тоже, кстати, будет выглядеть аморально, если его оторвать от эпохи Возрождения, ее нравов и обычаев...

Что мы можем добавить к тому, что знаем, а вернее, чего не знаем о М. П. Арцыбашеве? Год рождения 1878-й. Происхождение – дворянское. Отец занимал пост исправника в Харьковской губернии. После пяти классов гимназии Михаил поступил в школу живописи, но писать стал не картины, а повести и рассказы. Печататься начал с шестнадцати лет. Довольно быстро приобрел известность в провинциальных журналах как проповедник культа „могучего и смелого наслаждения жизнью“, обильно сдобренного „сексуальной аморальностью“, которая буквально ошарашивала тогдашних обывателей. „Паша Туманов“, „Кровь“, „Жена“, „Куприян“. Эти и другие ранние произведения быстро приобрели широкую и, что греха таить, скандальную известность. А потом вдруг диаметрально противоположная радостям „половой страсти“ повесть „Смерть Ланде“, опубликованная в 1904 году, где автор переметнулся на позиции явного толстовства. В центре произведения – студент Ланде, не противившийся злу насилием, ненавидевший прелюбодеяние в любом его проявлении. Утверждают, что повесть не понравилась Горькому. Есть там такая сцена: студент встречается в лесу с медведем, который, поглазев на Ланде, „добродушно пошел своей дорогой“. Алексей Максимович якобы заметил не без сарказма: „До того глуп этот Ланде, что его даже медведь не стал есть“. А один из восторженных критиков Арцыбашева (их, кстати, было немало) после публикации повести „Смерть Ланде“ объявил писателя прямым наследником Толстого и Достоевского, поскольку он, дескать, наделен и „гениальностью первого и гениальным дарованием другого“...

И вот, наконец, „Санин“. Год выхода романа в свет – 1907-й. Напомним, что это было время разгрома революции 1905 года. Значительная часть представителей буржуазной интеллигенции, к которой относился и Арцыбашев, разочаровавшись в револю-

ции и утратив к ней былые симпатии, стали искать смысл существования или в „земных удовольствиях“, или же попросту уходить из жизни, кончая расчеты с ней самоубийством. И тот и другой варианты присутствуют в творчестве писателя. „Между человеком и счастьем, — читаем мы в романе „Санин“, — не должно быть ничего, человек должен свободно и бесстрашно отдаваться всем доступным ему наслаждениям“. И, как бы противореча этому оптимистическому, хотя и явно ницшеанскому лозунгу, из-под пера Арцыбашева выходят такие произведения, как „Прапорщик Гололобов“, роман „У последней черты“ (первоначально названный „Клубом самоубийц“), где смерть видится писателю единственным выходом из тупикового человеческого бытия.

Такие же метания из стороны в сторону, мучительные поиски смысла жизни характерны и для драматургии Михаила Арцыбашева. Особенной популярностью пользовались такие его пьесы, как „Война“, „Враги“, „Ревность“. Сам писатель относился к себе, как к драматургу, довольно скептически. Известный русский писатель С. Н. Сергеев-Ценский вспоминает, как Арцыбашев не без юмора сетовал на то, что он никак не может заставить действующих лиц своих пьес выйти из-за стола, за которым они сидят, пьют и разговаривают: „Болтают, черт их поberi, а с места ни за что не могут сойти!..“ Тем не менее пьеса „Ревность“, которую Арцыбашев написал, как утверждают, при помощи актрисы Княжевич, имела огромный успех и принесла ему только за один сезон несколько десятков тысяч рублей — огромные по тем временам деньги. Вместе с актрисой писатель укатил после своего нежданного триумфа в Монако, где и проиграл за неделю в рулетку весь полученный гонорар.

...Да, Михаил Арцыбашев был, вне всякого сомнения, увлекающейся натурой. В воспоминаниях современников он предстает в образе человека невысокого роста, в очках, с бородкой и гладко зачесанными назад волосами, любившего ходить в бархатной толстовке лилового цвета и высоких сапогах. Несмотря на неважное здоровье — писатель страдал туберкулезом почек, — он целыми ночами играл в ресторанах на бильярде, в каком бы городе ни находился. „Другого такого страстного, запойного игрока на бильярде, — вспоминает С. Н. Сергеев-Ценский, — среди писателей того времени не было“. К своему писательскому таланту Арцыбашев относился безо всяких амбиций. „Вот

скоро ислишусь, — говаривал он часто, — и перейду целиком на редакторскую работу”. Популярность любил, хотя добивался ее не всегда праведными путями. Однажды, находясь с женой в Балаклаве, Арцыбашев устроил погром в кассе небольшого театра, уплатив затем 150 рублей убытков — столько, сколько запросила пострадавшая администрация. На следующий день местные газеты вышли с сенсационными заголовками: „Хулиганский поступок Арцыбашева”, „Писатель-хулиган” и так далее. „Всего только полтора ста рублей стоит, — ликовал Арцыбашев, — а сколько написали и в скольких газетах! Ни об одном романе моем, даже о „Санине”, так дружно не писали! Какое однообразие мнений о деятельности писателя Арцыбашева!”

Как вы сами понимаете — это лишь небольшие штрихи к портрету писателя...

Более поздние произведения Арцыбашева — повести „Миллионы” и „Рабочий Шежырев”, роман „У последней черты”, а также публицистические „Записки писателя”, опубликованные уже во время революции, вызвавшие много споров, окончательно определили позиции писателя. Он не понял Октябрьской революции и не принял ее, посчитав советскую власть силой, разрушающей духовную культуру России. Впрочем, если бы сегодня Арцыбашев смог бы увидеть все, особенно в период сталинщины и застоя, он, видимо, не изменил бы своего эмигрантского мнения...

Я привез из долгосрочной журналистской заграникомандировки и роман „Санин”, и некоторые другие мемуары, выпущенные русскими издательствами. До поры до времени они стояли в моем книжном шкафу, спрятанные, по понятным соображениям, от глаз знакомых и особенно друзей. А сегодня впервые на нашем книжном рынке появился забытый роман опального русского писателя. И я этому безмерно рад. Ибо без Михаила Арцыбашева, так же как без Леонида Андреева, Владимира Набокова и многих, многих других, зачеркнутых в мрачное время писательских имен России, нет русской литературы.

ЛЕОНИД КОЛОСОВ, журналист.
Лауреат премии Союза журналистов СССР и „Золотого Меркурия” (Италия)

Михаил Петрович Арцыбашев

САНИН

Ответственный за выпуск

Л. Колосов

Художник

Ф. Барбышев

Подписано к печати 16.03.90.

Формат 60х84/16. Бумага писчая. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 19,89 Уч.-изд. л. 18,3 Усл. кр.-отт. 20,0 Тираж 100 000 экз. Заказ 108

Цена 10 руб.

5-25

Совместное советско-западногерманское предприятие „Вся Москва”,
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.

ПП „Чертановская типография” МГПО 113545, Москва, Варшавское шоссе, 129а.

ББК 84 (0) 6
А 88

Арцыбашев Михаил

А 88 Санин: Роман. — М: СП „Вся Москва”, 1990 — 320 с.

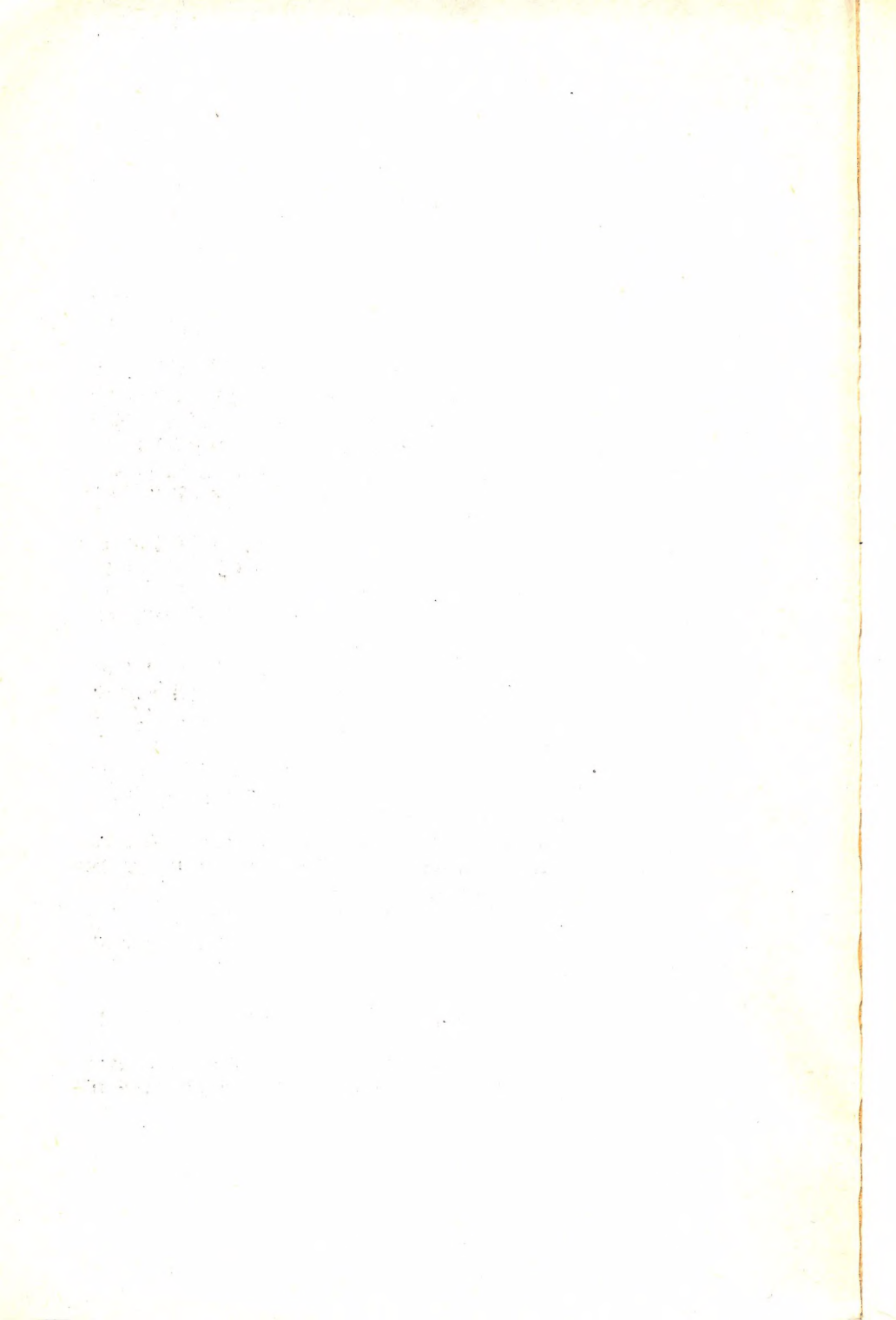
„Санин” — один из наиболее шумевших в России и за рубежом „аморальных” романов Михаила Арцыбашева, написанных им в 1907 году. Напомним, что это было время разгрома первой русской революции, когда значительная часть буржуазной интеллигенции, разочаровавшись в ней, стала искать смысл в „земных удовольствиях”.

ББК 84 (0) 6

ISBN 5-7110-0090-X

Издано при участии ДО „Наука”

© СП „Вся Москва”, 1990

М.АРЦЫБАШЕВ

САНИН

M. APRIL

1871

1872

1873

1874

1875

1876

1877

1878

1879

1880

1881

1882

1883

1884

1885

1886

1887

1888

1889

1890

1891

1892

1893

1894

1895

1896

1897

1898

1899

1900

1901

1902

1903

1904

1905

1906

1907

1908

1909

1910

1911

1912

1913

1914

1915

1916

1917

1918

1919

1920

1921

1922

1923

1924

1925

1926

1927

1928

1929

1930

1931

1932

1933

1934

1935

1936

1937

1938

1939

1940

1941

1942

1943

1944

1945

1946

1947

1948

1949

1950

1951

1952

1953

1954

1955

1956

1957

1958

1959

1960

1961

1962

1963

1964

1965

1966

1967

1968

1969

1970

1971

1972

1973

1974

1975

1976

1977

1978

1979

1980

1981

1982

1983

1984

1985

1986

1987

1988

1989

1990

1991

1992

1993

1994

1995

1996

1997

1998

1999

2000

2001

2002

2003

2004

2005

2006

2007

2008

2009

2010

2011

2012

2013

2014

2015

2016

2017

2018

2019

2020

2021

2022

2023

2024

2025

2026

2027

2028

2029

2030

2031

2032

2033

2034

2035

2036

2037

2038

2039

2040

2041

2042

2043

2044

2045

2046

2047

2048

2049

2050

2051

2052

2053

2054

2055

2056

2057

2058

2059

2060

2061

2062

2063

2064

2065

2066

2067

2068

2069

2070

2071

2072

2073

2074

2075

2076

2077

2078

2079

2080

2081

2082

2083

2084

2085

2086

2087

2088

2089

2090

2091

2092

2093

2094

2095

2096

2097

2098

2099

2100

2101

2102

2103

2104

2105

2106

2107

2108

2109

2110

2111

2112

2113

2114

2115

2116

2117

2118

2119

2120

2121

2122

2123

2124

2125

2126

2127

2128

2129

2130

2131

2132

2133

2134

2135

2136

2137

2138

2139

2140

2141

2142

2143

2144

2145

2146

2147

2148

2149

2150

2151

2152

2153

2154

2155

2156

2157

2158

2159

2160

2161

2162

2163

2164

2165

2166

2167

2168

2169

2170

2171

2172

2173

2174

2175

2176

2177

2178

2179

2180

2181

2182

2183

2184

2185

2186

2187

2188

2189

2190

2191

2192

2193

2194

2195

2196

2197

2198

2199

2200

2201

2202

2203